

Г. Б. Голяне Л.

Писма об Англия

т. 2

1866

482
Историческое
описание

ПИСЬМА ОБЪ АНГЛІИ.

9(4) Ан
Б - 687

ЛУИ БЛАНЪ

ПИСЬМА ОБЪ АНГЛІИ

ТОМЪ II.

Переводъ подъ редакціей М. А. Антоновича.

ИЗДАНИЕ

ПЕТ. В. ЩАПОВА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
1866.

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРАГО ТОМА.

1862 годъ.

	Страниц.
LXI. Школы въ Англіи	3
LXII. Какъ война убьетъ войну	10
LXIII. Пушка Армстронга	18
LXIV. Международная выставка 1862 года; пригото- вленія къ ней.	21
LXV. Лондонъ ожидаетъ иностранцевъ	26
LXVI. Международная выставка; церемоніаль открытія выставки.	33
LXVII. Гладстонъ	42
LXVIII. Англичане въ Индіи	49
LXIX. Начало и развитіе англійскаго владычества въ Индіи.	57
LXX. Старая остъ-индская компанія	61
LXXI. Лондонская международная выставка	66
LXXII. Какъ принята въ Англіи мысль о посредниче- ствѣ.	78
LXXIII. Изученіе соціальной науки	83
LXXIV. Французское императорское правительство и Ан- глія въ Мексикѣ	85
LXXV. О томъ же предметѣ	94

II.

	Страниц.
LXXVI. О томъ же предметѣ.	101
LXXVII. Международная выставка: раздача наградъ . . .	111
LXXVIII. Какъ смотрять въ Англіи на американскую войну	115
LXXIX. Лордъ Пальмерстонъ, атакованный Кобденомъ . . .	123
LXXX. Право охоты въ Англіи.	130
LXXXI. Лондонская бѣдность.	139
LXXXII. Церковь и Государство въ Англіи, по поводу вопроса о церковныхъ сборахъ	144
LXXXIII. Вильямъ Роупель.	151
LXXXIV. Побочные дѣти и англійскіе законы	155
LXXXV. Аспромонте; дѣйствіе произведенное въ Англіи этою новостью.	162
LXXXVI. Гарибальди побѣжденный, осуждаемый и возбуж- дающій удивленіе	166
LXXXVII. О томъ же предметѣ	171
LXXXVIII. О томъ же предметѣ	175
LXXXIX. Знаменитый процессъ	179
XC. Драка въ Гайдъ-паркѣ	187
XCI. Предполагаемый бракъ и Уркгартъ	191
XCII. Побѣжденный при Аспромонте и Англичане.	196
XCIII. Сочувствующіе Югу въ Англіи; ихъ крайнее при- страстіе.	201
XCIV. Отношеніе Гладстона и сэра Джона Корнуалля Льюиса къ Американскому вопросу	206
XCV. Солидарность общечеловѣческая, доказанная бѣд- ствіями Ланкашира.	210
XCVI. Кобденъ и право блокады	215
XCVII. Признаніе Юга, оспариваемое Кобденомъ.	220
XCVIII. Кобденъ не боится того, что страшитъ Англи- чанъ.	224
XCIX. Вакантный престолъ; кандидатура принца Аль- фреда.	228
C. Отрывокъ изъ исторіи Мексиканской экспедиціи.	234
CI. Англичане и конфедераты	241

III.

	Страниц.
СII. Кому занять греческій престолъ и общественное мнѣніе.	246
СIII. Избирательная реформа въ перспективѣ.	251
СIV. Выборы въ Англіи до «билля о реформѣ»	258
CV. Выборы въ Англіи послѣ «билля о реформѣ»	262
CVI. «Ticket of leave» мен.	271
CVII. Гароттеры.	278
CVIII. Еще гароттеры	284
CIX. Мода на кулачные бои	287
CX. Низшіе слои общества	295
CXI. Случай въ Ирландіи	302
CXII. Брайтъ въ Бирмингамѣ	308
CXIII. Люди, подозрѣваемые въ умопомѣшательствѣ въ Англіи	315
CXIV. Святки.	323
CXV. Что дѣлать съ преступниками.	327
CXVI. Народъ въ поискахъ за королемъ.	334
CXVII. Брайтъ дѣлаетъ выговоры Англіи.	339
CXVIII. Гласность въ примѣненіи къ благотворительности.	345
CXIX. Право собственности въ Англіи.	348
CXX. Митингъ въ Лондонѣ въ пользу Сѣверныхъ Штатовъ	353
CXXI. О томъ же предметѣ.	358
CXXII. Открытіе парламентской сессіи 1863 года	365
CXXIII. Вопросъ о невольничествѣ и англичане	371
CXXIV. Законъ о бѣдныхъ	377

1862_годъ.

1862 годъ.

LXI.

31-го марта.

ШКОЛЫ ВЪ АНГЛІИ.

Какъ протестанты, англичане обязаны утверждать на перекоръ папистамъ, что религія есть дѣло личнаго убѣжденія, что признаніе авторитета въ области вѣры есть общій источникъ всѣхъ религіозныхъ тиранній, что разумъ человѣческій подвергается опасности совершенно погибнуть тамъ, гдѣ вѣрованія людей фабрикуются небольшимъ числомъ избранныхъ. А между тѣмъ едва ли найдется страна, гдѣ бы такъ мало заботились, какъ въ Англіи, о томъ, чтобы съ помощію опредѣленнаго класса воспитателей овладѣть душею ребенка и дать ей извѣстное направленіе. Въ Англіи воспитаніе есть дѣло не гражданъ а духовенства. Остановите ваше вниманіе на внѣшней обстановкѣ, на духѣ воспитателей, на устройствѣ школъ, на той заботливости, съ какою свѣтское воспитаніе приносится въ жертву воспитанію религіозному, и вы подумаете, что тутъ воспитываются не будущіе члены общества, а будущіе члены какой нибудь конгрегаціи. Англійская школа воспитываетъ не гражданъ, а прозелитовъ. Въ Англіи и недумаютъ о «раздѣленіи церкви и государства»: здѣсь церковь не

ма естественнымъ, что хранители государственнаго кошелька желаютъ знать, на что они его расходуютъ? Не найдете ли вы весьма естественнымъ, чтобы они, дѣлая расходъ столь значительный, сколько нибудь заботились о результатѣ этого расхода? Но не такъ думаютъ объ этомъ директоры школъ, получающихъ вспомошествованіе. Большая часть этихъ директоровъ принадлежитъ къ духовенству. Эти господа находятъ весьма удобнымъ, чтобы государство имъ платило; но они находятъ весьма неудобнымъ, чтобы оно справлялось, дѣлаютъ ли изъ его денегъ употребленіе, полезное для тѣхъ, въ пользу кого оно даетъ ихъ.

И въ чемъ же состояло предложеніе Лоу? Вѣдь онъ ничего болѣе не предлагалъ, какъ только вещь весьма простую, безспорно справедливую,—онъ предлагалъ только, чтобы ученики школъ, получающихъ субсидіи, подвергались періодическимъ экзаменамъ и чтобы выдача этихъ субсидій зависѣла отъ результатовъ этихъ экзаменовъ. Все его предложеніе состояло въ томъ, чтобы государство удерживало третъ изъ той суммы, которую оно выплачиваетъ на каждого ученика, если ученикъ не знаетъ читать,—чтобы оно удерживало другую третъ, если ученикъ не умѣетъ писать, и наконецъ остальную третъ, если онъ не умѣетъ считать, то есть чтобы государство ничего не платило за такого ученика, который не научился ни читать, ни писать, ни считать.

Не правда ли, вѣдь это весьма курьозный фактъ, что правительство признало необходимымъ прибѣгнуть къ подобной мѣрѣ!

Читать, писать, считать,—и только то! скажете вы,—но чему послѣ этого учить въ англійскихъ школахъ, если тамъ не выучиваютъ и этому?

А, вы не понимаете!... Спросите у духовныхъ особъ, завѣдующихъ англійскими школами, — они вамъ скажутъ, что читать, писать, считать—знанія мірскія, которыя имѣютъ въ дѣлѣ воспитанія только второстепенное значеніе, а главное, о чемъ надо заботиться, это—чтобы внушить дѣтямъ любовь къ порядку, приучить ихъ къ дисциплинѣ, однимъ словомъ

дать имъ воспитаніе религіозное. Какъ будто умѣть читать и любить порядокъ противорѣчитъ одно другому! какъ будто нельзя умѣть писать и въ то же время подчиняться дисциплинѣ! какъ будто ариметика и библія—непримиримые враги! Но, впрочемъ, этому не слѣдуетъ очень удивляться: намъ нерѣдко приходится слышать вещи, еще болѣе необыкновенныя. Не удивляйтесь же очень аргументаціи почтенныхъ англійскихъ воспитателей.

И притомъ, чѣмъ же недовольны лордъ Грэнвилль, Лоу, и всѣ революціонеры одного съ ними разряда? Весь этотъ страшный шумъ они подняли изъ-за того только, что бѣдныхъ дѣтей ничему не учать, а между тѣмъ на обученіе ихъ тратятся огромныя суммы; въ подтвержденіе этого они цитируютъ множество фактовъ, выставляютъ цѣлыя шеренги цифръ, такъ напримѣръ они утверждаютъ, что въ Бирмингемскомъ исправительномъ заведеніи на 407 человекъ оказалось 70 неумѣющихъ читать, 178 неумѣющихъ писать, и 252 не имѣли даже никакого понятія о четырехъ правилахъ ариметики. Но что же въ этомъ! Послушайте, что говорятъ на это люди весьма почтенные, которые тщательно изслѣдовали успѣхи учениковъ, послушайте, что говоритъ на это Саймонсъ! Посѣщая школы, онъ убѣдился, что въ числѣ учениковъ нашлось много такихъ, которые превосходно знали, какой длины былъ Ноевъ ковчегъ, какихъ размѣровъ Соломоновъ храмъ, сколько вѣсило копье Голиафа. Правда, — какъ это свидѣлствуетъ самъ же Саймонсъ, — что молодые ученые не имѣли никакого понятія ни объ искупленіи, ни о таинствахъ, ни о притчахъ; но развѣ вы находите недостаточнымъ, чтобъ ученики знали, какой длины былъ Ноевъ ковчегъ? Не важнѣе ли это всего? а умѣть читать, писать, считать,—не пустяки ли все это?

Несомнѣнно, что при теперешней системѣ первоначальное обученіе въ школахъ, получающихъ вспоможеніе отъ государства, далеко не соответствуетъ ни цѣли, какую имѣетъ государство, дѣлая на нихъ расходы, ни самому размѣру этихъ расходовъ. Это неопровержимо доказали сами против-

ники проэкта Лоу тѣмъ своимъ аргументомъ, на который они напирали съ особенною силою.

Директоры школъ, которыхъ касался проэктъ Лоу, имѣли смѣлость прямо утверждать, что если выдача правительственныхъ субсидій будетъ поставлена въ зависимость отъ того, научились ли ученики читать, писать и считать, то большая часть школъ не выдержитъ такого тяжелаго испытанія и погибнетъ; другими словами: требовать отъ школъ, чтобъ онѣ были тѣмъ, чѣмъ должны быть, т. е. школами, значитъ осудить ихъ на смерть. Не правда ли, что это весьма странный аргументъ и весьма странная угроза? Но скажите откровенно гг. директора,—если вы сами признаете, что требовать отъ вашихъ школъ, чтобъ онѣ учили читать, писать и считать, значитъ осудить ихъ на смерть, то такое свидѣтельство съ вашей стороны не есть ли самое убѣдительное доказательство, какое только возможно, что школы ваши дѣйствительно очень дурны и требуютъ исправленія, и что, слѣдовательно, Лоу имѣлъ полное основаніе предложить свой проэктъ? И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь какъ ни важно, чтобы теперешніе ваши ученики, которые завтра будутъ гражданами, знали, какой величины былъ Со.омоновъ храмъ, сколько вѣсило Голіафово копье, но согласитесь, что нельзя же требовать, чтобы государство на распространеніе подобнаго знанія расходовало ежегодно 825,000 фунт. стерл.!

Какъ бы то ни было, но проэктъ Лоу, какъ я уже сказалъ, возбудилъ противъ себя страшную бурю. Послѣдователи Веслея или методисты, которые, не такъ какъ другіе диссиденты, не находятъ предосудительнымъ получать субсидіи отъ правительства и пользуются ими въ широкихъ размѣрахъ, на этотъ разъ встали за одно съ господствующею церковью. Проэктъ Лоу предпола галъ всѣ три вида субсидій, т. е. субсидіи директорамъ, учителямъ и ученикамъ-воспитателямъ, замѣнить одною субсидіею директорамъ, которую бы уже сами директора распредѣляли по своему усмотрѣнію; учителя и ученики-воспитатели нашли это для себя весьма неудобнымъ, въ защиту своихъ мнимыхъ правъ на полученіе субсидій, которая всегда

считалась только временною, они призвали наконецъ теорію пріобрѣтенныхъ правъ и приняли дѣятельное участіе въ общемъ гвалтѣ. Памфлетамъ и петиціямъ не было конца. Повсюду распространялись благочестивыя циркулярныя посланія, которыя созывали подъ знамена всѣхъ вѣрныхъ, указывали, какъ организовать для сопротивленія, какъ вести атаку,—и была минута, когда палатѣ общинъ угрожало нашествіе огромной арміи казенныхъ стипендіатовъ, какъ выразился Осборнъ.

Для либеральныхъ депутатовъ, т. е. для людей неблагочестивыхъ, принятіе или непринятіе проекта Лоу сдѣлалось вопросомъ жизни и смерти,—имъ предстояло выбрать одно изъ двухъ: или подать свой голосъ противъ проекта, или не быть болѣе избранными. Противники реформы не удовольствовались тѣмъ, что поручили защищать свое дѣло въ парламентѣ кроткому, благодушному и наивному Вальполю, — они выпустили на Лоу ирландскаго адвоката Уайтсайда, который исполнилъ порученіе съ истиннымъ краснорѣчіемъ бульдога. Одинъ изъ почтенныхъ джентльменовъ воскликнулъ даже, что проектъ Лоу противенъ нравственности! Противенъ нравственности!... Осыпавъ со всѣхъ сторонъ ударами и угрозами, бѣдный Лоу наконецъ утомился и предложилъ своимъ противникамъ отъ имени правительства «поцѣловаться и покончить на этомъ спорѣ».

Но на этомъ, надѣюсь, не кончится. Отложенное дѣло не значитъ еще проигранное дѣло. Правда, Англія во многихъ отношеніяхъ есть страна предразсудковъ, но до сихъ поръ она, въ концѣ концовъ, всегда оставалась вѣрной здравому смыслу.

Притомъ, прогрессъ вѣдь имѣетъ свою логику. Не только Англія, волей или неволей, а должна будетъ расширить свое свѣтское воспитаніе, но и будетъ вынуждена рано или поздно признать принципъ дароваго и обязательнаго первоначальнаго обученія. Почему же это такъ? спросите вы. А потому, что съ того дня, какъ она совершила свою парламентскую реформу, она вступила на такой путь, который неминуемо ведетъ къ всеобщей подачѣ голосовъ.

Р. S. Прежде чѣмъ закончить это письмо, позвольте сообщить вамъ одинъ фактъ, который произвелъ здѣсь большое впечатлѣніе. Одинъ американецъ, который долго жилъ въ Англіи и составилъ себѣ здѣсь колоссальное состояніе, нѣкто Пибоди, пожертвовалъ въ пользу лондонскихъ бѣдняковъ 150,000 фунт. стерл., т. е. три милліона семь сотъ пятьдесятъ тысячъ франковъ?

LXII.

8-го апрѣля.

КАКЪ ВОЙНА УБЬЕТЪ ВОЙНУ.

Англія — насторожь!

Наши сотрудники, Гебраръ и Лего, сообщили уже вашимъ читателямъ, какое громадное впечатлѣніе произвела въ Англіи битва между Мерримакъ и Мониторомъ; они предупредили меня, они сказали вашимъ читателямъ то, что и я самъ сказалъ бы пять или шесть дней ранѣе, но мнѣ по неволѣ приходится опаздывать съ моими вѣстями: недѣльный корреспондентъ — не лучший вѣстовицъ, чѣмъ черепаха.

Гебраръ и Лего ничего не преувеличили: морская битва въ Гэмптонъ — Подѣ дѣйствительно занимаетъ теперь всѣ умы, — она заслонила собой всѣ другіе вопросы дня.

Этотъ страшный небольшой корабликъ, изумившій міръ, весь одѣтъ въ желѣзо, какъ средневѣковые войны. Зовутъ его — какъ вы знаете — Мониторъ. Имя, не правда ли, весьма миролюбивое. Строитель кораблика, Эрпксонъ, счелъ необходимымъ объяснить, почему далъ ему это имя: онъ сказалъ, что этотъ корабликъ будетъ служить предостереженіемъ для англійскаго адмиралтейства.

Это объясненіе или слишкомъ любезно или слишкомъ гордо. Какъ бы, впрочемъ, мы ни объясня, и этотъ поступокъ Эриксона, во всякомъ случаѣ онъ достигъ своей цѣли, и Англія — насторожѣ! Презрѣніе къ деревяннымъ судамъ стало не только модой, но настоящею маніей. Только въ разговорѣ, что о судахъ, которыя бы дѣйствовали какъ древніе тараны: у всѣхъ только и на умѣ, что плавающія желѣзныя крѣпости. Эти страшные линейные корабли, которые до сихъ поръ составляли гордость Великобританіи и наводили ужасъ на ея враговъ,—эти корабли теперь презрительно сравниваютъ съ индѣйскими челноками, съ китайскими пирогами, и я не знаю съ чѣмъ уже ихъ не сравниваютъ. Въ судьбѣ фрегатовъ, ставшихъ жертвою Мерримака, Англія прочла для себя тотъ урокъ, что деревянное судно не въ состояніи выдержать десяти минутъ боя съ броненоснымъ судномъ, что достаточно одного броненосца, чтобы уничтожить цѣлую эскадру деревянныхъ судовъ.

И въ самомъ дѣлѣ, никогда еще желѣзо не доказывало съ такой трагической очевидностію своего превосходства надъ деревомъ. Если бы знаменитые стрѣлки, низложившіе въ долинахъ Азенкура цвѣтъ французскаго рыцарства, воскресли и вступили въ состязаніе съ полкомъ зуавовъ, то едва ли бы зуавамъ удалось такъ легко совладать съ ними, какъ Мерримакъ совладалъ съ Конгрессомъ и Кумберлендомъ. Достаточно было получасоваго боя, и Конгрессъ былъ разбитъ въ дребезги,—великолѣпное судно превратилось въ безобразную, страшную, отвратительную массу огня и крови. Прошло не болѣе десяти минутъ и такой великолѣпный фрегатъ, какъ Кумберлендъ, не смотря на всю неустранимость его экипажа, былъ превращенъ въ дымящуюся развалину, усыпанную трупами.

И, собственно говоря, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Послушайте, что рассказываетъ одинъ изъ бывшихъ на Конгрессѣ во время боя: «какъ только—говоритъ онъ—приблизились мы къ Мерримаку на выстрѣлъ, сейчасъ же открыли огонь... но наши выстрѣлы производили такое же дѣйствіе, какъ если бы мы стрѣляли въ ледяную гору!»

Трудно сказать, на чемъ бы остановились подвиги Мерримака, если бы не случилось тутъ другое судно такого же рода, еще болѣе страшное, чѣмъ Мерримакъ, хотя и втрое его менѣе? Кто знаетъ, можетъ быть тогда ядра долетѣли бы до самаго Вашингтона, какъ замѣчаетъ корреспондентъ Times, — можетъ быть тогда и президентъ, и министры, и депутаты, всѣ должны были бы бѣжать! Можетъ быть тогда съ одного удара совершенно измѣнился бы весь ходъ войны! Но къ счастью для Сѣвера, у него нашелся свой броненосецъ.

Въ этой борьбѣ между двумя броненосцами и выяснилось главнымъ образомъ неизмѣримое превосходство новыхъ судовъ передъ старыми. Въ прошлую пятницу въ палатѣ общинъ Бентинкъ цитировалъ изъ Scientific American одно мѣсто, въ которомъ рассказывается, что Мерримакъ сдѣлалъ по Монитору тридцать семь выстрѣловъ на дистанціи весьма близкой, всего въ какихъ нибудь сорока футахъ, но всѣ эти выстрѣлы не сдѣлали Монитору ни малѣйшаго вреда. За-мѣйте при томъ, что Мерримакъ стрѣлялъ 180-ти фунтовыми ядрами, т. е. такими, которыя въ три раза тяжеле самыхъ тяжелыхъ, какія когда либо употреблялись въ Англіи (даже для опытовъ). Это безспорный фактъ, что и Мерримакъ и Мониторъ вышли изъ боя, продолжавшагося нѣсколько часовъ, почти невредимыми, и если Мерримакъ вынужденъ былъ наконецъ удалиться, потерявъ капитана и нѣсколько членовъ изъ экипажа, то потому только, что одну доску случайно разорвало бомбой въ самомъ шивѣ брони, а сама броня осталась невредима.

Впрочемъ уязвимы или неуязвимы желѣзные суда, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что это—самыя страшныя орудія разрушенія, какія когда либо существовали: отъ нихъ зависитъ отнынѣ господство надъ морями.

Вотъ почему бой между Мониторомъ и Мерримакомъ такъ сильно взволновалъ Англію. Конечно, употребленіе желѣзныхъ судовъ составляетъ для всѣхъ морскихъ государствъ вопросъ весьма важный, но для Англіи, если не теперь, то въ близкомъ будущемъ это можетъ сдѣлаться вопросомъ жизни и

смерти. Англичане вполне сознають всю справедливость этихъ словъ Уркгарта, которыя я приводилъ уже въ одномъ изъ прежнихъ писемъ: «море—защита Англіи, но въ тоже время оно — ея врагъ, ея опасность: Англія сдѣлается жертвою моря, если только утратить надъ нимъ господство.»

Англичане знаютъ, что жители Нью-Йорка пришли въ восторгъ отъ подвиговъ Монитора, что капитанъ Эриксонъ сталъ героемъ Америки, что американское правительство уже представило билль о постройкѣ броненоснаго судна въ родѣ тарана, которое будетъ стоить миллионъ долларовъ,—они знаютъ, что по ту сторону Атлантическаго океана предполагено употребить тридцать миллионъ долларовъ на постройку желѣзныхъ канонирокъ для защиты морскаго берега отъ Портленда до Чизепикскаго залива,—до нихъ доходятъ возгласы американцевъ: «теперь насталъ конецъ господству Англіи надъ морями».

Вотъ почему теперь по сую сторону Ла-Манша такой единодушный крикъ: «стройте желѣзные суда,—намъ нужны желѣзные суда во что бы ни стало,—нужны сейчасъ же, безотлагательно, —если деревянныя суда нельзя обратить въ броненосныя, то ихъ надо бросить въ печь,—нельзя терять ни минуты: надо строить желѣзные суда!» Напрасно Д. Льюисъ старается успокоить это лихорадочное нетерпѣніе, напрасно напоминаетъ онъ, что на это потребуется дополнительный кредитъ въ 15 миллионъ фунт. стерл.; ему отвѣчаютъ, что теперь не время экономничать, когда идетъ дѣло о господствѣ надъ морями. Напрасно старается онъ доказать, что Мерримакъ и Мониторъ не въ состояніи переплыть Атлантическій океанъ, что ихъ постройка вовсе не приспособлена къ тому, чтобы они могли ходить въ море, что это не *sea-going vessels* и, слѣдовательно, въ настоящую минуту Англіи вовсе не угрожаетъ никакой опасности; ему отвѣчаютъ на это, что можно построить такія броненосныя суда, которыя будутъ способны ходить въ море, а если такія суда можно построить, то ихъ, безъ сомнѣнія, и построятъ, и слѣдовательно, медлить нельзя. Напрасно старается онъ убѣдить,

что наука не замедлитъ изобрѣсть такіе снаряды, которые будутъ пробивать самое толстое желѣзо,—ему возражаютъ на это, что нельзя полагаться на изобрѣтенія, какія наука можетъ сдѣлать завтра, и на этомъ основаніи пренебрегать изобрѣтеніями, какія она сдѣлала сегодня. Однимъ словомъ, общественное мнѣніе Англіи настоятельно, нетерпѣливо требуетъ отъ правительства, повуждаетъ его всѣми средствами, чтобъ оно немедленно, во что бы то ни стало, строило желѣзный флотъ. На дняхъ Times съ ужасомъ воскликнула: «весь нашъ флотъ состоитъ изъ двухъ судовъ!» Она утверждаетъ, что изъ 149 судовъ, составляющихъ военную морскую силу Великобританіи, 147 деревянныхъ, и всѣ эти 147 деревянныхъ судовъ, по ея мнѣнію, теперь ничего не стоятъ. Конечно, Times крайне преувеличиваетъ, но я указываю вамъ на это преувеличеніе потому, что оно весьма характеристично.

Times ссылается на секретаря адмиралтейства, который, назадъ тому шесть мѣсяцевъ, такъ исчислялъ военный флотъ Англіи:

Линейныхъ кораблей 19; фрегатовъ и корветовъ 38; военныхъ шлюнокъ 90; фрегатовъ, обшитыхъ желѣзомъ 2;—всего 149 судовъ.

Но по свѣдѣніямъ, которыя въ прошлый четвергъ сообщилъ палатѣ лордовъ первый лордъ адмиралтейства, герцогъ Сомерсетскій, оказывается, что число желѣзныхъ судовъ Англіи далеко не такъ ничтожно; такъ какъ теперь уже есть десять такихъ судовъ, изъ которыхъ четыре уже спущены въ море, а именно: Warrior, Black-Prince, Defence и Resistance. Кромѣ того адмиралтейство распорядилось уже объ обшивкѣ желѣзомъ двадцати линейныхъ судовъ, которыя предназначаются для защиты береговъ. Въ добавленіе ко всему этому герцогъ Сомерсетскій объявилъ, что адмиралтейство намѣрено безотлагательно приступить къ постройкѣ судна съ куполомъ по проѣкту, который былъ представленъ въ адмиралтейство капитаномъ Кольсомъ еще въ 1855, но по настоящее время не былъ приведенъ въ исполненіе,—что сдѣланы уже опыты, до какой степени этотъ куполъ, который долженъ

служить какъ бы щитомъ, можетъ достигать своего назначенія и какъ велика можетъ быть его сила сопротивленія, и что всѣ опыты удались превосходно. Лордъ Пальмерстонъ также съ своей стороны засвидѣтельствовалъ третьяго дня, что судно, которое намѣреваются строить по системѣ капитана Кольса, признается самымъ лучшимъ для обороны, home defence.

Такого рода свѣдѣнія должны были бы, повидимому, болѣе или менѣе успокоить умы; но общественное мнѣніе приписываетъ такую громадную важность пловучимъ батареямъ новой системы, что не перестаетъ наипрѣтъ со всѣхъ сторонъ на правительство, чтобы оно сосредоточило всѣ свои средства на постройкѣ этихъ батарей. Въ прошлую пятницу Осборнъ формально предлагалъ въ палатѣ общинъ, чтобы «была приостановлена постройка спитгидскихъ фортовъ, пока не будетъ окончательно изслѣдовано, до какой степени желѣзныя канониры годны для обороны гаваней.» А Бентинкъ пошелъ еще далѣе Осборна, онъ предлагалъ дать разрѣшеніе правительству употребить на постройку броненосныхъ судовъ, или на передѣлку деревянныхъ въ броненосныя, всѣ суммы вотируемыя на постройку фортовъ.

Итакъ, не только дерево, но даже и камни потеряли уваженіе, каѣмъ до сихъ поръ пользовались. Тѣ, которые еще держатся мнѣнія, что форты могутъ быть на что нибудь годны, какъ напр. секретарь адмиралтейства лордъ Паджетъ, и тѣ для спасенія своихъ каменныхъ стѣнъ прибѣгаютъ къ желѣзу,—предлагаютъ обшить ихъ желѣзной бронею. «Нашъ очередной вопросъ—побѣда!» говорилъ конвентъ. «Мой очередной вопросъ—желѣзо!» говоритъ Англія, — и къ несчастію то, что говоритъ теперь Англія, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе становится равнозначительнымъ тому, что говорилъ конвентъ.

Лордъ Пальмерстонъ обѣщалъ приостановить работы по сооруженію фортовъ, — онъ не такой человѣкъ, чтобы рѣшился плыть противъ теченія.

Вотъ, милостивый государь, до чего мы дошли.

Орудія разрушенія и убійства... вотъ что всего болѣе

занимаетъ, вотъ о чемъ всего болѣе заботится цивилизованный міръ въ нашъ девятнадцатый вѣкъ. Наука становится слугою этой фантазіи рѣзать другъ друга, которая по временамъ овладѣваетъ нами, какъ будто для того чтобы засвидѣтельствовать, что мы достойные дѣти Каина!

Едва наука успѣваетъ изобрѣсть какой нибудь непроницаемый щитъ для охраненія человѣка отъ насилія, какъ ее сейчасъ же осаждаютъ требованіями изобрѣсть такое орудіе, которое бы превратило этотъ щитъ въ прахъ, — какъ будто бояться, чтобы смерть не лишилась своихъ жертвъ! Не рѣдкость встрѣтить такихъ людей, которые способны вамъ сказать, и даже улыбаясь при этомъ: «такъ и быть должно; гений человѣка еще не сказалъ своего послѣдняго слова; — чѣмъ далѣе будемъ мы подвигаться на пути прогресса, тѣмъ все болѣе и болѣе будетъ расти наша способность убивать другъ друга».

Какая перспектива! Но впрочемъ, не ошибаюсь ли я, не ропщу ли я на то, чему, напротивъ, надо радоваться? И въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе имѣетъ для войны бой Кумберленда съ Мерримакомъ. Правда, — что морское чудовище, жертвою котораго сдѣлался Кумберлендъ, создано человекомъ; но вѣдь оно не потребовало для своей побѣды ни храбрости, ни самоотверженія, ни воинской чести, — вѣдь человекъ, можно сказать, почти совсѣмъ и не причастенъ къ этой побѣдѣ! Какую же славу можетъ нажить воинъ на полѣ битвы, если война превратится въ столкновеніе одной машины съ другой машиной, если мѣсто полководца займетъ инженеръ и побѣда сдѣлается вопросомъ механики! Война все болѣе и болѣе теряетъ свою человѣчность, если можно такъ выразиться, т. е. человѣческая личность все болѣе и болѣе утрачивается значеніе въ военномъ дѣлѣ. И тѣмъ лучше, конечно. Когда на войнѣ инженеръ будетъ все, а солдатъ — ничто, тогда людямъ легче будетъ понять, что инженерная наука должна быть употребляема на что нибудь другое, а не на то, чтобы убивать людей. — тогда исчезаетъ вся поэзія битвъ. Монтень говоритъ: имѣть крѣпкія ноги и крѣпкія

31439

руки, не значитъ быть добродѣтельнымъ; это — не болѣе, какъ такое качество, которое только свидѣтельствуешь, что человѣкъ, обладающій имъ, можетъ быть хорошимъ носильщикомъ; это — качество мертвое, физическое.» Такъ выражается Монтень, говоря о томъ родѣ войны, въ которомъ физическая сила имѣетъ на своей сторонѣ такой перевѣсъ, что для того, чтобъ быть побѣдителемъ, не нужно ни самоотверженія, ни мужества. Какому качеству, спрашиваю я, обязанъ Мерримакъ тѣмъ, что въ десять минутъ, и не подвергая при этомъ себя никакой опасности, уничтожилъ храбрый экипажъ Кумберленда? Качество, которому онъ обязанъ своимъ торжествомъ, не есть ли «качество мертвое и физическое?» Побѣда до сихъ поръ требовала отъ побѣдителя личныхъ добродѣтелей: это о части и скрывало отъ глазъ людей всю гнусность войны; но когда наука окончательно завладѣетъ полемъ битвы, тогда придется проститься съ тѣмъ, что теперь, съ военной точки зрѣнія, признается славой побѣдителя! Можно ли представить себѣ что нибудь менѣе поэтичное, болѣе отвратительное, чѣмъ промышленность, которая разрушаетъ.

Гэмптонъ - Родскій бой представляетъ намъ еще другой урокъ, не менѣе утѣшительный. Мерримакъ и Мониторъ нѣсколько часовъ стрѣляли другъ въ друга и остались невредимы. Если бы не несчастный случай, то очень можетъ быть, что ихъ бой кончился бы тѣмъ, что они выстрѣляли бы всѣ свои снаряды, не проливъ ни одной капли крови. Наука дойдетъ до того, что нейтрализуетъ сама себя, и такимъ образомъ война убѣдетъ войну.

LXIII.

14 апрѣля.

ПУШКА АРМСТРОНГА.

Возблагодаримъ геній прогресса! Жизнь человѣка теперь не въ большей безопасности, чѣмъ въ какой была назадъ тому мѣсяцъ. Наука нападать возвратила себѣ свое законное превосходство надъ наукою обороны. Я вамъ предсказывалъ, что не замедлятъ изобрѣсть такое средство къ разрушенію, противъ котораго будутъ бесплны всѣ Мерримакъ и всѣ Мониторы всего міра! Со времени моего послѣдняго письма цивилизація сдѣлала великій шагъ впередъ; назадъ тому нѣсколько дней люди говорили съ восторгомъ о броненосцѣ, который пробилъ деревянное судно, а теперь уже изобрѣтено орудіе, которое можетъ разбить въ дребезги самого броненосца. Вилліамъ Армстронгъ разсудилъ весьма просто: «чѣмъ больше пороху, тѣмъ лучше. Въ этомъ весь вопросъ. Почему орудія Монитора не могли сдѣлать никакого вреда Мерримаку? Не потому ли, что на зарядъ этихъ орудій употребляется всего только двѣнадцать фунтовъ пороху. Вотъ вамъ орудіе, которое требуетъ на зарядъ сорокъ, пятьдесятъ фунтовъ пороху. Попробуйте.»

И вотъ, герцогъ Кэмбриджскій, герцогъ Сомерсетскій, лордъ Паджетъ, адмиралъ Грей, комондоръ Друммондъ, капитанъ Гэй, однимъ словомъ весь цвѣтъ военного министерства и всѣ славки адмиралтейства, торжественно отправились въ Чебури-несъ, на официальное поле филантропическихъ опытовъ,—передъ жерломъ орудія поставили мишень, которая въ точности изображала собой бока броненосца, того самого, котораго до сихъ поръ считали неязвимымъ, Warrior'a, — подали сигналъ и....

Когда добродушный докторъ Гильотинъ, объясняя учредительному собранію гуманное значеніе машины, которая носитъ

его имя, воскликнулъ въ порывѣ энтузіазма: «съ этой машиной я вамъ сниму голову въ одно мгновеніе!» тогда при этомъ возгласѣ собраніе разсмѣялось. И въ самомъ дѣлѣ ксмична была эта филантропическая идея — снимать голову въ одно мгновеніе, пока еще не успѣла она сдѣлаться столь трагическою, какою стала впослѣдствіи. Но пушка Вилліама Армстронга можетъ снять въ одно мгновеніе и разомъ не одну голову, а сотни головъ, хотя бы ихъ защищала даже желѣзная стѣна. Это не подлежитъ болѣе ни малѣйшему сомнѣнію. Опытъ въ Чебуринесѣ рѣшилъ вопросъ безспорно. Отъ перваго же ядра толстая желѣзная мишень разлетѣлась въдребезги, какъ стекло.

Итакъ цивилизація снова вступила на свой истинный путь, порохъ возвратилъ себѣ свою достославную привиллегію, смерть возвратила себѣ свои права!

Но это еще не есть послѣднее слово. Еще неизвѣстно, можетъ быть наука обороны найдетъ что возразить наукѣ нападенія, можетъ быть механическія изобрѣтенія, охраняющія человѣческую жизнь, достигнуть того, что нейтрализуютъ, въ точномъ смыслѣ этого слова, тѣ механическія изобрѣтенія, которыя имѣютъ цѣлю истребленіе людей. Мерримакъ съ Мониторомъ сражались нѣсколько часовъ, безъ всякаго результата, — и почему? Не потому ли, что въ этой борьбѣ машины противъ машины сила обороны была математически равна силѣ нападенія?

Нѣтъ никакого основанія, почему бы подобное равенство не могло стать конечнымъ результатомъ развитія науки, когда наконецъ наука будетъ главнымъ образомъ направлена къ той цѣли, на которую указываютъ все большее и большее преобладаніе торговли, все болѣе и болѣе космополитическое вліяніе промышленности и наконецъ, все большее и большее пространство между людьми принципа братства. Положимъ, что въ совокупности общихъ причинъ, ведущихъ къ тому, что война должна будетъ наконецъ утратить свой скипетръ, механикѣ предстоитъ играть только второстепенную роль; но какое же мы имѣемъ основаніе утверждать, что предстоящая ей

роль не можетъ имѣть ничего общаго съ направленіемъ умовъ и съ логикой интересовъ? Если новыя изобрѣтенія, — какъ это, повидимому, думаетъ одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ, — нейтрализуя другъ друга, должны въ концѣ концовъ привести насъ снова къ тому же состоянію, въ какомъ мы находились до этихъ изобрѣтеній, то спрашивается, въ чемъ же въ такомъ случаѣ состоитъ польза, приписываемая наукой? То движеніе, которое совершается въ человѣчествѣ силою науки, не будетъ ли въ такомъ случаѣ совершенно походить на движеніе бѣлки въ ея колесѣ, и всѣ изобрѣтенія не будутъ ли только безплодною тратой!

Что же касается до послѣдствій, какихъ должно ожидать отъ примѣненія къ военному дѣлу новыхъ механическихъ изобрѣтеній, то было бы, конечно, заблужденіемъ воображать, что эти изобрѣтенія могутъ когда нибудь совершенно устранить необходимость мысли, которая бы руководила боемъ, и храбрости, которая бы приводила эту мысль въ исполненіе; но несправедливо было бы предполагать, что въ этомъ отношеніи ничто не измѣнится въ томъ случаѣ, если побѣда будетъ зависѣть только отъ превосходства механическихъ орудій, и машины въ такой же степени замѣнятъ человѣка на войнѣ, какъ онѣ замѣняютъ его теперь въ промышленности. Мысль, руководившая Кумберлендомъ, и храбрость его экипажа — какую роль играли онѣ въ борьбѣ съ Мэрримакомъ? Не оказались ли онѣ совершенно безсильными, радикально безсильными, или лучше сказать, не оказалось ли, что для нихъ совсѣмъ невозможна борьба съ машинами! И какое значеніе, спрашивается, имѣла для исхода боя личная храбрость людей, бывшихъ на Мэрримакѣ? Не очевидно ли, что вся честь побѣды принадлежитъ строителю машины? Но вѣдь эта честь — не военная, а такъ сказать промышленная: подумайте, какое это имѣетъ глубокое значеніе!

Впрочемъ, какъ бы то ни было, но опытъ въ Чебуринесѣ успокоилъ англичанъ: отъ заботъ о кровавыхъ состязаніяхъ они перешли къ заботамъ о состязаніяхъ мирныхъ и приня-

лись серьезно готовиться къ выставкѣ, которая должна открыться 1-го мая. Послѣдуемъ ихъ примѣру.

LXIV.

15 апрѣля.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА 1862 ГОДА; ПРИГОТОВЛЕНІЯ.

Вы помните, конечно, что всемірная выставка 1851 года продолжалась пять мѣсяцевъ съ половиною. Число экспонентовъ простиралось до 13,937 изъ нихъ 7,381 англичанъ и 6,556 иностранцевъ. Трудно объяснить, по какой причинѣ англійскихъ экспонентовъ будетъ въ этомъ году только 5,000; но за то число всѣхъ иностранныхъ экспонентовъ будетъ простираться до 17,000.

Вотъ какъ эта послѣдняя цифра распредѣляется между различными народами по тѣмъ свѣденіямъ, какія я успѣлъ до сихъ поръ собрать. Сообщаемый мною списокъ не полонъ но во всякомъ случаѣ онъ довольно интересенъ.

Франція 4,000 экспонентовъ, Таможенный союзъ 3,000,— Новое Итальянское государство 2,000,— Австрія 1,400,— Испанія болѣе 1,100,— Россія около 700,— Швеція 600,— Турція 15,— Швейцарія 500,— Голландія 400,— Данія 300,— Греція 250,— Норвегія 300,— Римъ 46.

Франція, какъ видите, занимаетъ въ этомъ списокѣ мѣсто, достойное ея. Италія—не говоря о Римѣ, который увѣ! до сихъ поръ еще папскій городъ — фигурируетъ не въ числѣ послѣднихъ.

Кромѣ того, на этомъ великомъ состязаніи Китай и Японія будутъ имѣть 35 представителей, Гватемала и Монтевидео 34, Косте-Рико 11.

Словомъ, будетъ выставлено 100,000 предметовъ.

А посѣтители!

Въ 1851 году населеніе Лондона состояло изъ 2,300,000 человекъ. Число посѣтителей простиралось до 6,039,195. Въ 1862 году въ Лондонѣ насчитываютъ 2,800,000 жителей. Ожидаютъ, что число посѣтителей дойдетъ до 11 милліоновъ.

Это исчисленіе еще очень умѣренно. И въ самомъ дѣлѣ изъ числа 6 милліоновъ, посѣтившихъ выставку 1851 года, 3 милліона пріѣхали въ Лондонъ по желѣзнымъ дорогамъ. Но замѣтите, что въ 1851 году было только 6,755 миль желѣзныхъ дорогъ, а теперь ихъ 10,300.

Кромѣ того надо принять во вниманіе, что администрація желѣзныхъ дорогъ сдѣлала съ 1851 года значительный прогрессъ. Компаніи желѣзныхъ дорогъ знаютъ теперь, какъ выгодны возвратные билеты и дешевые увеселительные поѣзды. Но это еще не все. Со времени послѣдней всемірной выставки континентъ прорѣзанъ новыми желѣзными дорогами, которыхъ тогда не было и которые значительно приблизили его къ Англіи. Пароходное сообщеніе между Европой и Америкой стало теперь дешевле и быстрѣе. Сѣтъ желѣзныхъ дорогъ между Нью-Йоркомъ, Востонъ, Портландомъ и Квебекомъ устроилась противъ того, что было въ 1851 году. Разстояніе между Лондономъ и Индіей, если измѣрять его временемъ, уменьшилось на 25%, а разстояніе между Англіей и Австраліей на 50%. Однимъ словомъ міръ сталъ меньше и люди стали подвижнѣе.

Итакъ, стало быть, есть основаніе надѣяться, что число гостей будетъ соотвѣтствовать великолѣпію предстоящаго прѣшества. И нельзя этому не порадоваться за тѣхъ смѣльчаковъ, которымъ пришлось бы заплатить изъ своихъ кармановъ, если бы расходы по устройству выставки не покрылись. Въ финансовомъ отношеніи выставка устроивается, какъ вы это знаете, совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ 1851 году.

Для устройства выставки назначена была коммиссія, которая состоитъ изъ графа Грэнвилля, герцога Букингэма, Чандоса, сэра Уэнтворта Дилька, Томаса Бэрнинга и Томаса Фэрбэрна. Коммиссія этой разрѣшено королевскимъ актомъ,

который называется «хартия инкорпорации», занять въ Англійскомъ банкѣ сколько ей понадобится, до суммы въ 250,000 фунт. стерл. (6,250,000 франковъ). Для обезпеченія уплаты этого займа открыли подписку, которая и была покрыта въ самое непродолжительное время.

Одинъ изъ моихъ друзей, у котораго состояніе вовсе не особенно велико, подписалъ 2,000 фунт. стерл., нисколько не призадумавшись, какъ будто бы онъ бралъ ложу въ оперу. Нельзя не признать, что ужъ если англичане принимаются за какое дѣло, то дѣлають его на широкую руку. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы подписчики и рисковали слишкомъ много, такъ какъ выставка 1851 года дала чистаго доходу 200,000 фунт. стерл. (5 милліоновъ франковъ).

По крайней мѣрѣ можно надѣяться, что не будетъ убытковъ. Однако нельзя не воздать должной чести безкорыстію подписчиковъ: они подвергаютъ себя риску поплатиться изъ своихъ кармановъ, не имѣя въ виду при этомъ получить ни одного фарсинга барыша, какъ бы ни былъ великъ барышъ отъ этой операціи; такъ какъ весь барышъ, какой только будетъ, предназначено употребить на какое нибудь общепольное дѣло.

Это безкорыстіе, этотъ патріотизмъ до такой степени тутъ кстати, до такой степени естественны, что ихъ не считаютъ даже заслуживающими дароваго входнаго билета. Мнѣ извѣстно, что нѣкоторые изъ подписчиковъ просили для себя даровыхъ входныхъ билетовъ, но имъ отвѣтили на это: «если уже хотите быть великодушными, то не будьте великодушны только на половину. Вы подписались на нѣсколько тысячъ фунт. стерлинговъ, слѣдовательно вы человѣкъ съ состояніемъ, а человѣку, имѣющему состояніе, ничего не значить заплатить три или пять гиней за входный билетъ.»

Само собою разумѣется, что комиссары по устройству выставки также не получаютъ никакого денежнаго вознагражденія за свои труды; они исполняютъ свое дѣло совершенно безвозмездно. Въ 1851 году сэръ Уэнтвортъ Дилъкъ, бывшій тогда еще просто Дилъкъ, великодушно отказался отъ 5,000 фунт. стерл. (125,000 франк.), которые сочли долгомъ ему

предложить въ вознагражденіе за труды и время, потраченные имъ на занятія по выставкѣ. Этотъ сэръ Уэнтвортъ Дилкѣ, замѣтимъ мимоходомъ, — собственникъ Атенея, самаго распространеннаго изъ числа литературныхъ англійскихъ журналовъ.

Дворецъ, которымъ теперь гордится Южный Кенсингтонъ, выстроенъ не для одной только международной выставки 1862 года, а и для всѣхъ будущихъ всевозможныхъ выставокъ, международныхъ, колониальныхъ и пр. Впрочемъ сохраненіе этого зданія зависитъ отъ того, какъ уладятся нѣкоторые финансовыя дѣла, а эти дѣла очень могутъ не уладиться. Говоря откровенно, — если этому зданію суждено исчезнуть, то тѣмъ лучше.

Нельзя отрицать, конечно, что дворецъ всемірной выставки — зданіе гигантское: но какая архитектура, о небо! Я очень хорошо знаю, что корпусъ зданія вмѣстѣ съ трансептами имѣетъ 100 футовъ вышины и 85 футовъ ширины, что одинъ корпусъ зданія безъ трансептовъ имѣетъ въ длину 800 футовъ, а каждый трансептъ 635 футовъ, считая тутъ и купола; но всего этого еще недостаточно, чтобы зданіе было изящно. Куполь Пантеона имѣетъ 142 фута въ діаметръ и 70 футовъ вышины; куполь Брунелески во Флоренціи — 139 футовъ въ діаметръ и 70 футовъ вышины; куполь св. Петра въ Римѣ — 158 футовъ въ діаметръ и 263 фута вышины; потому я совершенно согласенъ, что два купола, которые высятся надъ дворцомъ выставки, или лучше сказать, которые давятъ его, суть самыя большіе купола, какіе когда либо производила архитектура, такъ какъ они имѣютъ въ діаметръ 160 футовъ и 250 футовъ вышины: но эти колоссальныя размѣры нисколько не мѣшаютъ имъ грѣшить противъ всѣхъ законовъ пропорціональности и вкуса. Кострюльная крышка не сдѣлается изящнымъ произведеніемъ, хотя бы вы дали ей такіе размѣры, которые бы соответствовали аппетиту Гаргантюа! На дняхъ въ Times напечатано было письмо, въ которомъ одинъ французъ рассказываетъ тѣмъ стилемъ, какимъ обыкновенно выражаются французы, достаточно знающіе англійскій языкъ,

чтобы какъ нибудь писать на темъ, — что одинъ знакомый ему мальчикъ, промышляющій чищеніемъ сапогъ, выразилъ свое мнѣніе о дворцѣ выставки такъ: *Dam ugly* ¹⁾. И увѣренъ, что Соломонъ выражался правильнѣе, но едвали случилось ему произнести когда либо приговоръ, болѣе справедливый. Лондонъ очень смѣялся этому комичному приговору надъ безобразіемъ дворца выставки. Едва ли нужно прибавлять, что мнимое письмо мнимаго француза было написано въ редакціи самой *Times* однимъ англичаниномъ, который превосходно владѣетъ своимъ языкомъ. Этой шуткѣ много смѣялись, и фраза: *Dam ugly* не скоро умретъ, — она могла бы служить весьма приличной надписью для дворца выставки.

И могло же, въ самомъ дѣлѣ, придти въ голову — поручить капитану Франсису Фоуку составленіе рисунка для такого монументальнаго зданія! Созерцая блистательные архитектурные таланты, какія выказалъ въ этомъ случаѣ капитанъ Фоукъ, такъ и хочется ему сказать: «ужь если вы хотите непременно заниматься архитектурой, то сдѣлайтесь каменщикомъ». Капитанъ, какъ кажется, пользовался большимъ расположеніемъ принца Альберта, и очень можетъ быть, что ослѣпленіе дружбы... но не слѣдуетъ тревожить прахъ мертвыхъ.

Во всякомъ случаѣ, хорошъ ли, дуренъ ли дворецъ выставки, но несомнѣнно, что онъ обладаетъ удивительною притягательною силою. Въ ту минуту, какъ я къ вамъ иду, по дорогамъ, ведущимъ къ дворцу, тиснуты безконечныя процессіи телѣжекъ, повозокъ, всякаго рода фуръ, нагруженныхъ всевозможными произведеніями промышленности.

Что же касается до внутренности дворца, то онъ въ эту минуту имѣетъ совершенно видъ города, взятаго приступомъ. Такъ какъ еще ничто не кончено, а время между тѣмъ не терпѣтъ, то тамъ происходитъ невообразимая суматоха: машины и люди, все это перемѣшалось; работы кипятъ, какъ въ

¹⁾ Чертовски безобразно.

пчелиномъ ульѣ, и все имѣетъ внѣшній видъ такого безпорядка, какой едва ли былъ при столпотвореніи Вавилонскомъ.

Многое еще имѣю я сказать вамъ; но нельзя же вѣдь сказать все разомъ! Итакъ, до слѣдующаго письма.

LXV.

22-го апрѣля.

ЛОНДОНЪ ОЖИДАЕТЪ ИНОСТРАНЦЕВЪ.

Еще нѣсколько дней, только нѣсколько дней, и всѣ народы міра соберутся присутствовать, въ лицѣ представителей своихъ официальныхъ и неофициальныхъ, на великомъ праздникѣ промышленности, которымъ должно ознаменоваться 1-е мая 1862 года.

По мѣрѣ того, какъ приближается къ намъ этотъ торжественный день, все болѣе и болѣе растутъ возбуждаемыя имъ заботы. Англія готовится выполнить достойнымъ ея образомъ лежащія на ней обязанности гостепріимства и предстать предъ своими гостями, собирающимися къ ней со всѣхъ концовъ свѣта, въ такомъ видѣ, который бы дѣлалъ ей честь. Городъ Лондонъ, эта могущественная дама, достигшая уже зрѣлыхъ лѣтъ, но обладающая такою величественною и дородною наружностію, что нельзя ей не подивиться,—эта дама хочетъ казаться молодой, она непремѣнно хочетъ добиться, чтобы ее нашли хорошенькой, и въ ту минуту, какъ я вамъ пишу, она румянится и налѣпляетъ себѣ мушки. Никогда еще съ 1851 года стѣнная краска не играла здѣсь такой важной роли, какъ теперь. Въ томъ кварталѣ, гдѣ я живу, а это и есть именно тотъ кварталъ, въ которомъ находится дворецъ выставки, всѣ дома бѣлятся и румянятся на перерывъ одинъ передъ другимъ. Если послѣ всего этого Лондонъ не понравится своимъ гостямъ, то это уже будетъ ихъ вина.

Но Лондонъ не такой городъ, чтобы вдаться въ романтизмъ. Желающіе воспользоваться его гостепріимствомъ дол-

жны приготовить свои кошельки. Я вамъ предсказываю, квартиры будутъ очень дороги. Какъ въ двадцати шагахъ отъ меня одна англійская матрона наняла невзрачный домикъ и меблировала его по всѣмъ правиламъ строгой экономіи; она заплатила за наемъ всего дома, срокомъ на годъ, 120 фунт. стерл. (3,000 франк.), и сколько вы думаете, хочетъ она взять за одну комнату? 12 фунт. стерл. (300 франковъ) въ недѣлю.

Спекуляція надѣется на богатую жатву, и вась со всѣхъ сторонъ осаждаютъ сакраментальныя объявленія о furnished house. Припомните басню «Молочница и горшокъ съ молокомъ», или эту исторію о странствующемъ торговцѣ изъ Тысячи и одной ночи, который однажды усѣвшись передъ дверьми и разставя передъ собою свою переносную лавочку, замечтался о томъ, какъ онъ приобрѣтетъ себѣ громадное состояніе, настроятъ мечетей, сдѣлается королемъ и наконецъ императоромъ, и какъ, въ концѣ концовъ, пришедши въ неистовый восторгъ, онъ опрокинулъ стоявшую предъ нимъ лавочку и разбилъ все содержавшееся въ ней свое богатство. Въ 1851 году нѣчто подобное случилось съ весьма многими; но племя молочницъ и торговцевъ изъ Тысячи и одной ночи — племя неисправимое.

Если справедливо то, что я слышалъ, иностраннымъ рабочимъ не придется на этотъ разъ ронять на англійское гостепріимство. Когда въ 1851 году явился въ Лондонъ орфеонисты, для приѣма ихъ ничего не было приготовлено, и участь, какой они подверглись въ первое время, была весьма плачевна. Многіе изъ нихъ — если мнѣ не измѣняетъ память — провели тогда первую ночь въ конюшняхъ, на чердакахъ, а многіе и просто на мостовой, положивъ себѣ подъ голову камень вмѣсто подушки. Англичане очень сконфузились тогда этимъ обстоятельствомъ, хотя посѣщеніе орфеонистовъ и было для нихъ совершенно неожиданное и непредвидѣнное. Чтобы опять не случилось что нибудь подобное, они устроили особый комитетъ, состоящій изъ сэра Джона Шелли, Лайярта и Кокса, — всѣ трое члены парламента, — Мерша Нельсона, Сала, Уэльмеслей и Вланчерда Жеррольда.

Этотъ послѣдній — главный редакторъ *Lloyds Weekly-News paper*, сынъ того Дугласа Жеррольда, въ которомъ Англія потеряла одного изъ представителей своей интеллигенціи, — завѣдуетъ дѣлами комитета. Лучшаго выбора и нельзя было сдѣлать. Цѣль этого комитета состоитъ въ слѣдующемъ: заботиться, чтобъ иностранные рабочіе, которые пріѣдутъ на выставку, могли имѣть дешевыя квартиры и чтобъ ихъ не заставляли платить болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, обезпечить имъ медицинскую помощь, приготовить для нихъ переводчиковъ и устроить экскурсіи по окрестностямъ Лондона.

Перейдемъ теперь къ королевской комиссіи. Комиссія эта представляетъ довольно рѣзкій контрастъ съ тѣмъ гостепріимнымъ комитетомъ, о которомъ мы только что говорили. Лордъ Грэнвилль, герцогъ Букингемъ, сэръ Уэнтвортъ Дилккъ, Томасъ Бэррингъ, Томасъ Фэрбэрнъ, все это такіе люди, къ которымъ я питаю глубокое уваженіе; но по причинѣ, именно, моего къ нимъ уваженія, я и соболѣзную еще сильнѣе о томъ, что они, говидимому, только и думаютъ о томъ, какъ бы извлечь отъ выставки побольше барыша. Если бы на ихъ мѣстѣ были ростовщики или торговцы свѣчными огарками, то и тѣ вѣроятно не выказали бы такой жадности къ барышу, какую выказываютъ эти *poblemen*'ы, *gentlemen*'ы, имѣющіе свои собственные дома и лично несколько не заинтересованные въ барышахъ предпріятія. *Guarantors*, т. е. тѣ, которые поручились въ уплатѣ долга, сдѣланнаго на устройство выставки, заслуживаютъ, конечно, чтобъ о нихъ позаботились; но всему есть своя мѣра. Что скажете вы, напримѣръ, о такомъ рѣшеніи комиссіи: не впускать въ день открытія выставки на выставку экспонентовъ бесплатно. Какъ будто и въ самомъ дѣлѣ выставка можетъ обойтись безъ экспонентовъ! Лица, которыхъ касается это рѣшеніе комиссіи, воспылали на нее за это сильнымъ негодованіемъ. Вѣроятно комиссія уступить и по этому пункту, какъ уступила ужъ по многимъ другимъ; а въ противномъ случаѣ соберутся митинги, и наиболѣе горячіе изъ числа недовольныхъ грозятъ уже предложить самыя рѣшительныя мѣры. Хорошо было бы, въ самомъ

дѣлѣ, торжественное открытіе выставки, если бы не винущенные на нее экспоненты вздумали закрыть выставленные ими предметы! Ужъ не думаютъ ли принять противъ этого какія нибудь принудительныя мѣры? Но какое же право имѣютъ на это?

Укажу вамъ еще на другой весьма курьезный образчикъ топъ безкорыстной любви къ барыну, которая одушевляеть членовъ королевской комиссіи. Гг. члены дали понять, не рѣшаясь высказаться прямо, что важныя особы, приглашенныя на церемонію открытія выставки, должны также предъявлять входные билеты, т. е. платить три гинеи или пять гиней: три гинеи, если желаютъ имѣть входъ только во дворецъ выставки, и пять гиней, если хотятъ имѣть входъ и во дворецъ и въ прилегающіе къ нему садъ. Не правда ли, странная манера принимать гостей! Загѣйте при этомъ, что приглашенія дѣлаются отъ имени королевы и чрезъ такихъ лицъ, какъ герцогъ Кембриджскій, архіепископъ Кэнтерберійскій, лордъ канцлеръ, лордъ Дерби, лордъ Пальмерстонъ. Не все ли это равно, какъ если бы англійская королева поручила одному изъ высшихъ сановниковъ своего государства пригласить васъ на обѣдъ, съ условіемъ чтобъ вы принесли съ собой вино и кушанье или чтобъ заплатили гинею.

Такое дѣйствіе комиссіи тѣмъ болѣе странно, что важныя особы, приглашенныя на церемоніаль открытія, и суть именно тѣ зрители, на которыхъ всего болѣе рассчитываютъ для придачія церемоніалу наибольшей торжественности. Хотятъ, чтобы они заплатили за удовольствіе, которое будутъ имѣть ротозѣи, смотря на нихъ. Не слишкомъ ли чрезмерно подобное требованіе? Daily Telegraph весьма кстати приводитъ по этому случаю острогу отца герцога Кембриджскаго. Этотъ принцъ всегда охотно соглашался присутствовать на публичныхъ обѣдахъ и имѣть обыкновеніе, не задумываясь, прикладывать свою руку ко всякаго рода подпискѣ на какое-бы то ни было благотворительное дѣло. Однажды комитетъ одного благотворительнаго заведенія обратился къ нему съ просьбою уплатить подписанную имъ сумму въ пользу этого

заведенія. «Какъ! — отвѣчала принцъ — вы хотите убить утку, которая приманиваетъ вамъ другихъ утокъ?»

Открытіе выставки не будетъ, конечно, безъ утокъ, которыя приманиваютъ другихъ, но ихъ будетъ гораздо менѣе, чѣмъ сколько ожидали. Изъ числа смертныхъ боговъ будутъ только одни принцы, изъ числа звѣздъ только звѣзды второй величины; не будетъ ни одного хотъ какого нибудь маленькаго царька. Хотя внутри дворца и будетъ возвышаться колоссальный тронъ, но этотъ тронъ будетъ пустъ: онъ будетъ только свидѣтельствовать о томъ, что уже нѣтъ болѣе на свѣтѣ принца Альберта бывшаго душею выставки 1851 г., и что — выражаясь языкомъ Шатобріана — очи сильныхъ міра сего могутъ также наполняться слезами, какъ и глаза послѣдняго изъ смертныхъ.

Комиссары, повидимому, боятся, что открытіе выставки не будетъ имѣть достаточно вѣщнаго блеска, какой требуется для подобныхъ церемоній; эгой заботѣ, я полагаю, и слѣдуетъ приписать слѣдующее ихъ постановленіе:

«Guarantors и прочія лица, приглашенные присутствовать на церемоніалѣ открытія выставки, могутъ быть, какъ пожелаютъ, въ своихъ должностныхъ или придворныхъ мундирахъ, или же въ простомъ утреннемъ платьѣ, и займутъ мѣста при церемоніалѣ открытія смотря по своимъ костюмамъ. Дамы будутъ въ обыкновенныхъ утреннихъ туалетахъ и не будутъ разлучаемы отъ ихъ кавалеровъ.»

Это послѣднее распоряженіе есть великодушная уступка со стороны комиссаровъ въ пользу прекрасной половины общества, которая начинала приходить по этому предмету въ нѣкоторое смятеніе. Обратите вниманіе однако, какую важность эти господа придаютъ должностнымъ и придворнымъ мундирамъ! Они слишкомъ хорошо знаютъ человѣческое сердце, чтобы руководиться этимъ принципомъ: кто первый пришелъ, тому и первое мѣсто. У нихъ другой принципъ: воздавай честь птицѣ по ея перьямъ. На выставкѣ 1851 г. фигурировалъ китаецъ, котораго костюмъ имѣлъ большой успѣхъ. Будемъ надѣяться, что японскіе послы сдѣлаютъ честь вы-

ставкѣ 1862 года и не уѣдутъ до 1 мая. Мнѣ приходитъ въ голову, что для увеличенія общаго эффекта было бы не дурно, если бы на церемоніалѣ открытія выставки присутствовали Блонденъ и Леотаръ въ своихъ костюмахъ. Я рекомендую эту мысль гг. комиссарамъ. Почему бы также для приданія церемоніи большей живописности не пригласить трубочистовъ! Это было бы тѣмъ болѣе кстати, что день, назначенный для открытія выставки, и есть именно тотъ день, который они особенно празднуютъ.

Знаете ли вы, почему трубочисты празднуютъ именно 1-е мая? Существуетъ исторія, или лучше сказать легенда, которая рассказываетъ, что нѣкогда жилъ одинъ... лордъ и что у этого лорда пропалъ ребенокъ. Ребенка украли трубочисты. Прошло нѣсколько лѣтъ, и однажды, именно 1-го мая, ребенокъ попалъ случайно въ оцовскій домъ въ качествѣ трубочиста. При видѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство, въ его умѣ, или лучше сказать, въ его сердцѣ пробуждаются темныя воспоминанія,... онъ какъ будто узнаетъ эти мѣста,... прячется подъ кровать... заѣсь находятъ его слуги дома,... по нѣкоторымъ признакамъ мать узнаетъ своего сына.... великая радость въ домѣ! Такъ маленькій трубочистъ снова сталъ наслѣдникомъ одной изъ первыхъ фамилій Англіи.

Я вамъ писалъ въ послѣднемъ письмѣ, что выставка 1862 года обѣщаетъ быть блистательной, и не отрекаюсь отъ моихъ словъ. Но тѣмъ не менѣе я долженъ засвидѣтельствовать, что въ здѣшней публикѣ замѣтны нѣкоторыя опасенія, — она боится быть разочарованной въ своихъ надеждахъ. Выставка 1851 года породила много надеждъ, которыя потомъ не осуществились, или осуществились только отчасти. Конечно, нельзя отрицать, что соприкосновеніе, въ какое выставка поставила между собою различные народы, прошло не совсѣмъ безслѣдно, и послѣдствія ея въ этомъ значеніи очень важны. Но не надѣялись ли на большее? Не думали ли, что всемірная выставка откроетъ собой эру общаго замиренія? Но вотъ прошло десять лѣтъ, и что же мы видимъ? Все это время кровь человѣческая почти не переставала литься. Сколько разъ съ тѣхъ

поръ остріе меча разрубало тѣ узы, которыя, повидимому, были столь прочно закрѣплены выставкою 1851 года!.. И не далѣе еще, какъ вчера, броненосцы, разбивающіе деревянные суда, и орудія, разбивающія броненосцевъ, — не поглощали ли собою вниманіе всей Европы! Передо мной сегодняшний номеръ газеты, и что же тамъ вижу: «великая битва при Корннѣ! федералисты потеряли 20,000 человекъ, конфедераты — 35,000!» Публика съ нетерпѣніемъ ждетъ открытія выставки, но прислушайтесь, какіе предметы выставки возбуждаютъ въ ней особенное любопытство! Не пушки ли Армстронга и разнаго рода смертоносныя орудія, которыя, какъ говорятъ, восхитительно хороши! Не модель ли плувучей батареи капитана Эриксона и куски той глыбы желѣза, которая на дняхъ была разбита въ дребезги, какъ стекло въ Чебуринскѣ! Какъ медленно, Боже мой, совершается рожденіе истинныхъ идей!

Человѣку, расположенному видѣть вещи въ черномъ свѣтѣ, не трудно было бы сдѣлать еще много другихъ замѣчаній въ родѣ этихъ. Обратите ваше вниманіе, напримѣръ, на ту постепенность, какую гг. комиссары придумали для платы за входъ на выставку. На церемоніаль открытія будутъ допускаться только по входнымъ билетамъ на все время выставки; билеты эти стоятъ 3 гиннеи и 5 гинней. На второй и третій день выставки плата за входъ будетъ 20 шиллинговъ (25 франковъ), — съ 5 мая (4 число приходится въ воскресенье) и до 31 мая — 2½ шиллинга, за исключеніемъ одного дня въ недѣлю, въ который будетъ вѣзаться болѣе высокая плата, а именно 5 шиллинговъ. Съ 1-го іюня и до конца выставки будутъ пускать за 1 шиллингъ (1 фр. 25 сант.). Итакъ тѣмъ людямъ, которыхъ собраты заплатили жизнью, работая надъ устройствомъ выставки, — этимъ людямъ выставка сдѣлается доступною не прежде, какъ черезъ мѣсяць по ея открытіи. Я говорю это, потому что знаю, что число неустрашимыхъ труженниковъ, ставшихъ жертвою смѣлой и непослѣдней работы, какая требовалась по устройству выставки, весьма значительно, гораздо значительнѣе, чѣмъ утверждаютъ. Назадъ тому пять или шесть дней, разговаривавшій съ однимъ изъ завѣ-

дующихъ работамъ по выставкѣ, я не удержался, чтобъ не передать ему, что я былъ глубоко потрясенъ при видѣ изувѣченнаго трупа, который несли на носилкахъ. «Да! отвѣчалъ онъ разсѣяннымъ тономъ; — но вѣдь много преувеличиваютъ. Человѣкъ двадцать, не болѣе, дѣйствительно свалились съ этихъ подмостковъ и убились. Но вѣдь это не Богъ-знаетъ сколько!» — Не Богъ-знаетъ сколько! Положимъ промышленность имѣетъ также свои жертвы, — работникъ есть солдатъ промышленности и долженъ умирать умереть! Но не для него существуетъ это слово: слава! Не для него — почетные отзѣвы, почетные кресты! Не въ честь его раздаются звуки трубъ! Работникъ вѣдь умирать только умереть, — но не умирать убивать людей. И въ самомъ дѣлѣ, какое основаніе имѣетъ роптать неустрашимый труженикъ, разбившій себѣ черепъ о мостовую, если о немъ помянуть только тѣмъ, что вслѣдъ за описаніемъ геройской смерти какого нибудь боксера, помѣстятъ въ газетахъ извѣстіе: такой то умеръ по несчастному случаю? Итакъ, дѣти несчастнаго, котораго изувѣченный трупъ живо предстоить предъ моими глазами, ждите цѣлый мѣсяцъ, пока вамъ можно будетъ, — если только найдется у васъ шиллингъ въ карманѣ, — взглянуть на то мѣсто, гдѣ вашъ отецъ пролилъ кровь.

LXVI.

1-го мая.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА: ЦЕРЕМОНИАЛЬ ОТКРЫТІЯ ВЫСТАВКИ.

Сегодня, 1 мая, происходилъ церемоніаль открытія международной выставки 1862 года.

Нечего и говорить, что такъ внутри дворца выставки, такъ и кругомъ, народу было очень много. Если не ошибаюсь,

въ послѣднія двѣ недѣли передъ 1-мъ мая, пароходы Сюд-Эстской компаніи, которые ходятъ между Булонью и Фольк-стономъ, привозили въ Лондонъ ежедневно отъ 300 до 400 человѣкъ. Теперь уже нѣтъ возможности сомнѣваться въ готовности богатыхъ людей платить по пяти гиней за входный билетъ. По мѣрѣ того, какъ приближался день, назначенный для открытія выставки, требованіе на билеты возрастало все болѣе и болѣе, и уже третьяго дня собранная за билеты сумма превосходила на 250,000 франковъ ту сумму, какая была въ соотвѣтствующее этому время собрана при открытіи выставки 1851 года.

А между тѣмъ нельзя не сказать, что ожидаемое торжество не имѣло особенно благопріятныхъ предзнаменований. Принцъ, который первый возымѣлъ идею этого торжества и долженъ былъ бы быть его душою, заснулъ уже вѣчнымъ сномъ. Извѣстно было, что королевскій санъ не будетъ имѣть другаго представителя на этомъ торжествѣ, кромѣ пустаго трона, что даже и принцъ Уэльскій не будетъ присутствовать, что наконецъ нельзя даже разсчитывать и на любопытство нѣкоторыхъ коронованныхъ особъ, которыхъ одно время надѣялись лицезрѣть при открытіи выставки.

Хотя комиссары и сдѣлали съ своей стороны все, что могли, чтобы придать открытію выставки наибольшій блескъ, но тѣмъ не менѣе замѣтно общее сожалѣніе, что усилія ихъ не увѣнчались большимъ успѣхомъ. Вчера мнѣ сообщили подъ секретомъ, что комиссары рѣшились наконецъ впустить экспонентовъ бесплатно; но противное этому было возвѣщено такъ громко, даже слишкомъ громко, и столь сильно раздражило заинтересованныхъ въ этомъ лица, что нѣкоторые поговаривали даже собрать indignation meeting, другіе грозили не открывать выставленные ими предметы, а третьи сравнивали по этому случаю королевскую комиссію съ королевской академіей художествъ, которую упрекаютъ въ томъ, что она показываетъ за деньги выставлемыя въ ней картины, собирая по одному шиллингу за входъ и такимъ образомъ кладетъ себѣ въ карманъ ежегодно 200,000 франковъ.

Какъ разъ въ самыя разгаръ этихъ горькихъ жалобъ и раздражительныхъ толковъ появилось письмо Верди, въ которомъ онъ возвѣстилъ въ немалому удивленію публики, что вокальное соло съ хоромъ, нарочно сочиненное имъ для открытія выставки и которое Тамберликъ предлагалъ пѣть, не принято комиссарами, — и не принято на томъ основаніи, что до открытія выставки осталось всего двадцать пять дней, и что, слѣдовательно, не успѣютъ разучить эту небольшую музыкальную пьесу, тогда какъ въ двадцать пять дней разучиваютъ цѣлыя оперы.

Вслѣдъ за тѣмъ явился еще другой поводъ къ неудовольствію. Есть англійская пословица, которая говоритъ: «гдѣ музыканты, тамъ не надѣйтесь найти гармонію.» Первый поэтъ Англіи Теннисонъ написалъ стихи на открытіе выставки, а первый англійскій композиторъ, Беннетъ, положилъ эти стихи на музыку; но Коста, который долженъ дирижировать оркестромъ, вспомнилъ, что онъ въ ссорѣ съ Беннетомъ и что еще въ іюлѣ онъ объявилъ комиссарамъ о твердой своей рѣшимости не принимать участія въ исполненіи произведеній этого композитора.

Что же въ такомъ случаѣ оставалось дѣлать комиссарамъ? Стихи были написаны первокласнымъ англійскимъ поэтомъ, музыка — первокласнымъ англійскимъ композиторомъ, — не должны ли они были предложить кому нибудь изъ англичанъ, хоть бы напр. Алфреду Меллону, замѣнить на этотъ разъ Косту? Публика такъ и думала; — но для ея національнаго чувства не совсѣмъ пріятно было узнать, что при исполненіи кантаты Беннета оркестромъ будетъ дирижировать Сентонъ. Ну если бъ это былъ итальянецъ, а то — французъ: это ужъ совсѣмъ ни на что не похоже!

Но этому не будетъ конца, если я стану перечислять всѣ маленькія несчастія, всѣ непріятныя предзнаменованія, которыми омрачались часы ожиданія. Журналы каждое утро тревожно роптали на медленность приготовленій. Всѣхъ озабочивало, поспѣетъ ли все къ сроку, — пожалуй, не успѣютъ даже и распаковать большую часть ящиковъ, наполненныхъ драго-

цѣнными предметами! И въ самомъ дѣлѣ, устройство выставки до сихъ поръ еще далеко не кончено. И что странно,—Франція, та самая Франція, которая обыкновенно такъ быстро соображаетъ, бываетъ такъ рѣшительна и такъ проворна, на этотъ разъ позволила опередить себя не только Англіи, но даже и неповоротливой Австріи. Публика имѣла основаніе тревожиться: если ужъ Франція такъ опоздала, то чего же ожидать отъ другихъ!

Замѣтимъ при томъ, что теперь и не такое время, чтобы публика была расположена предаваться радостнымъ мыслямъ. Дѣла очень плохи. Манчестеръ совѣмъ въ крайности. Ланкаширъ совѣмъ изнемогаетъ. Надо же такъ, чтобы праздникъ промышленности праздновался именно въ тотъ самый часъ, когда промышленность выноситъ тяжкій кризисъ!

Таковы мрачныя мысли, которыми, такъ сказать, летали въ воздухѣ, когда взошло солнце 1-го мая... взошло въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Всю эту недѣлю погода стояла превосходная, но въ ночь на 1-е мая пошелъ дождь, утро было пасмурное и еще въ девять часовъ погода не обѣщала ничего хорошаго. Но къ 10 часамъ облака вдругъ разсѣялись и великолѣпный богъ Инковъ все затопилъ своимъ живительнымъ свѣтомъ.

Въ десять съ половиною я былъ уже на проспектѣ принца Альберта, который идетъ вдоль западнаго фаса дворца выставки. На великолѣпныхъ домахъ, которые окаймляютъ этотъ обширный и величественный проспектъ, развѣвались знамена и я съ трепетомъ въ сердцѣ привѣтствовалъ между ними знамя моего отечества. Балконы были усыяны дамами въ изящныхъ утреннихъ туалетахъ. Вдоль проспекта тянулся безконечный рядъ экипажей. По обѣимъ сторонамъ, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга стояли полисмены. Правда,—эти господа не придаютъ блеска празднествамъ, но они ихъ охраняютъ. Эта охрана въ 1851 году признавалась столь необходимою, что ко всѣмъ правительствамъ посланы были приглашенія прислать ихъ собственную полицію,—расходы же по охраненію порядка на этомъ международномъ торжествѣ Ан-

глія взяла всѣ на себя. И какой однако громадный расходъ потребовался на это: 475,000 франковъ. На этотъ разъ расходъ по охраненію порядка будетъ гораздо менѣе, потому что нашли для этого достаточнымъ одной англійской полиціи.

Въ десять съ половиною растворились двери, чрезъ которыя назначено было входить лицамъ, имѣющимъ особыя мѣста,—и я вошелъ.

Я былъ внутри дворца выставки не далѣе какъ вчера—и какая перемена въ одни сутки! Вчера все еще представляло страшный безпорядокъ. Вы на каждомъ шагу натыкались на какой нибудь еще не распакованный ящикъ, и не безъ труда должны были пролагать себѣ дорогу среди лежавшихъ на полу грудъ сѣна и соломы. Трудно было дышать, потому что вмѣсто воздуха вы вдыхали въ себя пыль, и по временамъ вамъ приходилось получать довольно чувствительные толчки отъ рабочаго народа, который спѣшилъ окончить свои работы. Конечно, это былъ уже не тотъ хаосъ, что прежде, но тѣмъ не менѣе все представлялось вамъ въ страшномъ безпорядкѣ. Сегодня же видъ залы, нельзя сказать, великолѣпенъ, но, по крайней мѣрѣ, приличенъ. Для окончательнаго устройства выставки оставалось еще сдѣлать такъ много, что тутъ едва ли бы могла помочь и чудодѣйственная палочка чародѣя Мерлина.

Еще третьяго дня меня увѣряли, что Франція, которой предоставлено столь обширное мѣсто въ главной залѣ, въ день открытія выставки не выставитъ ровно ничего: но это было преувеличено. Впрочемъ, признаюсь, моему патріотическому чувству прискорбно было видѣть, что представителями французской промышленности на этомъ торжествѣ были только какіе-то ковры, нѣсколько бронзовыхъ издѣлій и какой-то средневѣковой воинъ на конѣ, окруженный четырьмя пѣшими воинами. Правда,—другія страны менѣе опоздали, чѣмъ Франція, но говоря вообще, ни одинъ отдѣлъ еще окончательно не устроенъ и не установленъ. Итакъ выставка открыта, но привезенныя на выставку сокровища еще не открыты.

Что сказать вамъ о главной залѣ? Обставленная тяжелыми трофеями промышленности, которые размѣщены, повидимому, безъ всякаго порядка, она совершенно имѣетъ видъ ярмарочной площади. Эффектъ гигантской линіи, идущей отъ одного купола до другаго, не удался, совсѣмъ не удался. А! это совсѣмъ не то, что хрустальный дворецъ!

Съ десяти съ половиною и до часу я провелъ свое время, какъ и всѣ: выбиралъ себѣ мѣсто, откуда лучше смотрѣть, измѣрялъ глазомъ колоссальные размѣры зданія, читалъ библейскія надписи желтыми буквами по синему полю, которыми красуются подъ куполами и кругомъ куполовъ, удивлялся, какъ неудачно Крессъ выбралъ и расположилъ свои декоративные цвѣта, глядѣлъ на дамъ, и наконецъ слушалъ музыку гренадеровъ, «coldstream guards» и «scots fusilier guards».

Наконецъ, около часу, раздался пронзительный звукъ трубъ: это былъ сигналъ. Тогда чрезъ двери, выходящія на проспектъ Кромвеля, который идетъ вдоль южнаго фаса дворца, вошли официальные костюмированные посѣтители. Они направились къ западному куполу, гдѣ подъ великолѣпнымъ балдахинномъ стояло кресло, изображавшее собою тронъ. Раздался національный гимнъ, и вслѣдъ за тѣмъ лордъ Грэнвилъ произнесъ рѣчь, обращенную къ отсутствующей королевѣ, которую представляли собой герцога Кембриджскій и другіе спеціальные комиссары, на которыхъ возложено было порученіе открыть выставку именемъ королевы.

Какъ и слѣдовало ожидать, рѣчь лорда Грэнвила началась словами соболизнованія, такъ какъ лордъ въ этомъ случаѣ заступалъ мѣсто принца Альберта. Остальная же часть рѣчи есть не болѣе, какъ безцвѣтное и сухое повѣствованіе о томъ, какъ была задумана и приведена въ исполненіе настоящая выставка. Вотъ заключеніе рѣчи: «мы пламенно желаемъ, чтобы выставка 1862 года заняла достойное ея мѣсто въ ряду международныхъ выставокъ, съ именемъ которыхъ навсегда будетъ соединено имя знаменитаго супруга вашего величества». Вотъ онъ — официальный стиль, официальное краснорѣчіе!

Въ отвѣтъ на эту рѣчь герцогъ Кембриджскій отвѣтили нѣсколько словъ, и потомъ всѣ костюмированные посѣтители направились процессіей къ восточному куполу, вдоль сѣверной стороны залы. Не мало стоило труда, чтобы расчистить имъ дорогу. Впереди процессіи шли трубачи «life guards», а за ними — распорядители работъ по устройству выставки, les contractants, архитекторъ, члены совѣтовъ земледѣльческаго и художественнаго общества, депутація изъ десяти «guarantors», — я уже вамъ объяснилъ, что значитъ это слово, — президенты присяжныхъ оцѣнщиковъ, иностранные комиссары, лордъ превогъ Глазгоу, лордъ мэръ Дублина, лордъ мэръ Йорка, лордъ превогъ Эдинбурга, Вилліамъ Коббитъ, лордъ мэръ Лондона, имѣя передъ собой «mace-bearer» и «sword-bearer», комиссары выставки 1851 года, комиссары теперешней выставки, лондонскій епископъ, министры, спеціальныя комиссары, на которыхъ возложено открыть выставку отъ имени королевы, и наконецъ принцъ Оскаръ шведскій и наслѣдный принцъ прусскій.

Какъ видите, это перечисленіе героевъ процессіи не многимъ развѣ чѣмъ уступить тому, какъ Гомеръ перечисляетъ своихъ героевъ. А между тѣмъ въ этомъ спискѣ, — какъ вы вѣроятно уже и замѣтили, — весьма важный пропускъ. Отчего же, въ самомъ дѣлѣ, тутъ не фигурировалъ дипломатическій корпусъ? Не ручаюсь за вѣрность, но мнѣ говорили, что и посланники не очень были довольны тѣмъ, что ихъ забыли; во всякомъ случаѣ отсутствіе дипломатическаго корпуса на международномъ празднествѣ, по крайней мѣрѣ, странно, если не болѣе.

Въ процессіи фигурировали многіе весьма достойные люди, и когда эта процессія шла мимо меня, я не могъ заглушить въ себѣ чувство дружественнаго соболѣзнованія о томъ, что они обречены на жалкую участь выставляться на показъ свои фигуры!

Въ сущности, весь интересъ, вся величественность церемоніала заключалась въ его музыкальной части. Какая, въ самомъ дѣлѣ, превосходная вещь — оркестръ изъ четырехъ сотъ

инструментовъ и хоръ изъ двухъ тысячъ человѣкъ! И какая стройность въ исполненіи,—какъ будто одинъ человѣкъ! Знаменитый авторъ Гугенотовъ, Роберта Діавола, Пророка, прислалъ въ королевскую комиссію увертюру въ родѣ марша, которая была имъ написана нарочно для выставки. Это новое произведеніе достойно занять мѣсто въ ряду тѣхъ великихъ произведеній, которыми міръ обязанъ Мейерберу, и было исполнено превосходно. Въ акустическомъ отношеніи зданіе выставки, повидимому, не оставляетъ ничего желать. Если бы теперешняя выставка и не имѣла никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ того только, что вызвала это новое произведеніе одного изъ величайшихъ музыкальных гениевъ, то и этимъ уже она заслуживаетъ благодарность народовъ.

Я вамъ говорилъ уже, что Стерндэлъ Беннетъ положилъ на музыку стихи, написанные на открытіе выставки первокласснымъ поэтомъ Англіи Теннисономъ. Стихи эти у меня предъ глазами: мало того, что они не переводимы, но я сомнѣваюсь даже, чтобъ стоило ихъ переводить. Странно, что такой замѣчательный поэтъ какъ Теннисонъ могъ такъ неудачно вдохновиться, предсказывая славную эру мира и обращаясь при этомъ къ тому, кого онъ называетъ: «О навѣки умолкнувшій отецъ нашихъ будущихъ королей!» Къ счастью, недостатки произведенія Теннисона не отозвались на музыкѣ Беннета, и оркестръ, которымъ на этотъ разъ управлялъ Сентонъ, былъ также хорошъ, какъ и подъ управленіемъ Косты.

Что скажу я вамъ о большомъ маршѣ Обера! Въ немъ та же грація, тотъ же пылъ, живость, тотъ же талантъ, столь существенно французскій, которымъ вообще отличаются произведенія этого композитора. Я не могу слышать музыку Обера, чтобъ не припомнить, какъ Вольтеръ былъ ясенъ и какъ онъ былъ уменъ.

О Верди! мы сражались при Аркѣ, а тебя тамъ не было! Но въ этомъ виноваты не Верди,—вся вина на сторонѣ комиссаровъ;—а заплатились за ихъ вину тѣ, которые присутствовали сегодня при открытіи выставки.

Вотъ почти и все, милостивый государь, что я имѣю вамъ сказать.

Крику было мало; вообще я не замѣтилъ большого энтузіазма.

А между тѣмъ вѣдь это было великое международное празднество; великое и по идеѣ и по цѣли, великое по тому множеству народовъ, какое оно привело между собой въ соприкосновеніе, по баснословной громадѣ богатствъ, какія оно стянуло на одинъ пунктъ, великое какъ почетъ возданный генію труда и генію мира, великое по массѣ стекшагося народу, великое, какъ высшее выраженіе человѣческаго генія.

Древніе не знали ничего подобнаго. Ихъ амфитеатры съ восьмидесятью ступенями, эти гигантскіе амфитеатры, какъ ихъ описываетъ Пальпурній, изъ блестящаго мрамора, украшенные драгоценными камнями, на которыхъ свободно помѣщалось сто тысячъ зрителей; ихъ портики, покрытые золотомъ; ихъ импровизованные лѣса, гдѣ тысячи страусовъ, оленей, кабановъ, ланей, предлагались на добычу собравшагося народа; ихъ гекатомбы лвовъ, медвѣдей и леопардовъ; ихъ громадныя арены, на которыхъ внезапно разверзались пропасти и изрыгали изъ себя кровожадныхъ звѣрей, а потомъ вдругъ надъ этими пропастями возвышались великолѣпныя деревья; ихъ ткамы изъ золота сѣти, которыя ограждали зрителей отъ бѣгавшихъ по цырку дикихъ звѣрей, — все это, конечно, свидѣтельствуетъ о могуществѣ человѣка; но какая же нравственная идея одухотворяла эти кровавыя празднества? Когда по желанію императора Проба триста гладиаторовъ вступали въ бой съ тремястами гладиаторовъ, когда эти несчастные, которыхъ жизнь имѣла свою опредѣленную цѣну, проходя предъ Цезаремъ, оглашали воздухъ этимъ дикимъ крикомъ раба: *morituri te salutant!* когда даже молодая дѣвушка, при видѣ того какъ побѣдитель готовится зарѣзать своего противника, не воспламенялись желаніемъ спасти жертву и подымали большой палецъ въ знакъ желанія, чтобы побѣдитель пронзилъ грудь поверженнаго на земь противника...

какое бы полезное поученіе не истекало изъ подобныхъ зрѣлищъ, но могло ли оно искупить весь ужасъ подобныхъ сценъ самой отвратительной жестокости?

Правда, древніе могутъ похвастать и не столь плачевными, болѣе невинными, празднествами. Но тѣ награды, которыя воздавались на Олимпійскихъ играхъ силѣ или проворству, имѣли ли, какъ это весьма кстати замѣтилъ на послѣднемъ банкетѣ лорда мера турецкій посланникъ Музурусъ, — имѣли ли онѣ то высокое значеніе, какое имѣютъ награды, воздаваемыя на олимпійскихъ играхъ нашего времени полезному труду?

Но зачѣмъ же однако, когда мысль такъ и рвется успокоиться на идяхъ общаго мира и братства, кровавые спихронизмы смущаютъ ее и напоминаютъ намъ, что разумъ челоувѣчества еще не пережилъ своей кровавой воинственности, что трудъ еще далекъ отъ того, чтобъ окончательно достигнуть торжественнаго примиренія народовъ, и что челоувѣчество и до настоящаго времени бесплодно работаетъ надъ тѣмъ, чтобы вскатить камень Сизифа на вершину крутой горы, съ которой онъ снова скатывается!

Вотъ въ какія мысли былъ я погруженъ, какъ мой сосѣдъ развернулъ Punch, и что же увидѣлъ я въ этомъ великомъ листкѣ? изображеніе мира возсѣдающее на пушкѣ!

Вотъ вамъ въ нѣсколькихъ ударахъ кисти вся исторія выставки 1862 года!

LXVII.

2 мая.

ГЛАДСТОНЪ.

Въ четвергъ на прошлой недѣлѣ, въ Манчестерѣ, въ «Town Hall» собирались на большой митингъ члены торговой палаты, для того чтобъ поднести Гладстону адресъ, въ которомъ

свидѣтельствуется о заслугахъ, какія онъ оказалъ своей странѣ какъ государственнй человѣкъ и какъ финансистъ.

Гладстонъ заслужилъ эту почесть. Ни одинъ человѣкъ въ Англіи не работалъ на общую пользу съ такимъ талантомъ, съ такою преданностію, съ такой глубокой любовью къ прогрессу!

Я вовсе не думаю утверждать, чтобы Гладстонъ всегда неизмѣнно шелъ по великому пути свободы. Было время, когда онъ, также какъ и Робертъ Пиль, его руководитель и наставникъ, сражался если не въ рядахъ консерваторовъ, то по крайней мѣрѣ бокъ о бокъ съ ними. Есть одна книга изданная имъ въ 1838 году подъ заглавіемъ: Государство въ его отношеніяхъ къ Церкви, которая представляетъ поразительное свидѣтельство, какъ далеко ушелъ Гладстонъ отъ того пункта, съ котораго началъ свое поприще. Кто бы могъ подумать тогда, что этотъ крайній приверженецъ принциповъ высокой церкви напишетъ въ 1851 году къ лорду Абердину тѣ два знаменитыя письма, въ которыхъ неаполитанское правительство съ такимъ авторитетомъ выводится предъ судъ народовъ? Письма эти были событіемъ; они подготовили торжество Гарибальди, и останутся навсегда самымъ глубокопотрясающимъ аргументомъ, какой только представляетъ исторія, противъ церковныхъ вліяній на дѣла государства. Любопытно припомнить при теперешнихъ обстоятельствахъ, что Гладстонъ въ эпоху крымской войны фигурировалъ одно время въ министерствѣ лорда Абердина и оставилъ министерство изъ оппозиціи противъ лорда Пальмерстона, который соглашался на то, чтобы сдѣлано было слѣдствіе о положеніи англійской арміи, тогда какъ Гладстонъ былъ противъ этой мѣры; любопытно, говоря я, припомнить, что Гладстонъ не затруднился вступить въ администрацію лорда Дерби и согласился отправиться на Ионическія острова въ качествѣ представителя консервативнаго министерства, — а теперь онъ не только опять товарищъ лорда Пальмерстона, но и самый либеральный изъ всѣхъ его товарищей, и даже до такой степени либеральный, что въ тѣхъ сферахъ, гдѣ его при-

существо стало почти необходимымъ, многіе начинаютъ тревожиться нѣкоторыми его замашками и спрашиваютъ другъ друга въ полголоса: чего онъ хочетъ? куда онъ идетъ? гдѣ онъ остановится?

Къ несчастію, не одни только консерваторы такъ говорятъ о немъ. Всѣ воздають должную дань его искренности, его безукоризненной прямогѣ, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что всѣ на него смотрятъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Одни боятся, чтобъ онъ не зашелъ слишкомъ далеко, а другіе боятся, чтобъ онъ не попятился назадъ: никто не увѣренъ, по какой дорогѣ онъ пойдетъ. Почему же это такъ? А очень просто: потому что Гладстонъ и самъ этого не знаетъ.

Говоря о знаменитомъ министрѣ Вильгельма III, Галифаксъ, Маколей выразился такъ: «онъ былъ медленъ по причинѣ своей живости». И о Гладстонѣ можно сказать, что онъ непостояненъ, неустойчивъ по причинѣ своей проникательности. Онъ обладаетъ необычайной прозорливостію; это есть самое характеристическое качество его высокаго ума: оно-то и вредитъ твердости его мнѣнія и осуждаетъ его на мучительное состояніе человѣка, который колеблется въ своемъ образѣ дѣйствія.

Его необыкновенная прозорливость затрудняетъ его на каждомъ шагу. Онъ съ такой быстротой обнимаетъ всѣ различныя стороны каждаго вопроса, такъ быстро обхватываетъ всѣ pro и contra, такъ хорошо видитъ всѣ дурныя и хорошія стороны, что въ его мысли разомъ предстоить и вопросъ и отвѣтъ, и утвержденіе и отрицаніе и аргументъ и возраженіе: качество неоцѣнимое, конечно, но далеко не столь неоцѣнимое въ государственномъ человѣкѣ, — такъ какъ нерѣдко парализируетъ въ немъ энергію, — какъ въ философѣ, дѣлая его способнымъ къ тому высокому безпристрастію, которое составляетъ высшее достоинство философіи, самый высокій ея атрибутъ.

Но при всемъ этомъ нельзя отрицать, что, даже и какъ государственный человѣкъ, Гладстонъ заслуживаетъ занимать мѣсто въ числѣ первыхъ. И притомъ какъ человѣкъ дѣловой,

онъ близко знакомъ со всѣми подробностями торговыхъ дѣлъ и при случаѣ, когда нужно, въ ученomъ членѣ Оксфорда оказывается сынъ ливерпульскаго купца.

Но гдѣ Гладстонъ является во всемъ своемъ блескѣ, это — въ ораторскихъ схваткахъ. Онъ былъ бы первымъ ораторомъ Англіи, еслибы не существовалъ Брайтъ, но хотя Брайтъ и существуетъ, тѣмъ не менѣе онъ бесспорно первый ораторъ палаты общинъ.

Сильный голосъ, пламенный взглядъ, слово, извергающееся какъ потокъ, пылъ непреклоннаго убѣжденія, — вотъ въ чемъ состоитъ талантъ Брайта. Онъ стремителенъ въ нападеніи, запальчивъ, неустрашимъ, — въ особенности неустрашимъ. Видя, какимъ тономъ нападаетъ онъ на аристократію въ классической странѣ аристократизма, чувствуешь, что это одинъ изъ тѣхъ бойцовъ, для которыхъ нужны великія препятствія и великіе враги. Въ странѣ, гдѣ деспотизмъ общественнаго мнѣнія сужить противовѣсомъ самой свободѣ, онъ бравируетъ это мнѣніе съ такимъ тономъ, въ которомъ слышится, что это говоритъ человѣкъ, сознающій въ себѣ силы властвовать надъ толпой, даже возстановляя ее противъ себя. Въ самый разгаръ патріотическаго энтузіазма, возбужденнаго битвами при Алмѣ и при Инкерманѣ, онъ гремѣлъ противъ крымской войны и называлъ ее кровавымъ безуміемъ. Въ минуту самаго сильнаго раздраженія, возбужденнаго дѣломъ о Trent, онъ превозносилъ Сѣверо-Американскую республику, ставилъ ее міру въ образецъ, и когда по этому поводу раздался противъ него обвиненія, что у него не англійское сердце, онъ шелъ прямо навстрѣчу этимъ обвиненіямъ съ какою-то дикою гордостью. Суровый и запальчивый, Брайтъ — истый квакеръ съ подкладкою трибуна. Его краснорѣчіе, всегда столь пылкое и вмѣстѣ съ тѣмъ столь богатое содержаніемъ, даже самымъ цифрамъ придаетъ какую-то странность; для него статистика, что дубина въ рукахъ силача. Провѣдуетъ ли онъ миръ во что бы то ни стало, въ его словахъ какъ будто слышится бой къ атакѣ. Въ Римѣ онъ былъ бы человѣкомъ форума; въ Англіи онъ по пре-

имуществу человѣкъ избирательнаго собранія, — потому-то онъ и чувствуетъ себя въ палатѣ общинъ какъ будто не на своемъ мѣстѣ, онъ не можетъ развернуться здѣсь во всей своей силѣ, — очевидно, атмосфера палаты не соотвѣтствуетъ его суровой натурѣ.

Напротивъ, палата общинъ и есть та арена, гдѣ Гладстонъ является во всемъ своемъ блескѣ. Очаровательная грація языка, которая васъ подчиняетъ себѣ такъ, что вы даже этого и не замѣчаете, литературный блескъ, который придастъ мысли особенную цѣну въ собраніи умовъ высокообразованныхъ и изысканныхъ, цвѣты классическаго образованія, философскій оборотъ мысли, тонкая пропія, вообще удивительная тонкость мысли и вмѣстѣ съ этимъ сила, — однимъ словомъ все чего недостаетъ Брайту, все это и находимъ мы у Гладстона въ высшей степени.

Гладстонъ—какъ вы знаете—представляетъ въ палатѣ общинъ Оксфордскій университетъ. Но онъ болѣе чѣмъ представитель университета, онъ есть его вѣрное отраженіе, конечно только не въ политическомъ отношеніи. Его талантъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, талантъ университетскій; въ этомъ, по всей вѣроятности, и заключается причина почему университетъ до сихъ поръ остается ему вѣренъ. Въ 1859 г. дружба Гладстона съ университетомъ едва не порвалась, но узлы литературнаго франк-масонства, соединяющіе Оксфордъ съ старымъ ученикомъ «Christ Church», оказались столь прочны, что сдержали порывъ политическихъ страстей. Въ эту эпоху обращеніе Гладстона въ либерализмъ не было уже тайной; Оксфордскій университетъ—консерватистъ въ душѣ: ему трудно было простить такое преступленіе, но онъ сдѣлалъ усиліе надъ собой и простилъ. И потому же, въ самомъ дѣлѣ, быть его посланникомъ при дворѣ.... парламента, какъ не человѣку, который написалъ книгу о Гомерѣ и Гомерическомъ вѣкѣ!

На митингѣ, о которомъ я упомянулъ въ началѣ письма, Гладстонъ сказалъ рѣчь. Ожидали, что онъ будетъ говорить

объ общественныхъ дѣлахъ, и ожиданіе оправдалось. Я приведу вамъ начало этой рѣчи: оно весьма замѣчательно.

«Въ послѣдніе годы — сказалъ ораторъ — произошли значительныя перемѣны. Политическое настроеніе страны теперь уже не то, что было прежде. Литаргическій сонъ какъ будто овладѣлъ и парламентомъ, и народомъ. Я говорю это не безъ чувства прискорбія. Въ подтвержденіе справедливости моихъ словъ я могъ бы указать на многіе вопросы, но ограничусь только однимъ. Я говорю здѣсь только отъ моего собственного имени, — высказываю не болѣе, какъ только мое личное мнѣніе. Я хочу указать на вопросъ объ избирательной реформѣ: трудно отрицать, что по этому вопросу обнаруживаются несомнѣнные признаки литаргіи».

Что скажете вы объ этомъ членѣ правительства, который публично, въ торжественномъ собраніи, съ чувствомъ прискорбія указываетъ на политическую индифферентность народа, почти что порицаетъ народъ за его политическую лѣнь; — онъ желалъ бы видѣть этотъ народъ болѣе предпринимчивымъ, такъ сказать болѣе живымъ, болѣе энергичнымъ въ своихъ стремленіяхъ къ пріобретенію тѣхъ правъ, которыхъ ему еще недостаетъ. Какой примѣръ! какой урокъ!

Правда, — зная личное нерасположеніе лорда Пальмерстона ко всякаго рода реформамъ, Гладстонъ тщательно оговорился, что выражаетъ только свое личное мнѣніе. Но его слова, тѣмъ не менѣе, весьма замѣчательны; они показываютъ, что въ Англіи уже не смотрятъ на власть, какъ на такую силу, которая необходимо должна сопротивляться, — что лучшіе государственные люди не только не противодействуютъ прогрессу, а напротивъ, желаютъ, вызываютъ прогрессъ, готовы подстрекнуть его, если бы онъ слишкомъ запоздалъ, — они знаютъ, что лучшее средство избѣжать революцій — не бояться реформъ. Вотъ, милостивый государь, гдѣ ключъ къ разгадкѣ того глубокаго спокойствія, которое въ Англіи соединяется съ свободой; этиъ объясняется также и то кажущееся онѣмъ, въ которое иногда впадаетъ англійскій народъ. Этотъ народъ знаетъ, что ему стоитъ только потребо-

вать, и онъ всегда получить то, что ему надо, что онъ ничего не компрометируетъ, откладывая до завтра; онъ можетъ позволить себѣ роскошь покоя, онъ знаетъ, что если бы ему и случилось заснуть, то могучіе умы бдѣть надъ нимъ и охраняютъ его.

Какъ канцлеръ казначейства, Гладстонъ не могъ не коснуться финансовыхъ вопросовъ. И въ этомъ отношеніи его объясненія весьма характеристичны и заслуживаютъ, чтобы на нихъ остановиться.

Въ 1853 году, когда Гладстонъ былъ также въ Манчестерѣ и присутствовалъ на собраніи тѣхъ же самыхъ людей, которые теперь привѣтствовали его съ такимъ радушіемъ, бюджетъ расхода Англіи простирался до 55½ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, а бюджетъ дохода — до 59 милліоновъ, значить доходу было болѣе чѣмъ расходу на 3½ милліона. Теперь же финансовое положеніе далеко не такъ блистательно. Уравновѣшивать расходъ съ доходомъ — вотъ все, что теперь возможно. Кромѣ того, сумма, которая въ послѣднее трехлѣтіе ежегодно бралась изъ народнаго кошелька, простирается среднимъ числомъ до 70½ милліоновъ, т. е. превосходитъ ту сумму, какая ежегодно бралась въ то трехлѣтіе, когда была война съ Россією. Гладстонъ съ большимъ простосердечіемъ высказалъ по этому случаю, что подобный результатъ не представляетъ ничего утѣшительнаго.

Но кто же виноватъ въ этомъ? Развѣ англійскій народъ не хозяинъ у себя въ Англіи? Развѣ не въ этомъ заключается слава англійскаго народа и его отличіе отъ другихъ народовъ, что онъ самъ управляетъ собою? Развѣ общественное мнѣніе въ Великобританскомъ королевствѣ не самодержавно? Развѣ палата общинъ, палата перовъ, мпнистры, не находятся въ полномъ распоряженіи общественнаго мнѣнія? И наконецъ развѣ общество не выражается совершенно свободно, и развѣ эта воля не есть законъ? Итакъ само общество, и только оно одно и отвѣтственно въ тѣхъ тягостяхъ, какія на немъ лежатъ. Если оно находитъ, что теперешнее финансовое положеніе дурно, что полезно или

необходимо было бы уменьшить расходы, то это зависит совершенно отъ него: ему стоитъ только захотѣть, стоитъ только произнести слово, и это слово будетъ исполнено.

Что скажете вы на это? Мнѣ приходитъ на память по этому случаю одно весьма трогательное и еще болѣе глубокое, чѣмъ трогательное слово Евангелія: и первые изъ васъ да будутъ послѣдними. Счастлива та страна, гдѣ властію руководить такой принципъ! Тамъ не власти служатъ, а сама власть служить. Тамъ первые государственные сановники гордятся, и имѣютъ основаніе гордиться, тѣмъ, что они *public servants*. Народъ выпрываетъ отъ такого порядка вещей, а они, государственные люди, теряютъ ли что отъ этого? Правда,—ихъ тамъ меньше боятся, но за то ихъ тамъ больше уважаютъ.

LXVIII.

9-го мая.

АНГЛИЧАНЕ ВЪ ИНДІИ.

На дняхъ вернулся изъ Индіи лордъ Каннингъ. Онъ былъ назначенъ генераль-губернаторомъ Индіи въ 1855 году на мѣсто лорда Дальгузи, а теперь его мѣсто занялъ лордъ Эльджинъ.

Замѣчательно то обстоятельство, что съ этой переимѣной генераль-губернатора совпадаетъ извѣстіе совершенно такого же рода, какое въ 1835 году дало общественному мнѣнію въ Англіи столь сильный толчекъ, имѣвшій тогда столь пагубныя послѣдствія. «Персы идутъ на Гератъ. Персы взяли Гератъ. Персы угрожаютъ Кандагару.

И кромѣ того, какъ кажется, афганистанцы зовутъ англичанъ на помощь.

Къ счастью, настроеніе умовъ теперь уже совсѣмъ не то, какое было назадъ тому двадцать семь лѣтъ. Опять

произнесъ свое слово и произнесъ его съ такою силой, что нельзя было не принять его во вниманіе. Англія помнитъ, сколько денегъ и сколько крови заплатила она за то, что позволила себѣ слишкомъ испугаться русскихъ интригъ, движенія персовъ, мнимаго вѣроломства нѣкоторыхъ туземныхъ принцевъ. Идея, что тайные успѣхи русскаго вліянія угрожаютъ большой опасностію владычеству англичанъ въ Индіи, эта идея значительно утратила свою обаятельную силу.

Что туземные главы нѣкоторыхъ государствъ, пограничныхъ съ Англо-индійскими владѣніями, не чужды интригъ, не чужды заговоровъ и питаютъ къ завоевателямъ Индіи не совсѣмъ дружественныя чувства, которыми Россія не прочь была бы воспользоваться, — этому еще и до сихъ поръ многіе также твёрдо вѣрятъ, какъ вѣрили въ 1835 году; но и тѣ уже убѣдились, или по крайней мѣрѣ дѣлаютъ видъ, будто убѣдились, что если бы Россіи даже и удалось привести въ движеніе всѣ силы Кандагара и Белуджистана, то и въ такомъ случаѣ калькутскому правительству не угрожало бы никакой особенной опасности.

И въ самомъ дѣлѣ, достаточно взглянуть на карту, чтобы убѣдиться, что нашествіе можетъ угрожать только одной сѣверо-западной части Англо-индійскихъ владѣній. Но взгляните, какія государства съ ней пограничны? Белуджистанъ, Кабулъ, — страны, гдѣ нѣтъ твердо-установленнаго правительства, никакой правильной организаціи, гдѣ вмѣсто войска легіоны мародеровъ. Далѣе лежитъ Персія, страна, конечно, болѣе важная, а за Персіей — Россія, которая всегда готова ее подстрекнуть. Но достаточно англичанамъ послать эскадру въ Персидскій заливъ, и Тегеранскій дворъ придетъ въ трепетъ. Допустимъ даже, что Россіи удастся поднять персовъ и что персы ударятъ на Англо-индійскія владѣнія, — допустимъ что призракъ арміи нашествія достигнетъ границъ Спнда; но что же въ этомъ? Вступивъ на англійскую территорію, не рискуетъ ли эта армія быть съ перваго же шагу отрѣзанной отъ своихъ сообщеній? Будетъ ли какая возможность снабжать артиллеріей и припасами армію въ пятьдесятъ или шесть-

десять тысячъ человѣкъ, когда между этой арміей и базисомъ операцій будетъ двѣсти миль степенъ и горъ?

Такъ разсуждаютъ объ этомъ тѣ люди, которые, при мысли о Россіи, остаются свободны отъ того кошмара, который въ этомъ случаѣ обыкновенно овладѣваетъ Уркгартомъ и ему подобными.

Но не ошибаются ли и оптимисты въ своихъ расчетахъ; если другіе чрезмѣрно преувеличиваютъ опасность, то они, съ своей стороны, не впадаютъ ли въ другую крайность, и дѣйствительно ли *deleida Carthago* Уркгарта не болѣе, какъ безуміе?

Впрочемъ какъ бы то ни было, но общество, какъ мнѣ кажется, совершенно хладнокровно приняло извѣстія, или правильнѣе сказать, слухи, которые въ прежнія времена способны были бы привести его въ крайнее смущеніе.

Вспомните, какъ пагубна была для Англіи афганстанская война! Англичане не забыли этого: вотъ что, я полагаю, и удерживаетъ ихъ отъ излишней бдительности.

И въ самомъ дѣлѣ, всѣ бѣдствія, которыми ознаменовался этотъ мрачный періодъ англійской исторіи, имѣли своимъ источникомъ тотъ страхъ, доходившій почти до суевѣрія, какой внушало тогда сближеніе русской границы съ Англо-индійскими владѣніями. Россія въ то время смѣло и далеко раздвигала свою пограничную черту въ центральной Азіи; она имѣла тогда, или покрайней мѣрѣ такъ казалось, что она имѣла неограниченное вліяніе на персидское правительство, ничѣмъ не пренебрегала, чтобы установить владычество Персіи надъ Гератомъ и такимъ образомъ властвовать тамъ подъ чужимъ именемъ; ходили слухи о русскомъ генералѣ, который будто бы сопровождалъ въ Гератъ персидскую армію и руководилъ осадой, утверждали, что русскій агентъ, поручикъ Виковичъ, отпразднень къ Достъ-Могамедъ-Хану, царствовавшему тогда надъ Кабуломъ и Афганнстаномъ, съ порученіемъ отвлечь его отъ союза съ Англіей. Все это дѣлало, повидному, несомнѣннымъ, что Россія хочетъ завладѣть Индіей. Надо помѣшать этому во что бы то ни стало; — если

дѣйствительно Достъ-Могамедъ раскрылъ уши внушеніямъ Россіи, то нельзя терять ни минуты, надо скорѣе захватить его владѣнія, низложить его, взять въ плѣнъ и на мѣсто его посадить Шаха-Суджага, который, правда, былъ низвергнутъ своими подданными, но имѣлъ то великое достоинство, что жилъ въ Лудіанагѣ непсіей, получасмой имъ отъ англо-индійскаго правительства, и слѣдовательно былъ такой человѣкъ, на покорность котораго можно разсчитывать. Вотъ мысли, которыя въ то время овладѣли, или лучше сказать, увлекли лорда Аукленда, бывшаго тогда генераль-губернаторомъ Индіи. Но дѣйствительно ли Достъ-Могамедъ былъ расположенъ сдѣлаться орудіемъ замысловъ Россіи? Сэръ Александръ Борнсъ, политическій агентъ англичанъ въ Афганистанѣ, удостовѣрился на мѣстѣ, что ничего подобнаго не было, и высказывалъ это громко, писалъ и повторялъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

Въ своихъ дѣлахъ Борнсъ доказывалъ множествомъ несомнѣнныхъ фактовъ, что Достъ-Могамедъ былъ вѣрнымъ союзникомъ Англіи, что онъ не только не расположенъ сдѣлаться орудіемъ интригъ Россіи, а напротивъ имѣетъ искреннее желаніе разстроить эти интриги, что можно и слѣдуетъ положиться на его честность, что этого требуютъ интересы Англіи... Но все это было напрасно! Тѣ люди, отъ которыхъ зависѣлъ ходъ дѣла, не хотѣли убѣдиться аргументами Борнса. Лордъ Ауклендъ рѣшился дать афганамъ такого властителя, который былъ бы всѣмъ обязанъ Англіи, былъ бы ея креатурой, ея рабомъ. Но такъ какъ заключенія сэра Александра Борнса опирались на факты, которые легче было утаить чѣмъ опровергнуть, и такъ какъ въ Англіи существуетъ общественное мнѣніе, и было сомнительно, оправдастъ ли это мнѣніе политику генераль-губернатора или же станетъ на сторону политики, предлагаемой второстепеннымъ агентомъ,—то что же сдѣлали, какъ бы вы думали? Миѣ прискорбно говорить объ этомъ, потому что это составляетъ въ конституціонной исторіи Англіи самое черное пятно... Что же сдѣлали? Подлогъ, да, подлогъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. «Корреспонденція относительно Афганистана» была въ 1839

году напечатана правительствомъ для представленія парламенту съ такими искаженіями, которыя прямо были разсчитаны на то чтобы увѣрить парламентъ: будто во-первыхъ, Достъ-Могаметъ-Ханъ интригуетъ противъ Англіи въ пользу Россіи, и во-вторыхъ, что это подтверждается депешами сэра Александра Борнса. Всѣ факты, которые показывали, что Достъ-Могамедъ вѣрный союзникъ Англіи, были выброшены,—всѣ мѣста, въ которыхъ Борнсъ свидѣтельствовалъ о своемъ уваженіи къ главѣ афгановъ, были выброшены и депешамъ приданъ былъ такой видъ, что онѣ говорили совершенно противное тому, что на самомъ дѣлѣ хотѣлъ сказать и говорилъ въ нихъ сэръ Борнсъ. Въ главѣ министерства былъ тогда лордъ Мельборнъ, а лордъ Пальмерстонъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Какъ только Борнсъ узналъ объ этомъ искаженіи его депешъ, онъ сейчасъ же отправилъ въ Англію вѣрныя копія съ депешъ, и тогда въ обществѣ не замедлилъ распространиться слухъ, что «въ корреспонденціи по афганистанскимъ дѣламъ сдѣланъ подлогъ».

И какія же послѣдствія это имѣло? Найдется ли хоть одинъ англичанинъ, который могъ бы вспомнить объ этомъ ужасномъ времени безъ сердечнаго содроганія? Достъ-Могамедъ былъ низложенъ, взятъ въ плѣнъ, и на его мѣсто былъ посаженъ Шахъ-Суджа; базары Кабула были выжжены. Но въ возмездіе за это въ странѣ вспыхнуло общее возстаніе, и англійскія войска, вступившія въ Афганистанъ, были истреблены; изъ пятитысячной арміи, которая волочила за собой двѣнадцать тысячъ гуджатовъ, не осталось ни одного человека, и путешественникъ могъ наткнуться на скелетъ англичанина, у котораго въ зубахъ была бумага, а на этой бумагѣ было написано: «Феринги пришли въ Кабулъ, и вотъ что осталось отъ Феринговъ».

375 милліоновъ франковъ, потраченныхъ безплодно и безвозвратно, — вотъ цифра матеріальныхъ благъ, какія принесла эта экспедиція, предпринятая вопреки всѣмъ требованіямъ справедливости.

Несправедливо было бы пройти молчаніемъ, что правленіе

директоровъ старой индійской компаніи нисколько не было причастно къ той политикѣ, которая породила Афганистанскую войну. Политика эта дѣйствовала въ продолженіи семи лѣтъ безъ вѣдома компаніи, и какъ только ея дѣйствія сдѣлались извѣстны, компанія поспѣшила отвергнуть ее съ негодованіемъ. Вотъ что объявилъ полковникъ Сайксъ въ засѣданіи 19 марта 1861 года.

Если я не ошибаюсь, эта страница англійской исторіи, мало извѣстная самимъ англичанамъ, во Франціи вовсе неизвѣстна. Потому-то я, м. г., и воспользовался первымъ случаемъ остановить на ней ваше вниманіе. Бороться противъ зла по всюду и во всемъ: вотъ великое назначеніе прессы.

Хотя это письмо и безъ того уже очень длинно, но я не могу не упомянуть объ одной, только что вышедшей небольшой книжкѣ, которую я прочелъ, перечелъ, и которая произвела на меня сильное впечатлѣніе. Книжка эта есть собраніе рѣчей, произнесенныхъ въ разное время капитаномъ Иствикомъ о вопросахъ, касающихся англійскаго владычества въ Индіи. Капитанъ Иствикъ — одинъ изъ пятнадцати членовъ, изъ которыхъ состоитъ теперь Совѣтъ восточной Индіи. Когда еще власть компаніи не была совершенно поглощена властію короны, капитанъ Иствикъ былъ членомъ правленія директоровъ, т. е. однимъ изъ тѣхъ восемнадцати властителей, которые отъ имени купеческаго общества еще не такъ давно управляли изъ Лондона съ самодержавною почти властію страной, имѣющей болѣе 180 милліоновъ жителей и отстоящей отъ Лондона на три тысячи миль!

Капитанъ Иствикъ долго жилъ въ Индіи; онъ исполнялъ разныя тамъ общественныя должности, знаетъ туземный языкъ, что весьма необходимо для всѣхъ служащихъ въ Индіи; но знаніе это къ несчастію имѣли весьма немногіе. Онъ близко знакомъ съ характеромъ туземцевъ, съ ихъ правами, обычаями, съ ихъ качествами и недостатками. Слѣдовательно, его мнѣніе во всемъ, что касается Индіи, имѣетъ большой авторитетъ, и его нельзя не принимать во вниманіе. И что же! во всей его книгѣ не найдется такой строчки, которая не заключала бы въ себѣ прямого осужденія политики захватовъ

и угнетеній, которая составляетъ идеалъ такъ называемыхъ «Old Indians.» Какимъ одушевленіемъ, какимъ высокимъ чувствомъ дышетъ слово капитана Иствика, когда онъ повѣствуетъ, какъ въ 1843 году завладѣль Синдомъ сэръ Чарльсъ Нэпиръ, дѣйствовавшій тогда по полномочію отъ лорда Элленбора, бывшаго въ то время генераль-губернаторомъ. Нельзя оставаться хладнокровнымъ, нельзя удержаться отъ чувства негодованія, когда читаешь трагическую исторію этихъ синдскихъ эмировъ, которые правда сначала относились къ англичанамъ подозрительно и старались противодѣйствовать ихъ вліянію, но потомъ сами искали ихъ союза, отдали себя подъ ихъ покровительство, совершенно положились на ихъ великодушіе. Но не смотря на это англичане осыпали этихъ эмировъ ложными обвиненіями, какъ только понадобился имъ предлогъ къ преслѣдованіямъ, осудили не выслушавъ, лишили владѣній и съ высоты величія низвергли въ нищиту. Когда капитанъ Истикъ рассказывалъ въ первый разъ объ этомъ раздирающемъ душу событіи въ собраніи директоровъ, въ то время бывший владѣтель верхняго Синда, Миръ-Рустумъ, добрый и почтенный старикъ, не былъ уже болѣе въ живыхъ, а вдова его, также уже престарѣлая старуха жила въ бѣдной тростниковой хижинѣ, безъ всякихъ другихъ средствъ къ существованію, кромѣ того, что зарабатывала, торгуя лѣсомъ, у старыхъ слугъ, которые были свидѣтелями ея величія и остались ей вѣрны въ ея несчастіи.

Конецъ этой драмы представляется еще болѣе потрясающимъ, когда вспомнишь начало. Въ 1840 году Доръ-Магометъ, бывшій тогда властителемъ Синдскаго государства, пригласилъ къ себѣ передъ смертію храбраго и честнаго англійскаго офицера, ма ора Утрама. Вотъ что рассказываетъ этотъ офицеръ въ депешѣ отъ 6 декабря 1840 года: «Его высочество привѣтствовало меня именемъ брата, обняло меня за шею и держало такъ нѣсколько минутъ. Эмиръ былъ слабъ, разстроенъ, и это усиліе до такой степени истощило его силы, что онъ нѣкоторое время не могъ говорить. Наконецъ онъ сдѣлалъ знакъ подойти своему брату Миръ-Нуссиръ-Хану, и своему младшему сыну, Миръ-Гуссейнъ-Али, взявъ ихъ за ру-

ки, положили ихъ руки въ мою и сказали, обращаясь ко мнѣ: «будьте имъ братомъ и отцомъ, будьте ихъ покровителемъ.»

Приводя это мѣсто изъ денеши Утрама, капитанъ Иствикъ имѣлъ полное основаніе воскликнуть: «Новѣрилъ ли англійскій народъ тому, что это бѣдное дитя, Гуссейнъ-Али, котораго отецъ, умирая, отдалъ на попеченіе англійскаго правительства, и противъ котораго не было ни малѣйшаго обвиненія, былъ низвергнутъ съ трона, познанъ, заточенъ въ тюрьму и лишенъ всего имущества?»

Видѣть во владычествѣ англичанъ надъ Индіей одно только организованное угнетеніе, — было бы конечно и несправедливо и неразумительно. Управленіе Остъ-Индской компаніи было во многихъ отношеніяхъ плодотворно прекрасными послѣдствіями. Объ этомъ свидѣлствуетъ и капитанъ Иствикъ, — это ясно доказываетъ въ замѣчательной своей брошюрѣ и Джонъ Стюартъ Милль, которая была имъ издана въ 1858 году, когда онъ завѣдывалъ политической корреспонденціей «India-House.» Не менѣе было бы несправедливо и неразумительно подвергать безразлично общему осужденію всѣхъ людей, которые были въ этихъ отдаленныхъ странахъ представителями Англіи и уразили ея отъ ея имени. Нельзя, напримѣръ, не дѣлать различія между суровой, честолюбивой, наступательной администраціей завоевателя Пенджаба и Удскаго королевства, лорда Дальгузи, и между кроткой администраціей Каннинга, который былъ подвергнутъ столь тяжелому испытанію возстаніемъ Сипаевъ, и за которымъ навсегда останется та слава, что онъ заслужилъ прозваніе милостиваго Каннинга. Можно ли не пожалѣть, ради чести Англіи, что великія дѣла, совершенныя ею въ Индіи, были заняты такими поступками, о которыхъ капитанъ Иствикъ повѣствуетъ съ такою же мужественной искренностію, съ краснорѣчіемъ столь благороднымъ и столь страстнымъ, и съ такимъ истиннымъ патріотизмомъ. Я говорю съ истиннымъ патріотизмомъ, потому что только тотъ любитъ свою страну такой любовью, которою она можетъ гордиться, кто не дѣлаетъ ей оскорбленія — не приписываетъ справедливость въ жертву своей любви къ ней.

LXIX.

10-го мая.

НАЧАЛО И РАЗВИТІЕ АНГЛІЙСКАГО ВЛАДЫЧЕСТВА ВЪ ИНДІИ.

Начало и развитіе англійскаго владычества въ Индіи представляет собою, конечно одно изъ самыхъ поразительныхъ зрѣлищъ, какія когда либо представляла намъ исторія.

Въ послѣдній день послѣдняго года шестнадцатаго столѣтія королева Елисавета дала патенты компаніи смѣлыхъ купцовъ, которые горѣли желаніемъ попытать счастья въ далекихъ странахъ. Собранъ былъ по подпискѣ капиталъ всего только въ 30,000 фунтовъ стерлинговъ, раздѣленный на сто одну акцію, и завѣдываніе всѣмъ дѣломъ поручено было двадцати четыремъ членамъ, избраннымъ изъ числа акціонеровъ. Торговля перцомъ и пряностями,—вотъ что составляло цѣль авантюристовъ.

Въ 1612 году нѣсколько судовъ великаго Могола случайно потерпѣли отъ англичанъ нѣсколько притѣсненій въ Черномъ морѣ; чтобъ смирить гнѣвъ индійскаго властителя, король Іаковъ отправилъ къ нему депутацію на четырехъ судахъ. Эта депутація была благосклонно принята при Делійскомъ дворѣ и получила позволеніе основать факторію въ Суратѣ.

Въ 1624 году англійскій король далъ компаніи право находящихся у нея на службѣ наказывать за предѣлами Англіи, руководствуясь гражданскими или военными законами. Такъ началось превращеніе торговаго общества въ политическую корпорацію.

Въ 1664 году состоялась новая хартія, которая давала этому торговому обществу право войны и мира относительно государей и народовъ «нехристіанскихъ.» Итакъ у этихъ иностранныхъ купцовъ будутъ свои наемныя войска, они будутъ покупать и продавать съ мечемъ въ рукахъ!

Успѣхи этой компаніи были такъ быстры, что Мадрасская станція вскорѣ возведена была въ президенство, и Карлъ II уступилъ компаніи въ 1668 году островъ Бомбей, который онъ получилъ въ числѣ приданого за Катериной Португальской.

Въ 1687 году пристали къ Бенгалу десять судовъ различной величины. На судахъ былъ отрядъ пѣхоты. Отрядъ этотъ высадился, вступилъ въ войну съ набобомъ и былъ прогнанъ. Ауренгзебъ, великій Моголь, видя, чего онъ можетъ ожидать отъ такихъ беспокойныхъ людей, готовится задавить ихъ и овладѣваетъ факторіями въ Суратѣ, Мазулипатнамѣ и Вазигапатнамѣ. Вскорѣ островъ Бомбей также подвергся нападению. Джонъ Чайльдъ, душа всѣхъ предпріятій компаніи, былъ осажденъ въ замкѣ, и Бомбей былъ свидѣтелемъ какъ по его улицамъ водили чиновниковъ компаніи съ пѣями на ногахъ и съ желѣзными кольцами на шеѣ. Англичанамъ ничего болѣе не оставалось, какъ смириться. Они смирились, просили пощады у побѣдителя, ихъ представители преклонили предъ нимъ колѣна. Ауренгзебъ былъ тронутъ покорностію компаніи и возвратилъ ей ея прежнія права. Но терпѣніе! Она съумѣетъ отомстить за себя, эта компанія, и мщеніе ея будетъ ужасно.

Въ 1713 году, Бенгальское президенство, сдѣлавшись послѣ смерти Ауренгзеба жертвою хищнаго Джеффира, послало къ Делійскому двору посольство съ подарками для Могола. Подарки эти были очень мизерны, но по новизнѣ своей они должны были показаться великолѣпными. Это были чернильницы, разныя фарфоровыя, лаковыя вещи, стальные инструменты, пятеро часовъ, двадцать зеркалъ, и карта всѣхъ частей свѣта! Великій Моголь, у котораго были груды золота и который ходилъ по алмазамъ, пришелъ въ удивленіе отъ великолѣпія этихъ подарковъ.

Въ это время случилось одно обстоятельство, столько же неожиданное, сколько и странное, которое еще болѣе принесло пользы компаніи, чѣмъ кажущееся великолѣпіе ея подарковъ.

Паскаль полагалъ, что если бы у Клеопатры носъ былъ

нѣсколько подлиннѣе, то судьбы міра были бы не тѣ. Какъ ни глубоко мое уваженіе къ генію Паскаля, но я имѣю многое сказать противъ этой теоріи, которая смѣшиваетъ поводъ съ причиною. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что исторія англійскаго владычества въ Индіи представляетъ весьма курьезный примѣръ, какое, по крайней мѣрѣ повидимому, громадное вліяніе имѣютъ иногда самыя ничтожныя вещи на совершеніе самыхъ великихъ дѣлъ. Когда прибыло въ Дели упомянутое посольство, Моголь страдалъ болѣзнію, а какою — не трудно угадать, потому что всегда съ большимъ тщаніемъ избѣгаютъ называть ее. Эта болѣзнь осуждала его на мучительное воздержаніе отъ своей страсти къ дочери раджи Джуднорскаго. Вся наука докторовъ Агры и Дели оказалась безсильною и наконецъ бывшій при посольствѣ медикъ Гамильтонъ взялъ леченіе на себя. Онъ вылечилъ болѣзнь очень удачно, и когда Моголь спросилъ его, какую награду онъ хочетъ за такую услугу, то онъ просилъ, чтобы даны были имъ привилегіи, о которыхъ просить пришедшіе съ нимъ его соотечественники. Такъ даны были великимъ Моголемъ тѣ привилегіи, которыя потомъ долгое время считались великой хартіею англичанъ въ Индіи.

Я не имѣю надобности останавливаться здѣсь на томъ, какъ въ 1748 году Индія стала ареною, гдѣ съ наибольшею силой разыгралась старинная вражда между Франціей и Англіей. Было время, когда можно было ожидать, что Индія останется за французами, — а именно, когда въ 1746 году Лабурдоне, побѣдивъ комодора Пейтона, пошелъ прямо на Мадрасъ и овладѣлъ имъ послѣ нѣсколькихъ дней осады. Мадрасъ въ то время считался главнымъ пунктомъ англійскихъ владѣній въ Индіи. Кто не думалъ тогда, что взятіемъ Мадраса положенъ конецъ владычеству англичанъ въ этихъ отдаленнымъ странахъ? Франція владѣла въ то время Чандернагоромъ, Пондишери, Мадрасомъ, одной ногой она была уже въ Бенгалѣ и безраздѣльно господствовала на всемъ Коромандальскомъ берегу. Идербадскій дворъ былъ совершенно подъ ея вліяніемъ. Въ то время представителями ея могущества

и ея генія въ Индіи были трое такихъ людей, которые въ дѣлахъ человѣчества имѣють болѣе значенія, чѣмъ гигантскія арміи и многочисленныя флоты. Тамъ былъ Лабурдоне, несравненный правитель Иль-де-Франса и Бурбона, отличный морякъ, о которомъ говорили, что онъ можетъ собственными руками построить судно и повести его куда хочетъ, по дорогѣ къ богатству, или по дорогѣ къ побѣдѣ. Тамъ былъ маркизъ де-Бюсси, изворотливый и пылкій умъ, для котораго не было непроницаемыхъ тайнъ въ политическихъ лабиринтахъ. Тамъ былъ наконецъ великій Иосифъ Дюплейксъ, который имѣлъ голову, сердце и руку, годныя для основанія имперій. И кѣмъ же Франція была побѣждена въ Индіи? Увы! самою же Франціей. Между Дюплейксомъ и Лабурдоне возникла вражда; первый былъ отозванъ и его преемнику, Годафруа, дано было полномочіе заключить такой трактатъ, которымъ Франція отрекалась отъ всего, что еще было спорно; и наконецъ, въ довершеніе всего, въ Индію былъ посланъ человѣкъ, который былъ болѣе способенъ, чѣмъ кто либо, погубить вліяніе Франціи въ Индіи, — знаменитый и несчастный Ладли. Отбитый отъ Мадраса, который онъ осаждалъ, разбитый при Вандесосъ, осажденный въ Пондишери и наконецъ вынужденный сдаться, Ладли дѣлалъ ошибку за ошибкой. Свои ошибки — какъ вы знаете — онъ искупилъ на Гревской площади; но этотъ кровавый приговоръ, который неспособность принималъ за измѣну и противъ котораго съ такимъ краснорѣчіемъ возставалъ Вольтеръ, не исправилъ положенія дѣлъ, и Индія все-таки погибла для Франціи.

Около этого самого времени совершились въ Индіи тѣ событія, которыя привели къ тому, что Клайвъ могъ заставить уступить себѣ три провинціи: Бенгалъ, Багаръ и Ориссу того коронованнаго имъ измѣнника и похитителя, измѣнническими дѣйствіями котораго англичане были обязаны побѣдой при Плассей. Замѣчательно то обстоятельство, что армія, которою Клайвъ командовалъ въ сраженіи при Плассей, состояла всего только изъ девяти сотъ европейцевъ и изъ двухъ тысячъ спаевъ!

Съ этого времени собственно и начинается въ англійской Индіи господство той хищнической политики, которая не останавливалась ни передъ хитростію, не передъ интригой, ни передъ насиліемъ, которая даже въ самой Англіи возбудила общее негодованіе противъ Клайва во всѣхъ честныхъ людяхъ, такъ что онъ вынужденъ былъ защищаться противъ обвиненія въ безчестныхъ поступкахъ, и которая наконецъ довела Клайва до того, что хотя онъ и былъ оправданъ палатою общины, но кончилъ тѣмъ, что съ отчаянія убилъ себя.

Мы могли бы начертать весьма интересную, хотя и весьма печальную картину, если бы остановились на томъ, какими средствами Остъ-Индская компанія, имѣвшая въ своемъ распоряженіи людей такого закала, какъ Варренъ-Гастингсъ, лордъ Корнваллисъ и лордъ Улесли, достигла того, что могла побѣдоносно оснаживать наслѣдство великаго Могола у конфедерации Маратовъ и у этой Мисорской имперіи, съ которой неразрывно соединено навсегда имя геройскаго Типпо-Саиба. Но для цѣли, которую я имѣю въ виду, мнѣ достаточно только указать на тотъ результатъ, что такимъ образомъ Англіи досталось не только великое государство, которое она имѣла ввести въ сферу цивилизаціи, но и великое жертва для удовлетворенія ея алчности.

LXX.

11 мая.

СТАРАЯ ОСТЪ-ИНДСКАЯ КАМПАНИЯ.

Механизмъ господства Англіи надъ Индіей имѣетъ свой совершенно оригинальный характеръ, который заслуживаетъ вниманія.

Долгое время Остъ-Индская компанія управляла завоеванными странами чрезъ посредство двадцати четырехъ членовъ, которые избирались изъ ея среды и составляли такъ называемое правленіе директоровъ (court of directors.)

Можно сказать, что до 1773 года это правленіе директоровъ управляло Индостаномъ съ неограниченною, безконтрольною властію, но въ этомъ году состоялся актъ парламента, которымъ было опредѣлено, что въ Бенгалѣ долженъ находиться генераль-губернаторъ; кромѣ того учреждена была высшая судебная палата, члены которой назначались короной, а правленіе директоровъ подчинено было государственному надзору.

Въ 1784 году по предложенію Питта принять былъ «India bill,» который еще болѣе подчинялъ компанію власти министерства, чрезъ учрежденіе контрольнаго бюро по индійскимъ дѣламъ (Board of control for the affairs of India). Это бюро состояло изъ шести членовъ, назначаемыхъ отъ короны, и имѣло высшій надзоръ надъ территоріальными интересами компаніи.

На основаніи «India bill», генераль-губернаторъ Индіи, а также президенты и члены совѣта назначаются директорами и утверждаются короной; главнокомандующій же надъ войсками въ Индіи назначается короной безъ всякаго вмѣшательства со стороны директоровъ. Въ послѣдствіи министерству предоставлено было право отзывать генераль-губернатора, вслѣдствіе чего на фактъ назначеніе въ генераль-губернаторскую должность стало зависѣть отъ министерства.

Трудно, чтобы могли удержаться въ равновѣсіи два вліянія, которыя по самому существу своему склонны относиться другъ къ другу какъ соперники. Всѣ различныя измѣненія, которыя потомъ сдѣланы были въ управленіи Индіей, имѣли цѣлю и послѣдствіемъ увеличеніе власти короны на счетъ власти компаніи. Я остановлюсь на томъ порядкѣ управленія Индіей, который былъ установленъ парламентскимъ актомъ 20 августа 1853 года. Даже и въ самой Англіи не много най-

дятся людей, которые бы знали или помнили подробности этого акта.

Правленіе директоровъ должно состоять изъ восемнадцати членовъ.

Трое изъ нихъ назначаются королевой: одинъ на два года, другой на четыре года, третій на шесть лѣтъ.

Кромѣ того корона предоставила себѣ замѣщать три первыя директорскія ваканціи. Такимъ образомъ число директоровъ по назначенію отъ короны можетъ простираться до шести; остальные директора избираются компаніей.

Всѣ директора, назначаемые отъ короны, и шесть директоровъ изъ числа избираемыхъ компаніей, должны быть изъ числа тѣхъ, которые прослужили въ Индіи не менѣе десяти лѣтъ.

Не можетъ быть директоромъ, кто не имѣетъ въ фондахъ компаніи по крайней мѣрѣ 1,000 фунт. стерл., т. е. 25,000 франковъ.

Директоры, назначаемые отъ короны, могутъ быть членами парламента.

При вступленіи въ должность директора должны приносить слѣдующую присягу:

«Я, такой-то, клянусь быть вѣрнымъ е. в. королевѣ Викторіи и стараться всѣми силами хорошо исполнять обязанности, возлагаемыя на меня, какъ на директора Остъ-Индской компаніи, по ввѣренному отъ короны управленію Индіей. Богъ да поможетъ мнѣ!»

Постановленія общаго собранія членовъ компаніи признаются имѣющими силу только въ томъ случаѣ, если число присутствующихъ въ собраніи членовъ, имѣющихъ голосъ, не менѣе двадцати.

Правленіе директоровъ, когда признаетъ нужнымъ, можетъ назначать особаго губернатора въ бенгальское президенство.

Правленію директоровъ предоставляется право по ихъ усмотрѣнію утверждать новыя президенства и измѣнять границы существующихъ президентствъ.

Члены совѣта Индіи должны назначаться съ утвержденія королевы.

При составленіи законовъ и регламентовъ въ совѣтъ Индіи присутствуютъ въ качествѣ «законодательныхъ совѣтниковъ» (legislative councillors) председатель верховной судебной палаты, находящейся въ фортѣ Вилліамъ, въ Бенгалѣ, — и одинъ изъ членовъ этой палаты.

Законы и регламенты, исходящіе отъ совѣта Индіи, вступаютъ въ силу и подлежатъ обнародованію не прежде, какъ по утвержденіи генераль-губернаторомъ.

На всемъ пространствѣ территоріи, состоящей подъ управленіемъ Остъ-Индской компаніи, всѣ судебныя пени и всѣ имущества по завѣщаніямъ, признаннымъ недѣйствительными, принадлежатъ компаніи; при этомъ оговорено право генераль-губернатора сообщать съ совѣтомъ располагать по своему усмотрѣнію тѣми имуществами, которыя остаются безъ владѣльцевъ по судебному рѣшенію, или по неявкѣ наслѣдниковъ.

Назначенный королевою главнокомандующій надъ королевскими войсками въ Индіи, въ силу этого назначенія, есть также и главнокомандующій надъ войсками компаніи.

Число европейскихъ войскъ въ компаніи, состоявшее до тѣхъ поръ изъ 1,200 человекъ, можетъ быть увеличено до 20,000, если контрольное бюро по индійскимъ дѣламъ признаетъ это полезнымъ.

Президентъ контрольнаго бюро получаетъ такое же содержаніе, какъ и главные государственные секретари.

Предсѣдатель и вице-предсѣдатель правленія директоровъ получаютъ ежегодно по 1,000 фунт. стерл., прочіе же директора по 500 фунт. стерл.

Прежде правленіе директоровъ имѣло довольно обширное право патронатства. Поступленіе въ Гайлиборійскую коллегію компаніи, пріемъ въ войско компаніи въ качествѣ лекарскаго помощника, все это зависѣло прежде отъ директоровъ, а теперь, по крайней мѣрѣ по принципу, все это зависитъ отъ экзаменовъ. Программа и условія экзаменовъ опредѣляются контрольнымъ бюро.

Вотъ вкратцѣ содержаніе парламентскаго акта 20 августа

1853 года. Этотъ актъ, очевидно, представляетъ собою явный захватъ прерогативъ компаніи королевской властью.

По акту 1853 года управленіе Индіею перенло, собственно говоря, даже и не къ членамъ контрольнаго бюро, а къ предсѣдателю этого бюро, который по своему положенію имѣлъ совершенно такое же значеніе, какъ еслибъ онъ прямо былъ признанъ государственнымъ секретаремъ по департаменту индійскихъ дѣлъ. Отъ имѣть рѣшительное преобладаніе надъ правленіемъ директоровъ и въ силу помянутаго акта получилъ такое вліяніе на судьбы Индіи, какого сама корона не имѣетъ ни въ одной части британскихъ владѣній. Онъ имѣлъ право надзора надъ корреспонденціею директоровъ съ чиновниками компаніи касательно территоріальныхъ и политическихъ дѣлъ, имѣлъ право измѣнять, исправлять и даже совсѣмъ задерживать депеши директоровъ, могъ, если находилъ нужнымъ, отдавать приказанія прямо отъ себя чиновникамъ компаніи, помимо ихъ прямыхъ начальниковъ и даже безъ ихъ вѣдома. Собраніе директоровъ, получивъ отъ него конвертъ съ надписью *secret and political*, избирало изъ своей среды трехъ членовъ, которые составляли изъ себя «тайный комитетъ.» Только этотъ комитетъ и имѣлъ право знать содержаніе секретной бумаги и обязанъ былъ присягою сохранять его въ тайнѣ даже отъ своихъ сочленовъ. Полученныя такимъ образомъ приказанія немедленно передавались для исполненія чиновникамъ компаніи, и эти чиновники были обязаны, не колеблясь и немедленно, приводить ихъ въ исполненіе.

Я не буду останавливаться на томъ, какую опасность представляетъ столь деспотическая власть, и до какой степени не нормально существованіе подобной власти въ странѣ, которая всегда отличалась столь чуткою щекотливостію во всемъ, что противорѣчитъ ея конституціонализму.

Рано или поздно, но подобная власть должна была прекратиться,—что и случилось. Но съ прекращеніемъ этой власти, не исчезли тѣ преграды, которыя, такъ сказать, по самой природѣ вещей препятствуютъ хорошему управленію такой

отдаленной страной, какъ Индія. Благоразумно ли было съ политической точки зрѣнія устранять вліяніе компаніи, которая по самому существу своему была чужда всякой борьбы партій? Выигралъ ли что нибудь англійскій конституціонализмъ отъ того, что собраніе людей, спеціально знающихъ Индію, и не имѣющихъ другихъ цѣлей, кромѣ торговыхъ интересовъ своей страны, — было замѣнено министромъ, который по своему положенію не можетъ быть чуждъ духа партій, духа интригъ, которому необходимо подумать о своихъ друзьяхъ, необходимо имѣть своихъ креатуръ и смягчать сердце своихъ оппонентовъ, бросая имъ по временамъ какую нибудь подачку? Въ этомъ позволительно усумниться.

LXXI.

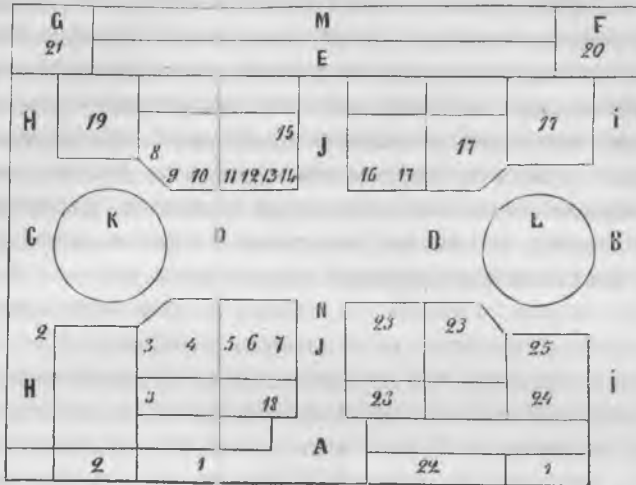
20 мая.

ЛОНДОНСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА.

Я сначала рѣшился было не говорить о выставкѣ, пока не успокоится сколько нибудь нетерпѣливое любопытство публики, пока не умолкнетъ шумъ молотковъ, не уляжется пыль, не прояснится хаосъ и не наступитъ наконецъ свѣтъ. Но я вижу, что если буду дожидаться этого свѣта, то рискую прождать всю вѣчность и потому рѣшаюсь заговорить о выставкѣ, не дождавшись свѣта.

Мнѣ предстоитъ ввести въ настоящій лабиринтъ тѣхъ изъ вашихъ читателей, которые не рѣшились переплыть проливъ, и поэтому я полагаю не лишнимъ дать имъ средства опознаться въ этомъ лабиринтѣ. Съ этою цѣлію я позволяю себѣ безъ дальнѣйшихъ церемоній просто вырвать изъ Morning Star планъ зданія выставки; этотъ планъ принадлежитъ къ тому роду плановъ, которые греки весьма удачно сравнили со слѣдомъ, какой оставляетъ на землѣ человѣческая нога.

Планъ выставки.

- A. Южный входъ чрезъ Cromwell Road.
 B. Восточный входъ чрезъ Exhibition Road.
 C. Западный входъ чрезъ Prince-Albert Road.
 D. Главная зала.
 E. Буфетъ.
 F. Восточная пристройка.

- G. Западная пристройка.
 H. Западный флигель.
 I. Восточный флигель.
 J. Трансептъ.
 K. Западный куполь.
 L. Восточный куполь.
 M. Садоводственный садъ.
 N. Заль для верхней одежды.

Лѣстницы къ галлереймъ пересѣкающимъ различные отдѣлы выставки.

1. Сѣверо-Американскіи штаты.
 2. Пруссія.
 3. Таможенный союзъ.
 4. Франція.
 5. Испанія.
 6. Португалія.
 7. Италія.
 8. Бельгія.
 9. Голландія.
 10. Швейцарія.

11. Данія.
 12. Норвегія.
 13. Швеція.
 14. Россія.
 15. 16. Турція, Бразилія, Греція.
 17. Британскія владѣнія.
 18. Римъ.
 19. Австрія.
 20—25. Англія.

Зданіе выставки занимаетъ площади почти въ 108,000 метровъ, считая въ этомъ числѣ буфеты и художественныя галлерей. Нельзя сказать, чтобы пространство было недостаточно. Я помню, однажды, когда Викторъ Гюго былъ въ Лондонѣ, мы отправились съ нимъ осматривать городъ и его памятники. Когда мы подошли съ нимъ къ знаменитой церкви св. Павла, онъ замѣтилъ мнѣ, что мое удивленіе къ архитектурѣ этого зданія нѣсколько преувеличено, и сказалъ, смѣясь: «вѣдь это тотъ же Валь-де-Грасъ, съ тою только разницею, что онъ здѣсь какъ будто проглотилъ деревяшки?» Я не нахожу, съ какимъ французскимъ зданіемъ всего лучше бы сравнить дворецъ выставки, въ которомъ есть все, и кирпичъ, и дерево, и желѣзо, и стекло; но что этотъ дворецъ проглотилъ деревянные, не подлежитъ сомнѣнію.

Зданіе выставки представляетъ изъ себя какую-то фигуру; въ немъ есть нѣчто колоссальное, громадное; но не все то велико, что громадно. Times можетъ, конечно, находить сегодня весьма хорошимъ то, что пазадъ тому нѣсяцъ находила весьма дурнымъ; измѣнять свои мнѣнія составляетъ для Times дѣло весьма обыкновенное,—это, если хотѣть, есть даже одно изъ условій ея существованія. Но что касается до меня, то я смѣло прошу дозволенія остаться при первомъ моемъ впечатлѣніи.

Правда, это громадное зданіе, занимающее собою 16 акровъ земли, было выстроено всего въ 12 мѣсяцевъ, тогда какъ зданіе парламента, занимающее только семь акровъ, потребовало для своей постройки не менѣе 25 лѣтъ; — и я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что нельзя отъ перваго изъ этихъ зданій, стоявшаго всего 430,000 фунт. стерл., требовать такихъ достоинствъ, какихъ мы вправѣ требовать отъ втораго, стоявшаго больше 2½ милліоновъ фунт. стерл. Совершенно справедливо замѣчаніе, что если зданіе выставки рѣшено будетъ сохранить, то вънемъ можно будетъ сдѣлать много значительныхъ улучшеній, но тѣмъ не менѣе, я не думаю, чтобы какія бы то ни было исправленія и улучшенія могли придать сколько нибудь монументальный характеръ этому скороспѣлому произведенію.

А купола, скажутъ мнѣ — которые имѣютъ 160 футовъ (англ.) въ діаметрѣ и 250 футовъ въ вышину, эти стеклянные купола, самые большіе, какіе когда либо производила архитектура! Если почитатели капитана Фоука думаютъ на этихъ куполахъ основать его славу, какъ архитектора, то они должны быть довольны; потому что еще прежде, чѣмъ наступило для него потомство, обычные посѣтителѣ Южнаго Кенсингтона уже называютъ его Major-dome, куполомъ майора, — а вѣдь майоръ и капитанъ все равно.

Но довольно о вышности зданія. Войдемъ теперь въ его внутренность.

— Your ticket, sir? Вамъ билетъ, милостивый государь?

— Here it is, вотъ онъ.

— All right, очень хорошо.

Таковъ неизбежный разговоръ между входящимъ посѣтителемъ и полисменомъ. Затѣмъ вамъ приходится имѣть дѣло съ турникетомъ. Турникетъ — это весьма остроумный механизмъ, какъ будто нарочно изобрѣтенный для того, чтобы дать почувствовать дамамъ все неудобство носить кринолины. Впрочемъ онъ не безъ нѣкоторыхъ неудобствъ и для мужскаго пола. Мнѣ рассказывали, что начальникъ здѣшней полиціи, сэръ Ричардъ Мэнъ, забылъ какъ-то разъ свой входный билетъ и былъ остановленъ при входѣ. Весьма естественно, что высокій сановникъ не счелъ нужнымъ затрудняться такими препятствіями, которыя, собственно говоря, должны существовать только для простыхъ смертныхъ, и — перепрыгнулъ чрезъ барьеръ. Но промышленность, также какъ и война, имѣетъ своихъ героевъ, и если переданный мнѣ рассказъ вѣренъ, то тутъ нашелся герой, который сказалъ сэру Ричарду Мэну тоже, что нѣкогда сказалъ Наполеону одинъ солдатъ, перлъ изъ всѣхъ часовыхъ: «я тебя не пропущу, еслибы ты даже былъ и самъ маленькій капралъ.» Этотъ рассказъ побудилъ меня тщательно позаботиться о томъ, чтобы не забыть свой входный билетъ, и благодаря этому, я имѣлъ удовольствіе слышать это спасительное слово: «all right.»

Итакъ мы во внутренности зданія. О! совсѣмъ не то

впечатлѣніе произвелъ на меня, когда я входилъ въ него въ первый разъ, хрустальный дворецъ 1851 года! Въ томъ зданіи было что-то волшебное, въ немъ была какая-то идея величія, таинственная и неожиданная, которая васъ съ разу обхватывала. Общій видъ былъ вмѣстѣ и очарователенъ и величественъ. Въ теперешнемъ зданіи выставки нѣтъ ничего и похожаго на это. Входишь и удивляешься, что не чувствуешь себя удивленнымъ. Посѣтитель, войдя чрезъ восточную дверь, которая выходитъ на Exhibition Road, ожидаетъ, что передъ нимъ раскроется величественная, великолѣпная зала, — и какое разочарованіе! Прежде всего онъ долженъ остережся, чтобъ не разбить себѣ носъ о которую нибудь изъ четырехъ статуй, пзъ которыхъ одна еще лежитъ на полу, а три другія какъ будто вопрошаютъ другъ друга, гдѣ ихъ мѣсто и дадутъ ли имъ мѣдесталь. Затѣмъ ему надо сдѣлать обходъ, чтобъ не наткнуться на рабочихъ, трудящихся надъ постройкою подъ восточнымъ куполомъ большого фонтана; общаются, что этотъ фонтанъ будетъ чудо, но чудо это еще не кончено. Сойдя нѣсколько ступенекъ, которыя вводятъ въ залу, посѣтитель съ безіюкойствомъ озирается, видя передъ собой путь, загроможденный разнаго рода машинами, чугунными балками, возвышеніями, столиками, этажерками и пр. и пр. Онъ думалъ войти въ великолѣпный дворецъ, а очутился на базарѣ, гдѣ смѣшеніе продуктовъ свидѣтельствуеъ о смѣшеніи языковъ.

Какъ ни велика та nuisance, — какъ выражаются англичане, — которую вамъ приходится терпѣть отъ тѣсноты въ Чипсайдѣ, но тамъ по крайней мѣрѣ толпа, которая со всѣхъ сторонъ васъ тѣснитъ, находится постоянно въ движеніи; хоть вамъ и приходится иногда цѣлыя четверть часа стоять на одномъ мѣстѣ, вслѣдствіе большого стеченія омнибусовъ, кэбовъ, тильбюри и повозокъ, но вы не приходите въ отчаяніе, предъ вами возможность выхода, потому что и люди, и омнибусы, и кэбы, и тильбюри, и повозки, все это такіа препятствія, которыя движутся. Но трофеи, которыми загромождена главная зала выставки, это — препятствія неподвижныя.

Я сказалъ трофей. Не подумайте, чтобъ на международномъ языкѣ выставки слово трофей означало добычу отъ побѣжденнаго непріятеля, собраніе оружія, приведенное въ художественный порядокъ и напоминающее собою о какой нибудь кровавой битвѣ, — нѣтъ, здѣсь это слово имѣетъ другой смыслъ. Я вамъ сейчасъ объясню, какой смыслъ имѣетъ это слово, если только вамъ угодно будетъ послѣдовать за мной въ главную залу выставки.

Мы направимся съ востока на западъ. Но право у насъ будетъ фонтанъ безъ воды, а налѣво гранитный обелискъ. Постараемся протѣсниться мимо модели *Waggon*, вдоль лѣса штыковъ, потомъ мимо этой пушки, которая какъ будто нацѣлена на маякъ, стояцій на одной съ нею линіи, какъ разъ въ серединѣ прохода. При взглядѣ на этотъ маякъ и на эту пушку мнѣ приходитъ на мысль, не представляютъ ли уже они изъ себя эмблему отношеній между животною силой и разумомъ. Минуемъ скорѣе матеріи, кожи, телескопы, мѣха, которые охраняетъ тигръ съ разинутой пастью. Тутъ остерегитесь, чтобъ не наткнуться на лафетъ, — остерегитесь опять, чтобы не наткнулся на карету. Наконецъ, слава Богу! передъ нами трофей.

Остановите ваше вниманіе на этой фигурѣ, похожей на пирамиду. Она вся убрана зеленью; на вершинѣ ея, на голубомъ шарѣ, стоитъ Побѣда; пьедесталь убранъ раковинами и цвѣтами; три пары ангеловъ наклонили три рога изобилія надъ головами быка, барана и оленя; кругомъ этажерки, уставленные бисквитами, мыломъ, сигарами, сургучемъ, зубочистками, свѣчами, корнیشонами. Вотъ вамъ монументъ побѣды, одержанныхъ бакалейнымъ производствомъ. Это — трофей. На той же линіи, налѣво, взгляните на величественное собраніе гребней, тростей, щетокъ, свѣчъ. Вотъ вамъ другой трофей. Подвиньтесь немного далѣе, и передъ вами собраніе куколъ, картонныхъ лошадокъ и экипажей по двѣ копѣйки за штуку. И это тоже — трофей. Дѣти, надѣюсь, не могутъ пожаловаться, чтобъ ихъ забыли.

Впрочемъ несправедливо было бы относить къ одной ка-

тегоріи всѣ предметы, которыми загромождена главная зала выставки. Такъ наиримѣръ предъ итальянскимъ отдѣленіемъ, котораго независимость поставлена подъ охрану бюста Виктора-Эммануила и статуи Гарибальди, стоящей какъ разъ при входѣ въ отдѣленіе съ знаменемъ въ одной рукѣ, и съ мечемъ въ другой,—передъ этимъ отдѣленіемъ разставлены богатые образцы столярнаго искусства: великолѣпныя постели и кресла, буфеты рѣзной работы, столы флорентійской мозаики. Тутъ есть на что посмотреть.

Одно изъ главныхъ препятствій, затрудняющихъ свободное движеніе по залѣ, это столъ, на которомъ показываются музыкальные инструменты, сдѣланные въ Женевѣ. Здѣсь постоянно тѣснится большая толпа,—и преимущественно дамы. Представьте себѣ небольшой ящичекъ, который умѣстится въ карманѣ вашего жилета; вы открываете этотъ волшебный ящичекъ, и изъ него выскакиваетъ спигирь, бьетъ крылышками и поетъ,—и притомъ поетъ превосходно! Вы можете послѣ этого судить, какое любопытство должно возбуждать въ дамахъ это примѣненіе механики къ музыкѣ, — тутъ такая всегда толпа, что и не проберешься. Впрочемъ я готовъ согласиться, что эти произведенія Женевы заслуживаютъ занимать мѣсто на выставкѣ.

Я не нахожу также заслуживающимъ порицанія, что Франція дозволила себѣ нѣкоторые захваты, если уже было рѣшено, что главный проходъ не будетъ свободенъ. Въ одномъ изъ прежнихъ писемъ, когда число экспонентовъ отъ различныхъ странъ еще не было въ точности извѣстно и списокъ ихъ былъ не полонъ, я вамъ писалъ, что число французскихъ экспонентовъ будетъ превышать 4,000: мое приблизительное исчисленіе оказалось довольно близкимъ къ истинѣ, такъ какъ офиціальная цифра французскихъ экспонентовъ 4,780. Цифра весьма почтенная, и потому, хотя изъ 108,000 квадратныхъ метровъ, которое занимаетъ зданіе выставки, въ распоряженіе Франціи предоставлено 13,740 метровъ, но нѣтъ ничего удивительнаго, что она не нашла, чтобъ этого пространства было для нея слишкомъ много и весьма понятно, что она

не хотѣла потерять ни одного дюйма. Вотъ почему у нея также есть свои аванпосты въ главномъ проходѣ, но не въ серединѣ прохода, — они не мѣшаютъ свободному обращенію публики, не препятствуютъ глазу, — а съ боку, параллельно линіи, идущей отъ одного купола къ другому.

Прибавлю къ этому, что предметы, выставленные въ проходѣ, возбуждаютъ ожиданіе найти много хорошаго въ самомъ отдѣленіи и въ его галлерейхъ. Прежде всего бросается въ глаза великолѣпный коверъ фабрики Обюссона, экспоненты братья Брекенье. На коврѣ изображена Красавица, спящая въ лѣсу. Далѣе вниманіе ваше привлекаетъ богатая мебель, экспонентъ Фурдинэ, — и въ особенности небольшая мебель чернаго дерева, во вкусѣ Renaissance. Работа въ высшей степени изящна. Выдвижные ящики обдѣланы слоновой костью. Аллегорическія фигуры, какъ напр. Обиліе и Миръ, Марсъ и Минерва, Аполлонъ и Діана, Похищеніе Прозерпины, — сдѣланы превосходно. Мебель эта продана за 35,000 франковъ. Эта цифра краснорѣчивѣе всякихъ похвалъ.

На той же линіи выставленъ прекрасный каминъ изъ зеленого мрамора съ бронзовыми фигурами, экспонентъ Фурдинэ. На средней части каминна изображена охота; по бокамъ статуи: одна изображаетъ отправленіе на охоту, а другая — возвращеніе съ охоты; около пустаго мѣста, которое предназначено для часовъ, наклонились одинъ къ другому два ребенка: одинъ изъ нихъ изображаетъ утро, а другой вечеръ.

Образцы стариннаго оружія отдѣляютъ монументальный каминъ Фурдинэ отъ бронзовыхъ издѣлій Маршана. По обѣимъ сторонамъ этого оружія стоятъ два льва между двумя великолѣпными люстрами. Ступайте прямо подъ эти люстры, и войдете въ святилище французской промышленности. Повторю еще разъ, всѣ предметы, выставленные Франціею въ главномъ проходѣ, имѣютъ видъ весьма привлекательный и возбуждаютъ въ посѣтителѣ сильное желаніе оставить главный проходъ и войти во французское отдѣленіе.

Но выставка, вѣдь это цѣлый міръ. Я не въ состояніи теперь же представить полный ея обзоръ, не могу еще

сдѣлать никакого общаго заключенія. Я слышалъ отъ одного знатока, и знатока безпристрастнаго, что если сравнить прогрессъ, сдѣланный Франціей и Англіей, то у французовъ замѣтно стремленіе низводить искусство на ту степень, чтобъ оно удовлетворяло требованіямъ торговли, а у англичанъ на оборотъ, стремленіе возводить требованія торговли на такую степень, чтобъ они не противорѣчили требованіямъ искусства. Но я считаю нужнымъ оговорить, что это мнѣніе требуетъ повѣрки.

Я еще успѣлъ только вскользь осмотрѣть выставку, и могу сказать теперь только то, что по моему мнѣнію и Англія и Франція остались и на этотъ разъ вѣрны своимъ обыкновеннымъ качествамъ.

Бельгія занимаетъ на выставкѣ почетное мѣсто какъ своими картинами и статуями, такъ и своими произведеніями,— и я полагаю что при сравнительной оцѣнкѣ произведеній, выставленныхъ различными народами, она займетъ гораздо болѣе мѣста, чѣмъ сколько занимаетъ въ зданіи выставки.

Австрія замѣнулась въ своемъ отдѣленіи какъ будто въ Веронской крѣпости. Ея отдѣленіе состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ, находящихся одинъ подлѣ другаго. На первомъ планѣ выставлены люстры, канделябры, жирандолы; вообще австрійское отдѣленіе богато снабжено изящными произведеніями, и входъ въ него представляетъ весьма блестящій видъ.

Утверждаютъ, что Таможенный союзъ доставилъ на выставку много хорошаго, но, къ сожалѣнію, его отдѣленіе до сихъ поръ еще не приведено въ порядокъ: то, что слѣдовало бы прикрыть, выставлено на первый планъ, а хорошія вещи до сихъ поръ недоступны для глазъ публики. Это не то, что французы; тѣ не подвергнутъ себя подобному упреку.

Австралія, этотъ великій народъ, выросшій такъ сказать въ одну ночь, какъ грибокъ, приводитъ въ удивленіе всѣхъ своихъ посѣтителей. Какъ быстро вырастаютъ народы въ нашъ вѣкъ!

А Италія?—Италія, м. г., начинается снова быть Италіей. Римъ, даже и тотъ, какъ его ни давить папство, возбуждаетъ удивленіе въ посѣтителѣ. При видѣ его произведеній чувствуешь, по крайней мѣрѣ, не меньшее удивленіе къ его

генію, какъ и сожалѣніе о его судьбахъ. Всякій разъ, какъ случилось мнѣ быть въ римскомъ отдѣленіи, я постоянно находилъ тамъ толпу посѣтителей. Это отдѣленіе представляетъ собой нѣчто въ родѣ какого то святилища,—стоитъ какъ будто особнякомъ,—имѣетъ видъ спокойный, улыбающійся и вмѣстѣ съ тѣмъ меланхолическій. Здѣсь все дышетъ художественностію. По серединѣ стоятъ драгоценныя вещи, ящики обитыя золотомъ, столы изъ мозаики,—особенно замѣчателенъ одинъ столъ, который присланъ папою въ подарокъ англійской королевѣ; кругомъ все обставлено предестными статуями.

Въ особенности поразила меня группа, изображающая какъ старая цыганка гадаетъ молодой дѣвушкѣ. Фигура гадальщицы превосходна; я вижу въ ней типическое изображеніе челоуѣка, для котораго ложь до такой степени обратилась въ привычку, что стала для него истиной. Фигура молодой дѣвушки выражаетъ и любовитство и вмѣстѣ веселость: невинность не боится дурныхъ предсказаній. Вниманіе же публики преимущественно останавливается на Сивиллѣ и на Клеопатрѣ. Статуи эти дѣйствительно очень хороши. Если бъ я считалъ себя въ правѣ дозволить себѣ критику, то замѣтилъ бы, что эта Клеопатра, которой такъ удивляются и которая, безъ сомнѣнія, достойна того, чтобъ ей удивлялись, имѣетъ, по моему мнѣнію, тотъ недостатокъ, что уже слишкомъ вѣрно изображаетъ собой Египтянку и недовольно сладострастно, какъ бы того требовала историческая вѣрность. Если бы Клеопатра дѣйствительно обладала только тою величественной красотой, какъ ее изображаетъ статуя, то едва ли бы Антоній, этотъ чувственный солдатъ, проигралъ изъ-за нея битву при Акціумѣ.

Такъ какъ я заговорилъ уже о статуяхъ, то не могу пройти молчаніемъ Венеру знаменитаго англійскаго скульптора Джибсона. Она слегка раздвѣчена, и даже весьма слегка, не болѣе того, сколько нужно, чтобъ можно было отличить розовое тѣло отъ бѣлой драпировки, и выставлена на удивленіе профанамъ въ миниатюрномъ храмѣ греческой формы. Храмъ этотъ соорудилъ для нея Оуэнъ Джонсъ по прави-

ламъ полихромической архитектуры. Хорошо ли сдѣлалъ Оуэнъ Джонсъ, поступая такимъ образомъ, или не хорошо, я предоставляю это рѣшить людямъ болѣе ученымъ, чѣмъ я. Карлъ Бланъ, я полагаю, нахмуритъ брови, а Гитторфъ будетъ въ восторгѣ. Впрочемъ Венера Джибсона разцвѣчена до такой степени слегка, что тутъ нѣтъ еще основанія ни къ слишкомъ горячимъ протестаціямъ, ни къ слишкомъ шумнымъ bravo. Конечно, тутъ сдѣланъ шагъ къ полихроміи, но шагъ весьма скромный!

Нельзя не упомянуть также о группѣ шведскаго скульптора Петтера-Молина. Группа эта есть произведеніе весьма замѣчательное; она представляетъ двухъ борющихся людей вооруженныхъ ножами. Фигуры весьма энергичны, выразительны, типичны. Группа эта стоитъ въ проходѣ близъ задняго купола. На той же сторонѣ, въ концѣ прохода, и какъ разъ по срединѣ его красуется Венера выходящая изъ моря... бельгійскаго скульптора Фрейкина. И тѣло и фигура очаровательны; поза весьма граціозна. Но къ чему эта распустившаяся драпировка, которую Венера одной рукой стягиваетъ себѣ на голову? Если Венера когда либо была голая, то ужъ скорѣе всего, когда выходила изъ моря.

Я бы съ удовольствіемъ поднялся изъ rez-de-chaussée въ первый этажъ чтобъ поговорить съ вами о картинныхъ галереяхъ; но нашъ другъ и сотрудникъ Бюргеръ самъ здѣсь, и я не могу посягать на его владѣнія. Впрочемъ я позволю себѣ замѣтить, — и надѣюсь, что Бюргеръ не оставитъ наказать меня на истинный путь, если я ошибаюсь, — что французская школа явилась на выставку не въ полномъ своемъ блескѣ. Выставленные здѣсь картины Ари Шеффера, Фландрина, Евгенія Делакруа, Делароша, Гюдена, Мейссонье, по моему мнѣнію, не дають вѣрнаго понятія о богатствѣ и силѣ произведшихъ ихъ талантовъ.

Источникъ Ингра чудо какъ хорошъ: никогда еще мечты поэта не создавали болѣе цѣломудреннаго и болѣе очаровательнаго образа молодой дѣвушки. Но одного произведенія недостаточно, чтобъ дать понятіе о цѣлой школѣ. На вы-

ставкѣ всего только одна картина Розы Бонёръ. Англичане будутъ роптать на это, будьте увѣрены: они вѣдь страстно любятъ картины Розы Бонёръ. Но имъ едва ли будетъ по вкусу слишкомъ большое количество нашихъ военныхъ картинъ, и они, вѣроятно, найдутъ, что ихъ прислано много. Они не очень долюбиваютъ героевъ въ красныхъ штанахъ Гораса Верне и Ивона. И нельзя въ самомъ дѣлѣ не согласиться, что французская школа на выставкѣ слишкомъ ужъ много тратитъ пороку. Вы увидите тутъ и сраженіе при Алмѣ, и сраженіе при Солферино, Малаховъ курганъ, Малахову горжу, Приступъ на Малаховскій курганъ, и въ довершеніе всего Белланже предлагаетъ, какъ предметъ, достойный возбуждать удивленіе въ вѣрно-подданныхъ королевы Викторіи, — каре республиканской пѣхоты, отбивающее атаку австрійскихъ драгунъ въ 1795 году.

Нельзя не признать, что англійская школа предстала на выставку съ величественнымъ блескомъ, — что ей и не было трудно! Она вызвала къ себѣ на помощь всѣ силы своего прошлаго и выставила мертвыхъ на состязаніе съ живыми. Я готовъ воздать поклонъ до земли автору шести драмъ, изъ которыхъ состоитъ модная свадьба; но вѣдь Гогартъ родился въ 1697 г. и умеръ въ 1764 г. Я не знаю ничего идеальнѣе этихъ чудныхъ головокъ, ничего очаровательнѣе портрета Джорджіаны Спенсеръ, герцогини Девонширской; но вѣдь сэръ Рейнольдъ не дожилъ и до конца 18 столѣтія. Голубое дѣтя есть мастерское, оригинальное произведеніе, но вѣдь Гэнсборо принадлежитъ временамъ прошедшимъ. Я не спорю, картины Турнера превосходны; но если англичане выставляютъ Турнера, то въ такомъ случаѣ да будетъ дозволено намъ противопоставить ему егo великаго учителя Клода Лоррена.

Замѣчательны также Бельгійскія картины, которыя установлены съ большимъ вкусомъ. Изъ нихъ особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе драматическія картины бельгійскаго Делароша, Галлэ, — ученія и глубокомысленныя картины Лейса и наконецъ сцены нравовъ остроумнаго Маду.

Впрочемъ довольно о картинахъ. Бюргеръ расскажетъ вамъ о нихъ лучше, чѣмъ я. Каждому свое. И притомъ нельзя же описать все разомъ въ одинъ день! Письмо это и такъ уже длинно.

LXXII.

19 ЮНЯ.

КАКЪ ПРИНЯТА ВЪ АНГЛІИ МЫСЛЬ О ПОСРЕДНИЧЕСТВѢ.

Какъ радостно привѣтствовали всѣ истые англичане мысль о посредничествѣ между Сѣверными и Южными штатами Америки, но, замѣтите, о посредничествѣ со стороны одной только Франціи! Они сразу поняли, что въ такомъ случаѣ всѣ затрудненія и всѣ опасности, какія представляетъ подобное посредничество, будутъ только для насъ, французовъ, а для нихъ однѣ только выгоды.

Конечно,—и я счастливъ, что могу признать это,—въ Англіи много людей, которые одушевлены самыми высокими и благородными чувствами. Между этими людьми мысль о посредничествѣ не имѣла успѣха. Они не чувствуютъ ни малѣйшаго желанія, чтобы Франція произвела всемірный пожаръ и погибла бы на этомъ пожарѣ, они сочувствуютъ той сторонѣ, которая не обезпечена рабствомъ, и не видятъ въ этомъ ничего утѣшительнаго, если мечъ, который былъ поднять за независимость Італіи, обратится противъ великой Сѣверо-Американской республики, и притомъ въ такую минуту, когда эта республика переживаетъ самыя тяжелыя испытанія. Языкѣ Daily-News, Morning-Star имѣетъ что-то освѣжающее душу. Кромѣ того, мнѣ случилось на дняхъ прочесть о сѣверо-американской распрѣ статью, которая свидѣтельствуетъ, что по эту сторону пролива есть высокіе мыслители, которые не отдѣляютъ интересовъ своего отечества отъ требованій справедливости. Статья эта написана Джономъ Стюартомъ Миллемъ.

Но въ Англіи, какъ и вездѣ, есть люди, которые смотрятъ на всѣ вопросы съ исключительной точки зрѣнія національ-

ныхъ интересовъ. Люди этого сорта не осудили проэктъ посредничества, а напротивъ, предъ ихъ глаза предстала утѣшительная для нихъ перспектива, какъ это посредничество будетъ отвергнуто, какъ отказъ принять посредничество произведетъ раздраженіе, раздраженіе поведетъ въ угрозамъ, за угрозами послѣдуютъ непріязненные дѣйствія, и въ концѣ концовъ война между Франціей и Америкой.

Сѣверо-американская демократія далеко распростерла свое владычество и даетъ чувствовать свою силу на всѣхъ концахъ земнаго шара; она удивила, встревожила Англію необыкновеннымъ развитіемъ своего могущества; и это весьма понятно, потому что ея могущество опирается на тѣ же принципы, какъ и могущество Англіи, на промышленность и торговлю; у нея тѣ же средства, та же цѣль, господство надъ морями. Великая торговая и мореходная демократія не можетъ не внушать сильныхъ опасеній англійской аристократіи, и весьма естественно, что эта аристократія съ радостію смотритъ на все, что можетъ повести по крайней мѣрѣ къ ослабленію, если не къ совершенному паденію двухъ народовъ, которыхъ она наиболѣе боится.

О! если бѣ было основаніе надѣяться, что при теперешнихъ обстоятельствахъ посредничество будетъ имѣть успѣхъ, въ такомъ случаѣ то одобреніе, съ какимъ многіе органы общественнаго мнѣнія приняли мысль о посредничествѣ, можно было бы приписать безукоризненному чувству человеколюбія, чистымъ стремленіямъ къ общему благу. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ оставаться равнодушнымъ, нельзя же не желать, чтобы скорѣе кончилась эта страшная борьба, которая обогрѣваетъ кровью новый свѣтъ и грозитъ голодомъ старому свѣту! Но если мы допустимъ эту гипотезу, если мы допустимъ, что посредничество дѣйствительно можетъ имѣть успѣхъ, то не очевидно ли, что Англія въ такомъ случаѣ поспѣшила бы присоединить свои успія къ успіямъ Франціи? Англія болѣе, чѣмъ какая либо другая страна, терпитъ отъ сѣверо-американской распри, ей гажеле, чѣмъ кому либо, оставаться скрестивъ руки. Спросите объ этомъ ланкаширцевъ!

Но не смотря на это что же мы видимъ? Англичане изъявляютъ сильное желаніе, чтобъ мы вмѣшались, а сами отступаются отъ всякаго вмѣшательства. Послушайте, что говорятъ они объ этомъ! Все это было бы довольно смѣшно, еслибы не было очень грустно. Они говорятъ: зачѣмъ Англіи предлагать свое посредничество? Будьте увѣрены, она съ радостію бы его предложила, еслибы могла имѣть какую нибудь надежду на успѣхъ. Но есть ли для нея хоть малѣйшая вѣроятность успѣха? Кто не знаетъ какими чувствами одушевлены противъ Англіи и въ Вашингтонѣ и въ Нью-Йоркѣ! Если бы Англія вздумала предложить свое посредничество, то это приняли бы за оскорбленіе. Франція же, напротивъ, находится въ положеніи весьма благопріятномъ для того, чтобы принять на себя роль посредницы. Ее не только уважаютъ по ту сторону океана,—ее любятъ. Ей безраздѣльно должна принадлежать вся честь — возстановить миръ въ Америкѣ и дать хлопокъ Европѣ!

Такъ говоритъ Times; такъ говорятъ вгорячіе ему журналы; такъ говорятъ и клубные и салонные политики.

Что же побуждаетъ ихъ такъ говорить? Причина этому весьма простая. Они дѣлаютъ видъ, будто не знаютъ, а сами между тѣмъ знаютъ очень хорошо, что мексиканская экспедиція очень не нравится сѣвернымъ республиканцамъ, что она возбудила въ нихъ сильныя опасенія и даже раздражила ихъ, и что никогда еще посредничество со стороны Франціи не имѣло такъ мало шансовъ быть благопріятно принятымъ въ Вашингтонѣ, какъ именно теперь, когда на перекоръ доктринѣ Монроэ, французское правительство простерло свою руку на Мексику. Очевидно, они желаютъ посредничества Франціи не потому, чтобъ это посредничество имѣло шансы успѣха, а напротивъ потому, что оно имѣетъ всѣ шансы неуспѣха.

И посмотрите, какое противорѣчіе! Тѣ же самые журналы, которые заблаговременно прославляютъ благотѣльные результаты нашего вмѣшательства, утверждаютъ, что распаденіе Сѣверной Америки стало неизбежно, что междоусобная война породила тамъ ненависть глубокую, непримиримую.

Они повторяютъ на всевозможные тоны, что побѣда Сѣвера надъ Югомъ весьма сомнительна, что во всякомъ случаѣ покореніе Юга невозможно, что между Сѣверомъ и Югомъ разверзлась непроходимая бездна! Не безъ удовольствія указываютъ они на мужественное населеніе Нью-Орлеана, на крайнія средства, къ какимъ вынужденъ прибѣгать побѣдитель, чтобъ одолѣть сопротивленіе побѣжденныхъ, на то, какъ въ Нью-Орлеанѣ женщины оскорбляютъ солдатъ и плюютъ въ «знамя», и что генераль Ботлеръ не нашелъ другаго средства остановить ихъ, какъ отдать приказъ, чтобъ «поступали съ ними, какъ съ публичными женщинами». Они напоминаютъ, что генераль Вуль грозилъ населенію Норфолька прекратить всякую торговлю, если оно не смирится, и сравниваютъ эту мѣру съ тѣмъ, какъ если бы осудили военнопленныхъ на смерть голодомъ, что генераль Фремонъ вынужденъ былъ объявить, что не находитъ другаго средства усмирить Миссури, какъ разстрѣливать каждаго, взятаго съ оружіемъ въ рукахъ. И изъ всего этого они спѣшатъ заключить, что между борющимися сторонами невозможно никакое примиреніе, что между ними идетъ борьба на смерть.

Представлять въ такомъ видѣ положеніе дѣлъ въ Америкѣ и подстрекать насъ къ внимательству—не насмѣшка ли это!

А между тѣмъ англійское правительство не выказываетъ ни малѣйшаго желанія выйти изъ своей пассивной, нейтральной роли.

Недавно лордъ Россель, отвѣчая Кэрнэrvону въ палатѣ лордовъ, не ограничился — какъ бы это, онъ могъ сдѣлать и какъ бы на его мѣстѣ сдѣлалъ лордъ Пальмерстонъ — объявленіемъ, что слухъ о посредничествѣ неоснователенъ, но прямо высказалъ, что порицаетъ всякую мысль о посредничествѣ при теперешнихъ обстоятельствахъ, и порицаетъ какъ честный человекъ не только съ англійской точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія общаго интереса. Онъ не находитъ желательнымъ, чтобы Франція сдѣлала то, чего онъ не желаетъ, чтобъ сдѣлала Англія. Хорошо, если бы и обо всѣхъ государствѣн-

ныхъ людяхъ можно было сказать то, что Times говоритъ о лордѣ Росселѣ, называя его человѣкомъ смѣло говорящимъ.

Указывая на то, что произошло въ парламентѣ при обсужденіи американскихъ дѣлъ, я не могу не упомянуть, съ какою энергіей лордъ Пальмерстонъ, при рукоплесканіяхъ палаты общинъ, клеймилъ прокламацію генерала Ботлера. Прокламація эта, дѣйствительно, достойна всякаго осужденія. Лордъ Пальмерстонъ не остановился даже передъ тѣмъ, чтобы назвать ее позорной, infamous. «Каждый истинный англичанинъ—воскликнулъ онъ—долженъ сторѣть со стыда при мысли, что подобный поступокъ могъ быть совершенъ человѣкомъ англо-саксонской расы». И продолжая тѣмъ же тономъ, онъ заключилъ слѣдующей угрожающей фразой: «что же касается до того, какое рѣшеніе приметъ ея величество (въ случаѣ если вашингтонское правительство не отречется отъ этой прокламаціи), то палата позволитъ мнѣ сказать, что это требуетъ размысленія».

Замѣчательно, что лордъ Россель, говоря о томъ же предметѣ въ палатѣ лордовъ, выразился далеко не такъ рѣзко. Онъ нисколько не оправдываетъ прокламаціи генерала Ботлера, онъ осуждаетъ ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ понять, что она, по его мнѣнію, входитъ въ общую категорію варварскихъ военныхъ обычаевъ, которые должны исчезнуть съ цивилизаціей. Кромѣ того онъ объявилъ при этомъ, что по полицейскимъ правиламъ, дѣйствующимъ въ Нью-Орлеанѣ, женщины дурнаго поведенія за безпорядки на улицѣ заключаются въ тюрьму, и что такимъ образомъ прокламація Ботлера можетъ быть имѣть только тотъ смыслъ, что «женщины, которыя будутъ оскорблять американскихъ офицеровъ и солдатъ, подлежатъ тюремному заключенію». Наконецъ лордъ Россель выразился такъ, что, повидимому, не сомнѣвается въ томъ, что правительство Сѣверо-Американскихъ штатовъ, ради своего собственнаго интереса, не замедлитъ отречься отъ этой прокламаціи, и что вся отвѣтственность въ этомъ случаѣ лежитъ на генералѣ Ботлерѣ.

Можетъ быть я ошибаюсь, но по моему мнѣнію достаточно сравнить, что было сказано по этому случаю лордомъ Росселемъ и что было сказано лордомъ Пальмерстономъ, чтобы понять, что они идутъ не совсѣмъ по одной и той же дорогѣ. Лордъ Пальмерстонъ въ глубинѣ души—истый тори, и какъ прилично министру тори, клонить на сторону Юга; что же касается до лорда Росселя, то онъ—либеральный министр и, склоняясь на сторону Сѣвера, совершенно вѣрнѣ своей роли.

LXXIII.

20 іюня.

ИЗУЧЕНІЕ СОЦІАЛЬНОЙ НАУКИ.

Въ 1857 году основана была ассоціація съ цѣлію способствовать прогрессу соціальной науки. Замѣчу мимоходомъ, что я также имѣю честь быть членомъ этой ассоціаціи. Основатель ее лордъ Брумъ, этотъ старикъ, который, какъ и лордъ Пальмерстонъ, одаренъ по видимому вѣчной молодостию, и котораго дѣятельность не знаетъ ни усталости, ни отдыха.

Изучить, какіе есть лучшіе пути для исправленія законовъ, для расширенія и очищенія источниковъ человѣческаго знанія, для предупрежденія и пресѣченія преступленій, для исправленія преступниковъ, для охраненія общественнаго здравія, и вообще изучить, какіе лучшіе пути для того, чтобы установить политическую экономію на истинныхъ ея основахъ: такова цѣль ассоціаціи.

Съ самаго начала предположено было, что всѣ общества и частныя лица, занимающіеся разрѣшеніемъ этихъ жизненныхъ вопросовъ, будутъ ежегодно собираться и подвергать всестороннему обсужденію всѣ темные и сомнительные пункты. Рѣшено было, что ассоціація должна состоять изъ пяти отдѣловъ, и что отдѣломъ юриспруденціи будетъ завѣдывать лордъ

Джонъ Россель, отдѣломъ воспитанія — сэръ Джонъ Пакингтонъ, — исправленія преступниковъ — лондонскій епископъ, общественнаго здравія — лордъ Стэнли и наконецъ — социальной экономіи — лордъ Литльтонъ.

Вотъ какъ началось движеніе въ пользу социальной науки, и вы видите, къ какому слою общества принадлежатъ тѣ люди, которые съ самаго начала признаны были наиболѣе способными руководить движеніемъ.

Этотъ фактъ весьма характеристиченъ; онъ объясняетъ намъ могущество англійской аристократіи. Аристократія Англіи не ведетъ противъ прогресса систематической оппозиціи, какъ это дѣлало въ былое время наше французское дворянство, которое замыкалось въ своихъ старыхъ предразсудкахъ, какъ въ укрѣпленномъ замкѣ; она зорко слѣдитъ за прогрессомъ и искусно обращаетъ его въ свою пользу.

Едва ли можно указать на такой вопросъ, который бы глубоко интересовалъ народъ и съ которымъ бы въ то же время не соединялось какое нибудь аристократическое имя Англіи. Зайдетъ ли дѣло объ открытіи школъ для немущихъ, о гигіеническомъ улучшеніи кварталовъ, заселенныхъ бѣдными, объ ограниченіи работъ дѣтей и женщинъ на фабрикахъ, о распространеніи образованія, — предъ вами явятся имена графа Шефтсбюри, графа Карлейля, графа Грея, лорда Стэнли, сэра Джона Пакингтона, лорда Врума и пр. и пр. Не поразительная ли это вещь, что люди, занимающіе самое высокое мѣсто въ обществѣ, сходятъ съ своей высоты и съ лампою въ рукахъ посѣщаютъ самыя темныя закоулки общественнаго строя?

Не подумайте, чтобъ англійскіе аристократы поступали такимъ образомъ изъ стремленія къ опасной славѣ, которая обыкновенно составляетъ награду и вмѣстѣ наказаніе нововводителя. Я беру смѣлость высказать вполне мою мысль, — я подозреваю, что даже и въ этой попыткѣ содѣйствовать прогрессу социальной науки заключается скрытая цѣль противопоставить вліяніе аристократіи тому вліянію, какое могутъ имѣть нѣкоторые идеи, которыхъ побаиваются. Но что намъ

за дѣло до этихъ скрытыхъ цѣлей? Для насъ важно то, что такъ или иначе, но проблемы, требующія рѣшенія, становятся предметомъ серьезной разработки. Для насъ важно то, что истина не подвергается опасности быть задавленной, что ей не грозитъ участь оставаться долгое время въ неизвѣстности. Зажгите всѣ свѣтильники: остальное истина сама все сдѣлаетъ. Она узнаетъ своихъ.

LXXIV.

ФРАНЦУЗСКОЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И АНГЛІЯ ВЪ МЕКСИКѢ.

Англичане отступились въ Оризабѣ отъ совокупнаго дѣйствія съ Франціей, потому что во 2-й статьѣ конвенціи 31 октября сказано:

«Высокія договаривающіяся стороны обязываются при употребленіи принудительныхъ мѣръ, которыя предусматриваются настоящей конвенціей, не домогаться для себя никакихъ земельныхъ пріобрѣтеній и никакихъ особенныхъ выгодъ, и воздерживаться отъ всякаго рода дѣйствій, которыя могли бы повести къ нарушенію права мексиканскаго народа избрать для себя и установить такую форму правленія, какую пожелаютъ».

Англичане отступились въ Оризабѣ отъ совокупнаго дѣйствія съ Франціей, потому что для нихъ вся цѣль мексиканской экспедиціи, какъ это ясно высказано въ рѣчи англійской королевы при открытіи парламента, состояла не болѣе и не менѣе, какъ только въ томъ, чтобы вынудить мексиканское правительство дать дипломатическія удовлетворенія, въ которыхъ до сихъ поръ оно ей отказывало.

Англичане отступились въ Оризабѣ отъ совокупнаго дѣйствія съ Франціей, потому что еще 30 сентября 1861 г. графъ Рос-

сель въ замѣчательной депешѣ своей къ лорду Коули слѣдующимъ образомъ излагалъ мысли англійскаго правительства:

«По принципу, правительство ея величества противится всякому насильственному вмѣшательству во внутреннія дѣла независимаго народа. Слѣдовательно вопросъ только въ томъ, не должна ли Мексика быть исключеніемъ изъ общаго правила. Конечно, если смотрѣть на вопросъ о вмѣшательствѣ въ мексиканскія дѣла съ той точки зрѣнія, какъ велико зло, которое могло бы быть устранено вмѣшательствомъ, то нельзя не признать, что едва ли можно указать на примѣръ болѣе крайняго безначалія, болѣе жестокихъ кровопролитій и убійствъ, чѣмъ какія представляетъ намъ Мексика, но въ то же время надо замѣтить, что едва ли когда вмѣшательство представляло менѣе надежды на успѣхъ, чѣмъ въ этомъ случаѣ. Борющіяся между собою партіи занимаютъ огромную территорію; у нихъ не одинъ начальникъ, не двое, и не трое; онѣ раздѣляются на множество мелкихъ фракцій, изъ которыхъ каждая воруетъ, грабитъ, убиваетъ, независимо одна отъ другой,—и едва ли какая иностранная армія въ состояніи будетъ установить надъ ними какую-нибудь прочную власть. Кромѣ того надо замѣтить, что испанскія войска, которыми всего удобнѣе было бы занять разные форты и позиціи, какъ это необходимо потребуетъ въ случаѣ вмѣшательства, внушаютъ къ себѣ особенный страхъ и ненависть одной изъ главныхъ мексиканскихъ партій. Естественно, что эта партія будетъ бояться, чтобы испанскія войска не возстановили власть господствующей церкви, а вмѣстѣ съ этимъ религиозную нетерпимость и вообще всѣ тѣ злоупотребленія, какими обыкновенно сопровождается власть подобнаго рода. Съ другой стороны, по причинамъ совершенно противоположнымъ, вмѣшательство Англіи будетъ ненавистно церковной партіи. Ко всему этому я могу еще прибавить то, что европейское вмѣшательство во внутреннія дѣла независимой американской республики возбудитъ общую тревогу и въ Сѣверныхъ и въ Южныхъ штатахъ. Смотря на вопросъ съ точки зрѣнія политики чисто практической, и не дѣлая при этомъ ни ма-

лѣйшей уступки чрезмѣрнымъ притязаніямъ доктрины Монроэ, я полагаю, что было бы неблагоразумно возбуждать противъ себя въ Сѣверной Америкѣ непріязненныя чувства, не имѣя въ виду какой либо особенно важной цѣли и не имѣя основательныхъ надеждъ на ея достиженіе.

«Испанское правительство того мнѣнія, что согласное дѣйствіе Великобританіи, Франціи и Испаніи для полученія удовлетворенія ихъ справедливыхъ требованій, заставило бы мексиканцевъ учредить у себя такое правительство, которое было бы болѣе способно, чѣмъ существующее теперь, сохранять мирныя и дружественныя отношенія къ иностраннымъ державамъ. Правительство ея величества весьма желало бы достиженія такого результата, но оно полагаетъ, что болѣе шансовъ его достигнуть, держась такого образа дѣйствій, который бы соблюдалъ должное уваженіе къ независимому народу, чѣмъ прибѣгая къ насильственному вмѣшательству съ цѣлю улучшить внутреннія учрежденія страны *).»

Вотъ вамъ буквальный переводъ того, что можете прочесть въ мексиканскомъ отдѣлѣ Синей книги.

Въ той же Синей книгѣ найдете вы депешу графа Коули къ графу Росселю отъ 3 октября, въ которой изложены слѣдующія объясненія Тувенеля съ англійскимъ посломъ:

«Тувенель сказалъ, что онъ не предлагалъ навязывать силою оружія какое либо вмѣшательство въ внутреннія дѣла Мексики. Онъ считалъ весьма вѣроятнымъ, что употребленіе силы для достиженія той законной цѣли, которую имѣютъ въ виду англійское и французское правительство, поощритъ благомыслящую часть мексиканскаго народа воспользоваться случаемъ, чтобы свергнуть съ себя тяготящееся иго и поставить на его мѣсто что нибудь лучшее» **).

Сравните эти слова Тувенеля съ словами графа Росселя въ его депешѣ отъ 30 сентября 1861 года и съ 2 параграфомъ конвенціи 31 октября, и вамъ сдѣлается ясно,

*) Correspondence respecting the affairs of Mexico, p. 94.

**) Тамъ же стр. 95.

почему англійское и французское правительства перестали дѣйствовать сообща. Причина этому очень ясна, и Patrie напрасно утруждала себя искать этому какія нибудь другія причины.

Могутъ спросить, почему же графъ Россель, зная, въ чемъ расходятся его взгляды со взглядами Тувенеля, съ самаго же начала не отказался дѣйствовать сообща? Надо полагать, что это произошло вслѣдствіе недоразумѣнія, какъ это повидимому указываетъ слѣдующая депеша графа Коули къ графу Росселю отъ 10 октября 1861 г.

«Я имѣлъ сегодня разговоръ съ Тувенелемъ касательно конвенціи, которою должно быть опредѣлено «общее дѣйствіе» Великобританіи, Франціи и Испаніи и прочиталъ ему депешу вашего превосходительства отъ 5 числа сего мѣсяца. Тувенель сказалъ, что французское правительство готово дѣйствовать сообща съ правительствомъ ея величества и заключить конвенцію на указанныхъ вами основаніяхъ. Онъ сказалъ, что совершенно согласенъ съ изложенными вашимъ превосходительствомъ принципами, которые, по вашему мнѣнію, должны руководить дѣйствіями союзниковъ. Тувенель снова подтвердилъ, что французское правительство не имѣетъ никакого желанія навязывать Мексикѣ какую бы то ни было форму правленія *).

Надо полагать, что графъ Россель заключилъ изъ этого, что оба правительства совершенно согласны между собою,— и чтобъ разсѣять всякое на этотъ счетъ сомнѣніе, вотъ что писалъ онъ графу Коули 12 октября 1861 г.:

«Я долженъ сообщить вашему превосходительству, что правительство ея величества считаетъ существенною частію конвенціи обязательство воздерживаться отъ всякаго насильственного вмѣшательства во внутреннія дѣла Мексики.

Что же касается до Испаніи, то какъ видно изъ документовъ Синей книги, прежде чѣмъ согласиться съ Англіею, она колебалась между мнѣніемъ Тувенеля и мнѣніемъ графа Рос-

*) Тамъ же стр. 98.

селя. Все это облечено въ тяжелую и растянутую фразеологию, какою обыкновенно отличается дипломатическій стиль, но тѣмъ не менѣе выражено достаточно ясно въ депешѣ отъ 9-го октября 1861, адресованной отъ сэра Кромптона къ графу Росселю:

«.... Кальдеронъ сказалъ, что испанское правительство готово заключить съ Англіей и Франціей конвенцію касательно предметовъ, о которыхъ ему сообщено отъ правительства ея величества (англійской королевы). Испанское правительство того мнѣнія, что слѣдуетъ включить въ конвенцію особую статью, въ которой было бы сказано, что военныя силы высокихъ договаривающихся сторонъ ни на какой другой предметъ употреблены не будутъ.

«Испанія — замѣтилъ его превосходительство — не имѣтъ никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ тѣхъ, которыя изложены въ сообщеніи отъ правительства ея величества; она не помышляетъ ни о земельных какихъ либо приобрѣтеніяхъ въ Мексикѣ, ни объ установленіи тамъ монархическаго правленія въ пользу какого либо европейскаго принца или кого другаго. А также она не думаетъ домогаться, чтобъ управленіе Мексики перешло въ руки той или другой изъ борющихся партій. И поэтому испанское правительство не встрѣчаетъ ни малѣйшаго затрудненія согласиться съ правительствомъ ея величества (англійской королевы), что слѣдуетъ воздерживаться отъ всякаго вооруженнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Мексики.

«Единственный пунктъ, относительно котораго существуетъ нѣкоторое различіе между взглядами Англіи и Испаніи, состоитъ въ слѣдующемъ: правительство ея католическаго величества того мнѣнія, что принимая во вниманіе то вліяніе, какое необходимо должно имѣть на внутреннее состояніе Мексики уже одно присутствіе соединенныхъ силъ Англіи, Испаніи и Франціи, слѣдуетъ воспользоваться этимъ вліяніемъ, чтобы нравственнымъ образомъ подѣйствовать на борющіяся между собой партіи, побудить ихъ положить оружіе и согласиться между собой касательно установленія такого прави-

тельства, которое представляю бы союзникамъ какія нибудь гарантіи, что оно исполнить обязательства Мексики по отношенію къ нимъ, будетъ вѣрно соблюдать международныя обязанности и прекратить бѣдствія, столько уже времени удручающія эту несчастную страну. Достоинство союзниковъ требуетъ, — прибавилъ его превосходительство, — чтобъ они это сдѣлали изъ человеколюбія и изъ политики, и можетъ быть даже больше изъ человеколюбія, чѣмъ изъ политики....

«Я отвѣчалъ, что нисколько не сомнѣваюсь, что правительство ея величества королевы Англіи найдетъ цѣль, указанную его превосходительствомъ, совершенно согласною съ требованіями политики и человеколюбія, и что если подъ нравственнымъ вліяніемъ разумѣть только совѣтъ мексиканскому правительству воздержаться отъ внутреннихъ междоусобій, то я убѣжденъ, что правительство ея величества ни на минуту не поколеблется сдѣлать сообща съ Франціей и Испаніей то, что оно уже неоднократно дѣлало, дѣйствуя только отъ одного своего имени; но если испанское правительство намѣрено идти далѣе, то мнѣ представляется крайне сомнительной возможность произвести дѣйствительное измѣненіе во внутреннемъ состояніи Мексики, не прибѣгая къ силѣ и не употребляя своего вліянія въ пользу той или другой партіи. Мнѣ кажется очевиднымъ, — прибавилъ я, — что если эта цѣль и можетъ быть достигнута, то во всякомъ случаѣ для этого потребуется значительное время, и никакъ нельзя рассчитывать, чтобы можно было ее осуществить въ опредѣленный срокъ. И поэтому я спросилъ, намѣрено ли испанское правительство занимать мексиканскія гавани до тѣхъ поръ, пока въ Мексикѣ не установится такое правительство, какое ему желательно.

«Кальдеронъ отвѣчалъ, что цѣль, что военныя силы Испаніи пробудутъ въ Мексикѣ только время необходимое, чтобы получить вознагражденіе, которое Мексика обязана дать нѣкоторымъ обиженнымъ ею испанскимъ подданнымъ, а также чтобы получить отъ нея удовлетвореніе за нѣкоторыя дѣйствія съ ея стороны, которыми было нарушено должное уваженіе къ достоинству Испаніи, и что, если только окажется возмож-

нымъ, пребываніе въ Мексикѣ испанскихъ военныхъ силъ, какъ морскихъ такъ и сухопутныхъ, продлится не далѣе того времени года, когда климатъ дѣлается особенно опаснымъ для ихъ безопасности и здоровья» *).

Я не буду болѣе дѣлать выписокъ. Довольно уже и тѣхъ, которыя я сдѣлалъ. Англичане, какъ мнѣ кажется, не очень недовольны французскою экспедиціею въ Мексику; они убѣждены, что эта экспедиція можетъ имѣть для насъ только бѣдственныя послѣдствія. Times въ этомъ случаѣ высказала общее мнѣніе, выражаясь слѣдующимъ образомъ: «ступайте, господа, не стѣсняйтесь; во всякомъ случаѣ это — ваше дѣло, и если вамъ что приключится, мы въ этомъ нисколько не виноваты.»

И въ самомъ дѣлѣ, вопросъ не въ томъ, увеличимъ ли мы еще списокъ нашихъ военныхъ подвиговъ, окажетъ ли себя наша несравненная армія такою же, какою она себя показала въ Крыму и въ Италіи, одолѣетъ ли она всѣ препятствія и войдетъ ли торжествующей въ Мексику, — не въ этомъ вопросъ, потому что въ этомъ никто и никогда не сомнѣвался. Но вопросъ въ томъ: а что же будетъ послѣ?

Дѣйствительно ли мнѣніе народовъ объ этой экспедиціи будетъ согласно съ мнѣніемъ французскаго правительства? И эта экспедиція не указала ли Испаніи и Англіи возможность для нихъ сблизиться между собой противъ насъ? А Америка, — не положила ли тамъ эта экспедиція сильную закваску мести и ненависти противъ насъ? Възвѣсьте хорошенько эти слова денеши 27 сентября 1861 отъ графа Росселя къ графу Коули:

«Милордъ, я получилъ отъ Адамса, 25 числа этого мѣсяца, сообщеніе относительно предложеній, какія сѣверо-американское правительство намѣрено сдѣлать Великобританіи и Франціи по мексиканскому вопросу. Онъ мнѣ сообщилъ, что сѣверо-американское правительство очень встревожено слухами, какіе сообщаются въ газетахъ касательно вмѣшательства въ мексиканскія дѣла.... Сѣверо-американское правитель-

*) Тамъ же, стр. 99 и 100

ство очень хорошо знаетъ, что Великобританія, Франція и Испанія, также какъ и Соединенные штаты, имѣютъ основательныя причины быть недовольными мексиканскимъ правительствомъ. Но прямое вмѣшательство, которое бы имѣло цѣлью установить въ этой странѣ новое правительство, и въ особенности дѣятельное участіе Испаніи въ подобномъ предпріятіи, произведетъ въ Соединенныхъ штатахъ глубокое впечатлѣніе. Соединенные штаты увидятъ въ этомъ тотъ именно родъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Америки, противъ котораго она всегда возставала съ такою энергіею. Они держались въ сторонѣ отъ всякихъ европейскихъ союзовъ, пока европейскія державы не вмѣшивались въ дѣла Америки; но если союзники вмѣшались въ дѣла Мексики, чтобы устроить тамъ новое правительство, то Соединенные штаты найдутъ себя вынужденными искать союзниковъ въ Европѣ и принять участіе въ европейскихъ войнахъ и трактатахъ» *).

Вотъ вамъ сжатое, но тѣмъ не менѣе ясное изложеніе доктрины Монроэ. Новый міръ говоритъ старому міру: «берегись! если ты вздумаешь вмѣшаться въ наши дѣла, то мы вмѣшаемся въ твои.»

Къ какимъ запутанностямъ можетъ повести все это! Какія великія затрудненія могутъ возникнуть изъ этого въ будущемъ! Испанія, которую мексиканцы до сихъ поръ ненавидѣли, кротостію своею подготавливаетъ возможность примиренія, за которое можетъ быть намъ придется расплачиваться благодаря нашему образу дѣйствія. Если даже мы и въ самомъ дѣлѣ окажемъ услугу мексиканцамъ тѣмъ, что дадимъ имъ силою оружія новыхъ господъ, то во всякомъ случаѣ это такой подарокъ, котораго народы никогда не прощаютъ другъ другу.

Въ Англіи это очень хорошо понимаютъ, и тѣ изъ англичанъ, которые завистливо смотрятъ на Францію, весьма довольны тѣмъ, что она одна предприняла эту дальнюю экспедицію.

*) Тамъ же, стр. 58 и 59.

Но будемъ надѣяться, такъ какъ повидимому еще ничто не рѣшено окончательно, — будемъ надѣяться, что французское правительство не имѣетъ намѣренія требовать отъ Мексики ничего болѣе, какъ только справедливаго удовлетворенія своихъ справедливыхъ требованій.

И въ самомъ дѣлѣ, если это удовлетвореніе будетъ намъ дано, то съ какою цѣлью стали бы мы свергать правительство Хуареса? Это правительство не представляетъ ли собою идеи свободы и прогресса? У него на знамени не тѣ ли же самые принципы 89 года, на которые ссылается императорское правительство Франціи? Не изъ нашей ли революціи 89 года заимствовало оно примѣръ секуляризаціи церковныхъ имуществъ?

Правда, Мексика давно уже представляетъ зрѣлище убійствъ и грабительствъ, иностранцы не пользуются тамъ достаточной безопасностію, мексиканское правительство не платитъ имъ своихъ долговъ или платитъ ихъ очень плохо; неоднократно случалось, что не было оказано должнаго уваженія официальному достоинству нашихъ дипломатическихъ агентовъ: однимъ словомъ, это совершенная правда, что въ Мексикѣ царствуетъ большой безпорядокъ.

Но, не говоря уже о томъ, что Мексика переживаетъ теперь самую трудную эпоху въ жизни всѣхъ народовъ, эпоху рожденія, — надо принять во вниманіе, что всѣ безпорядки, о которыхъ теперь кричатъ такъ много, совершены не правительствомъ Хуареса, а противоположной ему партіей; что грабежи, воровство въ большихъ размѣрахъ, убійства, возбудившія столько совершенно справедливыхъ нареканій на Мексику, все это никакъ не можетъ быть вмѣнено въ вину теперешнему правительству; что раздирающая Мексику анархія есть произведеніе именно той партіи, которая называетъ себя «церковной партіей» и у которой на знамени суевѣріе и фанатизмъ.

Въ слѣдующемъ письмѣ я вамъ докажу это на основаніи официальныхъ и дипломатическихъ документовъ.

XXXV.

11-го июня.

О ТОМЪ ЖЕ ПРЕДМЕТЪ.

Вы представили уже нашимъ читателямъ протоколъ конференціи, происходившей въ Оризабѣ 9 апрѣля 1862 года. Этотъ дипломатическій документъ до такой степени ясенъ, что не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ, и я хочу только замѣтить, что онъ вполне подтверждаетъ все, сказанное мною въ прежнемъ письмѣ. Но есть одинъ пунктъ, на который необходимо обратить вниманіе общественнаго мнѣнія Франціи.

Назадъ тому нѣсколько дней Times объявила, что Англія совершенно спокойно смотритъ на тѣ фазисы, чрезъ которые проходитъ наше вмѣшательство въ мексиканскія дѣла, а вчера эта руководящая газета, какъ ее вѣдѣсь называютъ, зашла еще далѣе: она не только охотно даетъ французской экспедиціи свой *visa*, но поощряетъ насъ, подстрекаетъ, подзадориваетъ, она бы желала видѣть наше знамя уже побѣдоносно развивающимся надъ городомъ Монтезумы.

Times горитъ такимъ сильнымъ желаніемъ, чтобъ мы скорѣе утвердились за моремъ, и до такой степени боятся, чтобы мы не усумнились въ справедливости нашего дѣла, что не смотря на то, что передъ ней депеша лорда Росселя и протоколъ Оризабѣскихъ конференцій и не смотря на всѣ утвержденія англійскаго правительства, которыя оно сто разъ повторяло, она инсинуируетъ, что будто низверженіе правительства Хуареса и прямое, рѣшительное политическое вмѣшательство во внутреннія дѣла Мексики было въ самомъ началѣ общаю мыслию всѣхъ трехъ союзниковъ. Другими словами, Times старается изо всѣхъ силъ устранить, насколько возможно, все, что способно стѣснить или замедлить наши дѣйствія; до такой

степени нетерпѣливо желаетъ она поздравить насъ съ побѣдой!

И почему бы въ самомъ дѣлѣ ей и не желать этого? Не думаете ли вы, что англичане опасаются увеличенія Франціи! Нисколько. Они опасались этого во времена Наполеона I и во времена Людовика-Филиппа, но теперь, въ 1862 году, уже совсѣмъ не то. Пусть Франція распространяется, сколько ей угодно, пусть переплываетъ она моря, самодержавно рѣшаетъ судьбы государствъ и распоряжается народами новаго свѣта: все это нисколько не пугаетъ англичанъ, и они могутъ быть только благодарны намъ за то, что мы беремъ на себя трудъ руководить судьбами міра.

Такъ говоритъ Times, или почти такъ.

Правда, ей не разъ случалось дѣлать довольно странные промахи.

Такъ напримѣръ въ своемъ N^о отъ 24 мая она говоритъ: «въ Мексикѣ Франція можетъ сдѣлать много добра, не рискуя сдѣлать кому либо зло, исключая развѣ только самой себя». — Замѣтьте эти слова!

Кромѣ того, по поводу протокола Оризабской конференціи, мы находимъ въ N^о отъ 27 мая слѣдующее въ высшей степени характеристическое замѣчаніе:

«Мы знаемъ теперь происхожденіе всего этого дѣла. Монархію съ австрійскимъ эрцгерцогомъ изобрѣли нѣкоторые мексиканскіе изгнанники, члены реакціонной или церковной мексиканской партіи, партизаны Маркеза и другіе мошенники, которыхъ злая дѣла были одною изъ главныхъ причинъ нашего вмѣшательства. Если Фердинандъ-Максимилианъ отправится въ Мексику, то онъ найдетъ себя самыхъ дѣятельныхъ друзей въ тѣхъ людяхъ, которые разстрѣливали, пытали, грабили, пока наконецъ не вывели Европу изъ терпѣнія» *).

Не потому ли уже Times и горитъ такимъ желаніемъ видѣть насъ скорѣе господами въ Мексикѣ, чтобы Франція, руково-

*) Times, 27 мая 1862 г

дямая Альмонте, предстала передъ міромъ въ такомъ прекрасномъ обществѣ?

Въ той же статьѣ мы находимъ слѣдующую выписку изъ одной депеши лорда Лайонса:

«Я полагаю, что мексиканская экспедиція очень непріятна американскому народу и что установленіе въ Мексикѣ монархическаго правленія будетъ принято американскимъ народомъ, какъ дѣйствіе враждебное противъ него.»

* Не странно ли, что Times до такой степени увлекается желаніемъ помочь намъ своими совѣтами, что упускаетъ изъ виду угрожающую намъ опасность, что мексиканскія дѣла, рано или поздно, могутъ привести насъ въ столкновеніе съ Сѣверо-Американскими штатами? Совѣтникъ Фауста въ этомъ случаѣ не походитъ ли нѣсколько на Мефистофеля?

Въ другомъ мѣстѣ Times цитируетъ одну депешу лорда Росселя какъ будто мимоходомъ и съ такимъ невиннымъ тономъ, какъ будто бы не понимаетъ, что тутъ говорится; а лордъ Россель выражаетъ въ этой депешѣ опасеніе, чтобы «французскій генералъ, увлекшись желаніемъ услужить монархii и католицизму, не сдѣлалъ французскую армію орудіемъ реакціонной мексиканской партіи и такимъ образомъ не придалъ новыхъ силъ междоусобной войнѣ, которая, повидимому, въ настоящее время почти уже совсѣмъ прекратилась.»

Не желаніе ли представить міру зрѣлище, какъ Франція будетъ возжигать въ Мексикѣ междоусобную войну, и побуждаетъ Times кричать намъ: «сильѣе! впередъ!»

Остановимся теперь на исторіи вмѣшательства трехъ союзниковъ, и на причинахъ, которыя понудили ихъ къ этому вмѣшательству.

Но прежде всего я долженъ предупредить васъ, что вы найдете совершенное противорѣчіе между образомъ дѣйствій сэра Ч. Леннокса Уайка по отношенію къ мексиканскому правительству въ 1861 году, и тою его деклараціею, которую онъ сдѣлалъ на Оризабскихъ конференціяхъ въ 1862 году. «Сэръ Ч. Уайкъ находитъ, что въ теперешнемъ мексиканскомъ правительствѣ есть совершенно достойные люди умѣ-

ренной партіи, и что образъ дѣйствій, какого до сихъ поръ держались комиссары союзниковъ, наиболѣе пригоденъ для того, чтобъ упрочить правительство, пользующееся общимъ признаніемъ.»

Только неопровержимая очевидность и знаніе истиннаго положенія дѣлъ, приобрѣтенное долгимъ пребываніемъ въ Мексикѣ, могли побудить сэра Ч. Уайка сдѣлать такую рѣшительную и такую торжественную декларацію въ пользу правительства Хуареса. Первые впечатлѣнія Уайка были совсѣмъ иныя, чѣмъ тѣ, которыя высказаны въ вышеприведенныхъ словахъ. Ясно, что вслѣдствіе опыта первоначальное мнѣніе этого дипломата совершенно измѣнилось, и что ближайшее знакомство съ страной раскрыло ему всю опасность революціи въ пользу Маркеза и его друзей.

Теперь посмотримъ, что скажетъ намъ Спэння книга.

Первая депеша — отъ 30 марта 1861 года за подписью лорда Джона Россели. Она заключаетъ въ себѣ инструкціи представителю Англіи въ Мексикѣ, сэру Ч. Уайку. Слѣдующія выдержки изъ нея дадутъ вамъ нѣкоторое понятіе, въ какомъ духѣ составлены эти инструкціи.

«Политика британскаго правительства по отношенію къ правительству Мексики есть политика невмѣшательства. Британское правительство ничего болѣе не желаетъ, какъ видѣть Мексику свободной, независимой, способной установить у себя прочное внутреннее управленіе, пользующейся внутреннимъ миромъ и способной исполнять свои международныя обязанности безъ всякаго дѣйствительнаго вмѣшательства какой бы то ни было иноземной власти. — Въ особенности рекомендую я вамъ не принимать никакого участія въ политическихъ вопросахъ, которые могутъ возникнуть между борющимися партіями. Всякое вмѣшательство въ подобнаго рода дѣла со стороны представителя Англіи не можетъ не имѣть большихъ неудобствъ. — Прибывъ въ Мексику, вы прежде всего должны обратить ваше вниманіе на вопросъ о требованіяхъ Англіи къ мексиканскому правительству. — Въ случаѣ отказа исполнить эти требованія, вы предупредите мексиканское правительство,

что вы уполномочены въ случаѣ необходимости употребить силу. Что же касается до времени, въ какое эти требованія должны быть исполнены мексиканскимъ правительствомъ, то правительство ея величества очень хорошо знаетъ, что въ этомъ отношеніи можетъ быть необходимо оказать нѣкоторое снисхожденіе. Тѣ внутреннія потрясенія, отъ которыхъ впро-долженія столькихъ лѣтъ страдала республика, весьма есте-ственно имѣли своимъ послѣдствіемъ крайнее ея обѣдненіе, и поэтому конституціонное правительство должно встрѣтить большія затрудненія для пріисканія средствъ удовлетворить немедленно и безотлагательноя нужды внутренняго управленія и требованія иностранныхъ кредиторовъ.»

«Во всякомъ случаѣ вы будете имѣть въ виду, чтобы то временное снисхожденіе, которое вы можете найти нужнымъ оказать касательно срока исполненія требованій Англіи, не было принято за индифферентность къ самому выполненію этихъ требованій.—Вы очень хорошо знаете испанскій характеръ, и не имѣете надобности въ указаніяхъ, какого образа дѣйствія лучше всего держаться въ сношеніяхъ съ тѣми людьми, съ которыми вамъ придется имѣть дѣло. Сдержанность въ выраженіяхъ, почтительность въ обращеніи, вотъ что особенно хорошо дѣйствуетъ на испанцевъ; угрозы же, насилія, способны только вызвать ихъ на сопротивленіе. — Вы будете стараться жить въ добромъ согласіи съ представителями иностранныхъ державъ при республикѣ. Не теряйте никогда изъ виду, что правительство ея величества не стремится пріобрѣсть исключительное вліяніе ни въ Мексикѣ и ни въ какой другой части свѣта, и что нѣтъ такой торговой выгоды, которой бы оно не готово было раздѣлять со всѣми народами *).»

Сколько мудрости, сколько благородства въ этихъ словахъ! Лордъ Джонъ Россель рекомендуетъ представителю Англіи твердость, но въ то же время онъ хочетъ, чтобы эта твердость была облагорожена умѣренностію. Великодушный кре-

*) Correspondence respecting the affairs of Mexico, p. 1—4.

диторъ, онъ настаиваетъ на необходимости принять во вниманіе затруднительное положеніе должника. Говоря отъ имени сильнаго, онъ повидимому опасается слишкомъ поспѣшнаго примѣненія силы. Онъ устраняетъ всякую мысль о вмѣшательствѣ, которое могло бы совершенно измѣнить характеръ требованій Англіи и еще болѣе увеличить тѣ раны, которыя предстоитъ залечить, и могло бы завлечь Англію въ такіа распри, которыя вовсе ея не касаются.

Двѣ недѣли послѣ отправленія этихъ инструкцій, въ то время, какъ сэръ Ч. Уайкъ былъ уже на пути въ Мексику въ качествѣ чрезвычайнаго повѣреннаго и полномочнаго министра, вотъ что его предшественникъ Матіу писалъ къ лорду Росселю:

«Положеніе дѣлъ въ эти два послѣдніе мѣсяца нисколько не перемѣнилось. Сеноръ Мата сталъ министромъ финансовъ на мѣсто сенора Прието ... Смерть сенора Лердо де Фехадю составляетъ при теперешнемъ кризисѣ весьма чувствительную потерю: это былъ самый искусный, если даже не единственный искусный финансистъ республики.... Сеноръ Фуенте, юристъ, имѣющій нѣкоторую репутацію, отравился изъ Мексики на послѣднемъ пароходѣ съ порученіемъ въ Парижъ и вѣроятно въ Испанію. Отъѣздъ его былъ замедленъ вслѣдствіе затрудненій достать небольшую сумму, какая необходима для него на путевыя издержки.»

«Такому крайнему оскудѣнію средствъ и надо приписать то обстоятельство, что до сихъ поръ еще существуютъ и даже увеличиваются шайки гвирильясовъ подъ предводительствомъ испанцевъ Кобоса и Викарію, и презрѣннаго Маркеза, который продолжаетъ по прежнему свои убійства и грабежи. Сдѣланы двѣ ничтожныя попытки произвести безпорядки въ столицѣ, но они были во время открыты и предупреждены. За исключеніемъ этихъ попытокъ, общественное спокойствіе ничѣмъ не было нарушено. Какъ бы ни было слабо и неудовлетворительно теперешнее правительство, но не могутъ не цѣнить его тѣ люди, у которыхъ еще живы передъ глазами убійства, жестокости и разбои, совершавшіеся ежедневно, когда во главѣ правительства стоялъ генераль Мирамонтъ и его

совѣтники сеноръ Діазъ и генераль Маркезъ. Ненависть къ иностранцамъ и нетерпимость составляютъ одну изъ догмъ церковной партіи, и потому иностранцы въ особенности тѣ изъ нихъ, которые такъ жестоко пострадали отъ произвольной власти Мирамона, не могутъ не чувствовать различія между прошедшимъ и настоящимъ.

«Президентъ Хуаресъ хотя и не имѣетъ той энергіи, какая требуется при теперешнемъ кризисѣ, но тѣмъ не менѣе это—человѣкъ прямой, благонамѣренный, и совершенно безупречный въ частной жизни. Но то обстоятельство, что онъ индѣецъ, дѣлаетъ его предметомъ вражды и насмѣшекъ для высшаго испанскаго общества и также возбуждаетъ къ нему непріязненные чувства въ тѣхъ людяхъ смѣшанной крови, которые питаютъ весьма смѣшную претензію занимать въ Мексикѣ высшее общественное положеніе.

«Я уже сообщилъ вашему превосходительству мое мнѣніе касательно недостатковъ теперешней федеральной конституціи, и не скрылъ тѣ опасенія, какія мнѣ внушаютъ, относительно сохраненія мира въ Мексикѣ, совершенное отсутствіе патріотизма въ высшихъ классахъ и деморализація, нравственная возбужденность, порожденная продолжительной междоусобной войной. Увѣряютъ, что въ нѣкоторыхъ сферахъ существуетъ уже желаніе перемѣнить правительство и что уже пущена въ ходъ мысль избрать военнаго диктатора; но два ли нужно прибавлять къ этому, что подобная перемѣна не исцѣлитъ теперешнихъ бѣдствій и не предотвратитъ опасностей, которыя угрожаютъ въ будущемъ.

«Генераль Санта-Анна — самый способный человѣкъ, какихъ только производила Мексика, и нельзя отрицать, что энергическій его характеръ временно можетъ принести пользу; но произвольная власть, какъ бы она ни была энергична, не можетъ прочно установить правосудіе, уваженіе къ правамъ и дать народу прочное благоденствіе. Вся надежда Мексики заключается въ сохраненіи мира. Гражданская и религіозная свобода установлены здѣсь на широкихъ основаніяхъ, и нуженъ только миръ для развитія консти-

туціонныхъ принциповъ и для умственнаго прогресса народа. Но видя передъ собой столько элементовъ, и туземныхъ, и иностранныхъ, которые стремятся поколебать теперешній порядокъ вещей, я прихожу къ тому убѣжденію, что если теперешнее правительство или принципы этого правительства не будутъ какимъ нибудь образомъ открыто поддержаны Англіей и Сѣверо-Американскими штатами, посредствомъ ли покровительственнаго союза, или посредствомъ деклараціи, что никакое революціонное движеніе не будетъ доволено ни въ одной изъ гаваней ни на томъ ни на другомъ океанѣ, — что если этого не будетъ сдѣлано, то эта несчастная страна подвергнется новымъ бѣдственнымъ потрясеніямъ, къ великому вреду для интересовъ Англіи, къ большому ущербу торговли и къ стыду человѣчества.»

Теперь мы посмотримъ, какія требованія предъявлены были Англіей къ мексиканскому правительству.

LXXVI.

іюня 12.

О ТОМЪ ЖЕ ПРЕДМЕТѢ.

Назадъ тому три или четыре года въ Мексикѣ господствовала партія, извѣстная подъ именемъ «церковной партіи». «Смерть иностранцамъ» — вотъ что написала она на своемъ знамени, вотъ что было ея лозунгомъ. И факты не замедлили подтвердить, что это съ ея стороны была не одна только пустая фраза. Консуль Англіи и консуль Франціи были вѣроломнымъ образомъ умерщвлены; пятьдесятъ три иностранца были схвачены и убиты; совершались злодѣянія возмутительныя. Будучи вынужденъ оставить столицу, уполномоченный Великобританіи Матью оставилъ въ домѣ посольства 600,000 доллеровъ, принадлежавшіе англійскимъ гражданамъ, полагая, что посольская печать будетъ достаточною для ихъ охраненія: но печать была дерзко сорвана, дверь выломана, и вся сумма похищена.

Въ то время въ Вера-Круцѣ установлено было конституціонное правительство, и во главѣ его стоялъ тотъ самый Хуаресъ, который теперь стоитъ во главѣ правительства всей Мексики. Онъ, нисколько не колеблясь, заключилъ тогда конвенцію съ капитаномъ Дунлопомъ, по которой обязался, какъ только установится власть его правительства надъ всей страной, уплатить все отнятое у находящихся въ Мексикѣ англичанъ и обратитъ на эту уплату доходы съ таможенъ Вера-Круца и Тампико.

Конституціонная партія восторжествовала, но не до такой степени, чтобы совершенно прекратить безпорядки, опустошенія и убійства, которыя продолжала производить противная партія. Во время этихъ крайнихъ безпорядковъ случилось, что значительная сумма денегъ, часть которой принадлежала английскимъ гражданамъ, отправлена была къ одному приморскому пункту подъ охраной конвоя; состоявшій на службѣ правительства Хуареса генераль Деголладо напалъ на конвой и захватилъ деньги. Консулъ въ Мексикѣ, Гленни, сдѣлалъ надлежащія по этому случаю представленія; части суммы была возвращена, но полнаго удовлетворенія, какъ этого конечно требовала Англія, сдѣлано не было. *)

Вотъ что имѣло сказать английское правительство, и вотъ что отвѣчало ему правительство Хуареса:

«Правда, совершены были ужасныя убійства, но кѣмъ? Не нами, людьми либеральной партіи, а нашими врагами. Когда, 11 апрѣля 1859 года, англичанинъ докторъ Дюваль былъ схваченъ въ Такубайи и разстрѣлянъ, развѣ въ то время Такубайя не была въ рукахъ церковной партіи, и варварскій приказъ разстрѣлять Дюваля былъ данъ не свирѣпымъ героемъ этой партіи, генераломъ Маркезомъ? Это — тотъ самый Маркезь, который, когда Ньюэль отказалъ ему выдать деньги, бывшія у него на сохраненіи, воскликнулъ въ изступленіи: «отведите его въ Carilla (мѣсто для преступниковъ, осужденныхъ на казнь). и чтобъ завтра же, до шести

*) Correspondence respecting the affairs of Mexico. См. также пренія по мексиканскому вопросу, бывшія 10 марта 1862 года.

часовъ онъ былъ разстрѣлянъ,» что и было бы неминуемо исполнено, если бы друзья несчастнаго Ньюэля не успѣли обезоружить свирѣлость Маркеза, удовлетворивъ его алчность. Прочтите описаніе возмутительныхъ насилій, какимъ подверглись Питменъ, Дэвисъ, Уитгитъ, Йотсъ, Джоржъ Селлей и многіе другіе, и не встрѣчаете ли вы при этомъ постоянно эти несчастныя имена: Мирамонъ, Маркезь, Зулоага! Но неужели же мы, ихъ отъявленные враги, должны отвѣчать предъ цивилизованнымъ міромъ за совершенныя ими убійства и грабежи? Воровство въ домѣ англійскаго посольства было ихъ дѣломъ. Положимъ, что могутъ имѣть основаніе требовать отъ насъ уплаты того, что ими похищено, такъ какъ теперь власть находится въ нашихъ рукахъ, по по крайней мѣрѣ не должны ли оказать намъ ту справедливость—не обращать на насъ позоръ, который заслужили наши враги. Все, что можетъ быть намъ справедливо вѣнчено въ вину, и въ чемъ мы признаемъ себя отвѣтственными, это — захватъ денегъ, сдѣланный генераломъ Деголлдо. Но развѣ мы не готовы на всевозможныя жертвы, чтобъ искупить эту вину одного изъ нашихъ? Развѣ мы не доказали нашу добрую волю дѣйствіями нашими относительно вдовы доктора Дюваля, которой мы сейчасъ же предложили въ вознагражденіе цѣнность въ 25,000 долларовъ изъ національнаго имущества? Мы знаемъ, что правительство обязано вознаграждать иностранцевъ за ущербы, наносимые имъ безпорядками, которыхъ правительство было не въ состояніи предупредить; но дайте же намъ вздохнуть не много, и вашими настоятельными, неумолимыми требованіями не затрудняйте еще болѣе наше положеніе и безъ того уже крайне затруднительное. Мы должны защищать свободу противъ партіи, которая смотритъ на кровавое безначаліе, какъ на средство установить свою тираннію. Мы должны бороться съ религіознымъ фанатизмомъ, который дѣйствуетъ кинжалами. Мы должны сохранять порядокъ съ разстроенными финансами, преобразовать администрацію, которая находится въ крайне бѣдственномъ состояніи, и наконецъ залечить ту громадную рану, какую нанесла Мексикѣ междоусобная война. Не приступайте же намъ къ горлу,

не лишайте насъ возможности исполнить нашу обязанность, такъ какъ въ этомъ замѣшано столько интересовъ, которые должны быть дороги всѣмъ друзьямъ цивилизаціи и челоѣчества.» ¹⁾

Вотъ въ какомъ положеніи находился вопросъ, когда сэръ Ч. Ленноксъ Уайкъ былъ посланъ въ Мексику въ качествѣ полномочнаго министра. Съ этой минуты отношенія между Англіей и Мексикой совершенно измѣнились. Матью выказывалъ постоянно благорасположеніе и умѣренность, а сэръ Уайкъ, напротивъ, оказалъ себя крайне несговорчивымъ.

Сэръ Уайкъ прибылъ въ Мексику 9 мая 1861 года. Не прошло и двухъ недѣль по его прибытіи, какъ уже обнаружилось непріязненное расположеніе его къ правительству Хуареса. Сообщая лорду Росселю о разговорѣ своемъ съ мексиканскимъ министромъ, дономъ Гузманомъ, онъ писалъ: «я скоро подвергну испытанію его искренность» ²⁾. Далѣе онъ уирикаетъ правительство въ слѣдой ненависти къ церковной партіи. Челоѣкъ, котораго Матью называлъ презрѣнный Маркезъ, сталъ для сэра Уайка знаменитый ³⁾ Маркезъ; онъ едва даже не приходитъ въ восторгъ отъ генія этого знаменитаго Маркеза и отъ его военныхъ подвиговъ, которые онъ называетъ мастерскими ⁴⁾. Въ особенности возбуждаетъ въ немъ нерасположеніе къ правительству Хуареса то обстоятельство, что правительство это кажется ему ультралиберальнымъ ⁵⁾, и онъ негодуетъ на конгрессъ за то, что тотъ тратитъ время на пренія о какихъ-то мнимыхъ теоріяхъ правительства, основаннаго на ультралиберальныхъ принципахъ.

¹⁾ См. въ Correspondence respecting the affairs of Mexico, корреспонденцію между Мануиломъ Замакона и англійскимъ уполномоченнымъ стр. 39 и слѣд., и экстрактъ изъ Mexican extraordinary. стр. 23 — 29, гдѣ говорится о виновникахъ большей части убійствъ.

²⁾ Correspondence respecting the affairs of Mexico, стр. 11.

³⁾ Тамъ же, стр. 12.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 29.

⁵⁾ Тамъ же, стр.

Чего же можно было ожидать отъ человѣка съ такимъ взглядомъ? У меня передъ глазами его корреспонденція съ мексиканскимъ министромъ: какой жесткій, повелительный тонъ! Ни одного слова, въ которомъ не слышалась бы угроза. Сэръ Уайкъ зналъ очень хорошо, что финансы Мексики находятся въ совершенномъ истощеніи. Онъ это зналъ такъ хорошо, что сообщая лорду Росселю о томъ, что голова Маркеза оцѣнена конгрессомъ въ 10,000 долларовъ, онъ замѣчаетъ насмѣшливымъ тономъ: «мало вѣроятности, чтобъ пришлось платить эти деньги, и это весьма счастливо для конгресса, потому что такой суммы теперь не найдется во всемъ казначействѣ». Къ этому-то правительству, котораго онъ самъ описываетъ столь бѣднымъ, обратился онъ немедленно по своемъ прибытіи съ безотлагательными требованіями, которыя были написаны такимъ языкомъ, что не постыдился бы признать ихъ своимъ и самъ Шейлокъ, и которыя напоминаютъ эти знаменитыя слова: «фунтъ мяса, который требую изъ тѣла этого человѣка, я купилъ дорогою цѣной: онъ мнѣ принадлежитъ. Я требую только моего». Сэру Уайку нужны 600,000 долларовъ, которые похищены бунтовщиками изъ дома англійскаго посольства. Тщетно сеноръ Гузманъ замѣчаетъ ему, что виновные находятся въ рукахъ правосудія, что все ихъ имущество должно быть обращено на уплату захваченныхъ ими денегъ, и что если ихъ имущество окажется на это недостаточнымъ, то остальные заплатятъ казначейство *). Но сэръ Уайкъ не такой человѣкъ, чтобъ этимъ удовольствоваться; что ему за дѣло, кѣмъ сдѣлано похищеніе? Онъ знаетъ, что деньги похищены и больше ничего знать не хочетъ. Волкъ говорилъ ягненку: «если это сдѣлалъ не ты, то твой братъ». Такъ и сэръ Уайкъ говорилъ мексиканскому правительству: «если это сдѣлалъ не ты, то твой врагъ». Въ депешѣ отъ 24 іюня 1861, сэръ Уайкъ писалъ къ лорду Росселю: «я сказалъ сенору Гузмону, что требую возвращенія

*) Тамъ же, стр. 14.

похищенныхъ денегъ, и что мнѣ вѣтъ никакого дѣла, откуда возьметъ ихъ мексиканское правительство» *).

Не менѣе замѣчательна также и корреспонденція англійскаго полномочнаго министра съ мексиканскимъ министромъ касательно захвата денегъ генераломъ Деголладо. Указавъ предварительно, какъ на вещь, всѣмъ извѣстную и весьма хорошо извѣстную самому сэру Уайку, что мексиканское казначейство находится въ совершенномъ истощеніи, вотъ что писалъ далѣе сеноръ Гузманъ къ представителю Англій:

«Мексиканское правительство признаетъ справедливость предъявленныхъ требованій и для удовлетворенія ихъ готово на всевозможныя средства. Оно имѣетъ въ своемъ распоряженіи монастыри и другую разнаго рода собственность, которая имѣетъ цѣну, и предлагаетъ кредиторамъ принять ее въ уплату; оно готово даже отдать въ уплату и національный дворецъ; кредиторы могутъ выбрать, что находятъ для себя лучше,—и что они себѣ выберутъ, будетъ отдано имъ въ уплату по цѣнѣ опредѣленной съ обоюднаго согласія. Кромѣ того правительство обязывается принимать ихъ долговныя бумаги за наличныя деньги въ уплату податей, а также и во всякаго рода другихъ денежныхъ сношеніяхъ съ ними» **).

Что же еще болѣе могъ сдѣлать несостоятельный должникъ? Не напоминаетъ ли это Антонія, раскрывающаго свою грудь, чтобы изъ нея вырѣзали фунтъ мяса.

Я вовсе не думаю утверждать, чтобы это сравненіе было въ точности вѣрно, и нисколько не думаю сомнѣваться въ добрыхъ намѣреніяхъ сэра Уайка. Я готовъ признать, что если онъ считалъ себя обязаннымъ быть столь настоятельнымъ и столь неумолимымъ, то это потому, что тутъ дѣло касалось не его лично. Будучи представителемъ интересовъ своихъ соотечественниковъ, онъ не могъ быть такъ стоворчивъ, какъ бѣлъ сомнѣнія былъ бы, если бы дѣло шло о его личномъ интересѣ. Все это я готовъ признать, но тѣмъ не

*) Тамъ же, стр. 13.

**) Тамъ же, стр. 28.

менѣе нельзя отрицать, что суровый его образъ дѣйствія по отношенію къ мексиканскому правительству имѣетъ не мало-важное значеніе въ числѣ тѣхъ причинъ, которыя привели къ теперешнимъ затрудненіямъ. Если бы онъ лучше проникся духомъ тѣхъ мудрыхъ инструкцій, въ которыхъ Джонъ Россель ему говорилъ, что «нѣкоторая степень снисходительности можетъ быть необходима», то очень вѣроятно, что дѣла приняли бы другой оборотъ. Но вмѣсто того, какъ это свидѣтельствуешь его корреспонденція, ему все представляется въ черномъ цвѣтѣ; то, что очевидно есть слѣдствіе безсилія, онъ постоянно приписываетъ недобросовѣстности, постоянно говоритъ о принудительныхъ мѣрахъ, подстрекаетъ лорда Росселя своими мрачными донесеніями и наконецъ кончаетъ тѣмъ, что возбуждаетъ въ лордѣ Росселѣ негодованіе противъ мексиканскаго правительства.

Декретомъ 17 іюля 1861 года опредѣлено было пріостановить на два года уплату какъ англичанамъ по облигаціямъ, такъ и вообще всѣмъ, до кого касались дипломатическія конвенціи. Этотъ декретъ былъ тою каплею, которая переполнила чашу.

Узнавъ по слухамъ о существованіи этого декрета, сэръ Уайкъ сейчасъ же написалъ къ сенору Мануэлю Замакона, бывшему тогда во главѣ правительства: «конгрессъ, какъ кажется, счелъ нужнымъ подарить чужую собственность правительству республики.... Пока я не получу отъ васъ противнаго утвержденія, я вынужденъ считать это извѣстіе ложнымъ, потому что я не могу повѣрить, чтобы правительство, уважающее себя, рѣшилось санкціонировать такое вопіющее нарушеніе священнѣйшихъ обязательствъ, которыя лежатъ на немъ по отношенію къ другимъ народамъ» *).

Какъ ни суровы эти слова, но ихъ нельзя было бы упрекнуть въ излишней рѣзкости, если бы декретъ о пріостановленіи уплатъ былъ со стороны конгресса свободнымъ про-

*) Correspondance и др. стр. 37.

извольнымъ актомъ, если бы конгрессъ не былъ вынужденъ къ этому самымъ неумолимымъ изъ всѣхъ законовъ: необходимостію, и если бы было возможно въ этомъ отношеніи какое-нибудь сомнѣніе. Но каково было въ то время положеніе дѣлъ? До изданія этого декрета правительство сдѣлало съ своей стороны всевозможныя усилія, чтобы удовлетворить иностранныхъ кредиторовъ; оно не остановилось даже предъ этимъ пагубнымъ и разорительнымъ средствомъ, — предъ насильственнымъ займомъ; чтобъ только заплатить иностранный долгъ, оно осудило себя на совершенную невозможность произвести самыя необходимыя реформы и организовать достаточныя силы, чтобы положить конецъ внутреннему безначалію. Всякій разъ, какъ обнаруживалось какое нибудь злоупотребленіе, приходили въ негодованіе отъ недостатковъ администраціи; необходимо — говорили — совсѣмъ пересоздать ее, а правительство между тѣмъ и не думаетъ объ этомъ. Всякій разъ, какъ бандиты церковной партіи совершали какое нибудь убійство или грабительство, — такъ въ это время нѣкто Биль былъ убитъ, защищая отъ бандитовъ свой домъ, — упрекали правительство за его безсиліе, раздавались возгласы: когда же наконецъ жизнь, когда же наконецъ имущество иностранцевъ будутъ въ безопасности! А между тѣмъ очевидно было, что если правительство будетъ вынуждено обратить на уплату иностраннаго долга большую часть своихъ средствъ, и безъ того, какъ всѣмъ было извѣстно, недостаточныхъ, то оно не будетъ имѣть возможности возстановить внутренній порядокъ.

Въ сущности мексиканское правительство находилось въ такомъ положеніи, что отъ него требовали сражаться противъ непріятеля и въ тоже время обезоруживали его. Будучи вынужденъ выбирать одно изъ двухъ золъ, конгрессъ думалъ, что въ интересѣ самихъ иностранныхъ кредиторовъ прежде всего надо употребить всѣ свободныя средства на возстановленіе порядка и на прекращеніе междоусобной войны. Декре-

*) Тамъ же, стр. 31.

томъ своимъ отъ 17-го іюля 1861, онъ не отвергалъ долга, а напротивъ формально признавалъ его и свидѣтельствовалъ о своей твердой рѣшимости его заплатить. И при этомъ онъ сдѣлалъ только то, что обыкновенно дѣлаетъ всякій негоціантъ въ затруднительномъ положеніи: онъ просилъ отсрочки.

Вотъ какого рода изображенія сообщилъ Мануэль Замакона въ отвѣтъ на запросъ Уайка. Письмо его написано весьма вѣжливо и сдержанно, и представляетъ рѣзкій контрастъ съ тономъ письма англійскаго уполномоченнаго.

Курьезенъ отвѣтъ сэра Уайка на аргументъ Замаконы, что отсрочка уплаты вынуждена необходимостію.

«Человѣкъ, измученный голодомъ, воруетъ кусокъ хлѣба, можетъ оправдывать себя въ своихъ собственныхъ глазахъ тѣмъ, что его вынуждаетъ къ этому крайняя необходимость; но съ нравственной точки зрѣнія подобный аргументъ не можетъ оправдать сдѣланнаго имъ нарушенія закона, потому что, помимо всякой сантиментальности, требованія закона остаются столь же положительны, какъ если бы преступленіе и не имѣло за себя никакихъ оправданій» *).

Отвѣтъ мексиканскаго министра на эти оскорбительныя слова заслуживаетъ быть приведеннымъ:

«Его превосходительство сравниваетъ мексиканское правительство съ человѣкомъ, который, будучи вынужденъ голодомъ, нападаетъ на торговца съѣстной провизіей и грабитъ его. Но въ этомъ поступкѣ есть двѣ вещи, которыхъ нѣтъ въ поступкѣ мексиканскаго правительства относительно его кредиторовъ, а именно: насиліе и грабежъ. У кредиторовъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, не было отнято ни одной копѣйки, и было бы гораздо правильнѣе сравнить въ этомъ случаѣ мексиканское правительство съ отцомъ семейства, который, изнемогая подъ тяжестію обязательствъ и имѣя въ своемъ распоряженіи только незначительную сумму денегъ, едва достаточную чтобъ прокормить своихъ дѣтей, употребляетъ ее на покупку дѣтямъ хлѣба.

*) Correspondance и пр. стр. 42.

«Если бы представитель ея британскаго величества былъ членомъ семьи, то едва ли бы онъ рѣшился назвать поступокъ отца грабительствомъ? Не бываемъ ли мы каждый день свидѣтелями, что люди въ затруднительномъ финансовомъ положеніи прекращаютъ на время свои платежи, а между тѣмъ никому не приходится и въ голову назвать ихъ грабителями» *).

Вслѣдствіе этой переписки, которая слишкомъ длинна, чтобъ можно было всю ее привести здѣсь, прерваны были всѣ официальные отношенія между британскимъ уполномоченнымъ и мексиканскимъ правительствомъ **).

Еще одно слово: судя по протоколу Оризабской конференціи, адмиралъ Жюрьень упрекаетъ мексиканское правительство въ томъ, что оно «систематически давить всякое свободное выраженіе желаній разумной и умѣренной части народа». Очень можетъ быть, что адмиралъ Жюрьень имѣетъ въ этомъ отношеніи свѣденія, которыхъ мы не имѣемъ; но тѣмъ не менѣе достовѣрно, что сэръ Уайкъ въ своихъ депешахъ, на оборотъ, упрекаетъ правительство Хуареса въ томъ, что оно не имѣетъ достаточно энергіи для подавленія безначалія и что оно ультра-либерально. Не правда ли, что эти упреки совершенно противорѣчатъ одинъ другому?

Что же касается до разумной и умѣренной части народа, то вотъ что говорить объ этомъ Times на основаніи документовъ, обнародованныхъ британскимъ кабинетомъ: «изъ семи милліоновъ мексиканскаго населенія два милліона искренно преданы республиканскимъ учрежденіямъ; остальная же часть населенія состоитъ преимущественно изъ индѣйцевъ, которые слишкомъ невѣжественны, чтобы можно было принимать во вниманіе ихъ мнѣніе ***).

*) Тамъ же, стр. 44.

**) Тамъ же, стр. 52.

***) См. Times, 27 мая 1862.

LXXVII.

12-го іюля.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА: РАЗДАЧА НАГРАДЪ.

Вчера во дворцѣ выставки происходила раздача наградъ. Слово раздача можетъ подать поводъ къ недоразумѣнію: медали еще не выбиты, и слѣдовательно, строго говоря, раздачи и не могло быть, а были только сдѣланы назначенія.

Во всѣхъ странахъ, а въ Лондонѣ еще болѣе, чѣмъ гдѣ либо, погода играетъ весьма важную роль въ надеждахъ и опасеніяхъ, которыми обыкновенно сопровождается ожиданіе какой нибудь великой публичной церемоніи. Будетъ ли солнце или дождь? Надо было предвидѣть оба эти случая, и комиссары съ заботливою предусмотрительностью на каждый изъ нихъ приготовили соотвѣтствующую программу. Благодаря небу, дождевая программа оказалась излишней. Мнѣ случилось слышать въ этой классической странѣ конституціонной монархіи, что всякій разъ, когда королева должна показаться въ публикѣ, бываетъ хорошая погода. Но на этотъ разъ королева не должна была присутствовать, — судите же, какая вслѣдствіе этого тревога! Впрочемъ, повторяю, солнечная программа одержала верхъ. Хотя съ утра небо и было пасмурно, но это произвело только ложную тревогу.

Однако, какъ бы то ни было, но теперь нѣтъ уже того нетерпѣливаго любопытства, какое мы видѣли въ день открытія выставки, нѣтъ уже той толпы, того безконечнаго ряда экипажей всякаго рода, я хотѣлъ сказать, всякаго сословія, которымъ 1 мая съ 8 часовъ утра загромождены были всѣ пути, ведущіе къ дворцу выставки! Нѣтъ уже той толпы не избранныхъ, выстроившихся въ линію для прохода избранныхъ! Я вошелъ внутрь дворца выставки уже довольно поздно, около часу, какъ разъ въ то время, когда должна была начаться церемонія и что меня всего болѣе поразило, это—глубокая тишина кругомъ зданія выставки.

Въ Гайдъ-Паркѣ, съ той стороны зданія выставки, которая выходитъ на Exhibition-Road, толпа любопытныхъ, говоря сравнительно, была довольно рѣдка. У сѣвернаго входа въ садъ, по дорогѣ, гдѣ должны были слѣдовать высокія особы, стояли двѣ или три группы, которыя мнѣ показались не болѣе тѣхъ, какіе имѣетъ привилегію съ незапамятныхъ временъ собирать кругомъ себя нашъ старый другъ Полишинель. При входахъ во дворецъ выставки ни малѣйшей тѣсноты, ни малѣйшихъ затрудненій. Я вошелъ совершенно свободно, ни меня никто, ни я никого не толкнулъ. Я сомнѣваюсь, чтобъ число посѣтителей, какъ нѣкоторые увѣряютъ, простиралось въ этотъ день отъ 60 до 70 тысячъ, и если это правда, то тутъ что-то загадочное, чего я не берусь объяснить. По моему мнѣнію число посѣтителей было немногимъ развѣ только болѣе, чѣмъ 1 мая, т. е. немногимъ болѣе, чѣмъ сорокъ четыре тысячи.

Какъ бы то ни было, во внутри зданія выставки предо мной раскрылось зрѣлище тѣмъ болѣе блистательное, чѣмъ меньше можно было ожидать, судя по тому, что происходило кругомъ выставки. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, дамъ было очень много, и такъ какъ Англія есть по преимуществу такая страна, въ которой блескъ женской красоты въ высшей степени гармонируетъ съ блескомъ нарядовъ, то я полагаю, на этотъ разъ не было недовольныхъ любопытствомъ дочерей Евы. Компссія была такъ любезна, что устроила для ихъ вдоль залы длинныя ряды стульевъ, за которыми тѣснились особы мужескаго пола, вскарабкавшись на скамьи или подымаясь на цыпочки. Весь извилистый путь, по которому должна была слѣдовать процессія костюмированныхъ особъ, былъ защищенъ разнаго рода баррикадами. Вѣроятно такъ нужно. Въ нашу первую революцію, чтобы народъ въ торжественныхъ церемоніяхъ не переходилъ за опредѣленную черту, предъ нимъ протягивали трехцвѣтную ленту, и этой баррикады оказывалось достаточно. Я помѣстился въ галлерей, гдѣ народу было очень много, и оттуда смотрѣлъ на шествіе процессіи, т. е. на празднество, потому что, для глазъ,

въ этой процессіи и заключалось все празднество... Впрочемъ нѣтъ, я ошибаюсь: истинное празднество составляла элегантная и веселая толпа, наводнявшая внутренность зданія; зрѣлище составляли сами зрители.

Что же касается до процессіи, то признаюсь, я никогда не былъ охотникъ ни до какихъ процессій. Мнѣ было нѣсколько смѣшно видѣть, какъ важныя особы, сѣдовласые государственные мужи, министры, мыслители, торжественно парадируютъ кругомъ зданія, облеченные въ разнаго рода живописные, и даже иногда чрезмѣрно живописные костюмы, и какъ будто говорятъ глазѣющимъ на нихъ господамъ хорошаго тона и хорошаго общества: «неправда ли, какъ къ намъ идутъ эти костюмы?» И все это такъ вышло смѣшно, что нѣкоторымъ изъ нихъ тамъ и сказалъ бы, если бы только не удерживали отъ этого законы приличія: «новѣрьте, эти костюмы къ вамъ вовсе нейдутъ.» Оперныя процессіи гораздо лучше и несравненно лучше, — тамъ костюмы имѣютъ смыслъ. Еслибъ эти господа еще надѣвали на себя маски! А то — маскарадъ безъ масокъ! что же тутъ можетъ быть хорошаго?

Я очень хорошо знаю, что, говоря вообще, народы еще очень далеки отъ того, чтобы выйти изъ дѣтства: имъ нужны игрушки, имъ нужны зрѣлища, которыя бы ихъ забавляли, говорили бы ихъ глазамъ. Все это истинная правда! Но если есть страна, которая въ правѣ считать себя совершеннолѣтней, то это безъ сомнѣнія Англія, и зачѣмъ бы, казалось, людямъ, столь достойнымъ, выставять здѣсь себя на показъ? Я замѣтилъ во время процессіи не одну коварную улыбку.

Впрочемъ на этотъ разъ процессія имѣла какую нибудь цѣль, чего вовсе нельзя сказать о процессіи, бывшей при открытіи выставки. Эта процессія должна была обойти различные мѣста выставки для раздачи наградъ. Мѣста эти были украшены трофеями изъ гирляндъ и цвѣтовъ, а кругомъ уставлены были разныя драгоцѣнныя произведенія, характеризующія различныя національности. Австрія на этотъ разъ отличилась богатствомъ, а Франція — вкусомъ, этимъ признакомъ ума.

Прежде чѣмъ войти въ залу, герцогъ Кэمبرиджскій, герцогъ Ньюкастльскій, сэръ Корнуаль Льюисъ, сэръ Чарльсъ Вудъ, принцъ Кариньянскій, египетскій папа, лордъ Пальмерстонъ, Дизраели, Гладстонъ, графъ Россель, и наконецъ весь официальный кортежъ во всемъ своемъ блескѣ слѣдоваль чрезъ садъ, между двумя рядами зрителей и прелестныхъ зрительницъ, до того конца сада, гдѣ возвышался балдахинъ, подъ которымъ долженъ былъ разыгратъ самый главный актъ драмы. Вы можете найти въ англійскихъ журналахъ, если васъ это интересуесть, весьма не длинную рѣчь, которую при этомъ случаѣ произнесъ Грэнвилъ, а также еще болѣе короткий отвѣтъ, произнесенный герцогомъ Кэمبرиджскимъ.

Объ эти рѣчи не представляютъ ничего сколько нибудь замѣчательнаго; въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ общихъ мѣстъ. Въ промежутокъ между этими рѣчами лордъ Таунтонъ, какъ президентъ присяжныхъ, прочелъ отчетъ, который заслуживаетъ быть упомянутымъ. Изъ этого отчета видно, что было всего 65 присяжныхъ совѣтовъ, сгруппированныхъ такимъ образомъ, что они образовали изъ себя 36 категорій, соотвѣтственно 36 классамъ, на которые были раздѣлены всѣ выставленные предметы. Всѣхъ присяжныхъ было 615, изъ нихъ 328 англичанъ. Работы ихъ продолжались два мѣсяца. Задача ихъ была довольно трудная, такъ какъ число экспонентовъ, произведенія которыхъ имъ надо было оцѣнить, простиралось до 25,000; но тѣмъ не менѣе задача эта выполнена ими съ большою добросовѣстностію. Изъ этого же отчета видно, что число всѣхъ медалей присужденныхъ присяжными, простирается до 7,000, а число «почетныхъ отзывовъ» до 5,300, то есть въ общемъ результатъ болѣе, чѣмъ въ 1851 году, но менѣе, чѣмъ въ 1855.

Я не привожу здѣсь именъ французскихъ экспонентовъ, которымъ присуждены медали, потому что не могу привести ихъ всѣхъ, а скажу только, что Франція, какъ и вездѣ, занимаетъ здѣсь почетное мѣсто.

Во всякомъ случаѣ вчерашняя церемонія была весьма интересна уже по той идѣ, которую она выражала, и ей

суждено занять достойное мѣсто въ исторіи мирныхъ торжествъ.

LXXVIII.

21-го іюля.

КАКЪ СМОТРЯТЪ ВЪ АНГЛІИ НА АМЕРИКАНСКУЮ ВОЙНУ

Прошлую пятницу въ англійской палатѣ общинъ происходила великая битва, которая заслуживаетъ не меньшаго вниманія, чѣмъ битва подъ Ричмондомъ. Вооружась мечемъ слова, сѣверные и южные саксы вступили въ бой, но на этотъ разъ южане понесли поражение. Сколько убитыхъ! сколько раненыхъ! Увы! все это гораздо серьезнѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Небдуманно сказанное слово можетъ оказаться на завтра смертію носимъ; на языкахъ всѣхъ народовъ—горе тѣмъ, кто этого не знаетъ! — есть такія фразы, которыя начинены картечью.

«Сѣверныхъ американцевъ укусила тарантуль» — воскликнулъ Грегори въ засѣданіи, бывшемъ третьяго дня. Но если бы Грегори, и если бы Линдсэй, лордъ А. Ванъ Темпестъ, и Финджеральдъ не были сами укушены тарантуломъ, то не подняли бы они преній, которыя по меньшей мѣрѣ несвоевременны и могутъ только породить ненависть! Они защищали дѣло мира такимъ языкомъ, какъ будто бьютъ бой къ атакѣ! Они настаивали на необходимости посредничества въ такихъ выраженіяхъ, которыя всякую мысль о посредничествѣ дѣлаютъ ненавистной для одной изъ борющихся сторонъ! Они произнесли слова, которыхъ Сѣверъ не можетъ иначе принять, какъ оскорбленіе, какъ угрозу, какъ вызовъ, — эти несчастныя слова: «признаніе Европой независимости Юга». Не найдется человѣка въ Нью-Йоркѣ, который не пришелъ бы въ негодованіе, когда телеграфъ сообщитъ эту новость: «въ отечествѣ Уильберфорса, въ англійской палатѣ общинъ, было высказано и встрѣчено

сочувствіемъ мнѣніе, которое признаетъ справедливымъ дѣло, обезчещенное рабствомъ».

Аргументація Линдсэя заслуживаетъ вниманія, потому что въ ней вѣрно резюмировано то, что говорится здѣсь, уже нѣсколько мѣсяцевъ, въ большей части журналовъ, въ клубахъ, въ салонахъ, повсюду. Притомъ его рѣчь замѣчательна въ томъ отношеніи, что она свидѣтельствуетъ, до какой степени защитники Юга боятся, что бы ихъ не сочли адвокатами рабства.

По словамъ Линдсэя, Сѣверная Америка раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои интересы, одни другимъ совершенно противоположные, а именно: Сѣверъ — страна мануфактурная, а Югъ — страна земледѣльческая. Сѣверъ имѣетъ надобность, или думаетъ по крайней мѣрѣ, что имѣетъ надобность въ запретительныхъ тарифахъ для охраненія своихъ мануфактуръ; Югу же нужна свободная торговля для сбыта его произведеній. Въ 1860 году весь вывозъ Соединенныхъ штатовъ не превосходилъ 350 милліоновъ долларовъ: Югъ вывезъ хлопкомъ, табакомъ и другими предметами на 250 милліоновъ долларовъ, а Сѣверъ всего только на 100 милліоновъ. Но такъ какъ каждая страна необходимо оплачиваетъ свой вывозъ своимъ привозомъ, то изъ этого слѣдуетъ, что, прямо или косвенно, Югъ, вывозя болѣе чѣмъ Сѣверъ, платилъ большую часть пошлинъ, взимаемыхъ федеральнымъ правительствомъ, чѣмъ какая падала на долю Сѣвера. Мало этого: часть этихъ пошлинъ взималась прямо съ тою цѣлію, чтобы покровительствовать пенсильванскимъ желѣзнымъ заводамъ и мануфактурамъ Новой Англіи. Каково же было положеніе Юга? Съ одной стороны онъ платилъ налоговъ не пропорціонально много, по сравненію съ тѣмъ, сколько платилъ Сѣверъ, а съ другой стороны онъ вынужденъ былъ покупать у Сѣвера дорогою цѣною то, что гораздо дешевле могъ бы имѣть изъ Европы. И такъ его интересы вдвойнѣ страдали. И какъ же могъ онъ выйти изъ этого положенія? По федеральной конституціи каждый изъ тридцати четырехъ штатовъ, составляющихъ союзъ, посылалъ въ сенатъ

двухъ членовъ, а въ палату представителей избиралъ число членовъ пропорціонально своему населенію. Отсюда то необходимое послѣдствие, что политическое значеніе Юга съ каждымъ днемъ все падало, тогда какъ населеніе Сѣвера постоянно возрастало вслѣдствіе наплыва эмигрантовъ изъ Европы. Такимъ образомъ интересы Юга страдали, и онъ не имѣлъ никакихъ средствъ защищать ихъ. Вотъ въ чемъ заключается истинная причина отдѣленія Юга отъ Сѣвера. Причиной этому были противоположные торговые интересы, и ничего болѣе. Рабство тутъ было совершенно ни при чемъ. Развѣ правительству Линкольна не высказало этого съ такою ясностію, которая не допускаетъ никакихъ сомнѣній? Развѣ вашингтонскій кабинетъ въ самомъ началѣ столкновенія не выставилъ своею программой эти слова, которыя теперь нельзя уже вычеркнуть изъ исторіи: «цѣль этой войны не уничтоженіе рабства, а возстановленіе союза». Чего же хотятъ отъ насъ абolicіонисты съ своими гуманитарными возгласами и филантропическими стремленіями? Тутъ идетъ дѣло вовсе не объ освобожденіи черныхъ. Сѣверъ сражается за господство; Югъ сражается за независимость; борьба становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ужасною, разоряетъ старый свѣтъ и осагрываетъ новый свѣтъ потокомъ крови. Чего же мы ждемъ? Почему же мы не вмѣшаемся?

Вотъ что говоритъ Линдсэй, и его рѣчь, повторяю, есть ничто иное, какъ эхо аргументовъ и возгласовъ, которые раздаются по всей Англіи.

Но можно ли признать правильнымъ такой взглядъ на вопросъ? Справедливъ ли онъ? Развѣ союзъ не есть контрактъ, и контрактъ торжественный, священный? Съ какихъ же поръ стало законнымъ, чтобы одна изъ сторонъ, вступившая въ договоръ, могла произвольно, насильственно нарушить его, какъ только находитъ, что этотъ договоръ для нея невыгоденъ! Развѣ этотъ союзный договоръ, который, въ теченіи столь короткаго времени, сдѣлалъ народъ Соединенныхъ штатовъ однимъ изъ самыхъ могущественныхъ и самыхъ благоденствующихъ народовъ земнаго шара, не создалъ для Сѣвера и для

Юга никакихъ взаимныхъ обязательствъ по отношенію другъ къ другу? И неужели же Югъ отъ своихъ отношеній къ Сѣверу не приобрѣлъ никакой выгоды, которая вознаграждала бы его за непріятныя для него послѣдствія системы тарифовъ? Я подозреваю, что эта система тарифовъ далеко не была бы такъ виновна въ глазахъ Линдсэя, если бы отъ нея терпѣли одни только интересы Юга. Странно въ самомъ дѣлѣ слышать, что будто вліяніе Юга передъ отдѣленіемъ все болѣе и болѣе слабѣло, когда подумаешь, сколько напротивъ избраній свидѣтельствуютъ о преобладающемъ значеніи этого вліянія, и сколько президентовъ союза были кандидатами Юга. Не находить ли ужъ Линдсэй, что справедливость требовала, чтобы тринадцать штатовъ во всѣхъ случаяхъ, неизмѣнно и во всемъ распоряжались двадцатью однимъ? — чтобы населеніе менѣе чѣмъ въ 12 милліоновъ, изъ которыхъ 4 милліона рабовъ, диктовало законы населенію въ 20 милліоновъ?

Правда, Линкольнъ выбралъ Сѣверъ, но Бухананъ былъ выбранъ Югомъ. Вліяніе, коимъ пользовался Югъ, не только не было менѣе его численнаго значенія по отношенію ко всему населенію Соединенныхъ штатовъ, но напротивъ, было далеко болѣе. Если теперешняя война есть не болѣе, какъ вопросъ о тарифѣ, то зачѣмъ же вице-президентъ конфедератовъ прямо объявилъ отъ ихъ имени, что для нихъ идетъ дѣло объ учрежденіи новой республики, которая имѣла бы своимъ базисомъ рабство? И почему же, какъ это замѣтилъ Форстеръ, въ деклараціи о независимости, которая послужила сигналомъ къ отдѣленію, не встрѣчается даже ни одного слова, которое бы относилось къ вопросу о тарифѣ?

Дѣло въ томъ, что вся причина отдѣленія и заключается въ рабствѣ. Что Сѣверъ долго мирился съ этимъ безнравственнымъ учрежденіемъ и отказывалъ неграмъ въ свободѣ, которой они искали у него; что онъ дѣлалъ Югу унижительныя уступки, какъ на пр. билль о бѣглыхъ невольникахъ, и все это изъ боязни порвать федеральныя узы; что Линкольнъ не написалъ на своемъ знамени: «уничтоженіе невольничества»; что Фремонъ былъ отозванъ изъ Миссури и правитель-

ство отступилось отъ дѣйствій Гунтера, который хотѣлъ расширить вопросъ, возвысить его,—все это правда. Но не менѣе правда и то, что Югъ, будучи недоволенъ, что рабство существуетъ только у него, хотѣлъ распространить его и на территоріи, вновь присоединяемыя къ Соединеннымъ штатамъ, что Сѣверъ воспротивился этому и ознаменовалъ свое сопротивленіе избраніемъ Линкольна и что наконецъ тринадцать штатовъ апеллировали на это рѣшеніе народнаго самодержавія... къ отдѣленію, — вслѣдствіе чего и возгорѣлась междоусобная война.

Но это-то именно приверженцы Юга въ Англіи и стараются всячески затемнить: они очень хорошо понимаютъ, что Англія не можетъ стать на сторону рабовладѣльцевъ, не разорвавъ собственноручно лучшей страницы въ своей исторіи.

Къ несчастію, интересъ англійскаго народа, по крайней мѣрѣ непосредственный его интересъ стоятъ въ этомъ вопросѣ на сторонѣ, противоположной его чести. Этимъ отчасти и объясняется, почему Югъ нашелъ себѣ сочувствіе въ Англіи. Третьяго дня лордъ Ванъ Темпестъ рассказывалъ въ палатѣ общинъ, что въ Бостонѣ и въ другихъ сѣверныхъ городахъ у многихъ лавокъ прибиты были объявленія: «здѣсь не продается англійскихъ товаровъ» и въ контрастъ этому прибавилъ, что въ Ричмондѣ одинъ изъ членовъ конфедеративнаго правительства сказалъ ему: «мы смотримъ на Англію, какъ на нашу мастерскую.» Въ этомъ весь и секретъ. Англійскій народъ опасается американцевъ Сѣвера, потому что они протекціонисты, и напротивъ, въ американцахъ Юга видитъ приверженцевъ свободной торговли. Онъ приходитъ въ ужасъ при мысли, что его торговля съ Сѣверомъ можетъ разбиться о преграды, какія можетъ ей противопоставить тарифъ, и на оборотъ приходитъ въ восторгъ при мысли, что будетъ безпретятственно обмывивать свои мануфактурныя произведенія на сырыхъ произведенія Юга.

Прибавьте къ этому воспоминаніе о столькихъ афронтахъ, которые Англія должна была перенести молча, о тѣхъ діатрибахъ, какими разражалась противъ Англіи большая часть

американской прессы, присоедините къ этому то мнѣніе не лишенное основанія, что Сѣверъ, будучи наводненъ нѣмцами и ирландцами, въ значительной уже степени утратилъ свой англійскій характеръ и что настоящіе представители саксонской расы въ Америкѣ суть люди Юга, припомните также, что англійская аристократія имѣетъ политическій интересъ въ томъ, чтобы исчезло обаяніе республиканскихъ учреждений Америки, и наконецъ, чтобы ничего не забыть, припомните и то, что Англія давно уже подозрительно смотритъ на быстрое возрастаніе могущества Соединенныхъ штатовъ и что распаденіе этихъ штатовъ совершенно соо вѣтствуетъ ея національному интересу.

Слѣдуетъ оговорить, что далеко не все англійское общество руководится такого рода эгоистическими побужденіями. Если здѣсь, какъ и вездѣ, и существуетъ партія узкихъ интересовъ, и если эта партія здѣсь, какъ и вездѣ, достаточно могущественна, чтобы въ данную минуту увлечь за собой общественное мнѣніе, то здѣсь существуетъ также и партія, одушевленная самыми благородными идеями, самыми великодушными чувствами, которая не имѣетъ другаго руководителя, кромѣ требованій справедливости. Мнѣніе этой партіи и было высказано третьяго дня въ палатѣ общинъ Тайлоромъ и Форстеромъ. Къ этой партіи принадлежатъ великодушные работники Ланкашира, которые почти умираютъ съ голоду, но мужественно переносятъ всѣ страданія, и отъ которыхъ вы не услышите ни одной угрозы, ни малѣйшаго ропота, что слишкомъ дорого обходятся имъ тѣ страшныя битвы, которыя происходятъ по ту сторону океана. Въ Блэкборнѣ бѣдность очень велика; тамъ число лицъ получающихъ вспоможеніе простирается до пятнадцати тысячъ, и что же? въ этомъ самомъ Блэкборнѣ, на многочисленномъ митингѣ рабочихъ, предложена была резолюція, подобная той какую на дняхъ Линдсей предлагалъ въ палатѣ общинъ, и резолюція эта была отвергнута почти единогласно. Тайлоръ имѣлъ основаніе сослаться на этотъ фактъ: такіе факты дѣлаютъ честь странѣ.

Къ несчастію, говоря вообще, языкъ прессы не соотвѣтствуетъ тѣмъ чувствамъ, которыя одушевляютъ рабочій классъ. Большая часть журналовъ выражаютъ сочувствіе къ Югу, и притомъ съ крайней раздражительностію изливаютъ свою антипатію къ Сѣверу въ самыхъ гнѣвныхъ выходкахъ или въ насмѣшкахъ, которыя кусаютъ до крови. То, что у южныхъ американцевъ есть храбрость, доблесть, неодолимое мужество, какъ только заходитъ рѣчь о сѣверныхъ, превращается въ звѣрство, въ кровавое упрямство, въ безумную самонадѣянность. Если Сѣверъ одержитъ какой успѣхъ, то начинаютъ съ того, что отрицаютъ его, и потомъ, когда отрицать уже оказывается невозможнымъ, стараются ослабить его значеніе разными мелочными, хитро придуманными комментаріями. Если же, напротивъ, успѣхъ на сторонѣ Юга, то не находятъ довольно высокопарныхъ словъ, чтобы прославить его торжество, печатаютъ самыми крупными буквами: великое пораженіе федералистовъ, и слава гремитъ во всѣ трубы. Въ прошлую пятницу не распространился ли слухъ, что все рѣшено, что борьба кончена, что Макъ-Клееланъ, доведенный до крайности, предложилъ сдаться и получилъ постыдный отказъ, потому что окончательное уничтоженіе не подлежитъ уже ни малѣйшему сомнѣнію!

Можно ли сомнѣваться въ томъ, чего горячо желаешь? Все Сити пришло въ волненіе. Клубы консерватистовъ были вѣ себя отъ радости. Какъ ни была очевидно нелѣпа эта новость, но многіе въ нее вѣрили, и вѣрили искренно — до такой степени желали они, чтобы она была истинной! И впрочемъ какъ же было имъ не вѣрить, когда это сказала сама Times. Но всего болѣе странно и всего болѣе должно было поразить людей, склонныхъ къ сомнѣнію, то обстоятельство, что эта новость была пущена въ ходъ какъ разъ въ то время, когда должны были открыться пренія по предложенію Линдсея.

Какъ бы то ни было впрочемъ, но результатъ этихъ преній былъ не таковъ, какого ожидали англійскіе сепаратисты. Палата общинъ поняла, что предложеніе посредничества, сдѣ-

ланное какъ разъ вслѣдъ за пораженіемъ, будетъ неминуемо отвергнуто, и что отказъ Сѣвера принять посредничество поведетъ къ бѣдственнымъ затрудненіямъ; она поняла, что если и признать независимость Юга, то это не измѣнитъ, насколько не измѣнитъ торговыхъ отношеній Англіи къ возмущившимся штатамъ, пока будетъ продолжаться борьба ихъ съ Сѣверомъ, что по всей вѣроятности это признаніе не будетъ имѣть никакихъ другихъ послѣдствій кромѣ войны съ вашингтонскимъ правительствомъ, что это будетъ война страшная, война на жизнь и смерть, и при этомъ къ хлопотному голоду для Англіи присоединится еще хлѣбный голодъ. Палата общинъ не хотѣла прибѣгать къ такому средству, которое излечиваетъ болѣзнь цѣною жизни болѣнаго. «Предоставьте на усмотрѣніе правительства — сказалъ лордъ Пальмерстонъ — что ему дѣлать, какъ и когда ему дѣлать». Эти слова приняты были съ рукоплесканіями, и Линдсэй долженъ былъ взять назадъ свое предложеніе. Итакъ кампанія была проиграна для него и для его партіи.

Но зло въ томъ, что эти пренія дадутъ богатый матеріалъ для главныхъ выходокъ New-York-Herald и еще болѣе разожгутъ по ту сторону Атлантическаго океана и безъ того уже сильное негодованіе противъ Англіи. Линдсэй и въ особенности Грегори въ нападеніяхъ своихъ на Сѣверъ не только были крайне несправедливы, но и перешли всякую мѣру. Оба они произнесли такія слова, которыя трудно заставить забыть.

Что же касается до ихъ аргументовъ, то они могутъ убѣдить развѣ только тѣхъ, кто уже заранѣе рѣшился убѣдиться. Тайлоръ сказалъ съ краснорѣчіемъ идущимъ прямо отъ сердца: «передъ нами предстоптъ Немезида невольничества.» Да, это Немезида паритъ надъ страшной борьбой, которая теперь рветъ въ клочья и затопляетъ въ крови страну, нѣкогда столь спокойную. Тщетно стараются какими-то копѣчными вопросами скрыть отъ человѣчества истинный характеръ этой страшной драмы, одной изъ самыхъ страшныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самыхъ поучительныхъ драмъ, какую только представляетъ намъ исторія. Югъ страшно на-

казанъ за то, что имѣлъ невольничество, Сѣверъ страшно наказанъ за то, что торпѣлъ его, а Европа, и она также наказана за то, что отеклась отъ рабства только за самую себя, и не имѣла достаточно логики, или достаточно мужества, чтобы провести до конца свои убѣжденія. Это самый трагическій урокъ, какой когда либо былъ; но онъ принесетъ свою пользу. Пусть теперь осмѣлится кто нибудь отрицать, что народы солидарны между собой.

LXXIX.

2-го августа.

ЛОРДЪ ПАЛЬМЕРСТОНЪ, АТАКОВАННЫЙ КОБДЕНОМЪ.

Конецъ парламентской сессіи ознаменовался великою битвой. Три знаменитые бойца выступили на арену: Кобденъ, лордъ Пальмерстонъ и Дизраели. Бой былъ блистателенъ и заслуживаетъ, чтобы на немъ остановиться.

Вы знаете, какъ по паденіи министерства Веллингтона и по вступленіи въ министерство виговъ, лордъ Пальмерстонъ сталъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Съ тѣхъ норъ, можно сказать, онъ постоянно фигурировалъ въ рядахъ либеральной партіи, но фигурировалъ, какъ бѣглець, который и въ томъ лагерѣ, куда перешелъ, сохраняетъ свои старыя привязанности и свои старыя наклонности. Лордъ Пальмерстонъ никогда не переставалъ быть ученикомъ Каннинга, и идея парламентской реформы всегда была ему не по-сердцу.

Была минута, впрочемъ, когда онъ, повидимому, былъ въ совершенной рѣшпмости исправиться, и тѣмъ, которые упрекали его, что онъ измѣняетъ наставленіямъ своего учителя, онъ отвѣчалъ той знаменитой фразой Каннинга: «сопротивляющіеся прогрессу, потому что прогрессъ есть нововведеніе, рискуютъ быть въ одинъ прекрасный день вынужденными принять нововведеніе, когда оно уже не будетъ болѣе про-

грессомъ.» Припомните, что въ 1830 г., чрезъ вступленіе свое въ союзъ съ вигами, лордъ Пальмерстонъ потерялъ мѣсто представителя за Кэмбриджскій университетъ, мѣсто, которое онъ занималъ съ 1811 г.

Но не смотря на все это, Генрихъ Джонъ Темплъ, виконтъ Пальмерстонъ, былъ истый тори; я уже неоднократно имѣлъ случай говорить вамъ это, если только память не обманываетъ меня, и это же на дняхъ сказалъ прямо въ глаза ему самому, въ полномъ собраніи палаты общинъ, Кобденъ.

Кобденъ принадлежитъ къ той либеральной партіи, у которой лордъ Пальмерстонъ состоитъ офиціальнымъ главою. Это и подало поводъ къ нападеніямъ. Такой человѣкъ, какъ Кобденъ, не можетъ, конечно, принадлежать къ числу солдатъ, которые повинуются безприкословно, и повинуются тѣмъ лучше, чѣмъ меньше мыслятъ. Онъ готовъ идти за своимъ начальникомъ, но только съ условіемъ, чтобы и начальникъ потрудился идти за своимъ знаменемъ.

Но исполнилъ ли это лордъ Пальмерстонъ?

Когда, не такъ давно тому назадъ, онъ такъ невѣжливо столкнулъ министерство лорда Дерби и явился кандидатомъ на его мѣсто, — на чемъ основывалъ онъ свою кандидатуру? Не на томъ ли, что онъ намѣренъ вмѣсто представленнаго консервативнымъ министерствомъ билля о реформѣ представить другой билль, болѣе широкій, болѣе искренній, болѣе демократическій? И исполнилъ ли потомъ онъ это обѣщаніе? Не оправдывался ли онъ потомъ въ неисполненіи этого обѣщанія тѣмъ, что страна не выказала большаго сочувствія къ этой реформѣ, и что виновенъ въ этомъ Брайтъ, который своими крайними преувеличеніями напугалъ всѣхъ и все скомпрометировалъ? Но развѣ во время борьбы, которая кончилась паденіемъ министерства лорда Дерби, лордъ Пальмерстонъ не шелъ за одно съ Брайтомъ и не признавалъ его открыто своимъ единомышленникомъ? И не боялся же вѣдь онъ тогда, что Брайтъ зайдетъ слишкомъ далеко! А вѣдь нельзя же сказать, чтобы онъ его не зналъ тогда, какъ это напомнилъ Дизраели съ той язвительною ѣдкостью, которая

составляють характеристическую черту его таланта. Брайтъ не изъ числа тѣхъ людей, которые носятъ свое знамя у себя въ карманѣ. Онъ говоритъ прямо и громко; его выраженія столь же ясны, какъ тверды его убѣжденія; ему нечего таить, и онъ ничего не таитъ; у него сердце, какъ открытая книга,—только тѣ не могутъ читать въ немъ, кто не умѣетъ читать.

Очевидно, что если лордъ Пальмерстонъ не представилъ общанный имъ билль о реформѣ, то это потому, что ему не по-сердцъ вообще всякія политическія нововведенія, и что его знамя, въ дѣйствительности, вовсе не есть знамя той партіи, которой онъ считается главою.

И къ чему же это ведетъ? Къ тому, что либеральная партія, имѣя въ главѣ лорда Пальмерстона, все болѣе и болѣе распадается, уменьшается, теряетъ свое значеніе. Многое есть, что надо бы сдѣлать, а между тѣмъ она ничего не дѣлаетъ. Власть у нея въ рукахъ, а между тѣмъ она теперь слабѣе, чѣмъ если бы была въ оппозиціи. Означеновала ли она себя хоть какою нибудь мѣрою, которая бы свидѣтельствовала о ея силѣ? Въмѣсто того, чтобы ступить впередъ, она попятилась назадъ. Если вопросъ о способѣ подачи голосовъ не сдѣлался смѣшонъ, то это не потому, чтобы пожалѣли для него официальныхъ насмѣшекъ. Назадъ тому семь лѣтъ, противъ сохраненія церковныхъ сборовъ въ палагѣ общинъ едва не состоялось большинство, а теперь это большинство до такой степени распалось, что Дизраели договариваетъ уже идти въ Капитолій и принести благодареніе богамъ.

Вотъ на что жаловался Кобденъ въ прошлую пятницу. Онъ при этомъ произнесъ фразу, правда, рѣзкую, но которая тѣмъ не менѣе совершенно справедлива; члены консервативной партіи могли низвергнуть перваго министра, если бы хотѣли; но почему же не хотѣли они? потому что они болѣе довѣряютъ ему, чѣмъ своему собственному главѣ!

Что дѣйствительно заслуживаетъ удивленія въ лордѣ Пальмерстонѣ, это его неизмѣнное, ничѣмъ невозмутимое распо-

ложеніе духа, его неизмѣнная, нѣсколько ироническая веселость, которая разстраиваетъ всѣ нападенія, отнимая у нихъ нѣкоторымъ образомъ ихъ серьезный характеръ, даже когда онѣ сами по себѣ и очень серьезны. Есть ли какая возможность сердиться и разсердить другихъ противъ человѣка, который самъ никогда не сердится! Лордъ Пальмерстонъ, конечно, далеко не ораторъ перваго разряда, въ истинномъ смыслѣ этого слова; у него нѣтъ ни увлекательной силы Брайта, ни блеска и тонкости ума Гладстона, ни ѣдкости Дизраели, ни убѣдительности Кобдена; онъ говоритъ даже всегда какъ будто съ нерѣшительностію, какъ будто его мысль постоянно ищетъ слова для своего выраженія. Но никто не умѣетъ такъ хорошо, какъ онъ, принаравливать къ своимъ слушателямъ; никто не знаетъ лучше его, что именно надо сказать въ данную минуту, и говоритъ онъ всегда такъ ясно, такъ просто, такъ весело, какъ человѣкъ, который стоитъ слишкомъ высоко, чтобы утруждать себя приходить въ негодованіе.

Въ этомъ весь секретъ его ораторскаго могущества. Онъ какъ будто забавляется надъ увлеченіями своихъ противниковъ; на ихъ угрозы онъ отвѣчаетъ благодушной, покровительственной улыбкой, и я охотно признаю, что его краснорѣчіе имѣетъ свою хорошую сторону. Приводятъ, если не ошибаюсь, одинъ только примѣръ, когда оно вышло изъ обыкновенной своей колеи. Это было въ 1826 (вы видите, какъ далеко надо заходить, чтобы найти такой примѣръ). Лордъ Пальмерстонъ нѣсколько разъ принимался объяснять причины увольненія изъ арміи полковника Брэдлея, но Юмъ все оставался недоволенъ объясненіями. Этотъ Юмъ былъ человѣкъ въ высшей степени честный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ высшей степени упрямый. На этотъ разъ лордъ Пальмерстонъ вышелъ наконецъ изъ терпѣнія, и до такой степени, что у него вырвались эти грубые слова: «если у почтеннаго джентльмена такой тупой умъ, то я въ этомъ не виноватъ!» Но такое исключеніе только подтверждаетъ правило.

Поэтому никто и не ожидалъ, чтобы объявленіе войны

Кобденомъ смутило лорда Пальмерстона, хотя всѣ знаютъ, что Кобденъ — сильный противникъ; и дѣйствительно, на всѣ нападенія своего противника невозмутимый виконтъ отвѣчалъ любезностями.

Между нами будь сказано, тутъ не за что было быть любезнымъ. Обвиняя лорда Пальмерстона, что онъ не принадлежитъ въ той партіи, которою руководить, Кобденъ былъ слишкомъ правъ, чтобы возможно было какое нибудь возраженіе на это, и на самомъ дѣлѣ никакого возраженія на это и не было сдѣлано. Но гдѣ министръ восторжествовалъ, это въ своей репликѣ на нападенія противъ его расточительной и безпокойной политики.

Никто не умѣетъ такъ хорошо распоряжаться фактами и цифрами какъ Кобденъ; и онъ превосходно доказалъ:

что лордъ Пальмерстонъ израсходовалъ этотъ годъ на армію, флотъ и укрѣпленія 8 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ сверхъ суммы, которая признана была достаточной назадъ тому три года;

что правительство стоило въ 1840 г. на каждаго 1 фун. стер. 18 шил. 2 п., а теперь стоитъ 2 фун. стер. 8 шил. 1 п.;

что благородный лордъ вовлекъ свою страну, безъ всякой необходимости, въ четыре войны съ Китаемъ, слѣдовавшія одна вслѣдъ за другой;

что израсходовавъ съ разорительной непредусмотрительностію 30 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ на постройку деревянныхъ судовъ, онъ угрожалъ странѣ новымъ громаднымъ расходомъ на постройку желѣзныхъ судовъ;

что онъ, по случаю дѣла о Trent, послалъ въ Канаду восемь тысячъ человѣкъ, не дождавшись изъ Америки отвѣта, который долженъ былъ рѣшить, нужна ли эта столь дорого стоющая переправа войска, или не нужна;

что онъ всегда готовъ поддерживать, подтверждать, вознаграждать насильственные дѣйствія, которыя дозволяютъ себѣ агенты правительства въ разныхъ частяхъ свѣта;

что его политика есть политика театральныхъ эффектовъ, а sensation policy;

что его тактика постоянно состояла въ томъ, чтобы пугать Англію Франціей, и что это всегда служило для него удобнымъ поводомъ расходовать деньги и средствомъ увеличивать свою популярность;

и что, наконецъ, онъ самъ, одинъ, стоилъ англійскому народу 100 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, — цѣна весьма значительная, даже и для человѣка его достоинства!

И что же? на всѣ эти нападенія лордъ Пальмерстонъ отвѣчалъ Кобдену благодарностію, и что всего курьезнѣе, онъ былъ совершенно правъ, благодаря Кобдена.

И дѣйствительно, Кобденъ знаетъ слишкомъ мало свою страну, если онъ могъ подумать хоть одну минуту, что поколеблетъ популярность лорда Пальмерстона, доказавъ, что онъ излишне ревнивъ къ чести Англіи, что онъ ничего не жалѣетъ для возрастанія ея могущества, для увеличенія ея обаянія, для обезпеченія ея безопасности.

Никакой панегирикъ въ глазахъ англійскаго народа не можетъ сравниться съ подобнымъ обвиненіемъ! Правда, лордъ Пальмерстонъ прежде всего англичанинъ, и англичанинъ во что бы ни стало вездѣ и во всемъ; но возможно ли, чтобы въ Англіи поставили ему въ вину, что онъ слишкомъ уже англичанинъ? Чѣмъ болѣе Кобденъ былъ правъ какъ экономистъ и какъ моралистъ, тѣмъ болѣе онъ былъ не правъ, какъ политическій тактикъ. Дизраели, который имѣетъ притязаніе быть парламентскимъ стратегомъ, понялъ, что его случайный союзникъ сдѣлалъ неловкость, и пытался поправить зло, утверждая, что въ концѣ концовъ лордъ Пальмерстонъ все таки сдѣлалъ менѣе, чѣмъ его предшественники, для защиты и вооруженія страны, — что министерству, котораго онъ былъ членомъ, принадлежитъ та честь, что оно первое дало толчекъ учрежденію волонтеровъ, и что лордъ Пальмерстонъ тогда смѣялся этому, называлъ *rifle fever* (ружейная лихорадка). Въ этомъ тонѣ была вся рѣчь Дизраели. Но какъ же это такъ? вѣдь это значило опровергать то, что говорилъ Кобденъ; вѣдь это значило упрекать лорда Пальмерстона, что онъ не дѣлалъ довольно, тогда какъ Кобденъ упрекалъ его въ томъ, что онъ дѣлалъ слишкомъ много.

Однимъ словомъ, недовольные либералы и неумолимые консерваторы вели очень неискусно свою кампанію противъ перваго министра.

Если Кобденъ хотѣлъ нанести ударъ популярности лорда Пальмерстона, то онъ долженъ былъ бы подумать о томъ, что есть такія ошибки, которыя національный эгоизмъ охотно ставить въ заслугу, онъ долженъ былъ бы вспомнить, что когда въ апрѣлѣ 1857 года, онъ, Гладстонъ, Брайтъ, Мильнеръ Гибсонъ, лордъ Джонъ Россель, Робукъ и др. напали соединенными силами и низвергли лорда Пальмерстона, обвиняя его что онъ нарушилъ по отношенію къ Китаю, въ интересѣ исключительно англійскомъ, вѣчные законы справедливости, то лордъ Пальмерстонъ аппелировалъ на нихъ къ страсти и одержалъ въ этомъ случаѣ самую блистательную побѣду, какую можно только указать въ парламентскихъ лѣтописяхъ.

Если же Кобденъ имѣлъ цѣль болѣе высокую, болѣе благородную, совершенно чуждую всякихъ мелочныхъ тактическихъ соображеній воинствующаго или обманутаго честолюбія, о! въ такомъ случаѣ онъ говорилъ именно такъ, какъ и слѣдовало ему говорить; но при этомъ онъ не долженъ былъ забыть того, чего я тщетно ищу въ его рѣчи, т. е. доказательства, что, не жалѣя издержекъ на вооруженіе Англіи, лордъ Пальмерстонъ не былъ вѣрнымъ представителемъ чувствъ и опасеній англійскаго народа. Доказательства на это Кобденъ не представилъ, и по той весьма простой причинѣ, что представить его невозможно.

Въ этомъ именно и заключается нравственное значеніе этихъ преній для Франціи. Да, дѣйствительно лордъ Пальмерстонъ истратилъ во время глубокаго мира столько, сколько могло быть истрачено только въ случаѣ приготовленій къ войнѣ; но въ то время, какъ онъ укрѣплялъ берега, возобновлялъ флотъ, запасалъ орудія, англійскій народъ также не бездѣйствовалъ! Этотъ народъ торговцевъ и работниковъ усвоивалъ себѣ воинственные привычки; на улицахъ раздавался бой барабановъ; упражненія въ употребленіи оружія стали однимъ изъ самыхъ любимыхъ занятій англійской молодежи. Лордъ

Пальмерстонъ имѣлъ полное основаніе сказать, что достаточно указать на волонтерское движеніе для оправданія его политики военныхъ приготовленій,—и это замѣчаніе не допускаетъ никакихъ возраженій. Онъ боится того, чего боится страна; онъ дѣйствуетъ за одно съ стравою, и всѣ упреки Кобдена падаютъ не на него, а на его страну. Но отчего происходитъ, что Англія до такой степени не довѣряетъ Франціи, не смотря на всѣ усилія, потраченныя на то, чтобъ внушить ей довѣріе? Это происходитъ, милостивый государь, какъ я уже неоднократно говорилъ и чего я не перестану повторять, — это происходитъ отъ того, что во Франціи не существуетъ такого порядка вещей, который позволялъ бы англичанамъ видѣть ея намѣренія, ея чувства, ея симпатіи. Пока во Франціи не установится другой порядокъ, Англія постоянно будетъ насторожѣ.

LXXX.

3-го августа 1862 г.

ПРАВО ОХОТЫ ВЪ АНГЛІИ.

На дняхъ вотированъ Night Poaching Act, законъ противъ ночнаго браконьерства.

Когда, во времена Лютера, поднялся Шварцвальдъ, и подъ предводительствомъ трактирщика Мецлера, возстали крестьяне Турингіи, Франконіи и Швабіи, вотъ что говорили они въ четвертой статьѣ изъ числа тѣхъ двѣнадцати статей, изъ которыхъ состояла программа этого великаго возстанія: «птицы въ воздухѣ, рыбы въ рѣкахъ, животныя въ лѣсахъ принадлежатъ всѣмъ, потому что въ лицѣ перваго человека Господь далъ всѣмъ право на животныхъ,

Возстановленіе этого права на животныхъ, которое стало исключительнымъ достояніемъ немногихъ, было также одною изъ цѣлей, ради которыхъ возстали крестьяне; они взяли себѣ

анабаптиста въ предводители и бѣлый крестъ знаменемъ; они убивали и сами были убиты; и Германія обагрилась кровію.

И дѣйствительно, можно ли отрицать, что въ этомъ исключительномъ правѣ охоты есть что-то особенно возмутительное? Если этотъ лѣсъ принадлежитъ мнѣ, то слѣдуетъ ли изъ этого, чтобъ я имѣлъ право сказать, что «мнѣ принадлежитъ и эта лань, которая бѣжитъ чрезъ лѣсъ, и эта птица, которая летитъ надъ лѣсомъ, и вся эта часть воздушнаго пространства, которая обхватываетъ принадлежащую мнѣ землю?» Право собственности на землю должно ли простирается до всесторонняго захвата всей природы? Если бы небесный свѣтъ могъ быть сдѣланъ предметомъ частнаго владѣнія, то развѣ въ такомъ случаѣ вы признали бы, что слѣдуетъ его монополизировать и установить право собственности на солнце?

Я не совсѣмъ увѣренъ въ томъ, чтобы въ умѣ нѣкоторыхъ «лэндлордовъ» Англіи этотъ послѣдній вопросъ не былъ рѣшенъ положительно; но во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что господствующія между ними понятія о правѣ охоты и самый образъ ихъ пользованія этимъ правомъ едва ли не составляютъ такое зло, которое болѣе рѣзко, чѣмъ какое либо другое, выставляетъ наружу всю порочность феодальнаго землевладѣнія.

Никто конечно, не станеть утверждать, чтобы между ними и до сихъ поръ господствовали тѣ же идеи, какъ въ ту эпоху, когда убить лань короля и подданнаго короля считались преступленіями одинаково ужасными и подлежали одинаковому наказанію. Покончивъ сначала съ старыми лѣсными законами, въ силу которыхъ во всемъ королевствѣ былъ только одинъ охотникъ, король, цивилизація покончила внослѣдствіи и съ тѣми несправедливыми и варварскими законами, которые признавали, что извѣстные роды животныхъ и птицъ существуютъ исключительно для удовольствія благородныхъ и подвергали строгому наказанію всякаго изъ непринадлежащихъ къ привилегированному классу, кто осмѣливался убить или какимъ либо способомъ приобрѣсть себѣ какое либо изъ этихъ существъ. Зло, вытекавшее изъ такого порядка вещей, было столь

велико и столь важно, пораждало столько насилій и ссоръ, и столько скандаловъ, что наконецъ въ 1831 г. нашли нужнымъ исправить законы.

Англія, какъ видите, не очень торопилась. Что же касается до Франціи, то она не ждала такъ долго. Еще 25 августа 1789 г., исключительное право охоты, уже осужденное въ знаменитую ночь 5 августа, было уничтожено національнымъ собраніемъ, уничтожено по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что каждому собственнику безразлично предоставлено было одинаковое право охоты на своей землѣ; этимъ только и ограничивался законъ 1789 года. Національное собраніе не нашло нужнымъ даже принять во вниманіе, что Людовикъ XVI имѣлъ большую страсть къ охотѣ и не затруднилось тѣмъ, что его законъ будетъ помѣхой королевскимъ удовольствіямъ. Уничтоженіемъ капитанствъ сразу положенъ былъ конецъ невыносимой тиранніи королевскихъ охотъ, и эти рѣшительныя слова Мирабо стали закономъ: «каждый имѣетъ право охоты на своей землѣ, никто не имѣетъ права охоты на чужой землѣ; этотъ принципъ долженъ быть одинаково святъ какъ для монарха, такъ и для всѣхъ.»

Англія идетъ по пути прогресса не такими быстрыми шагами, какъ Франція, но за то шаги ея вѣрнѣе. Не прежде, какъ въ 1831 г., въ царствованіе Вильгельма IV, рѣшилась наконецъ Англія наложить руку на это законодательство, которое Блэкстонъ клеймилъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «при прежнихъ личныхъ законахъ во всемъ королевствѣ былъ одинъ могущественный охотникъ, но онъ былъ одинъ; а теперь что ни замокъ, то маленький Нимродъ.»

Реформа состояла въ томъ, что каждый, снабженный пертификатомъ, имѣетъ право охоты на своей землѣ, и на чужой съ позволенія владѣльца. Торговля дичью подвергнута была нѣкоторой регламентаціи. Признано было, что подъ словомъ дичь слѣдуетъ разумѣть зайцевъ, фазановъ, рябчиковъ, тетеревей, дрохвъ. Для предотвращенія совершеннаго истребленія нѣкоторыхъ породъ дичи, въ извѣстныя времена года запрещено было охотиться за ними. За дневную охоту безъ устано-

вленного сертификата опредѣленъ былъ штрафъ въ 5 шиллинговъ, а за ночное браконьерство въ первый и второй разъ — тюремное заключеніе, въ третій разъ — ссылка.

Итакъ вся эта реформа была не что иное, какъ замѣна большаго зла меньшимъ зломъ: вотъ и все. Посмотримъ теперь, какія отъ этихъ законовъ оказываются послѣдствія въ дѣйствительной жизни.

Дичь на арендуемой землѣ признается принадлежащей арендатору, если только лэндлордъ не выговоритъ себѣ права на нее при отдачѣ земли въ аренду. Но послѣднее составляетъ почти общее правило, что ведетъ къ тому, что арендаторы терпятъ отъ дичи неисчислимый вредъ. По офиціальному изслѣдованію оказалось, что тамъ, гдѣ землевладѣльцы оставили за собой право охоты, арендаторы несутъ отъ дичи ущербъ столь значительный, что онъ далеко превосходитъ всю сумму налоговъ, лежащихъ на арендуемой землѣ, какъ-то: налогъ для бѣдныхъ, налогъ графства, церковный сборъ, налогъ на доходы и пр., и пр. Исчислено, что для вознагражденія арендатора за этотъ ущербъ едва ли даже будетъ достаточно пониженія арендной платы на 30%. Но едва ли найдется одинъ землевладѣлецъ изъ пятидесяти, который бы считалъ себя обязаннымъ вознаграждать арендатора за тѣ убытки, которые послѣдній несетъ ради его удовольствія. Огромное количество произведеній погибаетъ безъ всякой пользы, оскудѣваетъ плодородіе почвы, уменьшается количество капиталовъ и количество труда, обращенныхъ на земледѣльческую промышленность, наносится пагубный ущербъ благосостоянію арендатора и земледѣльца, — вотъ какія пагубныя послѣдствія влечетъ за собой это право охоты, вытекающее изъ абсолютнаго права собственности.

Но зло не ограничивается только этимъ. Дичь, предназначенная для забавы лэндлорда, вводитъ въ искушеніе браконьера. Недостаточно парламентскаго акта, чтобы измѣнить понятія сельскаго населенія, которое не признаетъ, чтобы дикія животныя или птицы были такимъ же предметомъ права собственности, какъ и домашнія. По понятіямъ сельскихъ

жителей браконьерство не есть воровство, и они не только не осуждают браконьера, а напротив смотрят на него, какъ на героя. Они удивляются его смѣлости, соболѣвуютъ ему въ его неудачахъ, смотрятъ на его похождения, какъ на подвиги, и въ этой войнѣ, нерѣдко кровавой, которую ведетъ охотничья стража съ браконьеромъ, всѣ ихъ симпатіи на сторонѣ браконьера. Итакъ, право охоты не менѣе губительно и для нравственности сельскаго населенія, какъ и для прогресса земледѣлія.

Но разъ признавъ посылки, нельзя не признать и вывода, если выводъ логиченъ; разъ признавъ принципы феодальнаго землевладѣнія, нельзя избѣжать и тѣхъ послѣдствій, какія изъ него истекаютъ.

Въ іюнѣ 1862 г. одинъ охотникъ высокаго полета, лордъ Бернерсъ, принесъ въ палату лордовъ какое-то оружіе и положилъ его въ прихожей, такъ какъ по правиламъ членъ палаты не можетъ предстать съ оружіемъ передъ лице лорда канцлера.

Оказалось, что это оружіе было отобрано у почныхъ браконьеровъ во владѣніяхъ лорда, и почтенный лордъ принесъ его для того, чтобы показать, что имъ можно убить не только зайца или рябчика, но и человѣка.

Обыкновенное жалованье охотничьей стражи— 12 шиллинговъ въ недѣлю. Не правда ли, вѣдь это очень не дорого, за 12 шиллинговъ подвергать себя постоянной опасности, что если не сегодня, то завтра вамъ проломаютъ голову? Но лордъ Бернерсъ принесъ въ палату лордовъ страшное браконьерское оружіе, приведшее въ ужасъ благородныхъ лордовъ, не для того, чтобы возбудить въ своихъ сочленахъ удивленіе къ геройству охотничьихъ сторожей. Почти вся его цель состояла въ томъ, чтобы придать болѣе силы своей интерпелляціи: «намѣрено ли правительство представить въ эту сессію законъ противъ браконьерства?»

Лордъ Деламиръ объявилъ, что дѣло не терпитъ отлагательства, а лордъ Дерби разсказалъ при этомъ случаѣ, и такимъ голосомъ, который приводилъ въ ужасъ, трагическую

исторію, какъ въ теченіе трехъ лѣтъ его охотничьи сторожа троекратно подвергались нападенію и какъ онъ самъ долженъ былъ преслѣдовать виновныхъ. Лорды пришли въ крайнее негодованіе: надо покончить съ этимъ, надо возложить на сельскую полицію, чтобы она охраняла дичь совмѣстно съ охотничьими сторожами, надо потребовать отъ правительства рѣшительнаго отвѣта, намѣрено оно или нѣтъ предложить энергическія мѣры противъ браконьерства.

Лордъ Гренвиль отвѣчалъ, что нѣтъ; но если лордъ Бернерсъ представитъ билль по этому предмету, то правительство не будетъ этому противиться. Результатомъ всего этого былъ билль о прекращеніи браконьерства. Охотники, засѣдающіе въ палатѣ лордовъ, не нашли для этого другаго средства, какъ поставить въ обязанность сельской полиціи, чтобы она отыскивала и арестовывала людей, навлекающихъ на себя подозрѣніе въ незаконномъ пріобрѣтеніи дичи.

И до этого законъ былъ уже довольно строгъ. Онъ говорилъ: когда у кого либо днемъ или ночью, найдена будетъ дичь, «которая будетъ имѣть видъ еще недавно только убитой, то лэндлордъ, арендаторъ, охотничій сторожъ, и вообще каждый изъ прислуги лэндлорда и арендатора имѣетъ право отобрать ее.»

Этотъ законъ, напоминающій собою законъ о подозрительныхъ людяхъ, лорды требовали измѣнить въ томъ смыслѣ, чтобы каждый полисменъ обязанъ былъ содѣйствовать ихъ прислугѣ въ охраненіи дичи.

Это неожиданное требованіе со стороны лордовъ-охотниковъ вызвало сильную агитацію. Либералы разразились криками негодованія, и ихъ крики до изступленія раздражили консерваторовъ. Уваженіе къ праву собственности! Таковъ былъ девизъ, который консерваторы написали на своемъ знамени. *Times* съ жаромъ ихъ поддерживала; она утверждала, что вопросъ весьма простъ, слѣдуетъ только сравнить собственность на дичь съ правомъ собственности на домъ и написать въ законѣ: «браконьеръ есть воръ.»

Но либеральная партія возражала на это, что народное чувство возмущается противъ подобнаго сравненія и что это чувство не въ состояніи одолѣть никакіе законы. Народъ, т. е. тотъ народъ, къ которому принадлежать браконьеры, охотничьи сторожа и подисмены, твердо стоитъ на томъ, что фазанъ или лисица не могутъ быть предметомъ такого же права собственности, какъ курица, или теленокъ. Онъ не отрпцаетъ того, что фазана можно сдѣлать домашнею птицею, но рѣшительно отказывается признать домашнею птицей фазановъ, которыхъ разводятъ въ лѣсахъ для того, чтобы потомъ имѣть удовольствіе убивать ихъ. Онъ отказывается понять, чтобы изъ необходимости сохранять домашнихъ и полезныхъ животныхъ вытекала также необходимость сохрѣнять для забавы праздныхъ людей тѣ породы дикихъ животныхъ, которыя опустошаютъ жатвы и составляютъ истинное бѣдствіе для земледѣльца.

Даже сами лэндлорды, и тѣ не смотря на браконьерство, какъ на воровство. Не разъ случалось, что сынъ или младшій братъ лэндлорда попался съ убитымъ фазаномъ или зайцемъ, но вѣдь ихъ семьи не отвергали же ихъ отъ себя, какъ воровъ. Во время всѣхъ этихъ споровъ, возбужденныхъ билемъ противъ браконьерства, Spectator напечаталъ замѣчательную статью, въ которой авторъ говоритъ: Я помню, какъ однажды, когда я былъ еще дитятей, неподалеку отъ дома моего отца, завязался отчаянный бой между тремя охотничьими сторожами, изъ которыхъ одинъ былъ вооруженъ охотничьимъ ножомъ, и нѣкимъ Майкъ Престономъ, который былъ самый извѣстный браконьеръ во всемъ графствѣ. Майку удалось увернуться, хотя онъ и былъ при этомъ тяжело раненъ, а вскорѣ послѣ того его взяли къ себѣ въ охотничьи сторожа одинъ изъ нашихъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ, славившійся своею строгостію къ нарушителямъ правъ охоты. Вальтеръ можетъ быть скажетъ, что тутъ нѣтъ ничего особеннаго; отчего же не поручить вору ловить вора? Но я замѣчу на это, что въ такомъ только случаѣ можно согласиться съ его аргументомъ, если онъ возь-

меть себѣ въ ключники человѣка, который укралъ у него серебро.

Много и другихъ доводовъ, весьма сильныхъ, представлено было органомъ либеральной партіи. Они указывали на невозможность налагать на дичь какія нибудь мѣтки, какъ это дѣлается съ телятами и домашнею птицей, и что, слѣдовательно, невозможно доказать правильно или неправильно приобрѣтена дичь. Они настаивали на томъ, что предложенная мѣра имѣетъ инквизиторскій характеръ, что она откроетъ обширное поле для возмутительнаго произвола, и что опасно ставить сельскую полицію въ такое положеніе, которое можетъ сдѣлать ее ненавистной для сельскаго населенія. Они говорили, что нельзя довольно надивиться такому притязанію со стороны лэндлордовъ, чтобъ для охраненія ихъ забавъ, на помощь ихъ слугамъ, которыхъ они содержатъ на собственный счетъ, имъ дали слугъ, содержимыхъ на счетъ общества. Они доказали, что принятіе этого билля повлечетъ за собой значительное увеличеніе сельской полиціи, а слѣдовательно и значительное увеличеніе расходовъ по ея содержанію. На основаніи какого принципа справедливости или соціальнаго интереса — говорили они — можетъ быть оправданъ подобный налогъ на народъ для сохраненія животныхъ, которые кромѣ того, что сами по себѣ совершенно бесполезны, портятъ молодія деревья, уничтожаютъ цвѣты, опустошаютъ жатвы. Осуждая браконьерство, они доказывали, что предложенная мѣра будетъ только прибавленіемъ новаго зла къ тому, которое уже существуетъ. Но всѣ доказательства были бесполезны, всѣ протесты — бесплодны. Сторонники билля выставляли оппонентовъ возмутителями — да, возмутителями! Одинъ изъ защитниковъ билля, Вальтеръ, который по своимъ связямъ съ Times сталъ важною особою, клялся св. Губертомъ, что фазаны — домашнія птицы, что они знаютъ охотничьихъ сторожей, и что сторожа ихъ знаютъ, и что эти фазаны также идутъ къ ключнику, какъ лошади или собаки. «Если это такъ, шутливо замѣтилъ Spectator, то охотничьимъ сторожамъ не трудно будетъ признать передъ судомъ тѣла своихъ бѣдныхъ

друзей, и будемъ надѣяться, что это не подастъ повода къ ложнымъ показаніямъ.» Но ни гнѣвныя выходки, ни иронія, ничто не помогло отстоять требованій здраваго смысла. Палата лордовъ вотировала билль съ энтузіазмомъ. 23-го іюля разсматривался онъ въ комитетѣ болѣе непосредственныхъ представителей народа, и судя по тому, что происходило въ комитетѣ, не подлежало уже болѣе сомнѣнію, что билль пройдетъ и въ палатѣ общинъ. Спѣшу прибавить къ чести лорда Генли и лорда Стэнли, что оба эти молодые и страстные охотника съ большимъ жаромъ возставали противъ билля. Лордъ Генли доказывалъ, что, облегчая сохраненіе дичи, билль не только не уничтожитъ браконьерства, но еще болѣе его усилитъ; а лордъ Стэнли убѣждалъ своихъ сочленовъ, что, принимая этотъ билль, они дадутъ полное основаніе народу сказать, что въ такую бѣдственную годину, какую мы теперь переживаемъ, палата общинъ не придумала ничего лучшаго чѣмъ закончить свою сессію, какъ вотировать законъ для охраненія своихъ забавъ. Но ничто не помогло. Не только прозектъ въ первоначальномъ своемъ видѣ былъ какъдый разъ привѣтствованъ значительнымъ большинствомъ, но даже мѣра, которая предполагалась сначала только относительно ночнаго браконьерства, была распространена и на дневное. Либеральная партія успѣла только добиться того, что были отвергнуты статьи, устанавлившія особый надзоръ надъ торговцами дичью.

Наконецъ въ прошлую пятницу Night Poacting Act былъ прочтенъ въ третій разъ и окончательно вотированъ.

Этотъ фактъ доказываетъ двѣ вещи: во первыхъ, что феодальное землевладѣніе въ Англіи порождаетъ большое зло, и во вторыхъ, что оно даетъ землевладѣльцамъ монополію политической власти, съ помощію которой землевладѣльцы под-держиваютъ существованіе выгоднаго для нихъ зла.

LXXXI.

11-го августа.

ЛОНДОНСКАЯ ВЪДНОСТЬ.

Лондонъ, не смотря на свою хваленую полицію, пересталъ быть такимъ городомъ, въ которомъ можно бы было беззаботно расхаживать ночью по улицамъ, засунувъ руки въ карманы. Въ послѣднее время только и говорятъ, что о людяхъ полузадушенныхъ неожиданно на улицѣ и за тѣмъ ограбленныхъ. Такая вещь произошла съ недѣлю назадъ, въ одиннадцать часовъ вечера, почти передъ самой моей квартирой, и не такъ давно былъ такой же случай съ однимъ членомъ палаты общинъ, который еще долженъ считать себя счастливымъ, что его не убили совсѣмъ; дѣло было въ Полъ-Молѣ, одной изъ самыхъ фешенебельныхъ частей города, и, что еще важнѣе въ подобныхъ обстоятельствахъ, очень хорошо освѣщенной. Не всемірная ли выставка виновата въ этомъ усиленіи подобныхъ дурныхъ приключеній? Этому можно бы повѣрить, если бы провинціи также не доставляли газетамъ своей доли плачевныхъ исторій. И тамъ также грязь слишкомъ часто всплываетъ на перхъ. Мы получаемъ одну за другой новости то о какой нибудь необъяснимой смерти, то о таинственныхъ преступленіяхъ. Наконецъ увеличилось и число самоубійствъ.

Въ журналахъ «The suicide mania» сдѣлалось стереотипнымъ заглавіемъ. Надъ головою барона Ліонеля Ротшильда въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ висѣлъ настоящий Дамокловъ мечъ въ формѣ угрожающихъ посланій. «Намъ нужно 500 фунтовъ. Если вы находите, что ваша жизнь стоитъ больше, чѣмъ какая нибудь жалкая сумма въ 500 фун. стерл., то увѣдомьте насъ черезъ газеты. Если же нѣтъ... вы, конечно, понимаете А. Б.». Если бы мнѣ пришлось подробно и безъ пропусковъ пересчитывать различныя злодѣйства, то изъ этого могла бы составиться очень длинная исторія,—что доказываетъ,

говоря мимоходомъ, что даже въ Англіи люди живутъ вовсе не въ лучшемъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ, — а въ другихъ мѣстахъ, конечно, и того меньше.

Переходъ отъ преступленія къ нищетѣ, къ сожалѣнію, столь же естественъ, какъ переходъ отъ дѣйствія къ причинѣ. Англія, это отечество величайшаго богатства, есть также отечество и величайшей нищеты. Я сомнѣваюсь, чтобы могло найтись какое нибудь другое мѣсто на всемъ земномъ шарѣ, гдѣ можно бы было встрѣтить нищету въ болѣе ужасномъ видѣ, въ состояніи болѣе глубокаго паденія.

Однажды я проходилъ вмѣстѣ съ однимъ пріятелемъ, также французомъ, по той великолѣпной аллеѣ, которую съ одной стороны окаймляетъ рядъ домовъ, настоящихъ дворцовъ, а съ другой — кенсингтонскій паркъ, одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ свѣтѣ. Это было въ воскресенье. На улицахъ въ это время бываетъ очень мало народу, а тамъ, гдѣ шли мы, не было совершенно никого. Впрочемъ я ошибаюсь, потому что мы замѣтили впереди насъ человѣка, едва передвигавшаго ноги... Но человѣкъ ли это былъ? Да, это былъ человѣкъ, существо, которое, говорятъ, создано по образу Божию! Онъ былъ полунагой и съ босыми ногами. Онъ очевидно не замѣчалъ, что мы идемъ слѣдомъ за нимъ. Вдругъ онъ остановился, глаза его неподвижно устремились на что-то, лежавшее недалеко на землѣ въ пыли. Онъ направился къ этому чему-то, когда мы поравнялись съ нимъ.

Увидѣвъ насъ, онъ сѣлъ на краю дороги какъ будто затѣмъ, чтобы отдохнуть, и мы прошли мимо. «Замѣтили ли вы этого несчастнаго, съ такимъ блѣднымъ лицомъ?» сказалъ мнѣ мой пріятель. — «Да», отвѣчалъ я, — «это призракъ голода». «А знаете ли вы, почему онъ остановился? — Что же такое? Чтобы поднять и съѣсть старую апельсинную корку. — Неужели? — Вы увидите». — Мы поспѣшно вернулись назадъ. Мой пріятель былъ правъ. Вы угадываете остальное.

Это просто комедія разыгранная нищимъ, воскликнуть можетъ быть люди, считающіе себя умными головами. А если бы и такъ, то каково должно быть состояніе, заставляющее чело-

вѣка разыгрывать подобную комедію, въ подобныхъ обстоятельствахъ, съ исхудавшимъ какъ скелетъ тѣломъ и лицомъ... этого лица я никогда не забуду, я все еще вижу его передъ собой.

Спрашивается теперь: есть ли это одинъ изъ тѣхъ отдѣльныхъ случаевъ, которые еще ничего не доказываютъ? Безъ сомнѣнія подобные случаи рѣдки въ лучшихъ улицахъ, въ богатыхъ частяхъ города. Но чтобы видѣть нищету во всей ея наготѣ, нѣтъ никакой нужды отыскивать ее въ самыхъ послѣднихъ ея притонахъ. Въ извѣстное время года она является передъ вами сама, и любитъ располагаться на вашей дорогѣ.

Я вамъ рассказывалъ однажды, какимъ образомъ американскій банкиръ Джорджъ Пибоди писалъ къ американскому посланнику, лорду Стэнли, и другимъ знатымъ людямъ, что такъ какъ Провидѣніе благословило его труды, то онъ приобрѣлъ состояніе, которое позволяетъ ему отдать для бѣдныхъ сумму въ 100,000 фун. стерл. (3,750,000 франковъ). Въ это же самое время въ Times появилось письмо, рассказывавшее о фактѣ, который не представлялъ собственно ничего необыкновеннаго, но рассказанъ былъ такимъ образомъ, что не могъ не возбудить оживленныхъ толковъ. Одинъ только что пріѣхавшій австраліецъ встрѣтилъ въ Сити маленькую, хорошенькую какъ ангелъ дѣвочку, которая шла босая, горько плакала и дрожала отъ холода въ своихъ лохмотьяхъ, потому что время было еще зимнее и утро холодное. Австраліецъ, распросивши ребенка, узналъ, что она сирота, далъ ей нѣсколько денегъ и отошелъ отъ нея съ стѣсненнымъ сердцемъ, какъ вдругъ замѣтилъ полисмена. Онъ бросился къ нему и указалъ ему на ребенка. Тотъ улыбнулся, пожалъ плечами, и не отвѣчая ни слова, въ свою очередь показалъ сострадательному иностранцу цѣлую полудюжину маленькихъ дѣвочекъ, можетъ быть не такихъ хорошенькихъ, какъ первая, но одѣтыхъ въ такія же лохмотья, также дрожавшихъ отъ холода и такъ же плакавшихъ, какъ и она. Вернувшись домой, австраліецъ поспѣшилъ написать въ Times письмо, въ которомъ удивлялся, что такая нищета существуетъ ря-

домъ съ такой роскошью, и спрашивалъ, почему же не подумаютъ о томъ, чтобы отправить этихъ несчастныхъ въ страну, изъ которой онъ прѣхалъ, гдѣ въ изобиліи найдется, чѣмъ ихъ прокормить и одѣть.

Отвѣтъ на это появился на слѣдующій же день онъ былъ подписанъ W. D. B. Этотъ W. D. B., человѣкъ съ благороднымъ сердцемъ и очень извѣстный въ филантропическомъ мірѣ, сильно бранилъ австралійца за нѣсколько пенсовъ, которые тотъ далъ маленькой дѣвчкѣ, замѣчая ему, что, по всей вѣроятности, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея навѣрное поджидалъ у кабака какой нибудь негодай, только и ждавшій подачи милостыни, чтобы проглотить ее въ видѣ джина.

И W. D. B. былъ правъ, ужаснымъ образомъ правъ! Безчестная промышленность, на которую онъ указывалъ, дѣйствительно существуетъ; она находится въ цвѣтущемъ состояніи; она пользуется всѣми выгодами свободной торговли! Ей нужны только зима, дурная погода, дождь, грязь и холодъ. Тогда въ самомъ дѣлѣ, у бѣдныхъ маленькихъ рабовъ, выталкиваемыхъ ихъ мучителями на улицу, есть всѣ условія, чтобы страдать самымъ дѣйствительнымъ образомъ, и это позволяетъ имъ разыгрывать комедію нищеты *au naturel*, и слѣдовательно вѣрнѣе уловить простодушныя сердца въ сѣти состраданія... Но неужели ради этого надо потерять всякое состраданіе? Неужели всякій разъ, когда умоляетъ васъ ребенокъ, одѣтый въ бѣдное рубище, вы непременно должны представить себѣ негодая, выпивающаго стаканъ джину? Неужели надо опасаться, что сдѣлаешься сообщникомъ мучителя, какъ скоро тронешься слезами этого маленькаго раба? Неужели надо остерегаться отъ подачи милостыни, точно какъ отъ преступленія?

Да, вотъ что нужно дѣлать! Съ нашей прославленной цивилизаціей дѣло дошло до того, что состраданіе, святое состраданіе становится чувствомъ глупымъ, и дѣйствие, внушаемое имъ, почти преступленіемъ. Неужели же нѣтъ лекарства противъ этого ужаснаго зла? Навѣрное можно сказать только то, что никто кажется и не думаетъ серьезно, есть ли противъ

этого лекарство, и есть ли есть, то гдѣ слѣдуетъ искать его. Дѣло оставляется на произволъ судьбы.

И однако же нищета интересуется не однихъ только нищихъ. Можно сколько угодно отрицать солидарность человечества, но она отъ времени до времени подтверждается достаточно рѣзкими фактами, которые составляютъ наконецъ настоящій аргументъ. Знаете ли, что мы находимъ въ послѣднемъ отчетѣ доктора Лисби? Мы узнаемъ изъ него, что главной болѣзнью послѣднихъ мѣсяцевъ была лихорадка; что число умирающихъ отъ нея возрасло въ послѣдніе три мѣсяца съ 25 до 53; что она была занесена въ Лондонъ безиріутными бродягами; и, странное дѣло, что этотъ бичъ, прилетѣвшій на крыльяхъ нищеты, производитъ гораздо болѣе опустошеній въ классѣ богатыхъ людей, чѣмъ въ классѣ бѣдныхъ.

Но не подумайте, что говоря такимъ образомъ, я хочу жаловаться на Англію. Если бы народу достаточно было, для избавленія отъ этой двойной язвы, только быть человѣчнымъ и сострадательнымъ, то конечно ни одинъ народъ въ свѣтѣ не находился бы въ лучшихъ нравственныхъ условіяхъ, чѣмъ народъ англійскій. Потому что здѣсь вовсе нѣтъ недостатка ни въ человѣчности, ни въ сострадательности. Сколько подвиговъ благоговоренія дѣлается здѣсь подъ покровомъ неизвѣстности! (Сколько госпиталей основано и содержится на добровольныхъ приношеніяхъ! Сколько расходуется денегъ на добрыя дѣла! Но вопросъ вовсе не въ этомъ. Борьба со слѣдствіями не ведетъ ни къ чему; нужно мужество, чтобы открыть причину такихъ слѣдствій,—а этого-то мужества и не достаесть. Къ чему послужать палліативы тамъ, гдѣ нужны радикальныя средства? Въ этомъ отношеніи нельзя представить себѣ ничего безплоднѣе послѣдней сессіи парламента. Правда, впрочемъ, что онъ много занимался Мониторомъ и Мерримаккомъ!

LXXXII.

18 августа.

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО ВЪ АНГЛІИ, — ПО ПОВОДУ ВОПРОСА О ЦЕРКОВНЫХЪ СБОРАХЪ.

Въ то время, какъ положеніе Италіи невольно обращаетъ вниманіе цивилизованнаго міра на важный вопросъ «о свободной церкви въ свободномъ государствѣ», вы не найдете можетъ быть излишнимъ, если я поговорю съ вами о томъ, въ какихъ отношеніяхъ церковь и государство находятся между собой въ Англіи.

Въ предшествующемъ письмѣ я вамъ указывалъ, какъ на одинъ изъ характеристическихъ фактовъ, которыми ознаменовалась послѣдняя сессія парламента, что отвергнуто было предложеніе сэра Трелавни, клонившееся къ совершенной отмѣнѣ «церковныхъ сборовъ», т. е. приходскихъ налоговъ, имѣющихъ спеціальнымъ своимъ назначеніемъ содержаніе церквей.

И дѣйствительно, въ чемъ состоялъ вопросъ? О, Боже мой! вопросъ такъ простъ, по крайней мѣрѣ по видимому. Все дѣло шло о томъ, справедливо или несправедливо, чтобы значительная часть общины вынуждаема была платить деньги на содержаніе церквей, которыхъ она вовсе не посѣщаетъ и гдѣ отправляется богослуженіе не по ея вѣрѣ, а перѣдко и по такой вѣрѣ, которую она считаетъ опасной.

Но къ этому надо еще прибавить, что хотя законъ о «церковныхъ сборахъ» существуетъ одинъ для всей Англіи съ незапамятныхъ временъ, но онъ не исполняется и никогда не исполнялся повсемѣстно. Исполненіе его зависитъ отъ мнѣнія большинства въ собраніи церковныхъ старостъ. Есть много такихъ приходоу, гдѣ большинство не хочетъ церковныхъ сборовъ, и есть такіе, гдѣ меньшинство отказывается ихъ платить, если его къ этому не вынуждаютъ. Итакъ въ дѣй-

ствительности этотъ законъ почти для половины Англiи какъ бы и вовсе не существуетъ. Притомъ наказанiе за отказъ платить заключается въ духовномъ взысканiи, что равносильно безнаказанности, или почти равносильно. Вслѣдствiе этого много такихъ приходовъ, гдѣ этотъ законъ оказывается совершенно безсильнымъ. Въ большихъ городахъ почти совсѣмъ и не слышать объ обязательномъ платежѣ церковныхъ сборовъ, а въ метрополн и еще менѣе. Я это знаю по личному опыту: хотя въ списокѣ податей, которыя я долженъ платить, и стоитъ статья «church rates», но я этихъ «rates» не плачу.

Разсматривая этотъ вопросъ, нельзя не удивиться, какъ могутъ тутъ быть два различныя мнѣнiя. Странно, въ самомъ дѣлѣ, принуждать человѣка вынимать изъ своего кошелька деньги для того, чтобъ помогать своему сосѣду молиться Богу не такъ, какъ онъ самъ молится.

И замѣйте при этомъ, что тѣ церкви, которыя содержатся на церковные сборы, находятся въ положенiи самомъ жалкомъ: сырыя, мрачныя, онѣ имѣютъ — какъ выразился Трелавни — видъ столь печальный, какъ звукъ голоса, которымъ обыкновенно проповѣдники возвѣщаютъ своимъ прихожанамъ «радостную вѣсть». Это — фактъ до такой степени несомнѣнный и до такой степени общезвѣстный, что когда жителямъ какого нибудь прихода становится совѣстно, что у нихъ плохая церковь, то въ свое оправданiе они говорятъ: «наша церковь — изъ тѣхъ, которыя содержатся на церковные сборы».

И стоитъ ли изъ-за этого подвергать себя упреку въ несправедливости и даже быть дѣйствительно несправедливымъ?

И какой, въ самомъ дѣлѣ, интересъ можетъ имѣть англiйская церковь возбуждать противъ себя общественное чувство, дѣлая видъ, что будто хочетъ насильно залѣзть въ чужой карманъ? Не думаетъ же вѣдь она, чтобы могла прiобрѣсти чрезъ это болѣе уваженiе, увеличить свое влiянiе, поднять свой нравственный авторитетъ? Что каждый обитатель былъ обязанъ платить на содержанiе церкви своего прихода изъ тѣхъ временъ, когда никто не могъ неповѣдывать дру-

гой вѣры, кромѣ признанной государствомъ, — это понятно; но трудно понять, какимъ образомъ могло это продолжаться по прежнему коств парламентскаго акта, который призналъ за каждымъ право поклоняться Богу по внушенію своей совѣсти. Если только возможенъ какой нибудь логическій выводъ изъ знаменитаго «акта о вѣротерпимости», то безъ сомнѣнія тотъ, что церковныя сборы должны быть немедленно уничтожены и замѣнены добровольными приношеніями.

Но не такъ понимаютъ это истые консерваторы; не такъ разсуждаютъ сэръ Джонъ Накингтонъ и Дизраели. Попробуйте усумниться передъ ними въ популярности, жизненности, силѣ англиканской церкви: они выйдутъ изъ себя отъ негодованія. Но если вы, признавъ за этой церковью и популярность, и жизненность, и силу, сдѣлаете тотъ весьма естественный выводъ, что въ такомъ случаѣ не будетъ недостатка въ добровольныхъ приношеніяхъ, они отвѣтятъ вамъ такъ, какъ будто бы эта церковь внѣ закона не имѣетъ вовсе никакой жизни, какъ будто ей неизбежно предстоитъ голодная смерть, какъ только ей не будетъ дозволено лезть въ чужіе карманы!

Итакъ, милостивый государь, вотъ въ чемъ состоитъ весь этотъ вопросъ о церковныхъ сборахъ, который былъ поднятъ въ первый разъ еще въ 1834 году и съ тѣхъ поръ не переставалъ волновать религіозную Англію; онъ породилъ двадцать три различныхъ билля, вызвалъ болѣе сотни парламентскихъ преній, безчисленное множество разъ былъ принимаемъ во вниманіе палатою общинъ и безчисленное множество разъ отвергаемъ палатою лордовъ, и до сихъ поръ еще не рѣшенъ.

И можно ли усумниться, что партіи считаютъ этотъ вопросъ чрезвычайно важнымъ, когда подумаешь какихъ компромиссовъ не придумали, чтобъ обойти затрудненіе? Сначала предлагали освободить отъ сбора диссидентовъ, съ условіемъ чтобъ они представляли удостовѣреніе въ томъ, что они дѣйствительно диссиденты; но на это возразили, что многіе изъ диссидентовъ весьма затруднятся признать себя открыто

паршивыми овцами стада. Потомъ предложили предоставить каждому право платить или не платить эти сборы, по своему усмотрѣнію, не объясняя причинъ. Наконецъ сэръ К. Льюисъ придумалъ замѣнить церковные сборы налогомъ съ мѣстъ въ церквахъ; это было бы, по его мнѣнію, вѣрнымъ средствомъ, чтобы платили только тѣ, кому надлежитъ платить, и при томъ это средство представляетъ ту хорошую сторону, что устраняетъ всякія скандальныя классификаціи. Но при каждомъ новомъ проектѣ возникали новыя затрудненія, и вопросъ, повидимому, до сихъ поръ нисколько не подвинулся впередъ въ сравненіи съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ находился назадъ тому двадцать восемь лѣтъ.

Не странно ли это въ самомъ дѣлѣ? И эта странность не объясняется ли тѣмъ, что за вопросомъ о церковныхъ сборахъ, который такъ простъ, что даже смѣшенъ, скрывается другой вопросъ, болѣе важный, объ отдѣленіи церкви отъ государства?

Назадъ тому нѣсколько времени, на одномъ полудуховномъ митингѣ, бывшемъ въ Эйлисбюри, подъ предсѣдательствомъ оксфордскаго епископа, Дизраели говорилъ вотъ что :

«Можно ли еще отрицать, что единенію церкви и государства угрожаетъ опасность? На него нападаютъ даже въ самомъ парламентѣ, ему грозитъ опасность даже въ этомъ высочайшемъ собраніи, гдѣ могущество церкви было бы неуязвимо, если бы люди, ей преданные, дѣйствовали дружно.... Сколько биллей внесено было въ послѣднюю сессію парламента, которые, подъ различными формами, всѣ стремились къ одной цѣли : подкопать значеніе церкви и самыя драгоценныя права ея служителей. Порицаютъ нашъ способъ раздавать благодѣянію; хотятъ отнять у насъ наши кладбища; враги наши стремятся измѣнить законъ о брактѣ, облегчить, какъ они выражаются, наше богослуженіе, лишить нашу святую церковь ея національнаго характера.... Что же касается до церковныхъ сборовъ, то мое мнѣніе объ этомъ уже извѣстно : я нахожу, что совершенная, безусловная отмѣна церковныхъ сборовъ будетъ страшнымъ ударомъ союзу церкви съ госу-

дарствомъ и что ни въ какомъ случаѣ подобная уступка быть не можетъ.»

Вотъ какое значеніе консерваторы придаютъ сохраненію церковныхъ сборовъ! Дизраели высказываетъ это со всею ясностію, какая только можетъ быть желательна. Но при этомъ не слѣдуетъ впадать въ заблужденіе: то, что Дизраели называетъ союзомъ церкви съ государствомъ, въ сущности есть ничто иное, какъ союзъ церкви съ партіей торіи. Изъ этихъ двухъ союзовъ дѣйствительно существуетъ только второй; первый же, собственно говоря, существуетъ только въ теоріи, если подъ словомъ союзъ разумѣть взаимную защиту и оборону.

Благодаря Богу, прошло уже для Англіи то время, когда королева Анна не могла выйти изъ своего дворца, чтобы ее сейчасъ же не окружила толпа, вопіющая во все горло: «мы надѣемся ваше величество, что вы — за доктора Чоквереля и церковь». Смитфильдскія благочестивыя казны теперь уже не въ модѣ. Теперь уже никто не выражаетъ желанія изжарить когонибудь изъ любви къ Богу. Когда вспоминашь, какія безконечныя релігіозныя пренія происходили въ парламентъ, въ царствованіе Вильгельма III, касательно «Toleration bill», «Comprehension bill», о раздѣленіи духовенства на высшее и низшее, о присягѣ на подданство и на признаніе верховной власти и пр., то кажется, какъ будто въ то время вся палата общинъ состояла исключительно изъ служителей церкви. Но все это уже прошло, и давно прошло. Теперешняя палата общинъ мало интересуется богословіемъ; она не спрашиваетъ министровъ, къ какой сектѣ они принадлежатъ, ее интересуетъ только знать, какія мѣры принимаютъ они въ виду для улучшенія администраціи и для уравниванія бюджета; у ней нѣтъ ни малѣйшаго желанія заняться толкованіемъ тридцати девяти статей, и ее весьма мало озабочиваетъ вопросъ о томъ, что православно и что не православно; она занимается своими дѣлами и оставляетъ духовенство спокойно заниматься своими. Понятно, что такого рода тенденціи не могутъ не тревожить такихъ людей какъ Дизраели! Но что дѣлать? Хотѣть идти неудержимо въ эту сторону.

«Соединитесь, соединитесь!» восклицаетъ Дизраели, обращаясь къ служителямъ церкви, «и побѣда будетъ за вами». Совѣтъ этотъ былъ бы, конечно, очень хорошъ, если бы было достаточно только сказать его, чтобы сейчасъ же и былъ онъ выполненъ. Но къ несчастію, или скорѣе къ счастью, организація англійскаго духовенства не приспособлена такъ хорошо къ единству дѣйствія, какъ организація французскаго. У англійскаго духовенства нѣтъ папы во главѣ; у него нѣтъ центра, къ которому бы сходились все нити его іерархіи; у него нѣтъ того абсолютнаго принципа исключительности, изъ котораго католицизмъ черпаетъ столь великую связующую силу.

Поэтому, какъ бы ни было велико значеніе англійскаго духовенства въ дѣлѣ воспитанія и какимъ бы вліяніемъ оно ни пользовалось, благодаря религіозности англійскаго народа, во всякомъ случаѣ нечего опасаться, чтобы оно могло когда нибудь достигнуть преобладанія надъ государствомъ, хотя бы даже оно и дѣйствовало дружно, какъ это ему созвѣтуютъ. Католическое духовенство есть армія, въ полномъ смыслѣ этого слова; оно соединяетъ въ себѣ все условія организованной военной силы: и единство власти и дисциплину, что и дѣлаетъ его столь грознымъ и столь опаснымъ для государства. Но протестантское духовенство, къ счастью для него и для всехъ, не можетъ имѣть подобныхъ критизаній. Протестантизмъ, чтобы онъ ни дѣлалъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ выйти изъ того безспія, на которое осуждается его принципъ: свобода. Онъ можетъ во времена отступиться отъ своего принципа, покусаться на нетерпимость, принимать деспотическія замашки; но все это можетъ быть только временно, потому что принципъ, рано или поздно, неизбежно приводитъ къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыя въ немъ заключаются.

То, что происходитъ въ Англіи, доказываетъ это какъ нельзя лучше. Кто бы могъ подумать, что придетъ день, когда самые ученые, самые знаменитые, самые уважаемые члены англиканской церкви станутъ комментировать Библию со всею свободою повѣшенной германской критики? Правда, духъ преслѣ-

донанія пробудился; епископъ салисбурійскій воскликнулъ: «церковь въ опасности»; зываютъ къ юрисдикціи *de la cour des Arches* противъ всѣхъ еретиковъ, пишущихъ «*Essays and Reviews*» и книга ихъ подѣ запрещеніемъ. Но къ какому же результату привели всѣ эти проклятія противъ свободной критики? Когда капитанъ Уильксъ захватилъ *Trent*, командиръ англійскаго судна въ это время собирался читать на палубѣ книгу, и эта книга была «*Essays and Reviews*». На дѣлѣ оказывается, что никогда еще не читались съ такою жадностію критическія произведенія богослововъ о Библии, которой они должны поучать, какъ со времени постигшаго ихъ осужденія. Замѣчательно, что даже многіе члены церкви лучше предпочитаютъ отказаться отъ выгодъ своего положенія, чѣмъ отъ свободы мысли.

Давидсонъ, самый высокій авторитетъ между индепендентами, съ такою энергіей пошелъ по пути, проложенному ересіархами господствующей церкви, что оставилъ ихъ далеко за собой. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ отвергаетъ онъ необходимость вдохновенія свыше для проповѣди религіозныхъ истинъ: «Эти истины имѣютъ цѣну, совершенно независимую отъ того, кто ихъ выражаетъ. Не все ли равно, кто бы ни написалъ пятикнижіе, Моисей, или кто другой? Не все ли равно, существовать или не существовать Гомеръ, развѣ мы отъ этого будемъ меньше восхищаться поэтическими красотами *Иліады*?»

Я могъ бы привести еще другіе факты, не менѣе характеристичные относительно движенія, происходящаго въ сферѣ религіозныхъ идей. Движеніе это доказываетъ, что протестантизмъ неразрывно связанъ съ свободой по самому своему принципу. Имѣя свободу критики своею исходною точкой, онъ не могъ отрѣшиться отъ нея. Въ этомъ и состоитъ его достоинство, что онъ не способенъ къ тиранинѣ.

LXXXIII.

Лондонъ. 23 августа.

ВИЛЬЯМЪ РОУПЕЛЛЬ.

Вниманіе Англіи, какъ и всего свѣта, обращено въ настоящее время на итальянскую драму, и я долженъ показать вамъ, въ какомъ свѣтѣ она представляется англійскому народу. Но съ одной стороны я еще успѣю сообщить вамъ свои наблюденія объ этомъ предметѣ, такъ какъ судьба Италіи къ сожалѣнію рѣшится еще не скоро, а съ другой — ваша газета заключаетъ ежедневно столько подробностей объ этой сторонѣ человѣческихъ дѣйствій, что читатели ваши вѣроятно не будутъ въ претензіи на меня за то, что я сообщу ихъ любопытству новую нищу — процессъ, который наравнѣ съ дѣйствіями Гарибальди очень занималъ англійскую публику, именно процессъ Вильяма Роупелли.

Если бы въ нѣсколько времени тому назадъ взглянули на списокъ знаменитостей англійскаго парламента, то встрѣтился бы съ именемъ Вильяма Роупелли.

Этотъ Вильямъ Роупелль былъ сынъ человѣка, каждаго торговлею значительное состояніе и, какъ всѣ новообогатившіеся, едва успѣлъ войти въ свѣтъ, какъ уже горѣлъ желаніемъ блистать въ немъ. Онъ сталъ жить очень роскошно: имѣлъ лошадей и лакеевъ, госфидать великосвѣтскіе клубы, былъ принятъ вездѣ, куда дають доступъ деньги. Я читалъ — не помню гдѣ — что аристократы Бельгравінъ садившіеся играть съ нимъ въ большую игру, дѣйствовали подобно шотландскому лорду въ романѣ Вальтеръ-Скотта, который, за непмѣнимъ болѣе подходящихъ людей, игралъ на порогѣ своего дома съ первыми попавшимися нищими. Это возможно; да и чтожь тутъ такого? Для него вся суть заключалась въ томъ, чтобы въ Бельгравінъ его принимали; его и принимали дѣйствительно, и уже одно это дѣлало его тѣмъ, что называютъ человѣкъ въ ходу. Онъ захотѣлъ быть членомъ парламента и

сдѣлался имъ. Онъ либеральничалъ, стоялъ за тайную подачу голосовъ, былъ противникомъ церковныхъ налоговъ, обѣщалъ, въ случаѣ надобности, подать голосъ за расширение избирательнаго права, и простодушные обитатели квартала Ламбетъ, самого населеннаго и демократическаго квартала въ Лондонѣ, не помнили себя отъ радости, когда Роупелль согласился быть ихъ представителемъ. Однимъ словомъ онъ и продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ пользовался счастьемъ, которое въ лучшемъ изъ государствъ зависить отъ владѣнія огромнымъ состояніемъ.

Дизраели говоритъ, что человѣкъ имѣющій въ Англіи 8,000 ф. стерл. годоваго дохода, не имѣя семейства, которое нужно содержать, ни дачи, требующей постоянныхъ расходовъ, обладаетъ лампою Аладина, и эта лампа выпала на долю Роупелля. Казалось бы, что можно было быть довольнымъ; но Роупелль принадлежалъ къ числу людей, желанія которыхъ безграничны. Итакъ въ одинъ прекрасный день средства его истощились и онъ бѣжалъ въ Испанію.

Тамъ въ тиши уединенія онъ открылъ, что у него есть созвѣсть. Онъ припомнилъ, что огромное богатство, которое онъ расточалъ, не принадлежало ему; что онъ приобрѣлъ его цѣлымъ рядомъ воровства и обмана; онъ обманывалъ отца, мать, братьевъ, сестеръ, поддѣлывалъ дарственные записки, закладывалъ имѣнія подъ чужими именами, поддѣлывалъ духовныя завѣщанія, подписывался подъ чужія руки, и разорилъ свое семейство. Затѣмъ онъ рѣшился раскаяться, оставилъ свое убѣжище и, безъ всякаго другаго принужденія, кромѣ упрековъ совѣсти, совершенно неожиданно сдѣлалъ признанія, составляющія въ настоящую минуту предметъ разговоровъ при дворѣ и въ городѣ.

Не много найдется романовъ, которые могли бы сравниться съ этою исторіею.

• Отецъ Вильяма Роупелля, вслѣдствіе запрещенія своего семейства жениться на любимой имъ женщинѣ, вступилъ съ нею въ преступную связь и имѣлъ нѣсколькихъ дѣтей, изъ которыхъ Вильямъ былъ вторымъ. Впослѣдствіи онъ сошелся

ся съ ней законнымъ бракомъ и имѣлъ другаго сына, Ричарда. Англійскіе законы не допускаютъ узаконенія послѣдующимъ бракомъ дѣтей, рожденныхъ до брака, — въ этомъ англійскіе законы рѣзко отлпчаются отъ римскихъ, французскихъ и даже шотландскихъ, — и потому Ричардъ былъ единственный законный сынъ, а слѣдовательно и наслѣдникъ.

Очень вѣроятно, что Вильяма Роупелля преслѣдовала мысль о томъ, что отецъ поступить по закону, основанному на обычай и предразсудкѣ, но уважаемому въ Англіи, и оставить все свое богатство законному сыну. Состояніе же его было не менѣе 20 000 ф. ст.

Вильямъ Роупелль поддался внушеніямъ демона некусителя и рѣшилъ напередъ разрушить предполагаемая имъ намѣренія отца. Обладая предпріимчивымъ характеромъ, острымъ умомъ и нѣкими качествами дѣловаго человека, онъ скоро приобрѣлъ довѣріе отца, который ввѣрился ему слѣпо и почти безгранично. Вотъ какъ онъ воспользовался этимъ довѣріемъ. Онъ убѣдилъ отца купить землю, сдѣлалъ фальшивые документы покупки и взялъ деньги себѣ; — горюство по образцу Картуша, только не такъ умное. Загѣмъ взялъ у отца подъ какимъ-то предлогомъ документы на имѣніе въ Кингтонѣ, скопировать ихъ и отдать коніи отцу, ко.орый конечно не при-сматривался къ нимъ; годѣлалъ дарственную записъ на вышеозначенное имѣніе въ свою пользу; за тѣмъ на основаніи этого документа сначала заложилъ, а потомъ продать имѣніе, увѣряя отца, что земли отдана въ аренду и подтверждая это постоянно вносимою суммою дохода. Обрати отецъ малѣйшее вниманіе на дѣла, подлогъ былъ бы обнаруженъ; но довѣріе отца равнялось дерзости сына, — и въ этомъ была тайна успѣха такихъ страшныхъ обмановъ.

Въ сентябрѣ 1856 года, старый Роупелль, чувствуя приближеніе смерти, попросилъ сына измѣнить сдѣланное уже духовное завѣщаніе такимъ образомъ, чтобы обезпечить разныхъ членовъ семейства изъ доходовъ, получаемыхъ съ одного изъ имѣній, которое должно было поступить въ вѣдѣніе опекуновъ, назначенныхъ для этого. Это было то самое имѣніе, которое

Вильямъ Роупелль приобрѣлъ обманомъ. Онъ испугался. Не было никакого сомнѣнія, что олекуны откроютъ обманъ. Да и какъ могло бы быть иначе? Вильяму осталось одно средство, къ которому онъ и прибѣгъ: уговорилъ отца отложить предложенное измѣненіе; средство удалось: отецъ умеръ, не пзмѣнивъ завѣщанія.

По этому завѣщанію, оставшемуся въ первоначальномъ видѣ,—такъ какъ желаемое измѣненіе не было сдѣлано,—все состояніе принадлежало Ричарду, законному сыну. Вильямъ Роупелль скрылъ документъ и поддѣлалъ другое завѣщаніе, въ которомъ подписался самъ свидѣтелемъ на ряду съ отлично поддѣланною подписью отца и стараго слуги; за тѣмъ онъ сказалъ матери: «отецъ мой, не желая провозгласить въ документѣ завѣщанія незаконность многихъ дѣтей, счелъ наилучшимъ оставить все состояніе вамъ, полагаясь на вашу пѣжность, которая позаботится о всѣхъ при раздѣлѣ». Штука чрезвычайно искусная. Во-первыхъ, она отстраняла всякое подозрѣніе, во вторыхъ, Вильямъ очень хорошо зналъ, что онъ будетъ дѣйствительнымъ владѣльцемъ, а мать номинальнымъ, такъ какъ онъ имѣлъ на нее огромное вліяніе. Ему нечего было бояться раззоряемаго имъ брата, такъ какъ онъ былъ очень мать. Вотъ средства, которыми онъ добился блистательнаго положенія въ обществѣ. Остальное я рассказалъ вамъ въ началѣ письма.

Самое замѣчательное въ этой исторіи то, что она рассказана самимъ героемъ. Но вотъ еще несчастіе: самое раскаяніе его было воровствомъ. Онъ обокралъ свое семейство посредствомъ обмановъ; объявляя о нихъ, онъ обокралъ тѣхъ, которые имѣли несчастіе заключить съ нимъ условія, считая его честнымъ человѣкомъ.

Я бы могъ вывести изъ всего этого полезныя наставленія, если бы былъ расположенъ читать мораль. Но читатели ваши не нуждаются въ моихъ указаніяхъ. Урокъ слишкомъ ясенъ. Вильямъ Роупелль былъ выбранъ въ члены парламента, потому что въ Англіи можетъ быть выбранъ каждый, имѣющій довольно денегъ, чтобы платить за афиши и угощать элемъ.

Имѣя эту возможность, Вильямъ Роупель часть своей жизни имѣлъ удовольствіе называться «honorable».

LXXXIV.

24 августа.

ПОБОЧНЫЯ ДѢТИ И АНГЛІЙСКІЕ ЗАКОНЫ.

331 статья французскаго гражданскаго кодекса гласитъ: «дѣти рожденныя внѣ брака, неключая дѣтей прижитыхъ въ прелюбодѣйной и кровосмѣсительной связи, могутъ сдѣлаться законными вслѣдствіе послѣдующаго брака ихъ родителей, если только они были законно признаны ими до брака или хотя при совершеніи брачнаго обряда».

333 статья: «дѣти, узаконенныя послѣдующимъ бракомъ, имѣютъ права, равныя съ законнорожденными».

Какъ жаль, что англійское законодательство не прониклось тѣмъ же духомъ, въ которомъ написаны эти статьи нашего гражданскаго кодекса. А если бы это было такъ, то весь Лондонъ не былъ бы теперь занятъ самымъ плачевнымъ и необыкновеннымъ событіемъ, которое не могло бы случиться, если бы положеніе побочныхъ дѣтей было обезпечено.

Нѣсколько дней тому назадъ человѣкъ въ цвѣтѣ лѣтъ, одаренный умомъ и развитіемъ, обладавшій большимъ состояніемъ, принятый хорошо въ свѣтѣ, бывшій представителемъ одной изъ значительнѣйшихъ избирательныхъ частей Лондона, предсталъ въ лѣтнее засѣданіе ассизнаго суда въ Гюльдфордѣ, чтобы объявить безъ всякихъ постороннихъ обвиненій, кромѣ своей совѣсти, потому что одна только совѣсть побуждала его, — слѣдующее:

«Я воръ и поддѣлыватель документовъ. Я обокралъ отца своего при жизни и обманулъ при смерти, скрылъ завѣщаніе, уничтожилъ его и поддѣлалъ другое. Подлогомъ заложилъ

земли не принадлежавшія мнѣ,—что было мнѣ извѣстно. Лпнившись средствъ, я нашелъ себѣ вѣрное убѣжище. Ничто не заставляло меня оставить его, кромѣ упрековъ совѣсти, которымъ я подчинился, и я явился. Я могъ бы скрыть жизнь свою отъ свѣта, если бы имѣлъ возможность скрыть ее отъ себя. Вотъ почему я здѣсь въ настоящую минуту.»

Вотъ если не буквальные слова, то смыслъ словъ Вильяма Роупелля въ связи съ значеніемъ его добровольнаго поступка, предавшаго его позору и преслѣдованію закона.

Этотъ несчастный стоялъ передъ удивленными и взволнованными слушателями, передъ своимъ братомъ, смотрѣвшимъ на него съ болѣзненнымъ безпокойствомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своей матери, сердце которой разрывалось,—стоялъ и разсказывалъ подробности своихъ преступленій, не скрывая и не забывая ничего, обвиняя себя также заботливо, какъ обыкновенно преступники защищаютъ себя, подтверждая слова клятвами, изъ опасенія возбудить недоумѣіе, и выдерживая страшно героическую борьбу съ терзаніями сердца, которыя обнаруживались противъ его воли въ судорожномъ сжатіи руки, которою онъ держался за рѣшетку, въ подергиваніяхъ лица и длинныхъ паузахъ, заключающихъ еще болѣе трагизма, чѣмъ самыя показанія.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ исторія этого процесса, заслуживающаго во всѣхъ отношеніяхъ стоять на ряду съ замѣчательнѣйшими.

Никто Ричардъ Пальмеръ Роупелль, наживши значительное состояніе, захотѣлъ жениться на женщинѣ, которая ему нравилась. Семейство протпвило браку; потому онъ рѣшился вступить съ этою женщиной въ противузаконную связь и прижать съ нею нѣсколькихъ дѣтей, къ числу которыхъ принадлежатъ и Вильямъ, несчастный герой этой исторіи. Съ теченіемъ времени пренятетвія къ браку уничтожились, они обвинялись и имѣли послѣ того сына Ричарда. По постановленіямъ англійскихъ законовъ всѣ дѣти, рожденныя до брака, считаются незаконнорожденными и не могутъ быть узаконены послѣдующимъ бракомъ; они не могутъ быть наслѣдниками,

какъ будто ихъ отецъ и мать никогда и не были обвѣчаны; а наслѣдство переходитъ къ ихъ братьямъ, рожденнымъ послѣ брака. Въ этомъ отношеніи англійскіе законы всегда отличались и отъ римскаго гражданскаго и отъ каноническаго права, которые признають законность дѣтей, рожденныхъ до брака.

Это положеніе было введено въ гражданскіе законы Константинѣмъ и подтверждено Юстиніаномъ; въ каноническое же право ввелъ его Александръ III въ 1160 году. Положеніе это внушено духомъ, восторжествовавшимъ не только во Франціи, но и въ Шотландіи. Въ Англіи, напротивъ, узаконеніе побочныхъ дѣтей всегда было отвергаемо, не смотря на множество попытокъ ввести его. Въ Мергтонскомъ парламентѣ, при Генрихѣ III, духовенство сдѣлало формальное предложеніе ввести это учрежденіе, но бароны и графы единодушно изъявили желаніе не измѣнять англійскаго закона, доселѣ на этотъ счетъ существовавшаго и утвержденнаго.

Слѣдовательно законный наслѣдникъ Пальмера Роупелля былъ Ричардъ. Въ этомъ случаѣ послѣдствія принципа были ужасны; этого то и не выставила на видъ ни одна англійская газета, хотя въ этомъ то и заключалась вся суть дѣла. Вильямъ былъ человѣкъ свѣдущій, съ энергическимъ умомъ, съ чистою душой. На немъ сосредоточивалась привязанность родителей, но привязанность эта не служила ему достаточнымъ ручательствомъ его обезпеченія въ случаѣ смерти отца; онъ рѣшился самъ позаботиться о себѣ и не нашелъ другого средства, кромѣ обмановъ; онъ составилъ фальшивую дарственную запись, по которой «Roupell Park», одно изъ имѣній, составлявшихъ состояніе отца, переходило къ нему, и онъ заложилъ его за 70,000 ф. ст. Приведу его собственныя слова:

«За нѣсколько дней до смерти отецъ сказалъ мнѣ въ присутствіи матери: «пойдемъ, со мною; приходится отбросить щекотливость и предразсудки, и приступить къ дѣлу». Сказавши это, онъ повелъ меня въ свою комнату». (Здѣсь голосъ говорившаго задрожалъ; онъ замолчалъ отъ сильнаго волненія, которое до этой минуты усиленно старался подавить; рука его судорожно сжалась, онъ наклонилъ голову и заго-

ворилъ лишь послѣ долгаго промежутка). «Отецъ повелѣлъ меня въ свою комнату, отворилъ бюро, вынулъ завѣщаніе съ приписью къ нему и велѣлъ мнѣ написать другую подъ его диктовку. Онъ сказалъ мнѣ, что хотѣлъ сначала раздѣлить состояніе между матерью, братьями и сестрами, но затѣмъ разсудилъ, что оно можетъ попасть въ дурныя руки, и вслѣдствіе этого, зная меня за дѣльнаго человѣка, рѣшился оставить все состояніе мнѣ съ тѣмъ, чтобы я выдавалъ ежегодно каждому члену семейства по 3,000 ф. ст. съ имѣнія «Boycell Park». На этихъ словахъ я остановилъ его, говоря, что онъ слишкомъ слабъ для того, чтобы заниматься такими мелочами, что теперь очень поздно, и въ такое время нельзя найти свидѣтелей, необходимыхъ для дѣйствительности приписи, и что лучше вовсе не касаться завѣщанія. Я сдѣлалъ это потому, что отецъ мой указалъ именно на имѣніе, пріобрѣтенное мною обманомъ, который открылся бы вслѣдствіе распоряженія, предполагающаго отцею».

Едва отецъ успѣлъ умереть, Вильямъ Роуппелъ бросился къ бюро, досталъ завѣщаніе, уничтожилъ его и сдѣлалъ новое, въ которомъ подписался самъ и поддѣлалъ подпись отца и стараго слуги. Этимъ подлогомъ онъ отдалъ все состояніе матери, которая вполнѣ подчинялась его вліянію. Онъ сказалъ ей, что отецъ имѣлъ непреодолимое отвращеніе къ разлученію законныхъ и незаконныхъ дѣтей въ публичномъ документѣ и потому рѣшился оставить все состояніе ей въ увѣренности, что впоследствии она раздѣлитъ имѣніе по справедливости и безъ всякой огласки.

Устроивши дѣло такимъ образомъ, Вильямъ Роуппелъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на мать, самовольно распоряжался имѣніемъ, не принадлежавшимъ ему; онъ постоянно закладывалъ, продавалъ, обманывалъ. Жилъ онъ въ это время роскошно, поражалъ своею пышностью весь кварталъ, гдѣ жилъ, получилъ голоса избирателей Ламбета и сдѣлался въ парламентѣ однимъ изъ представителей Лондона. Къ несчастію, какъ ни велико было состояніе, которымъ онъ распоряжался, но его не хватило на такіе безмѣрные расходы. Прочаясть

раскрылась подъ его ногами, онъ долженъ былъ бѣжать и скрыться. И уже говорить, какая ненобѣдная власть заставила его оставить свое убѣжище и довести на себя.

Трудно представить себѣ что нибудь страннѣе процесса, въ которомъ были даны показанія, общій очеркъ которыхъ я сейчасъ представилъ. Съ одной стороны въ дѣло входилъ человѣкъ, купившій съ аукціона имѣнiе, бывшее въ залогъ и оцененное въ 7,000 ф. ст., съ другой — Ричардъ Роупелль, требующій это имѣнiе по праву законнаго наследника Пальмера Роупелля и утверждающій, что ни закладъ ни продажа имѣнiя не должны имѣть силы. Для того, чтобы онъ могъ выиграть процессъ, необходимо, чтобы Вильямъ доказалъ свои обманы, на что онъ и употреблялъ всѣ успѣхи; адвокатъ покупателя, напротивъ, прибѣгалъ ко всевозможнымъ приемамъ своей профессii, чтобы подвергнуть сомнѣнiю показанiя самообвинителя. Вотъ вкратцѣ разговоръ Вильяма съ адвокатомъ Ричардова противника: «Я поддѣльникъ.»—Чѣмъ вы это докажете?—Вотъ доказательства.»—Это невозможно потому то и тому то. — «Это не только возможно, но есть на самомъ дѣлѣ.»—Я не вѣрю.—«Я клянусь!»

Трудно найти процессъ, въ которомъ бы роли такъ замѣчательно перемѣнились. Также трудно найти случай, въ которомъ бы человѣкъ съ такимъ неумолимымъ старанiемъ старался убить самого себя.

Вы вѣрно спросите о результатахъ;—вотъ они: В. Уайтъ, защитникъ, и Ричардъ Роупелль, истецъ, сошлись на мировую... И ошибся... этимъ дѣло не кончилось. Обманы Вильяма Роупелля такъ многочисленны, такъ многочисленны его сдѣлки, уничтожавшiяся собственными его показанiями, что неизвѣстно еще, что выйдетъ изъ этихъ сдѣлокъ на огромныя суммы, грозящихъ правамъ множества заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ.

Вильямъ Роупелль находится въ рукахъ правосудiя за подлоги. Его наказанiе неизбѣжно,—оно ужасно; онъ знаетъ его, донося на себя.

Какой выводъ можно сдѣлать изъ этой ужасной драмы для общества? Я вывелъ изъ нея осужденіе англійскаго закона о побочныхъ дѣтяхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Вильямъ Роунелль не былъ злодѣй отъ природы; напротивъ, благотворное вліяніе раскаянія на его душу показываетъ, что онъ не былъ окончательно испорченъ и могъ бы избѣжать такого позора при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, менѣе способныхъ вселять преступныя мысли. Въ его подлогахъ выражался его протестъ—ужасный и позорный—противъ закона чрезмѣрно строгаго и по видимому несправедливо лишавшаго его наслѣдства. Я согласусь сколько угодно съ моралистами «Times» въ томъ, что всякая преступная связь влечетъ за собою множество неудобствъ и опасностей; но я увѣренъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что это не единственное заключеніе, внушаемое страннымъ дѣломъ, о которомъ идетъ рѣчь.

Я знаю, что афиняне поступали съ незаконными дѣтьми съ крайнею жестокостію, что законы Солона отказывали имъ въ гражданскихъ правахъ, а Перикль дошелъ даже до того, что 5,000 ихъ велѣлъ продать, какъ рабовъ. Все это кажется мнѣ просто гнуснымъ, и я никогда не согласусь, чтобы было справедливо наказывать дѣтя за проступокъ отца. Въ самихъ Афинахъ приведенный мною законъ не былъ достаточно силенъ, чтобы устоять противъ вліянія могущественныхъ гражданъ, когда ихъ личныя выгоды побуждали ихъ пренебречь имъ. Самъ Перикль съ спокойною совѣстью нарушилъ его въ пользу сына, котораго имѣлъ отъ Аспазіи. Везде полезно напоминать, что у римлянъ, готовъ, франковъ побочныхъ дѣти имѣли право наслѣдства. И конечно народамъ латинскаго происхожденія никогда не приходило на умъ, что козорно быть побочнымъ ребенкомъ. Развѣ знаменитый Дюнуа не называлъ себя въ своихъ письмахъ *bâtard d'Orléans*? Развѣ незаконнорожденность Генриха Транстамарскаго помѣшала ему наслѣдовать испанскую корону? Потеряли ли что нибудь герцогъ Вандомъ, герцогъ Бервикъ и маршалъ Саксъ, три величайшихъ полководца Франціи, избилующей знаменитыми полководцами, отъ того, что были незаконнорожденные?

Замѣчательно, что англійское дворянство, съ такимъ высокомѣріемъ отвергавшее въ Мертонскомъ парламентѣ идею объ узаконеніи дѣтей послѣдующимъ бракомъ, возникло само, частью по крайней мѣрѣ, вслѣдствіе завоеванія Англіи Вильгельмомъ, побочнымъ сыномъ Роберта I, герцога Нормандскаго и Арлеги, отецъ которой былъ фалезскій скорнякъ. Вильгельмъ не только наслѣдовалъ владѣнія Роберта I, но и любилъ называть себя: *Willelmus, cognomento Poatardus*.

Блакстонъ въ своихъ «Комментаріяхъ» говоритъ, что англійскіе законы о побочныхъ дѣтяхъ лучше римскихъ. Не въ обиду будь сказано памяти этого ученаго мужа, основанія, на которыя онъ ссылается въ подтвержденіе своего мнѣнія жалки; онъ говоритъ, напримѣръ, что право узаконенія дѣтей можетъ подорвать бракъ, въ который вступаютъ изъ желанія имѣть не только дѣтей, но и наслѣдниковъ. Не трудно доказать совершенно противное тому, что онъ хочетъ доказывать. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это Блакстонъ не замѣтилъ, что именно въ указанномъ имъ отношеніи узаконеніе дѣтей послѣдующимъ бракомъ представляетъ новый интересъ для вступленія въ законный бракъ. Въ этомъ случаѣ шотландскіе законовѣды держатся совсѣмъ иной логики.

Странная вещь! Противясь узаконенію дѣтей послѣдующимъ бракомъ, англійскій законъ самъ такъ хорошо сознаетъ необходимость снисхожденія къ человѣческимъ слабостямъ и возбужденія къ исправленію ошибокъ, что признаетъ законность ребенка, рожденнаго послѣ брака, хотя бы было совершенно ясно, достовѣрно и извѣстно, что дитя есть плодъ преступной связи. Напр. дитя считается законнымъ, если родилось даже черезъ день послѣ брака. Онъ идетъ еще дальше: признаетъ законнымъ ребенка, рожденнаго черезъ три дня послѣ брака съ человѣкомъ женившимся на женщинѣ, беременной отъ другаго. Вотъ искусственныя уловки, которыми отличается англійскій духъ. Франко-гальская логика не могла помириться съ такими противорѣчіями и сдѣлками. Онашла несправедливымъ отнять у отца всякую возможность из-

бавить его невинныхъ дѣтей отъ наказанія за его собственныя ошибки; это она и выразила въ своихъ законахъ.

LXXXV.

4 сентября.

АСПРОМОНТЕ; ДѢЙСТВІЕ, ПРОИЗВЕДЕННОЕ ВЪ АНГЛІИ ЭТОЮ НОВОСТЬЮ.

Въ субботу вечеромъ я былъ въ одной гостинной, гдѣ собрались англичане съ различными оттѣнками убѣжденій, какъ вдругъ отворилась дверь и намъ объявили извѣстіе полученное черезъ домъ Ротшильда; извѣстіе это оглушило насъ подобно пушечному выстрѣлу: «Гарибальди побѣжденъ, раненъ и взятъ въ плѣнъ».

Нѣсколько мгновеній уста молчали, но лица говорили. Гарибальди падаетъ отъ піемонтской пули, послѣ того какъ онъ подарилъ Піемонту Италію! Гарибальди считается бунтовщикомъ въ странѣ радостно дрожавшей при одномъ его имени, и еще наканунѣ такъ увлекавшейся имъ! Гарибальди окровавленный отведенъ въ тюрьму, назначенную для преступниковъ, и все это сдѣлано именемъ и приказаніемъ государя, которому онъ доставилъ два царства! Кто могъ бы не смутиться передъ такой картиной?

Если вы прочли въ Times статью, вызванную этими злополучными происшествіями, то не подумайте, что статья эта выражаетъ чувства англійскаго народа: вы рискуете ослепеть его. Times слыветъ представительницей общественнаго мнѣнія въ этой странѣ. Иногда она и представляетъ его, иногда сама сочиняетъ; но часто, послѣ неудачныхъ попытокъ направить его въ свою сторону, кладетъ оружіе; на слѣдующій день отрицаетъ то, что признавала наканунѣ, сожигаетъ то, что обожала, обожаетъ то, что сожигала, и такимъ образомъ

посредствомъ отважнаго униженія, выражающагося въ ея грубыхъ изворотахъ, снова овладѣваетъ властью, на минуту потерянную.

Вотъ теперь напр. она оскорбляетъ своимъ крикомъ всѣхъ, сожалѣющихъ о несчастной побѣдѣ, которую Италія одержала надъ собою; а черезъ нѣсколько дней, узнавши получше настроеніе умовъ, станетъ печалиться о великомъ воинѣ, поражение котораго она сегодня торжествуетъ.

Нѣтъ, милостивый государь, нѣтъ. Англія не до такой степени лишена чувства великодушія и справедливости, чтобы радоваться погибели человѣка, падающаго жертвою великаго заблужденія, человѣка, который будетъ славою своей страны и вѣка. Прочтите лондонскія газеты отъ Daily-News до Morning-Herald, отъ Morning-Advertiser до Morning-Star, и вы убѣдитесь, что въ нихъ отражается не чувство удовольствія. Я осмѣливаюсь сказать, что никогда ни одинъ народъ не сочувствовалъ такъ сильно паденію великаго человѣка! Народъ этотъ не вѣритъ, подобно Times, что Гарибальди безъ всякой существенной причины навлекъ на свѣю страну всѣ ужасы междоусобной войны, а единственно изъ за того, что мнѣнія его во многомъ расходились съ мнѣніями перваго министра.

Рѣшительно нельзя понять той дерзости, съ какою повидимому серьезные люди унижаютъ такимъ образомъ вопросъ, чтобы представить дѣло въ ложномъ свѣтѣ. Гарибальди желалъ единства Италіи, потому что понималъ, что если Италія не едина, то ее нѣтъ вовсе; онъ хотѣлъ единства Италіи для самаго же правительства, хотя и противъ его воли, для самаго же короля, хотъ и противъ его желанія. Новое, неслыханное, глубоко-болѣзненное въ этой трагедіи то, что Гарибальди былъ преслѣдуемъ, обезоруженъ, пораженъ тѣми, за дѣло которыхъ онъ стоялъ съ неутомимымъ геройствомъ, тѣми, для могущества которыхъ онъ жертвовалъ возможностью спокойно наслаждаться блестящею славою. Они поразили его въ то время, какъ онъ сражался за нихъ. Для кого требовалъ онъ Римъ? Конечно не для себя. По справедливому замѣча-

нію Morning-Star, онъ не воевалъ противъ своего отечества, какъ Кориоланъ; не желалъ низвергнуть короля, избраннаго имъ самимъ, какъ Варвикъ; не дѣйствовалъ изъ личнаго самолюбія, какъ Валленштейнъ; не желалъ завладѣть трономъ, какъ Мюратъ: онъ налъ, пораженный рукою итальянца, за то, что желалъ отдать Италіи послѣдній долгъ, дать ей высшее доказательство своей любви; преступленіе его передъ Викторомъ Эммануиломъ состояло въ томъ, что онъ хотѣлъ прибавить къ коронѣ, которою Викторъ Эммануиль обязанъ ему же, драгоцѣнность, безъ которой корона рисковала сдѣлаться насмѣшкой.

Я думаю, англичане не мало будутъ удивлены, прочтя въ Times, что если бы Гарибальди побѣдилъ, то это значило бы, что сила оружія взяла верхъ надъ популярнымъ правительствомъ; нѣсколько дней тому назадъ сама же Times сообщила своимъ читателямъ, что могущество Гарибальди заключается не въ силѣ оружія, а въ безграничной популярности; что народъ со всѣхъ сторонъ протягивалъ къ нему руки и принималъ съ восторгомъ; что городскія ворота сами собою растворялись передъ нимъ; что чиновники подавали въ отставку, чтобы не мѣшать ему на его пути; офицеры снимали полеты, чтобы не сражаться съ нимъ; что секретъ его счастливой высадки въ Калабріи заключается въ стачкѣ матросовъ, которымъ было приказано заградить ему путь; что онъ не нуждался въ солдатахъ для завоеванія Сициліи; что они не понадобились бы ему и для взятія Неаполя, и что народъ слушался его голоса, какъ морскія волны дуновенія вѣтра! Развѣ же можно послѣ этого назвать военнымъ деспотизмомъ силу, проявляющуюся такими симптомами и употребляющую подобныя средства! Что же дѣлало въ это время популярное правительство, которому грозилъ этотъ «военный деспотизмъ»? Оно принуждено было защищать свою популярность солдатскими штыками! Оно объявило Сицилію въ осадномъ положеніи,—такъ было оно увѣрено въ ея расположеніи! Оно объявило и Неаполь въ осадномъ положеніи, — такъ было оно увѣрено въ его расположеніи.

Не сомнѣвайтесь, милостивый государь, все это очень хорошо понимается въ Англіи.

Сочувствіе, возбужденное въ этой странѣ побѣжденнымъ, раненымъ и плѣннымъ Гарибальди, горячо и—я не боюсь сказать—всеобще. Всеобще до такой степени, что въ ту минуту, какъ я вамъ пишу, общественное мнѣніе, имѣющее въ Англіи больше власти, чѣмъ сама королева, уже принудило враждебныя или колеблющіяся газеты вернуться къ прежнему ихъ мнѣнію. Самымъ яснымъ доказательствомъ можетъ служить напр.—измѣненіе, происшедшее въ теченіи дня въ тонѣ Daily-Telegraph вслѣдствіе очевиднаго вліянія публики.

Безполезно прибавлять, что никому и не приходитъ въ голову возможность посягательства на жизнь или свободу Гарибальди; и Morning-Star объявила прямо, что, если бы побѣжденный при Аспромонте ступилъ на англійскую землю, то онъ встрѣтилъ бы такой триумфъ, какого ни одинъ иностранный государь не можетъ ожидать отъ англійскаго народа!

Характеръ перваго впечатлѣнія былъ, конечно, сложный. Оплакивая судьбу героя, безразсудность котораго осуждали, многіе ощущали какъ бы невольное чувство радости, при мысли, что междоусобная война прекращена въ самомъ началѣ, что злополучныя обстоятельства разсѣялись и французскому правительству нѣтъ надобности считать себя обязаннымъ посылать войска для занятія неаполитанскихъ владѣній,—а этого только и боялись англичане; и такъ какъ предпріятіе Гарибальди заставляло предполагать эту опасность, то оно и встрѣтило неодобреніе, сколько рѣшительное, столько и почти-тельное. Теперь, когда прошло достаточно времени для того, чтобы оправиться отъ перваго удара, положеніе, разсматриваемое съ большимъ хладнокровіемъ, не успокоиваетъ никого.

Общимъ голосомъ рѣшено, что дѣло при Аспромонте ничего не разрѣшаетъ, ничего не заканчиваетъ и вопросъ остается тѣмъ же, чѣмъ и былъ: узломъ, котораго конечно не разрубить мечъ полковника Паллавичино.

Многіе начинали даже опасаться, чтобы пораженіе Гарибальди не затруднило еще болѣе разрѣшенія вопроса, потому

что оно может лишить Виктора Эммануила народной любви, бросить дурную тѣнь на министерство Ратацци, дать Неаполю и Сициліи все болѣе и болѣе чувствовать гнетъ піемонтскаго владычества и оставить отнынѣ итальянское правительство и революцію лицомъ къ лицу, безъ посредника и примирителя. Какая сила замѣнить отнынѣ Виктору Эммануилу ту, которую доставилъ ему крикъ: «да здравствуетъ Викторъ Эммануилъ» такого человѣка, какъ Гарibaldi. И какая сила помѣшаетъ вліять на умы массъ внушеніямъ тѣхъ, которые съ самаго начала посѣяли въ нихъ недовѣріе къ интересамъ Піемонта.

Вотъ что занимаетъ въ Англіи людей, искренно желающихъ видѣть Италію независимою, единою и конституціонною.

Они имѣютъ достаточную причину къ безпокойству, потому что побѣдителемъ при Аспромонте оказывается Мадзини.

LXXXVI.

5 сентября.

ГАРИБАЛЬДИ ПОВѢЖДЕННЫЙ, ОСУЖДАЕМЫЙ И ВОЗБУЖДАЮЩІЙ УДИВЛЕНІЕ.

Въ Парижѣ, на Монмартрскомъ бульварѣ былъ, если я не ошибаюсь, знаменитый магазинъ эстамповъ, который существуетъ вѣроятно и теперь, и блестящая передняя сторона котораго была волшебнымъ фонаремъ общественнаго мнѣнія. Любимцы славы играли въ немъ на изображеніяхъ роли тѣней. Я помню, что современныя знаменитости фигурировали на окнахъ славы до тѣхъ поръ, пока человѣческія превратности не оттѣсняли ихъ на второй и третій планы, такъ что наконецъ онѣ совсѣмъ исчезали.

Я прихожу къ тому убѣжденію, что во всѣхъ странахъ было тоже самое. Коммерція имѣетъ инстинкты, которые почти не обманываютъ ее, и когда она дѣлаетъ призывъ къ по-

купателямъ, мы можемъ быть увѣрены въ политичности выставокъ на ея окнахъ. Замѣчательная вещь! въ Англіи, не смотря на поражение Гарибальди, портретъ его остался на мѣстѣ, приобрѣтенномъ побѣдами. Мало того, изображеніе героя въ красной рубашкѣ никогда не возбуждало такъ сильно сочувствія проходящихъ. Это симптомъ многозначущій.

Въ этой исторіи паденія Гарибальди есть нѣчто такое, что прямо дѣйствуетъ на сердце. Тотъ, котораго Италія взволнованнымъ голосомъ провозглашаетъ своимъ спасителемъ, содержится плѣнникомъ въ Специи! Несчастливая бухта, въ которой утонулъ англійскій поэтъ Шеллей, снова дѣлается свидѣтельницей втораго и болѣе знаменитаго кораблекрушенія! Но къ чему говорить здѣсь о кораблекрушеніи? Не могутъ пасть тѣ, которые будучи распростерты на землѣ, кажутся больше; чѣмъ стоя; не могутъ пасть тѣ, которые дѣлаются безсмертны своею смертію.

Что же касается до того, чтобы такого человѣка стали судить, какъ мятежника и измѣнника, то это было бы съ итальянской точки зрѣнія и для итальянцевъ столь бессмысленно, что въ Англіи, странѣ здраваго смысла, этотъ судъ напередъ и единодушно признанъ невозможнымъ. Найдется ли въ Италіи трибуналъ, который могъ бы судить Гарибальди, не судя вмѣстѣ съ тѣмъ и Италію, которую Гарибальди сдѣлалъ тѣмъ, что она есть? Вѣдь движеніе, заставившее его двинуться въ Калабрію, ничѣмъ не отличается отъ движенія, которое вело его въ Палермо! Развѣ онъ, отнимая Сицилію и Неаполь у Франциска II, чтобы отдать ихъ Виктору Эммануилу, не держался тѣхъ же принциповъ, которыхъ держится въ настоящее время? развѣ онъ поднималъ не тоже знамя? развѣ преслѣдовалъ не ту же цѣль? развѣ прибѣгнулъ къ другимъ средствамъ? Желаніе единства Италіи справедливо, или не справедливо? Если оно справедливо, то можетъ ли Гарибальди быть виновенъ въ чемъ нибудь, кромѣ нетерпѣнія и неблагодарумія? Если же оно несправедливо, то какимъ образомъ можетъ быть невиненъ самъ Викторъ Эммануиль? Развѣ добродѣтели прославившія Варевского героя, принадлежать къ

числу тѣхъ, о которыхъ говоритъ Монтень: переправа черезъ рѣку сдѣлала изъ нихъ преступленіе? Если справедливо, что неприкосновенность учрежденныхъ правительствъ есть принципъ, превышающій право націй принадлежать себѣ, то Ратацци поздно сioxватился признать это. Но всегда есть время раскаяться, и нужно надѣяться, что если Гарибальди будетъ приговоренъ, то Ратацци носоветуетъ королю Піемонта сознать свою неправоту и оставить корону короля Италіи, полученную имъ отъ революціоннаго авантюриста. Возвращеніе Неаполя и Сициліи Франциску II, возвращеніе столицъ великимъ герцогамъ, возвращеніе папѣ провинцій, революціонно отдѣлившихся отъ его владѣній, — вотъ что повлекъ бы за собою всякій приговоръ Гарибальди. Это было бы осужденіе Италіи Италіею и Виктора Эммануила самимъ собою. Для основателя единства Италіи существуетъ одинъ судья — человѣческая совѣсть, одно судилище — потомки.

Если я не ошибаюсь, вы уже высказывали эти соображенія. Итакъ, въ то время, какъ вы говорили все это Франціи, вся Англія объявляла тоже самое.

Единодушное сочувствіе англичанъ Гарибальди тѣмъ замѣчательнѣе, что самое предпріятіе его было вообще осуждаемо. Было ли это осужденіе основательно? По моему, нѣтъ.

Поведеніе итальянскаго героя было бы конечно бессмысленно, если бы онъ надѣялся съ горстью молодыхъ дурновооруженныхъ людей побѣдить піемонтскія войска, пройти по ихъ тѣламъ, войти въ Римъ съ саблею въ рукѣ и выпнать оттуда побѣдителей Сольферино. Но все доказываетъ, что не таковъ былъ его планъ. Онъ хотѣлъ возбудить сильное движеніе, которое доставило бы итальянскому народу благопріятный перевѣсъ надъ дипломатическими разсужденіями: и ничего больше. Есть задачи, разрѣшеніе которыхъ невозможно безъ отважной рѣшимости. Александра нельзя считать дуракомъ за мысль разрубить гордіевъ узелъ. Электрическое потрясеніе, которое чувствовала вся Италія отъ одного звука голоса Гарибальди, достаточно свидѣтельствовало о томъ, что его расчеты не такъ неблагоразумны, какъ объ нихъ при-

чали; и если переправляясь черезъ проливъ, отдѣлявшій его отъ Неаполя, онъ вспомнилъ о чудесахъ, оправдывавшихъ до этого времени отважность его великой души, то не имѣлъ ли онъ права сказать лопману: «не бойся ничего, ты везешь Гарибальди и его счастье!?»

Каково бы ни было мое мнѣніе въ этомъ отношеніи, я долженъ сказать, что оно не раздѣляется здѣсь почти никѣмъ. Англичане въ одинъ голосъ осуждаютъ то, что имъ казалось легкомысленнымъ въ предпріятіи Гарибальди. Но именно это и даетъ особенную силу удивленію, какое возбудило въ нихъ самоотверженіе, бывшее источникомъ этого предпріятія. Интересно наблюдать дѣйствіе, произведенное пораженіемъ Гарибальди на народъ, хвастающійся главнымъ образомъ своею практичностью и считающій слабостью уступку чувствительнымъ побужденіемъ. Неуспѣхъ въ чемъ либо считается вездѣ большимъ преступленіемъ, и увѣ! Англія въ этомъ отношеніи не можетъ претендовать на преимущество надъ другими странами. Грубое поклоненіе успѣху имѣетъ тамъ, какъ и вездѣ, многочисленныхъ приверженцевъ, всемогущихъ жрецовъ и громкихъ проповѣдниковъ. И однакоже Гарибальди, если бы онъ даже побѣдилъ при Аспромонте, то и тогда не могъ бы возбудить такого страстнаго благоговѣнія, какое теперь возбуждено здѣсь его несчастьемъ.

Благородное зрѣлище, утѣшающее во многихъ скорбяхъ!

Есть еще другая точка зрѣнія, съ которой для Франціи особенно интересно смотрѣть на дѣйствіе, произведенное въ Англіи событіями въ Італіи.

До нынѣшняго дня здѣсь былъ многочисленный классъ людей, въ глазахъ которыхъ продолжительное запятіе Рима возбуждало сочувствіе, такъ какъ они предполагали, что оно имѣетъ въ виду сохраненіе общественнаго порядка. Считая его противнымъ международному праву, интересамъ Европы и особенно интересамъ Англіи, они извиняли его наполовину, потому что итальянское правительство еще не прочно установилось: потому что ему еще нужно было кончать расчеты съ революціею и иногда принимать отъ нея приказа-

нія; потому что было опасно въ подобномъ положеніи оставить Римъ, такъ какъ это значило бы оставить папу безъ покровительства во власти революціонныхъ страстей. Не участь папы внушала горячія опасенія тѣмъ, которые говорили такимъ образомъ; но антипатіи ихъ, какъ протестантовъ, къ папѣ умѣрялись тенденціями ихъ какъ консерваторовъ, и во всякомъ случаѣ они не видѣли рѣшительной надобности сражаться на смерть съ французской политикой въ Италіи. Они сами не взяли бы труда покровительствовать папѣ, но находили совершенно естественнымъ, чтобы католическая держава оказывала ему покровительство.

Французское правительство не должно больше рассчитывать на это расположеніе, если оно продолжитъ занятіе Рима. Въ глазахъ самыхъ умѣренныхъ людей этой страны вопросъ о занятіи Рима совершенно измѣнился послѣ событія при Аспромонте. Пройдутъ еще двѣ недѣли и тѣ, которые соѣтовали англійскому народу быть терпѣливымъ, первые начнутъ раздувать пламя. Они уже и теперь говорятъ такъ, что только челоуѣкъ, желающій нарочно оставаться въ ослѣпленіи, можетъ не обращать вниманія на смыслъ ихъ словъ и не признавать его важности.

Зачѣмъ, говорятъ они, остаются теперь французы въ Римѣ? Если цѣлью императорской политики, какъ неоднократно объявляли ея органы, было защитить папу, ставши между нимъ и демагогіею, то цѣль эта теперь уже не имѣетъ значенія.

Остановивши съ оружіемъ въ рукахъ попытку челоуѣка, бывшаго идоломъ итальянскаго народа, піемонтское правительство дало болѣе чѣмъ достаточное доказательство своей рѣшимости поддерживать порядокъ; что же касается его силы, она увеличилась бы во сто разъ съ выводомъ французскихъ войскъ изъ Рима. Единственная вещь, которая могла бы погубить піемонтское правительство, измѣнить его побѣду при Аспромонте въ смертельное пораженіе, обезоружить его и предать мести вновь возвысившейся демократіи,—это былъ бы отказъ отдавать Италіи то, чего настоятельно требовалъ Гарибальди,

и что король піемонтскій обѣщалъ ей, если она будетъ держать себя спокойно. Итакъ если занятіе продолжится, то это будетъ значить, что мы ошибались на счетъ настоящей цѣли занятія Рима французами.

Да, милостивый государь, такъ говорятъ намъ въ самыхъ противоположныхъ лагеряхъ всѣ значительные органы общественнаго мнѣнія. Вотъ почва, на которой встрѣчаются *Times* и *Daily News*, *Saturday Review* и *Spectator*. Со всѣхъ сторонъ поднимаются жалобы, въ основаніи которыхъ я вижу угрозу. Говорятъ о рѣшительной необходимости потребовать, чтобы соблюдалось должное уваженіе къ принципу невмѣшательства; хотять, чтобы лордъ Пальмерстонъ размыслилъ объ этомъ и надѣются, что онъ размыслитъ. Все это заслуживаетъ вниманія. Стоитъ ли продолжительное занятіе Рима того, чтобы изъ-за него жертвовать союзомъ съ Англіей? Вотъ въ чемъ вопросъ!

LXXXVII.

6 сентября.

О ТОМЪ ЖЕ ПРЕДМЕТѢ.

Сочувствіе, возбуждаемое здѣсь побѣжденнымъ, раненымъ и плѣннымъ Гарибальди, также всеобщее, какъ и глубоко. Удивительную силу имѣетъ общественное мнѣніе у свободнаго народа! При первомъ извѣстіи о несчастномъ событіи при Аспромонте *Times* успѣшила воскликнуть воинскій крикъ: *vae victis*. Но общественное мнѣніе было настроено иначе. Вчера еще въ глазахъ этой газеты Гарибальди былъ лишь знаменитый мятежникъ, важный преступникъ; онъ умышленно началъ междоусобную войну; изъ ненависти къ министру — можно ли повѣрить этому? — осмѣлился ненавидѣть королю; его побѣда была бы торжествомъ демагогіи надъ конституціею, а его пораженіе, дававшее возможность Туркаретамъ всѣхъ

народовъ земнаго шара вздохнуть свободно, должно быть предметомъ всеобщей радости.

Такъ говорила вчера Times. Сегодня она говоритъ совершенно иначе! Немногого не достааетъ, чтобы она объявила Гарибальди неприкосновеннымъ; она называетъ его настоящимъ именемъ—основателемъ возрожденной Италіи. Она негодуетъ при одной мысли, чтобы такой человекъ предавъ былъ суду; она сообщаетъ почти съ умиленіемъ, что нѣтъ на свѣтѣ человѣческой фибры, которую такой чудовищный процессъ не заставилъ бы содрогнуться; она называетъ преступленіемъ предательства борьбу съ тѣмъ, что освящено временемъ и удивляется, что думаютъ примѣнить это названіе къ попыткѣ заключить неоконченную революцію; она представляетъ наконецъ Варезскаго героя говорящимъ суду, который не постыдился бы позвать его къ рѣшеткѣ: «въ одинъ изъ такихъ дней я создалъ Италію. Возблагодаримъ боговъ!»

И въ самомъ дѣлѣ, обстоятельства, произведшія паденіе Гарибальди, носятъ характеръ эпическаго величія, къ которому, въ странѣ свободной мысли, все должны были относиться съ почтеніемъ. Первая статья въ Times была единственною ужасно негармоническою нотою въ огромномъ концертѣ; но въ настоящую минуту Англія представляетъ одинъ голосъ, восхищающійся великимъ львомъ, побѣжденнымъ стадомъ лисицъ.

И въ самомъ дѣлѣ, подробности его пораженія, начинающія теперь разясняться, свидѣтельствуютъ о вѣроломствѣ его противниковъ. Я не думаю, чтобы вамъ были извѣстны эти подробности; а онѣ заслуживаютъ вниманія. Гарибальди прибылъ къ Аспромонте, рѣшившись добиться Рима или умереть, но избѣгать по возможности междоусобной войны. Къ нему послали парламентаря. Онъ, уважая знамя, говорившее ему о королѣ, его товарищѣ по оружію, и о мирѣ, приказалъ своимъ остановиться. Роковая остановка! Берсальеры, воспользовавшись ею, заняли возвышенность, а гарибальдійцы, не подозревавшіе измѣны, увидѣли себя окруженными. Именемъ своего начальника, Паллавичино, парламентарь умолялъ Га-

рибальди остановить своихъ, — что тотъ и исполнилъ съ радостью, надѣясь не пролить ни капли итальянской крови. Къ несчастію, это дало берсальерамъ возможность окружить героя. Дефиле Тивіоло, который гарибальдійцы должны были перейти; чтобы избѣгнуть ужасной необходимости братоубійственнаго сраженія, былъ во мгновеніе ока запятъ королевскими войсками. Тогда Паллавичино, забывши, что былъ другомъ Гарибальди и ученикомъ его въ военномъ искусствѣ, потребовалъ отъ благороднаго вонна, чтобы онъ сдался—требованіе, равнявшееся оскорбленію, и затѣмъ подаль знакъ къ нападенію. Сигналъ междоусобной войны поданъ, но не сыномъ Италіи, а слугою лейтенанта Наполеона. Гарибальди, *pro patria non timidus mori*, былъ раненъ при первомъ залпѣ и непосредственно за этимъ получилъ ударъ штыкомъ. Онъ былъ раненъ въ ногу,—какой итальянецъ осмѣлился бы прицѣлиться ему въ сердце или голову?—но ужъ онъ не могъ сражаться. Волонтеры его держались крѣпко; они умѣли жертвовать жизнью; а берсальеры научились убивать! Послѣднихъ было 1,800; но 18,000 человѣкъ, разбѣянныхъ по окрестности, обѣщали имъ рѣшительную поддержку. Если этотъ рассказъ вѣренъ, то высшій чинъ, такъ скоро послѣ этого данный Паллавичино, есть такое же пятно на гербѣ Савойскаго дома, какое Макбетъ имѣла на рукѣ. Всѣ волны моря не могутъ смыть его.

И какъ увеличивается негодованіе, когда подумаешь, что вѣдь Гарибальди взялся за оружіе именно для того, чтобы увеличить могущество государя, котораго онъ же сдѣлалъ столь могущественнымъ; чтобы освободить его отъ наглаго покровительства иноземнаго деспота; сдѣлать его свободнымъ на тронѣ, который онъ не далъ ему; осуществить послѣднія слова программы, которую составилъ, какъ предсмертное завѣщаніе, въ минуту исполненія своего великаго предпріятія: «Да здравствуетъ Италія! Да здравствуетъ Викторъ Эммануилъ въ Капитоліи!» Съ Гарибальди поступаютъ, какъ съ врагомъ, объявляютъ его мятежникомъ, окружаютъ, обманываютъ, низвергаютъ, заключаютъ, судятъ.... именемъ и повелѣніемъ Виктора Эммануила за то, что онъ хотѣлъ, завоевавши ему два

королевства, короновать его въ Капитоліи. Вотъ одинъ изъ примѣровъ неблагодарности, непредвидѣнный Шекспиромъ, когда онъ писалъ Короля Лира.

И если въ этомъ дѣлѣ все гнушно съ одной стороны, то за то какъ все величественно съ другой! Гарибальди довелъ до конца предпріятіе, равняющее его съ величайшими людьми исторіи: только, привлечательнымъ блескомъ своихъ доблестей онъ отнялъ Сицилію у Франциска II; онъ вѣзжалъ въ Неаполь въ открытой коляскѣ, почти одинъ, а цѣлая армія бѣжала передъ нимъ; будучи могущественнѣе Варвика, фабриканта королей, онъ создалъ свое отечество; его заслуги такъ велики, что нѣтъ награды, которая была бы достойна ихъ; онъ былъ идоломъ своей страны; всѣ любили его, восхищались имъ; съ тѣхъ поръ, какъ онъ удалился на Капреру, Цинциннатъ былъ забытъ; то, что сказалъ Шатобрианъ о Наполеонѣ на островѣ св. Елены, можно было гораздо основательнѣе сказать о Гарибальди на его скалѣ; онъ видѣнъ тамъ для всего свѣта. Чего оставалось ему желать? О чемъ было мечтать его самолюбію съ личной точки зрѣнія, если даже предположить, что эгоистическое самолюбіе могло проникнуть въ такую высокую душу? Конечно онъ нуждался въ отдыхѣ. Трудности войны подѣйствовали на его тѣло; здоровье извѣщало его о томъ, что непріятности его жизни считаются годами. Казалось бы, что ему только осталось почить на лаврахъ славы. Но нѣтъ: идея долга жила въ немъ — идея пылкая, ненасытная, неутомимая. Видя, что дѣло его не окончено, что воздвигнутый имъ тронъ оскверненъ интригами, что Венеція рискуетъ вѣчно оставаться австрійскою, что по Риму по прежнему ходятъ французскіе патрули, что туринская область подъ управленіемъ Ратацци еще больше подчинена вліянію Тюльери, чѣмъ великіе герцоги вліянію Вѣны, что потоки крови были пролиты, горы золота потрачены безъ всякихъ другихъ результатовъ, кромѣ замѣненія одного ига другимъ и что Италія, изнуренная ожиданіемъ развязки, осуждена умереть отъ медленнаго яда дипломатіи,—Гарибальди подумалъ, что не все еще сдѣлано для него самого, если такъ много

оставалось сдѣлать для отечества и, принявъ великодушное рѣшеніе пожертвовать окончательному освобожденію Италіи не только жизнью, но, если бы нужно, и славой, онъ рѣшился дѣйствовать ... Пусть перечитываютъ исторію, сколько угодно: ни у одного народа ни въ какое время не найдется примѣра такого высокаго самопожертвованія!

LXXXVIII.

7-го сентября.

О ТОМЪ ЖЕ ПРЕДМЕТѢ.

Въ предыдущемъ письмѣ я старался показать все истинно высокое въ послѣднемъ дѣйствіи Гарибальди; эта сторона его дѣйствій не ускользнула ни отъ кого; но что къ моему удивленію, повидимому, ускользнуло отъ всѣхъ,—это то, что дѣйствіе это было столь же разумно, какъ и героично.

Начиная съ Times до Morning-Advertiser, съ Standard до Morning-Star, съ Saturday-Review до Weekly Dispatch, нѣтъ ни одной англійской газеты, которая не считала бы предпріятія Гарибальди безразсуднымъ, ни одной, которая не объявила бы успѣхъ невозможнымъ; ни одной, которая не представляла бы съ нѣкоторымъ страхомъ опасностей, навлекаемыхъ имъ на Италію и не выражала сожалѣнія, что благо-разумные расчеты не умѣряютъ внушеній великодушнаго сердца Гарибальди.

Что касается до меня, то объявляю, что я не соглашаюсь съ приговорами подобной мудрости, которая кажется мнѣ не менѣе ложной, чѣмъ пошлой. Есть великая политика и мелкая политика, великая разсудительность и мелкая разсудительность! Итакъ, послѣ пораженія Гарибальди, даже преимущественно послѣ пораженія, я увидѣлъ, что глубокій расчетъ можетъ выйти единственно изъ порывовъ великой души.

Въ чемъ состоялъ планъ Гарибальди? Желалъ ли онъ во главѣ горсти экзальтированныхъ молодыхъ людей помѣряться силами съ войсками піемонтскаго короля и прошедши по нхъ тѣламъ, броситься атаковать французовъ въ Римѣ для Италіи, но безъ нея? Нѣтъ. Возбудить по всей Италіи могучее волненіе, которое, перенося вопросъ изъ туманныхъ канцелярскихъ лабораторій на площадь, разрушило бы ловки дипломатіи, заставило бы дипломатическіе интересы савойскаго дома слиться съ интересами народа или снять маску и поставить императорскую политику въ такое затрудненіе, чтобы оно побудило его поскорѣе разрѣшить задачу свободы Рима, — вотъ все, чего хотѣлъ Гарибальди. Для него дѣло было не въ томъ, чтобы побѣдить, а въ томъ, чтобы принудить враговъ и нхъ соучастниковъ оставить его отечество и или уступить передъ страхомъ столкновенія, или, если бы они не побоялись этого, предоставить имъ побѣду, которая была бы для нихъ самимъ пагубною навсегда.

Что произошло бы въ самомъ дѣлѣ, если бы Гарибальди осуществилъ свое намѣреніе, — а намѣреніе его, какъ я сейчасъ покажу, не заключало въ себѣ ничего химерическаго, — и достигъ стѣны Рима? Лихорадочное состояніе жителей вѣчнаго города, глухая, дѣйствительная и ужасная агитація работавшая въ немъ, нетерпѣніе, съ которымъ ожидался часъ освобожденія, тысячи признаковъ свидѣтельствовавшихъ объ немъ, обожаніе, состоявшее изъ любви и почтенія, какія питало сильное племя транстеверинцевъ къ освободителю, — все это говоритъ о томъ, что при первомъ извѣстіи о прибытіи Гарибальди весь Римъ будетъ на ногахъ. При такомъ положеніи дѣла, думалъ ли Гарибальди идти на французовъ съ оружіемъ въ рукахъ, съ вызовомъ и угрозой въ глазахъ, столкнуться неожиданно съ дерзкой неустрашимостью военнаго человѣка, раздражить мужество побѣдителей при Сольферино величійю опасности, ставя нхъ между мятежемъ и сраженіемъ? — Ничего подобнаго онъ не думалъ. Развѣ онъ самъ не заявлялъ объ этомъ свѣту? Онъ вовсе не хотѣлъ стать врагомъ Франціи. По выраженію его собственной про-

кламаціи, онъ пошелъ бы къ французамъ съ саблею въ ножахъ и съ распростертыми объятіями, ссылаясь на право, котораго нельзя не признать, вспоминая о недавнемъ сотовариществѣ съ ними по оружію, прося освободителей Италіи не омрачать своей славы, предоставляя имъ наконецъ выборъ: или внять голосу цѣлаго народа, нетерпѣливо стремящагося къ самостоятельности или отвѣтить рѣзней на призывъ великаго народа и великой души.

Что сдѣлали бы французы въ такомъ истинно эпическомъ случаѣ?

Гарибальди, должно полагать, зналъ также очень хорошо, какъ и всякій другой, на что способенъ солдатъ, слѣдуя слѣпому и жестокому закону дисциплины; но онъ зналъ также, что совѣсть человѣческая не всегда мертва подъ знаменами и что во Франціи совершились двѣ революціи вслѣдствіе того, что солдатъ, охваченный атмосферою, измѣнившею его нравственныя понятія, почувствовалъ, что оружіе выпадаетъ у него изъ рукъ.

Во всякомъ случаѣ онъ былъ на столько благоразуменъ, что предвидѣлъ тотъ случай, если бы надежда эта обманула его... Но дальше что было бы? Худшее что могло случиться съ Гарибальди, это пасть жертвою совершенія величайшаго дѣла, какое когда либо внушала любовь къ отечеству и чувство долга. Для его противниковъ послѣдствія были бы, напротивъ, ужасны. Какой крикъ ужаса испустила бы Европа! Какою непримиримою ненавистью исполнилась бы душа каждаго итальянца!

Чтобы предупредить такія послѣдствія, было только два средства: очистить Римъ или заградить дорогу Гарибальди.

Далѣе, если принять во вниманіе, что первое средство было единственнымъ, сообразнымъ съ принципами, единственнымъ, могущимъ утишить безпокойства Европы и положить предѣлъ томленію Италіи, единственнымъ, могущимъ предупредить огромныя запутанности, — то Гарибальди конечно очень можетъ быть извиненъ за предположеніе, что оно будетъ выбрано.

Что касается до другой гипотезы, то какъ могла бы она остановить Варезскаго героя? Было ли возможно предположить, чтобы Викторъ Эммануиль отказался отъ своей силы, бросилъ на вѣтеръ свою популярность, унизилъ свою честь, не имѣя другой цѣли, кромѣ того, чтобы сражаться съ вѣрнѣйшимъ изъ своихъ слугъ по желанію иноземнаго правительства? Въ этомъ заключалась такая смѣсь неблагодарности и ослѣпленія, что часть Европы могла вѣрить и вѣрила до тѣхъ поръ, пока не разубѣдилась дѣломъ при Аспромонте, что Гарибальди и Викторъ Эммануиль дѣйствуютъ за одно.

Съ другой стороны, побѣдитель неаполитанскаго короля, освободитель Сициліи, обладавшій секретомъ счастливыхъ предпріятій, смѣлый игрокъ, счастье котораго много разъ служило его отважности и вѣнчало ее успѣхомъ, Іосифъ Гарибальди, могъ безъ всякаго неблагоуразумія считать себя способнымъ достигъ Рима, вопреки Ратацци? И нельзя сказать, чтобы онъ былъ слишкомъ преувеличеннаго мнѣнія о своемъ вліяніи. Оно доказано фактами. Не содрогалась ли вся Італія отъ его голоса, какъ отъ голоса пророка? Не отдалась ли ему Сицилія, лишь только онъ потребовалъ этого? Не былъ ли онъ встрѣченъ съ триумфомъ въ Катані? Не сбѣгались ли волонтеры со всѣхъ сторонъ, наперерывъ ставя на карту все, что имѣли дорогаго на свѣтѣ? Не далъ ли ему свободного прохода экипажъ кораблей, получившихъ приказаніе отъ правительства загородить ему дорогу въ Калабрію? Не отказывались ли чиновники отъ службы и не срывали ли офицеры эполеты, чтобы не сражаться съ Італіею въ лицѣ его? Онъ былъ одинъ или почти одинъ, вступая на неаполитанскую землю, и народъ такъ вѣрилъ и такъ сочувствовалъ ему, что правительство, обманывавшее народъ, считало себя погибшимъ, если не прибѣгнетъ къ мѣрамъ, принимаемымъ обыкновенно тираніею въ опасности, къ которымъ оно и прибѣгло: орода и провинціи были объявлены въ осадномъ положеніи, свобода печати прекращена, свобода личности нарушена, система террора введена повсемѣстно.

Правда, что герой понесъ пораженіе въ одной изъ сты-

чекъ, а мудрецы восторжествовали! Они имѣли бы столько же основанія хвастать своею проницательностью и предусмотрительностью, если бы Гарибальди, вмѣсто того, чтобы быть раненнымъ пулею, направленною нечестивою рукой, упалъ съ лошади! Съ которыхъ уже поръ въ исторіи одинъ отдѣльный случай рѣшаетъ оцѣнку многочисленныхъ комбинацій! Пушка, убившая Тюрення, эта «пушка, заслужившая безсмертіе», разрушила безъ всякаго сомнѣнія планы этого великаго человѣка: но что же можно вывести изъ этого противъ его генія? Пораженіе Гарибальди, можетъ быть, въ послѣдствіи лучше всего послужить дѣлу. Кто въ этомъ сомнѣвается, можетъ прочесть всѣ французскія либеральныя и англійскія газеты, и увидить, что несчастье при Аспромонте представляется дѣломъ, которое необходимо повлечетъ за собою очищеніе Рима. Наполеонъ можетъ еще медлить, но только медлить. Римъ представляетъ долгъ, уплаты котораго Викторъ Эммануилъ вправѣ потребовать отъ него въ настоящую минуту въ награду за пожертвованіе другомъ и за униженіе своей популярности. Да, благодаря Гарибальди, наступитъ минута, когда французы будутъ принуждены предоставить Римъ самому себѣ, т. е. Италіи! Въ этотъ день Гарибальди получитъ награду, единственно достойную его и ту, которую онъ когда либо могъ желать. Возстановленіе Рима будетъ его славою и исторія скажетъ, что Гарибальди, давши королю Пиемонта Неаполь и Сицилію своими побѣдами, далъ ему Римъ своимъ пораженіемъ.

LXXXIX.

27-го сентября.

ЗНАМЕНИТЫЙ ПРОЦЕССЪ.

Еще знаменитый процессъ! Еще одну ужасную тайну нужно разгадывать послѣ того, какъ судья произнесъ рѣшеніе, а палачъ еще не дѣйствовалъ! Еще трагическое доказательство невѣрности человѣческихъ сужденій. Еще рѣшительный аргументъ противъ смертной казни.

Въ Глаговѣ было совершено преступленіе: кто совершилъ его? Выборъ долженъ пасть на одно изъ двухъ лицъ: на старика или на женщину. Присяжные единогласно сдѣлали выборъ. Если мракъ, окружающій преступленіе, не разсѣется вслѣдствіе какихъ нибудь дальнѣйшихъ открытій, то женщина должна будетъ умереть. Но вотъ общественное мнѣніе, менѣе единогласное, чѣмъ присяжные, волнуется, движется, ропщетъ съ разныхъ сторонъ и громко требуетъ своего права вмѣшательства. Вѣроятности съ той и другой стороны уваживаются съ математическою точностію; противники и защитники разбиваютъ другъ друга; вѣсы, на которыхъ взвѣшивали жизнь этой женщины и старика, держались до сихъ поръ въ такой ужасной неподвижности, что многіе боятся, что невинность умереть и общество отмстить убійствомъ за убійство. Достовернѣе всего то, что городъ Глаговъ — что я говорю?—вся Шотландія въ такомъ волненіи, какое едва ли бы могло произвести политическое событіе.

А почему такъ? Взять ли городъ штурмомъ, проиграно ли сраженіе, мѣняется ли правитель въ королевствѣ, — все это не равняется съ огромной опасностію, которой подвергается все человѣчество вслѣдствіе казни невиннаго. Потому что человѣчество, человѣчество въ его цѣлости и величіи, представляется, олицетворяется и заключается въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ, страдающемъ отъ несправедливаго дѣйствія, какъ бы мало ни было это лицо и какимъ бы незначительнымъ мы его ни предполагали.'

Позвольте мнѣ разсказать вашимъ читателямъ эту плачевную исторію. Она доставитъ пищу не любопытству ихъ, а размышленію.

Въ пятницу, 7-го іюля, житель Глагова, по имени Флемингъ, уѣхалъ со своимъ семействомъ на дачу, оставивъ дома только отца, старика 87 лѣтъ, и служанку Джесси Макъ-Ферсонъ.

Въ ночь съ пятницы на субботу старикъ слышалъ, если только вѣрить ему, около 4-хъ часовъ утра какъ бы крики убиваемой женщины. Но такъ какъ крики скоро прекратились, то онъ и не обратилъ на нихъ вниманія. Угрозъ,

въ 40 минутъ осьмага, раздался звонокъ у входной двери. Это былъ разносчикъ молока, приходившій постоянно. Старикъ сошелъ, отворилъ дверь, запертую извнутри висячимъ замкомъ, сказалъ, что не возьметъ молока и, войдя въ домъ, сталъ по своему обыкновенію обходить домъ. У него былъ инквизиторскій характеръ: онъ любилъ хлопотать, любилъ все осмотрѣть. Онъ не вышелъ служанку: она исчезла. Откуда могла она выйти? Наружная дверь, какъ было сказано, была заперта на замокъ извнутри. Задняя дверь, по дальнѣйшему объясненію самаго Флеминга, была въ эту минуту заперта извнутри какъ и первая. Заперта была и спальня служанки. Полъ въ кухнѣ былъ мокръ. Тамъ было нѣсколько рубахъ Флеминга, запятнанныхъ кровью, которыя онъ положилъ въ сторону.

Прошло три дня. Служанка не являлась; старикъ не беспокоился о ней болѣе. Онъ ничего не сообщалъ своимъ сосѣдямъ, съ которыми, по обыкновенію, онъ охотно разговаривалъ, самъ готовилъ кушанье и устроился такъ, что удовольствовался самъ собою.

Въ понедѣльникъ пріѣхалъ сынъ, и узнавъ о таинственномъ исчезновеніи Джесси Макъ-Ферсонъ, отворилъ ей спальню другимъ ключемъ. Тогда представилось ужасное зрѣлище. Трупъ служанки, ужасно изуродованный, лежалъ распростертымъ передъ кроватью, головою къ двери. На шеѣ и головѣ были раны. Первыя, какъ показали впослѣдствіи доктора, были старательно обмыты; но раны на головѣ самыя глубокія, причинившія смерть и заключившія преступленіе, не были обмыты. Простой взглядъ на трупъ показывалъ, или повидимому показывалъ, что жертву сначала били, затѣмъ подали помощь, затѣмъ снова били съ удвоенною яростію, пока не послѣдовала смерть. Не было ли при совершеніи убійства двухъ дѣйствующихъ лицъ, руководимыхъ противоположными побужденіями: одно — готовое помочь, другое — умертвить? Вотъ что, повидимому, показывалъ трупъ.

Въ догѣ былъ произведенъ обыскъ: оказалось, что вещи, принадлежавшія жертвѣ, и серебро были унесены. Призвали полицію, обѣжались всѣ сосѣди; подозрѣнія пали, конечно, на

отца Флеминга, находившагося въ домѣ три дня вмѣстѣ съ трупомъ, и потому онъ былъ арестованъ.

Черезъ нѣсколько времени розыски полиціи открыли серебро, украденное въ ночь на 8 іюля. Оно было заложено женщиною, по имени Макъ-Лахланъ, которая была извѣстна за пріятельницу убитой. Слѣдствіе производилось очень дѣятельно, и наконецъ открылось, что въ пятницу 7-го іюля Макъ-Лахланъ ушла изъ своего дома, объявивъ, что идетъ къ Джесси Макъ-Ферсонъ, съ которой дѣйствительно и провела ночь съ 7-го на 8-е и вернулась домой лишь въ 9-мъ часу утра. Кромѣ того было доказано, что она возвратилась домой въ платьѣ, котораго у ней никогда не видали и поспѣшила отдать его въ краску къ красильщику. Это не все: въ тотъ же день она заплатила за квартиру деньги, выкупила вещи, которыя были ею заложены при крайней бѣдности, и сдѣлала многія закупки. Наконецъ въ полѣ, гдѣ ее видѣли, наплоскутки платьевъ, запачканные кровью, одну часть которыхъ признали принадлежащими ей, другую — жертвѣ.

Этого было слишкомъ достаточно для обвиненія. Съ этой минуты всѣ подозрѣнія, падавшія на Флеминга, пали на нее, и ее арестовали. На частномъ допросѣ въ магистратѣ, который въ Шотландіи предшествуетъ преданію суду, она очень неудовлетворительно объяснила различныя обстоятельства, говорившія противъ нее. Она взяла, говорила она, серебро у стараго Флеминга, который поручилъ ей заложить его, давая за этотъ трудъ четыре фунта стерлинговъ; что же касается до одежды убитой, найденной у ней, то ее прислала ей сама Джесси Макъ-Ферсонъ, чтобы отдать починить, и она хотѣла перекрасить ее только потому, что при извѣстии объ убійствѣ считала себя компрометированною уже фактомъ хранения у себя вещей убитой. Странная система защищенія! Какой судья могъ бы удовольствоваться этимъ? Тотъ, отъ рѣшенія котораго зависѣла судьба Макъ Лахланъ, нисколько не колебался объявить себя противъ нее.

Но смертный приговоръ не былъ еще постановленъ, какъ необыкновенное обстоятельство измѣнило процессъ. Оказалось,

что показаніе обвиненной были въ сущности не ея собственныя: они были внушены ей ея адвокатомъ; она держалась той системы защиты, которая ей была внушена постороннимъ лицомъ. Ея собственное добровольное показаніе, сдѣланное до процесса въ невѣденіи обстоятельствъ, которыя оно освѣтило, было таково, что въ ночь съ 7 на 8 іюля, Флемингъ отецъ, находясь въ кухнѣ съ нею и Джесси Макъ-Ферсонъ, сдѣлалъ послѣдней непристойное предложеніе, которое было сурово отвергнуто. Старикъ, очень сильный и тѣломъ и духомъ, пришелъ въ ярость. Поднялась сильная ссора между служанкой и баринномъ, который, пользуясь кратковременнымъ отсутствіемъ ея, Макъ-Лахланъ, ударилъ нѣсколько разъ острымъ орудіемъ несчастную Джесси. Обвиненная увѣрила, что, прибѣжавши, подала жертвѣ помощь. Она обмыла ей лицо; хотѣла поспѣшно бѣжать за докторомъ. Но тогда, по ея же показанію, старикъ, испуганный, смущенный, внѣ себя, покончилъ съ жертвой, чтобы отдалить всякую мысль о приглашеніи доктори сказать невольной свидѣльницѣ этихъ ужасовъ: «если вы откроете эту тайну, вы погибли безвозвратно; никто кромѣ васъ не видѣлъ того, что происходило. Подумайте о вашемъ общественномъ положеніи и о моемъ. Если я объявлю, что вы убили эту женщину—мнѣ повѣрять, а кто повѣритъ вамъ, если вы захотите указать на меня, какъ на убійцу? Ваше спасеніе заключается въ молчаніи и только въ немъ. Унесите эти вещи, это серебро, чтобы причина убійства могла быть приписана кражѣ. Вы имѣете мужа, грудное дитя; вы бѣдны; это дастъ вамъ средства къ жизни и мы оба будемъ спасены.»

Разсказъ этотъ, переданный обвиненною самопроизвольно и прежде всего, не совсѣмъ лишенъ правдоподобія, если принять во вниманіе, что онъ одинъ дѣлается понятнымъ нѣкоторыя обстоятельства, которыя иначе невозможно объяснить. Если, въ самомъ дѣлѣ, Флемингъ совершилъ преступленіе, то до нѣкоторой степени понятно, что онъ хотѣлъ скрыть послѣдствія его на возможно продолжительное время, чтобы дать Макъ Лахланъ возможность скрыть слѣды. Кромѣ того это

единственное предположеніе, согласующееся съ видомъ трупa. Кто умылъ жертвѣ лицо въ промежутокъ времени между нанесеніемъ первыхъ и вторыхъ ранъ? Кто пытался перевязать раны? Возможно-ли, чтобъ одна и таже рука подавала помощь и совершала убійство? Непосредственно за этимъ кухня была вычищена и приведена въ порядокъ; тѣло было перенесено изъ кухни въ спальню; орудіе смерти было вымыто; одѣяла, запачканныя кровью, были заботливо сложены. Какъ допустить, чтобы Макъ Лахланъ, если она виновна, употребила время на совершеніе всего этого? И съ какой цѣлью? Какъ понять, что она вмѣсто того, чтобы пользоваться темнотою ночи, ждала утра? Какъ понять наконецъ, что она могла выйти изъ дома раньше 40 минутъ 8-го безъ того, чтобы этого не зналъ старикъ, такъ какъ до этой минуты двѣ двери, изъ которыхъ она могла бы ускользнуть, были заперты изнутри. Замѣчательное мѣсто въ показаніи обвиненной состоитъ въ слѣдующемъ: «когда Флемингъ отпиралъ дверь разнощику молока, онъ возвратился не имѣя ничего въ рукѣ и отказался купить молока». Какъ понять, что Макъ Лахланъ могла угадать такое обстоятельство? Слѣдовательно она была въ домѣ, когда звонилъ разнощикъ молока; а если она была въ это время въ домѣ, что изъ этого слѣдуетъ заключить? Замѣчательно, что нѣтъ ни одного обстоятельства открытаго въ процессѣ, которое бы не объяснялось показаніями, сдѣланными обвиненною до процесса.

Но съ другой стороны, возможно ли, чтобы 87-ми-лѣтній старикъ, какимъ бы бодрымъ его ни предположить, былъ доведенъ до убійства указанными Макъ Лахланъ мотивами? Если правда, что онъ слышалъ въ 4 часа ночи на 8 іюля крики женщины, видимо находившейся въ бѣдственномъ положеніи и не былъ взволнованъ; если правда, что онъ при этомъ не обратилъ вниманія на исчезновеніе служанки, то нельзя ли приписать такіа дѣйствія апатіи, составляющей одну изъ отличительныхъ чертъ старости?

А если предположить, что убійство совершила Макъ Лахланъ, то трудно объяснить ея продолжительное и нелѣпое

пребываніе на мѣстѣ убійства;—ея попеченіе уничтожить слѣды его рѣшительно безъ всякой для себя выгоды и съ опасностію попасться; наконецъ, трудно объяснить слѣдующее замѣчательное обстоятельство: обѣ двери были заперты изнутри до 40 минутъ 8-го, когда всталъ старикъ и обошелъ домъ. За то сколько подозрѣнія падаетъ на Макъ Лахланъ! Флемингъ не имѣлъ нужды въ деньгахъ; она, напротивъ, была въ крайней бѣдности. Отправляясь къ Джессп, Макъ Лахланъ объявила дома куда идетъ, и если это исключаетъ мысль объ умыслѣнномъ убійствѣ, то не исключаетъ мысли о убійствѣ, совершенномъ подъ вліяніемъ сильнаго искушенія. Наконецъ, она носила платье умершей, воспользовалась деньгами за серебро; не осуждаетъ правило *Fecit cui prodest* (сдѣлалъ тотъ, кому это было полезно).

Угадай, если можешь и выбирай, если смѣешь.

Общественное мнѣніе всегда раздѣляется. Кромѣ тѣхъ, которые считаютъ обвиненную виновной, есть и такіе, которые сильно нападаютъ на лорда Днса за то, что онъ читая смертный приговоръ, выразился о показаніи Макъ Лахланъ, какъ о цѣломъ рядѣ лжи. Нѣкоторые доходятъ до того, что упрекаютъ судью въ томъ, что онъ съ нѣкоторою запальчивостію защищалъ Флеминга. Они указываютъ на то, что ни одинъ свидѣтель не былъ призванъ дать показаніе о характерѣ и привычкахъ этого старика, пріобрѣтшаго отнынѣ столь печальную извѣстность. Они удивляются, что не спрошенъ ни кто изъ прислуги объ его обращеніи съ ней и умершей; они какъ бы хотятъ сказать подобно Монтеню: «какія бы хорошія намѣренія ни имѣлъ судья, но если онъ уступаетъ личнымъ побужденіямъ, что многіе дѣлаютъ, то всякое расположеніе къ дружбѣ, родственнымъ чувствамъ, красотѣ, мести и не только къ такимъ значительнымъ вещамъ, но и къ тому случайному инстинкту, заставляющему насъ сочувствовать одной вещи больше, чѣмъ другой, сообщаетъ большое колебаніе вѣсамъ.»

Пусть же послѣ этого убиваютъ эту женщину! Казнь не поправима; тогда какъ въ ту минуту, какъ я вамъ пишу,

ходитъ по рукамъ и подписывается прошеніе о новомъ слѣдствіи, доказывающее, что судья не можетъ быть непогрѣшимымъ.

Будетъ ли назначено столь настоятельно требуемое слѣдствіе? Освѣтитъ ли неожиданный свѣтъ эту темную драму? Въ ожиданіи этого, я только скажу вамъ, что и рѣшеніе присяжныхъ, и поведеніе судьи, и приговоръ, и выраженія приговора,—все это свободно критикуется, разбирается и истолковывается въ печати. Во Франціи, мы представляемъ себѣ, что правосудіе лишилось бы уваженія, если бы приговоры его стали критиковаться. О, насколько выше понятія англичанъ о величіи правосудія и объ охранительной силѣ свободы! Они не думаютъ, что власть сдѣлается непогрѣшимою отъ того, если запретить разсуждать объ ней; они не думаютъ, чтобы было полезно поставить выше всякаго контроля власть, отъ которой зависить счастье каждаго гражданина, не только счастье, жизнь, но и жизнь и честь! Ихъ конституція даетъ коронѣ, въ числѣ другихъ правъ, право помилованія; но они поняли, что для того, чтобы прито помилованія не было капризомъ или пристрастіемъ тираніи, нужно освѣщать и утверждать его народнымъ мнѣніемъ. Вслѣдствіе этого они оставили себѣ право указывать праву помилованія на тѣ приговоры, которые нужно пересмотрѣть или кассировать. Были ли они неправы? Ахъ, милостивый государь, трудно представить себѣ что-нибудь полезнѣе и благороднѣе свободы печати, простирающейся до права разбирать судебныя рѣшенія. Это верховная власть народа, приложенная къ раскрытію истины. Это невинность, отданная подъ покровительство всеобщей подачи голосовъ. Это цѣлый народъ, помогающій королевской власти дѣлать хорошее употребленіе изъ лучшей и высочайшей прерогативы, которая состоитъ въ томъ, чтобы помилованіемъ исправлять ошибки юстиціи

XC.

5 октября.

ДРАКА ВЪ ГАЙДЪ-ПАРКЪ.

Я живу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Гайдъ-парка и въ настоящую минуту возвращаюсь оттуда. Что за гнусное зрѣлище! и что за мерзкая драка! Въ этомъ огромномъ паркѣ, посѣщаемомъ обыкновенно смирными гуляющими, оживляемомъ лишь блестящими кавалькадами и невиннымъ состязаніемъ пышною упряжью, произошла сегодня сцена, заставляющая содрогаться. Представьте себя посреди почти 90 тысячъ чело-вѣкъ сильно взволнованныхъ; кругомъ ужасныя ссоры; драки одинъ на одинъ; черепа, разбитые палками; толпы бѣгающихъ, бросающіяся одна на другую; опрокинутыя и раздавленные ногами женщины; горожане, солдаты, ремесленники, нищіе, смѣшивающіеся и увлекаемые однимъ вихремъ; представьте себя возлѣ людей убитыхъ за крикъ: «да здравствуетъ Гарибальди!» и возлѣ убитыхъ за другой крикъ: «да здравствуетъ папа!» Таковъ былъ Гайдъ-паркъ часъ тому назадъ.

И отчего произошло это? Оттого вѣроятно, что наша хваленая цивилизація еще не убила окончательно демона религіозныхъ войнъ; оттого, что велико еще число идіотовъ, считающихъ святымъ дѣломъ убіеніе ближнихъ во имя Бога; оттого, что звѣрство -- дочь невѣжества, а невѣжество скрывается за суевѣріемъ; оттого, что папство имѣетъ своимъ представителями въ Лондонѣ толпу отупѣвшихъ ирландцевъ, которые даже въ ихъ вертелехъ, гдѣ кипитъ подонки народа, составляютъ подонки этихъ подонковъ, и наконецъ, что самое важное и печальное, оттого, что одинъ чело-вѣкъ въ Европѣ держитъ умы въ нерѣшимости, бесконечно продолжаетъ безпокойства, порожденные неяснымъ положеніемъ, измѣняетъ эти безпокойства въ нетерпѣніе и въ гнѣвъ, и дѣлаетъ продолжительное занятіе Рима источникомъ волненія для всего свѣта.

Въ послѣднее воскресенье можно было уже замѣтить въ Гайдъ-паркѣ приближавшуюся черную точку бури. Спокойный митингъ англійскихъ ремесленниковъ, собравшихся открыто засвидѣтельствовать свое сочувствіе герою Аспромонте, подвергся нападенію отъ арміи оборванныхъ ирландцевъ, вооруженныхъ огромными палками. Произошелъ обмѣнъ ударовъ, сильное развитіе ярости, нанесено было множество ранъ. Это была прелюдія. Сильное волненіе продолжалось всю недѣлю. Заявлено было о болѣе серьезной стычкѣ. Было употреблено много усилій, чтобы предупредить ее; но распространившееся между ремесленниками извѣстіе о томъ, что ирландцы хвастались въ своихъ вертепахъ, что они силою помѣшаютъ выраженію симпатій, несогласныхъ съ ихъ симпатіями, сильно взволновало умы. Итакъ сегодня, вмѣсто того, чтобы собраться въ Гайдъ-паркѣ, по обыкновенію, въ числѣ отъ 5 до 6 тысячъ, англійскіе работники сбѣжались въ числѣ 40 или 50 тысячъ, не считая зрителей. Паписты съ своей стороны сосчитали всѣхъ своихъ, вооружились и держались на готовѣ. Кто же разбилъ ихъ на полки? Достоверно извѣстно, что они явились на мѣсто дѣйствія предварительно организованнымъ строемъ; въ видѣ плотной массы, рука объ руку, наподобіе идущаго полка, явились они туда, гдѣ тотчасъ же пошелъ беспорядокъ и началась война. Куча мусора, служившая уже въ прошлое воскресенье трибуною ораторамъ, говорившимъ на митингѣ, а за тѣмъ полемъ битвы, и теперь была пунктомъ, на который были направлены усилія нападающихъ. На этомъ-то мѣстѣ преимущественно «защитники религій» служили ей ударами кулаковъ, камней и палокъ; на этомъ мѣстѣ было наибольшее количество окровавленныхъ лицъ и переломанныхъ костей.

Никогда, никакая крѣпость не бывала аттакована съ такимъ увлеченіемъ и отстаиваема съ такимъ упорствомъ; никогда стратегическая позиція не бывала столько разъ теряема и возвращаема. Можно бы подумать, что судьба папскаго Рима связана съ обладаніемъ кучею мусора, которая для того вѣроятно, чтобы оставалась память ея въ исторіи, назва-

на Реданомъ. Такъ какъ здѣсь затрогивалась военная честь, то прибѣжали гвардейскіе солдаты и приняли участіе въ нападеніи, посреди восторженныхъ восклицаній народа. Безполезно прибавлять, что многочисленные отряды полисменовъ были присланы на поле битвы, гдѣ они оказали большую неустрашимость и хладнокровіе. Но неустрашимось ихъ не помѣшала пролитію крови. Говорятъ, что многіе убиты. Многіе были спесены въ госпитали въ состояніи очень опасномъ вслѣдствіе ранъ. Такъ по крайней мѣрѣ я слышалъ, возвращаясь домой съ зрѣлища этой драки, которую наблюдалъ издали, чтобы не быть завлеченнымъ въ нее. Говорятъ, что видѣли, какъ по парку проѣхала карета кардинала Виземана. Если это правда, то его преосвященство, вмѣстѣ со всѣми разумными католиками, должно было краснѣть за тотъ образъ дѣйствій, когорымъ поддерживаются права церкви.

Англійскіе работники, безъ всякаго сомнѣнія, поступили бы разумнѣе, если бы удержались отъ митинга на открытомъ воздухѣ, особенно когда стало почти извѣстно, что отъ него произойдетъ столкновеніе; но они все-таки были совершенно правы. Митинги на открытомъ воздухѣ не только дозволены въ Англіи, но можно сказать составляютъ часть общественной жизни. Здѣсь нѣтъ ни одного парка, ни общественнаго сада, ни одного пустопорожняго мѣста, гдѣ бы нельзя было встрѣтить въ воскресенье толпу около добродухотнаго проповѣдника, читающаго со стула Библію и проповѣдующаго религію по своимъ понятіямъ. Это остатокъ привычекъ, введенныхъ реформаціею. «Каждый человѣкъ есть священникъ», говоритъ Лютеръ; поэтому можетъ проповѣдывать всякій считающій себя способнымъ проповѣдывать и можетъ слушать всякій желающій слушать. Если бы ирландцы захотѣли противопоставить заявленію заявленіе, ничто не помѣшало бы имъ сдѣлать для папы тоже самое, что англійскіе ремесленники рѣшили сдѣлать для Гарибальди. Мѣста въ Гайдъ-паркѣ имъ бы хватило. Они могли бы свободно воздвигнуть алтарь претивъ алтаря. Никто рѣшительно не нашель бы дурнымъ въ этой странѣ свободы, если бы они удостоили папу мучени-

ческаго вѣнца, а Наполеона—названія освободителя религіи, которую онъ, какъ всѣмъ извѣстно, поставилъ подъ назидательное покровительство штыковъ. Они могли бы даже сказать—и никто не подумалъ бы запретить имъ это—что церковная область управляется такъ хорошо, какъ ни одна другая на свѣтѣ.

Но нѣтъ: этимъ бѣднымъ рабамъ грубаго фанатизма показалось гораздо проще опровергнуть ударами палки доказательства тѣхъ, которые не раздѣляютъ ихъ мнѣній. Ихъ ли это вина? Я отвергаю это. Виноваты въ этомъ тѣ люди, которые, имѣя на эту невѣжественную толпу, безграничное вліяніе, возбуждаютъ ея гнѣвъ, вмѣсто того, чтобы просвѣщать ея разумъ.

Нужно ли говорить о томъ дѣйстви, которое произвело на Англію это плачевное событіе? Дѣло папства конечно ничего не выиграетъ въ протестантской странѣ, если будутъ возбуждаться чувства, выражающіяся въ побужденіяхъ на убійства. Кулачный бой есть странный способъ апостольства: не его держались первые христіане. Они умѣли умирать и не умѣли убивать; въ этомъ состояла ихъ сила. Если бы католическіе гладіаторы Гайдъ-парка хотѣли взяться за дѣло протестантизма, то лучше этого они не могли бы ничего придумать.

Можно предвидѣть и другой результатъ: это удвоенное раздраженіе въ томъ, что касается занятія Рима; потому что къ этому вопросу, рѣшеніе котораго вѣчно ожидается и вѣчно откладывается, относятся описанныя смятенія.

ХСІ.

10 октября.

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ БРАКЪ И УРКГАРТЪ.

Вы знаете, что принцъ уэльскій въ такомъ возрастѣ, что можетъ жениться и хочетъ попытать это великое дѣло, въ которомъ быстрый умъ Рабле находилъ столько за и противъ. Нѣсколько недѣль тому назадъ въ Англіи было торжественно объявлено, что на руку принца уэльскаго есть двѣ кандидатки: принцесса Александрина прусская и принцесса Александра датская. Первая, говорили, поддерживалась королевою Викторіею, вторая—белгійскимъ королемъ, который, какъ увѣрили, долженъ былъ одержать верхъ. Теперь сомнѣніе прекратилось и звѣзда Александрины рѣшительно поблѣднѣла передъ звѣздой Александры.

Въ одномъ маленькомъ кружкѣ, хвастающемъ знаніемъ закулисной стороны человѣческихъ дѣйствій, я слышалъ нѣсколько замѣчаній о предположенномъ бракѣ, за сообщеніе которыхъ ваши читатели можетъ быть будутъ мнѣ благодарны, тѣмъ болѣе, что замѣчанія эти не принадлежать къ разряду тѣхъ, которые обыкновенно печатаются въ газетахъ.

26-го іюля въ Times появилась слѣдующая новость: «Dagbladet Копенгагена сообщаетъ извѣстіе о предстоящемъ бракѣ принца уэльскаго съ принцессою Александрой, дочерью принца Христіана вѣроятнаго наслѣдника датской короны. Принцъ Христіанъ нѣсколько дней тому назадъ уѣхалъ изъ Копенгагена съ женою, двумя дочерьми и принцессой. Онъ предполагаетъ, посѣтивши брата своего въ Лунзенлундѣ, ѣхать въ Остенде. Думають, что его высочество поѣдетъ послѣ того въ Рейнгардтсбруннъ, гдѣ должна была провести нѣсколько недѣль королева Викторія.»

Здѣсь представляется первое замѣчаніе. Увѣрена ли Times, что принцъ Христіанъ вѣроятный наслѣдникъ датской короны?

Дѣйствительно, онъ былъ выбранъ занимать мѣсто наслѣдниковъ и то въ силу договора, внушеннаго Англіею. Но будетъ ли выполненъ договоръ? Сомнѣніе возможно и оно существуетъ въ людяхъ, слѣдящихъ или всображающихъ себя слѣдящими за дипломатическими дѣлами. Но какъ бы ни былъ рѣшенъ вопросъ впоследствии, а въ настоящее время Англіи представляется слѣдующая дилемма: или принцъ Христіанъ откажется отъ короны и въ такомъ случаѣ англійскому народу нечего гордиться такимъ бракомъ, или онъ приметъ ее и тогда союзъ становится опаснымъ для Англіи вслѣдствіе шлезвигъ-голштинскаго вопроса и войны, которая рано или поздно произойдетъ изъ-за него между Даніей и Пруссіей. Times, считающаяся по преимуществу газетою дипломатическихъ канцелярій, должна была бы знать это!

Пойдемъ дальше.

4-го сентября въ Times было сказано: «много говорить—и этотъ слухъ кажется имѣть основаніе—о бракѣ между наслѣдникомъ англійской короны и датской принцессой. Говорятъ, что принцъ встрѣтилъ принцессу, какъ онъ могъ бы, впрочемъ, встрѣтить и другую даму столь же достойную его выбора; но прибавляютъ, что онъ восхищается принцессой и любитъ ее болѣе чѣмъ кого-либо и что во время путешествія, предпринимаемаго имъ въ настоящую минуту, они будутъ имѣть случай узнать другъ друга еще короче. До сихъ поръ не было сдѣлано никакого предложенія и слѣдовательно никакого предложеніе не было принято. Принцъ и принцесса должны свидѣться въ Брюсселѣ и мы надѣемся скоро получить благопріятныя извѣстія изъ этого дружественнаго двора.

Замѣчательно то, что когда Times писала это, принцъ и принцесса еще не видѣлись и слѣдовательно восхищеніе и привязанность, упомянутые въ Times, не могли еще существовать. Было ли это расчетъ, или ошибка, или просто ложное показаніе? Но вѣроятно то, что бракъ еще не есть дѣло рѣшеное. Но если ничего не было заключено, то все могло и рушиться. Между тѣмъ, вслѣдствіе какого-то таинственнаго вліянія, распространился слухъ объ этомъ происшествіи,

которое еще не существовало. Выдавали за счастливо поконченное то дѣло, которое едва было начато. Принца напередъ прокричали влюбленнымъ; газеты уже поженили ихъ; вмѣшалась въ дѣло и фотографія; два портрета выставлялись вмѣстѣ съ одною общею надписью «нашъ будущій король и наша будущая королева» и останавливали на себѣ повсюду взгляды проходящихъ. Представьте себѣ, что же будетъ послѣ этого, если бракъ не состоится! Согласитесь, что такая нескромность публики поставить принцессу Александру въ очень странное положеніе! Да и принцъ уэльскій будетъ этимъ поставленъ въ очень непріятное затрудненіе.

Какъ бы то ни было, 4-го сентября королева англійская уѣхала изъ Брюсселя; 7-го принцъ уэльскій въѣхалъ въ него; 8-го прибыла принцесса; 16-го принцъ оставилъ Брюссель также какъ и невѣста съ отцемъ; а 17-го принцъ пріѣхалъ одинъ въ Рейнгардтсбруннъ. На другой же день во всѣхъ лондонскихъ газетахъ явился слѣдующій параграфъ: «Достоверное извѣстіе сообщаетъ намъ, что бракъ принца уэльскаго съ принцессою Александрою датскою рѣшенъ частнымъ образомъ въ Брюсселѣ и что онъ основывается единственно на взаимной привязанности молодыхъ людей и достоинствахъ молодой принцессы и не имѣетъ никакой связи съ политическими видами: Блаженной памяти принцъ супругъ (принцъ Альбертъ), единственною цѣлью котораго было счастье его дѣтей, былъ давно убѣжденъ, что союзъ этотъ очень желателенъ. Извѣстіе объ этомъ дѣлѣ будетъ источникомъ большой радости для королевы и всей страны.

Авторъ этого сообщенія, кто бы онъ тамъ ни былъ, сказалъ конечно то, чего вовсе не желалъ сказать, выдавая за единственную цѣль Альберта впродолженіи всей его жизни счастье его дѣтей. На этомъ нечего останавливаться. Но мнѣ кажется нѣсколько страннымъ то обстоятельство, что королева уѣхала изъ Брюсселя, когда тамъ устраивался бракъ ея сына; замѣтъ тоже непонятно, почему принцъ уэльскій, отправляясь въ Рейнгардтсбруннъ, чтобы видѣться съ своею матерью, не повезъ туда свою невѣсту и будущего тестя.

Вѣроятно, это объяснилось бы просто, если бы все было извѣстно; но такъ какъ все неизвѣстно, то небольшой кружокъ, о которомъ я упомянулъ въ началѣ письма, занимается догадками. Тамъ есть 12 человекъ, мною посвященныхъ въ тайнства; во главѣ ихъ стоитъ Уркгартъ, для котораго, по ихъ словамъ, придворная дипломатія не имѣетъ тайнъ. Вы не можете себѣ представить, въ какія объясненія пустились они по тому дѣлу, о которомъ идетъ рѣчь. Они полагаютъ, что королева не сочувствуетъ браку; полагаютъ, что онъ больше пріятель герцогини кембриджской, теткѣ принца Христіана; полагаютъ, что свѣдѣнія, сообщенныя въ газеты, имѣютъ цѣлію заранѣе приготовить общественное мнѣніе смотрѣть, какъ на счастливое событіе, на то, въ чемъ они (члены кружка) видятъ опасность; полагаютъ.... но чего они не полагаютъ?

Times говоритъ 4-го сентября: «Слухи приписываютъ королевской принцессѣ (старшая дочь королевы англійской и жена принца Фридриха Вильгельма прусскаго) главную роль въ устройствѣ брака принца уэльскаго. На самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего приличнѣе и естественнѣе того, чтобы женщина, воодушевленная привязанностью сестры и просвѣщенная опытомъ, даваемою ей ея лѣтами, поломъ и положеніемъ, дѣятельно хлопотала о счастьи брата, а не ограничивалась бы одними молитвами и пожеланіями. Ея положеніе давало ей возможность искать ему приличную партію гораздо удобнѣе, чѣмъ могъ бы сдѣлать онъ самъ; повидному она успѣла въ этомъ. Этотъ союзъ—въ наше время бракъ называется союзомъ—можетъ быть послѣдній пришелъ въ голову друзьямъ королевской принцессы, собравшимся сегодня около нея. Но она думала только объ удовольствіи видѣть брата и жену его возможно скорѣе первую парю въ королевствѣ.»

Слухъ, бывший во всемъ этомъ дѣлѣ Эгеріею Times, очень могъ на этотъ разъ ошибиться. Мало вѣроятія, чтобы королевская принцесса, вышедшая замужъ въ Пруссію, искала для своего брата жену въ Даніи въ то время, какъ война Даніи съ Пруссіею неизбежна; потому что это значило бы, что королевская принцесса старалась бы ввести брата въ се-

мейство. противъ котораго то семейство, часть котораго она сама составляетъ въ настоящую минуту, можетъ завтра вооружиться. Что же касается до побужденія, приписываемаго этою статьею королевской принцессѣ, т. е. желанія видѣть брата возможно скорѣе женатымъ, то такое побужденіе, при отсутствіи всякаго другаго, было бы очень смѣшно.

Но изъ того, что бракъ принца уэльскаго не есть дѣло сестры его, ничуть не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ дѣломъ герцогини кэмбриджской. А въ этомъ именно и хотѣлъ убѣдить своихъ правовѣрныхъ Уркгартъ, боъ того храма, въ который я васъ ввелъ.

Странная личность этотъ Уркгартъ! Умень онъ настолько, какъ всѣ свѣтскіе люди и, прибавлю, никто лучше его не умѣетъ читать въ публичныхъ документахъ то, что въ нихъ заключается и даже то, чего въ нихъ не заключается. Но онъ боленъ страшною болѣзнію: его преслѣдуетъ, мучить мысль, что лордъ Пальмерстонъ предался Россіи и... повѣрите-ли? находитъ интригу лорда Пальмерстона въ желаніи брака принца уэльскаго, такъ какъ этотъ бракъ, по увѣренію органа Уркгарта, the Free-Press, непременно извергнетъ Англію въ ужасныя запутанности, къ большой радости русскихъ.

Безполезно говорить вамъ, что Уркгартъ есть звѣзда, около которой вращается очень небольшое количество спутниковъ, и что англичане не предвидятъ такихъ далекихъ несчастій. Вѣрно то, что принцессу Александру выставляютъ особою совершенною; что бракъ съ ней принца уэльскаго громко одобряется государственными лицами въ родѣ лорда Дерби и Гладстона, что союзъ этотъ наконецъ общезвѣстенъ. Но, положительно необходимо, чтобы Уркгартъ имѣлъ отъ времени до времени случай раздражаться, такъ какъ «это раздраженіе, по его словамъ, есть соль, предохраняющая народъ отъ гніенія».

ХСІІ.

16-го октября.

ПОВѢЖДЕННЫЙ ПРИ АСПРОМОНТЕ И АНГЛИЧАНЕ.

Я не знаю, поражены ли вы, подобно мнѣ, величіемъ слѣдующаго зрѣлища: Англія, страна по преимуществу совершившихся фактовъ, классическая земля успѣховъ и ихъ обожанія, восхищается и удивляется повѣжденному, раненому и плѣненному Гарибальди. Англія забываетъ то, чѣмъ больше всего хвастаетъ, — свою практичность для того, чтобы воздать честь человѣку, который не успѣлъ. Да, вотъ въ чемъ въ глазахъ исторіи будетъ заключаться лучшая часть славы Гарибальди, блестящая оригинальность его роли; ему не нужно было имѣть успѣхъ, чтобы возбуждать удивленіе; онъ удивлялъ страну, гдѣ преклоняются исключительно передъ успѣхомъ, даже тогда, когда былъ сраженъ. Перечислять ли всѣ митинги, бывшіе въ честь его? Упомянуть ли о Сундерленскомъ или Гласговскомъ? Повторять ли огромное количество блестящихъ словъ, сказанныхъ съ увлеченіемъ, даже такими людьми, занятіе которыхъ состоитъ въ проповѣдываніи мирнаго евангельскаго ученія? Дѣло не ограничилось только словами. Англія захотѣла чрезъ одного изъ своихъ сыновъ способствовать выздоровленію раненаго. Отправленіе доктора Партриджа въ Спецію есть характеристическое событіе. Открыты были подписки, и подписаны большія суммы. Нѣтъ ни одного работника, который отказалъ бы въ послѣдней копѣйкѣ, какъ только дѣло идетъ о Гарибальди, и если бы нужно было, онъ могъ бы имѣть денарій святаго Петра.

Во всякомъ случаѣ, хотя увлеченіе и всеобщее, но называть его повсемѣстнымъ значило бы преувеличивать. Въ Англіи, какъ и въ древней Греціи, есть крестьяне, которымъ кажется неумѣстною мудрость Аристиды и которые не любятъ, когда его называютъ «справедливымъ». Но и тѣ стараются, чтобы

не задѣтъ слишкомъ прямо народное чувство. Ихъ тактика при нападеніи на великаго итальянца такова, что они направляютъ назначенные ему удары на голову другого, именно на голову Мадзини. Они прикидываются, будто считаютъ его благородной, но истосердечной креатурой, которую обманули, и обмануть еще, если случится, соучастники темныхъ интригъ. Они жалѣютъ искусно лицемѣрнымъ тономъ сочувствія, что онъ не могъ остережся отъ козней европейской демагогіи. Они намекаютъ на то, что комитетъ, больше всего сдѣлавшій для Гарибальди, состоялъ по большей части изъ людей, извѣстныхъ привязанностью къ Мадзини, каковы: Стансфильдъ и Тейлоръ, члены парламента, Ачоретъ, одинъ изъ первыхъ солидаторовъ Сити и зять Стансфильда, Макъ Адамъ, изъ Глазгова, съ которымъ Мадзини ведетъ постоянную переписку.

Эта тактика очень искусна. На Мадзини такъ сильно нападали въ Англіи; Галенга, его жесточайшій врагъ, велъ противъ него на столбцахъ Times войну сильную и ожесточенную; публику приучили соединять съ именемъ бывшаго римскаго триумвира ужасныя мысли; его наконецъ настолько лишили народной любви по эту сторону пролива, что для того, чтобы напакостить Гарибальди лучше всего дать защищаемому имъ дѣлу мадзиниевскій колоритъ. А между тѣмъ, кажется, что Гарибальди и Мадзини въ послѣднихъ происшествіяхъ слѣдовали неопознаваемымъ внушеніямъ. И тотъ и другой желаютъ, безъ сомнѣнія, единства Италіи, и ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что партизаны втораго сильно интересуются первымъ; но, если я не ошибаюсь, планъ Мадзини состоялъ въ томъ, чтобы направить на Венецію усилія итальянской демократіи, тогда какъ Гарибальди, угрожая Риму, надѣялся лишь на самого себя. Но повторяю, дѣлать изъ Гарибальди слѣное орудіе намѣреній Мадзини—разсчетъ искусный.

Съ какимъ торжественнымъ искусствомъ Times сблизила эти два имени въ своихъ комментаріяхъ на послѣднюю прокламацію Мадзини. Какое счастье для Times, что въ ней печатается письмо, въ которомъ знаменитый агитаторъ объявляетъ, что нечего больше ждать отъ Виктора Эммануила;

требуетъ отъ республиканцевъ совѣтъ покончить съ принципомъ по его мнѣнію нетерпящимъ и нетерпимымъ; объявляетъ конституціонную монархію въ Италіи самымъ серьезнымъ изъ препятствій къ независимости Италіи; напоминаетъ, что Италія обязана революціонному принципу, дѣйствовавшему то самостоятельно, то чрезъ Гарибальди, пріобрѣтеніемъ Флоренціи, Неаполя, Сициліи, тогда какъ монархическому принципу, олицетворенному въ Викторѣ Эммануилѣ и Ратацци, она обязана уступкою Ниццы, потерей Савойи, объявленіемъ осаднаго положенія и паденіемъ Гарибальди при Аспромонте отъ итальянской пули. Замѣтьте особенно эту часть статьи въ Times: «городъ Неаполь былъ взятъ; городъ Флоренція былъ возмущенъ мятежнымъ движеніемъ независимо отъ королевскихъ войскъ. Почему же нельзя взять и Римъ такимъ же образомъ? Что подобное предположеніе сдѣлано вмѣстѣ и Гарибальди и Мадзини,—это доказываетъ лучше всего, въ какой опасности находится Италія, и какая строгая бдительность необходима со стороны правительства». Итакъ, вотъ планъ похода противъ Гарибальди, очень ясно очерченный! Гарибальди и Мадзини одно и тоже. Если Мадзини Мефистофель демократъ — это фраза Times,—то Гарибальди Фаустъ ея. Варезскій герой напрасно написалъ на своихъ знаменахъ: «единство Италіи и Викторъ Эммануилъ». Какъ монархіи не причислить его къ числу опаснѣйшихъ враговъ своихъ, а революціи—къ числу опаснѣйшихъ подстрекателей, если Мефистофель предполагаетъ Фауста и возбуждаетъ къ сверженію троновъ и разрушенію Европы?

Да, милостивый государь, вотъ какимъ образомъ Times хочетъ сдѣлать свою рѣчь понятною для своихъ читателей и будьте увѣрены, что она отлично знаетъ, къ какому классу людей обращается.

Послѣ этого и удивляйтесь, если письмо Гарибальди къ англійскому народу было неблагосклонно принято Times. — Кромѣ того, что это за слогъ? не могъ развѣ Гарибальди воспламенить Англію, поблагодарить за ея нравственную поддержку, выразить свою признательность безъ излишнего жара

и не прибѣгая къ страстнымъ выраженіямъ? къ чему эти пылкія изліянія, форма которыхъ кажется взята изъ словаря демагоговъ?

Въ этомъ еще Times имѣетъ въ виду публику хорошо ей извѣстную. И въ самомъ дѣлѣ, въ извѣстной сферѣ Англіи очень значительно число тѣхъ, которые всю свою жизнь стараются казаться неспособными волноваться. Чувствительность производитъ въ нихъ тошноту, и чтобы имѣть право злословить ее, они называютъ ее жеманною чувствительностію или сантиментальностію. Если вы писатель, — удержитесь отъ внушеній вашей души; они назовутъ васъ декламаторомъ. Если вы говорите въ обществѣ, — старайтесь сдерживаться и въ жестахъ походить на неподвижную статую; безъ этого въ васъ заодозритъ оратора. Нельзя ли, чтобы пульсъ вашъ бился потише? Конечно никто больше меня не уважаетъ то, что есть хорошаго въ степенности англичанъ. Мужественное достоинство ихъ наружности, солидность въ привычкахъ, сдержанность въ рѣчахъ, сила воли, съ которою они контролируютъ самихъ себя, — все это качества, предъ которыми я охотно преклоняюсь; но за то нужно, чтобы они не доводились до крайности и до того, чтобы считать ребячествомъ, аффектаціею, или притворствомъ все, въ чемъ выражается порывъ чувства и преданности. Да и было бы нелѣпно, если бы народъ хотѣлъ мѣрять всѣ другіе народы на свой аршинъ. Каждый народъ имѣетъ и долженъ имѣть свой собственный отличительный характеръ. Краснорѣчіе Юга не можетъ быть таково какъ краснорѣчіе Сѣвера; итальянца очень можно извинить въ томъ, что онъ выражаетъ свои чувства съ большею живостію, чѣмъ саксонецъ; и когда я читаю, какъ Times упорядитъ Гарибальди за страстные выраженія въ благодарственномъ письмѣ англичанамъ, — мнѣ начинаетъ казаться, что туманъ хочетъ переспорить солнце.

Мнѣ не нужно сообщать вамъ — ваши читатели уже знаютъ объ этомъ, что въ Guildhall долженъ былъ быть большой митингъ въ честь побѣжденнаго при Аспромонте; что лордъ мэръ согласился сначала дать залъ, а потомъ взялъ

свое согласіе назадъ. Основаніе, которымъ онъ прикрылъ этотъ отказъ, довольно ничтожно: такъ какъ Гарибальди уже получилъ амнистію, то не зачѣмъ спасать его внушительной манифестаціей! Какъ будто дѣло шло о спасеніи Гарибальди! Какъ будто Гарибальди нуждался въ томъ, чтобы его спасали! Какъ будто всѣ органы общественнаго мнѣнія въ Англіи не повторили ежедневно своимъ читателямъ, что вести процессъ противъ такого человѣка дѣло невозможное; что не найдется прокурора для обвиненія его, присяжныхъ — для произнесенія приговора, ни даже судей для его оправданія; что онъ долженъ отвѣчать за свои дѣйствія только предъ человѣческою совѣстію, а трибуналъ его — потомство! Вѣдь не было и не могло быть цѣлью митинга защищеніе его отъ гнѣва Ратацци. Вопросъ стоялъ выше, гораздо выше. Дѣло шло о доставленіи Англіи случая выразить на звучной трибунѣ мнѣніе Англіи о настоящемъ положеніи Италіи. Но именно этого-то и боялись салонные философы и «клубные мудрецы», непонимающіе, что величіе Англіи состоитъ именно въ правѣ говорить все, что она думаетъ. По мнѣнію этихъ глубоко-мысленныхъ государственныхъ людей у неосторожнаго оратора могло бы вырваться дурно звучащее слово о занятіи Рима или о другомъ какомъ нибудь деликатномъ предметѣ и тогда... *saveant consules!* Но если бы даже это и случилось! Развѣ одолженіе залы лордомъ мэромъ, гдѣ происходило столько различныхъ митинговъ, налагало какую нибудь отвѣтственность на правительство? Добрый Кюбиттъ, благодаря Бога, не министръ, и достоинство лорда мэра не изъ тѣхъ, у которыхъ можно потребовать отчета наморщивъ брови.

ХСІІІ.

18-го октября.

СОЧУВСТВУЮЩІЕ ЮГУ ВЪ АНГЛІИ; ИХЪ КРАЙНЕЕ ПРИСТРАСТІЕ.

Имѣютъ ли право федералисты или сѣверяне кричать и въ этотъ разъ: «побѣда! побѣда!» Правда ли, что третьяго числа этого мѣсяца федеральный генераль Розенкранцъ разбилъ въ Кориннѣ конфедератовъ или южанъ подъ командой генераловъ Прайса и Ванъ-Дорна? Правда ли, что было сильное кровопролитіе? Правда ли, что конфедераты обратились въ бѣгство, оставивъ во власти побѣдителей двѣ батареи и нѣскольکو сотъ плѣнныхъ? Вотъ что сообщаетъ намъ сегодня телеграфъ. Но хотя языкъ его ясенъ какъ день и сурово-положителенъ; но это ужасное — правда ли? тѣмъ не менѣе появилось въ значительной части англійской прессы. Вы увидите! За то если бы хоть какое нибудь частное письмо сказало: «федералисты въ полномъ бѣгствѣ; ихъ противники сдѣлали чудеса; Вашингтонъ трепещетъ!» то сомнѣніе было бы невозможно. Но чтобы федералисты одержали верхъ, — этому нельзя повѣрить! Я незнаю, чистосердечно или притворно сомнѣніе, высказываемое англичанами, приверженцами Юга, всякій разъ, когда дѣло идетъ о побѣдѣ федералистовъ; но нельзя себѣ представить, съ какимъ искусствомъ и хитростію, съ какою способностію анализировать они опровергаютъ всякую новость, противную ихъ надеждамъ. Они стараются затемнить то, что ясно, отрицать — что сомнительно, сомнѣваться въ томъ, что несомнѣнно, измѣнять побѣду въ поражение и крики триумфа на крики отчаянія. За то какими легковѣрными становятся эти большіе скептики, когда чашка вѣсовъ склоняется на сторону конфедератовъ! Какъ они умѣютъ придать въ такихъ случаяхъ малѣйшему успѣху гигантскіе размѣры! Какое влеченіе они чувствуютъ въ это время

къ гиперболамъ! Доктора держащіеся системы тѣмъ хуже относительно федералистовъ, они дѣлаются докторами тѣмъ лучше относительно конфедератовъ. Они такъ хорошо искажаютъ побѣды первыхъ и преувеличиваютъ побѣды вторыхъ, что исторія рушилась бы, если бы должна была получать отъ нихъ свѣдѣнія.

Выйдя въ прошлый вторникъ рано утромъ изъ дому, я встрѣтилъ на улицѣ двухъ знакомыхъ англичанъ; оба они партизаны Юга. Оба имѣли очень оживленный видъ. «Послушайте, кричали они мнѣ издали дрожащимъ отъ волненія голосомъ, читали ли вы Times?» — Нѣтъ. «Какъ? вы не читали сегодняшній номеръ Times?» — Нѣтъ, чтожъ изъ этого? «Что изъ этого? Цѣлый рядъ ужасовъ, отъ которыхъ у васъ волосы станутъ дыбомъ. Прочтите! прочтите! и будьте послѣ этого за Сѣверъ, если смѣете!» Я поспѣшно зашелъ къ газетчику, купилъ номеръ Times и прочелъ письмо, неподписанное, присланное однимъ англичаниномъ въ газету въ томъ видѣ, въ какомъ оно было написано дамою изъ Новаго Орлеана. Помѣтка на этомъ письмѣ была выставлена слѣдующая: «1-е сентября 1862 года, 5-й мѣсяць господства террора». Въ немъ заключается очень сильный доносъ на генерала Боттлера, выставленнаго тираномъ, которому дама дѣйствительно приписывала дѣйствія преувеличенной жестокости. «Одна дама была сослана на безвыѣздное жительство въ Ship Island за то, что засмѣялась, когда мимо ея окна проносили тѣло капитана Кея. Другая дама, креолка, на которую донесъ негръ, что она скрываетъ въ своемъ домѣ оружіе, была приговорена къ годовичному заключенію въ вышеупомянутой крѣпости, но тотчасъ же выпущена на томъ условіи, что съестъ ея дасть присягу въ вѣрности. Судья, по имени Андрьюсъ, былъ приговоренъ къ двухгодичному заключенію съ каторжной работой за то, что показалъ изображеніе въ видѣ креста и сказалъ, что сдѣлалъ его изъ кости Янки». Другіе случаи, болѣе общаго характера: обезоруживъ враждебное ему населеніе въ Новомъ Орлеанѣ, онъ вооружилъ его цвѣтное населеніе; вынуждалъ клятву въ вѣрности у всѣхъ, желающихъ выѣхать

изъ города, и говорилъ, что если его принудятъ оставить городъ, онъ обратитъ его въ пепелъ; училъ негровъ военному искусству; возбуждалъ невольниковъ жаловаться на своихъ господъ и т. д.

Я, конечно, не принадлежу къ числу тѣхъ, которые смотрятъ на справедливость какъ на дѣло случайное, признаютъ за войною право варварства и неумолимость въ виду опасности, которые, наконецъ, при выборѣ мѣръ, принимаемыхъ для блага народа, исходятъ изъ того софизма, что благо народа есть высшій законъ. Я же думаю, что все безчестное неразумно, и что самыя блестящія побѣды не могутъ быть вознагражденіемъ за зло, причиненное дѣлу употребленіемъ грубыхъ и жестокихъ мѣръ. При томъ для того, чтобы опредѣлить, гдѣ преступлена граница справедливости, нужно обратить вниманіе на всѣ подробности разбираемаго вопроса. Что же видимъ мы въ этомъ письмѣ, столь сильно взволновавшемъ партизановъ Юга? Развѣ оно не свидѣтельствуетъ о чрезмѣрной ненависти, яростномъ сопротивленіи, о вызывающихъ и оскорбляющихъ дѣйствіяхъ со стороны тѣхъ, мысли и чувства которыхъ оно выражаетъ? Вѣдь сама же дама, пишущая письмо, ставитъ въ особенную честь женщинамъ, къ классу которыхъ и она принадлежитъ, ихъ неукротимую враждебность, ихъ стараніе раздуть возстаніе, ихъ рвеніе фанатизировать войну. Вотъ далѣе ея же собственныя слова: «вы назовете это экзальтаціей; но что же дѣлать! Экзальтація въ нашей природѣ и при настоящемъ порядкѣ вещей она не можетъ уменьшиться». Позволено, конечно, не любить генерала Боттлера, но смѣяться при выносѣ мертвыхъ, совѣтовать живымъ носить вмѣсто украшенія кости Янки, хвастаясь этимъ, имѣть въ своемъ домѣ арсеналь, чтобы во время нападенія виѣшній врагъ имѣлъ помощь внутри.... просто ли это ребяческія шутки въ городѣ, находящемся въ такомъ положеніи, какъ Новый Орлеанъ, особенно когда такіа дѣйствія соединяются съ обширною системою возбужденія къ неистовству?

Кромѣ того, гдѣ доказательства того, что факты, приведенные въ этомъ письмѣ, не преувеличены? «Въ слогѣ высказы-

вается весь человекъ», сказалъ Бюффонъ; это значитъ, я думаю, что если пишетъ женщина, то «въ слогѣ высказывается женщина». Если это вѣрно, то упомянутое письмо написано такимъ образомъ, что даетъ о рассказчицѣ понятіе, дѣлающее повѣствованіе подозрительнымъ. Ужели дама, возстающая такъ сильно на генерала Боттлера, не могла написать что нибудь не совсѣмъ вѣрное? Если она убѣждена въ томъ, что Боттлеръ чудовище, то не менѣе убѣждена и въ томъ, что все народонаселеніе Сѣвера есть собраніе каналій. Она увѣряетъ, что сами предводители Сѣвера ничтожныя личности, получившіе власть отъ черни; что многіе изъ нихъ не знаютъ, кто былъ ихъ дѣдъ, а другіе не слыхали ничего отцѣ. Она видитъ въ нихъ жалкихъ людей, одинаково неспособныхъ защищать честь какъ отечества, такъ и свою собственную. Она просто называетъ ихъ подонками Европы. Она едва соглашается считать ихъ рожденными отъ женщины. Она не допускаетъ, чтобъ «джентльмены» Юга были и могли когда нибудь быть разбиты гнусною толпою работниковъ и купцовъ, называемыхъ Сѣверомъ. Она приписываетъ взятіе Нового Орлеана федералистами измѣнѣ, мятежу простыхъ солдатъ противъ ихъ офицеровъ, и тому факту, что «джентльмены» не могли быть въ одно время и въ крѣпости, и въ полѣ. Она называетъ мерзостью изъ мерзостей внушеніе неграмъ духа независимости. Она напоминаетъ, что они на одномъ митингѣ рѣшили истреблять бѣлыхъ, и этого для ней уже довольно, чтобы утверждать это какъ дѣйствительность. Она сравниваетъ неприкосновенность отпошеній хозяина къ невольнику съ святостью законовъ, устанавливающихъ военную дисциплину. Она содрогается отъ ужаса при мысли о томъ, чтобы невольникъ имѣлъ право жаловаться на владѣльнаго его тѣла и души. Одно изъ важнѣйшихъ преступленій генерала Боттлера состоитъ, по ея мнѣнію, въ томъ, что у него въ столовой не висятъ фамиліные портреты. «Онъ вышелъ изъ черни», говоритъ она. Что сказать на такое грозное разсужденіе? Понятно, въ какомъ свѣтѣ должны представляться факты такому воображенію, и какъ необходимо остерегаться

ума, руководимаго такими предубѣжденіями и находящагося подъ вліяніемъ подобной чрезмѣрной злобы.

Но приверженцы Юга не такъ смотрятъ на это. Отрицать во что бы то ни стало все, что говорятъ федералисты, вѣрить всему, что говорятъ конфедераты — вотъ ихъ логика.

Худо то, что они имѣютъ въ этой странѣ силу. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что большинство общественнаго мнѣнія будетъ на ихъ сторонѣ; кто желаетъ услышать громкіе аплодисменты, долженъ говорить въ ихъ тонѣ. Сказать ли мнѣ совершенно искренно свою мысль? Я боюсь, что Гладстонъ уступитъ искушенію поддержать свою популярность, когда недавно хвалилъ Джефферсона Девиса за то, что онъ «создалъ армію, флотъ и націю.»

Можетъ быть онъ потомъ и раскаявался въ своей слабости. Или я сильно ошибаюсь, или похвалы, которыми непрерывъ осмѣляли его и противники и приверженцы, должны были открыть ему его заблужденіе. Съ какимъ радушіемъ напр. лордъ Гэрдвикъ въ Соутамптонѣ поздравлялъ канцлера казначейства съ тѣмъ, что онъ рѣшился наконецъ объявить, что Джефферсонъ Девисъ основалъ «великую и независимую націю», преувеличивая такимъ образомъ его подлинныя слова. И съ какимъ восторгомъ сэръ Джонъ Пакингтонъ, олицетворяющій въ себѣ лучше всѣхъ другихъ основныя начала консервативной партіи, привелъ слова Гладстона, и прибавилъ, въ видѣ комментарія: «пришло время, когда не только Англія но и Франція и Россія должны предложить свое посредничество или, въ случаѣ отказа, признать Югъ!» Къ счастью оказывается, что господа эти немного поторопились, судя напередъ о намѣреніяхъ кабинета. Въ Герсфордѣ, сэръ Джонъ Корнуалль Льюисъ, государственный военный секретарь, залилъ ведромъ холодной воды огонь зажженный Гладстономъ въ Ньюкестлѣ. Но замѣчательнѣе всего то, что никакой намекъ, ни посредственный, ни непосредственный, никакой вызовъ ни серьезный, ни шуточный не могли вырвать у осторожнаго лорда Пальмерстона на различныхъ банкетахъ, гдѣ онъ присутствовалъ, ни одного слова, которое говорило бы о на-

мѣреніи правительства признать Югъ. Пусть федералисты торопятся побѣдить! Вопросъ только въ этомъ. Въ Англіи, какъ и во Франціи, какъ и вездѣ, главную роль играетъ успѣхъ.

Одно только кажется несомнѣннымъ во всякомъ случаѣ: институтъ рабства приходитъ къ концу. Еще раньше, чѣмъ стало извѣстнымъ воззваніе Линкольна, Нилъ Доу, командантъ форта Филиппа, въ Миссисипи, писалъ, что вездѣ гдѣ проходили его войска, невольничество было уничтожено фактически и сообщалъ объ этомъ предметѣ положительныя подробности. Негры слѣдуютъ за уніонистами или присоединяются къ нимъ вездѣ, гдѣ только надѣются быть хорошо принятыми. Они бы давнымъ давно огромными толпами отправились въ Новый Орлеанъ, если бы были увѣрены, что найдутъ тамъ свободу.

Такъ рушится великій аргументъ приверженцовъ невольничества, состоящій въ томъ, что негры влюблены въ свое положеніе и рѣшились не подвергаться страшному несчастію.... быть свободными!

XCIV.

19-го октября.

ОТНОШЕНІЕ ГЛАДСТОНА И СЭРА ДЖОНА КОРНУАЛЛЯ ЛЬЮИСА
КЪ АМЕРИКАНСКОМУ ВОПРОСУ.

Впечатлѣніе, произведенное въ Англіи послѣднею рѣчью Гладстона, еще продолжается, но оно измѣнилось въ характерѣ.

Съ какимъ рвеніемъ ухватились консерваторы за эти слова канцлера казначейства: «Джефферсонъ Девисъ создалъ армію, флотъ и націю!» Они уже говорятъ, что Англія готова признать Южные штаты, политика кабинета относительно Америки сказала свое послѣднее слово устами краснорѣчивѣйшаго изъ своихъ членовъ: долой Сѣверъ! да здравствуетъ Югъ! Радость лагеря торіевъ была такъ велика, что излива-

лась уже въ комплиментахъ, распространялась въ поздравленіяхъ: Гладстона публично хвалили сэръ Джонъ Пакингтонъ, восторженно цитировалъ лордъ Гэрдвикъ, оба бывшіе члены кабинета, предшествовавшаго кабинету Пальмерстона и желающаго замѣнить его!—это была довольно пикантная новость!

Но развѣ одни консерваторы торжествовали? Увы! нѣтъ, милостивый государь. Кажется я уже говорилъ вамъ и повторю: партизаны Юга въ Англіи есть вездѣ: какъ въ либеральной, такъ и въ консервативной партіи, какъ въ *Daily Telegraph*, такъ и въ *Times*, въ гостинныхъ, клубахъ и даже, хотя въ очень небольшомъ количествѣ, въ мастерскихъ! Да, странная и печальная вещь! Англія склоняется именно на сторону рабовладѣльцевъ, потому что они защитники свободной торговли, поставщики хлопка, республиканцы дурлаго сорта; она сочувствуетъ тѣмъ, которые владѣютъ людьми, какъ скотомъ! Сѣверъ имѣетъ, конечно, своихъ партизановъ, но имъ еще нужно подниматься на вершину, тогда какъ ихъ противники уже на вершинѣ. Сочувствіе къ Сѣверу представляетъ плотину, сочувствіе къ Югу—потокъ. Этимъ мы хотимъ объяснить, какъ слова Гладстона дошли до сердца народа и съ какимъ восторгомъ они были истолкованы въ смыслѣ будущаго признанія Южныхъ штатовъ. Но вотъ сэръ Джоржъ Корнуалль Льюисъ, государственный военный секретарь, въ рѣчи произнесенной имъ въ Герсфордѣ, охладилъ надежды, столь сильно возбужденныя его сотоварищемъ Гладстономъ, въ Ньюкестлѣ. Не удовольствовавшись провозглашеніемъ того, что Югъ не приобрѣлъ еще независимости, Джоржъ Льюисъ отказался допустить, чтобы Англія должна была вступить въ до тѣхъ поръ, пока не истощатся силы нападающихъ.

Нужно ли больше, чтобы доказать, что Гладстонъ говорилъ въ Ньюкестлѣ единственно отъ своего имени; что кабинетъ не пришелъ еще касательно Америки ни къ какому окончательному рѣшенію и что если онъ заключаетъ въ себѣ аристократическій элементъ, сочувствующій Югу, то элементъ этотъ не остается безъ противодѣйствія?

Остается объяснить, что могло побудить Гладстона къ внушенію однимъ ложной радости, другимъ—страшныхъ опасеній, потому что всѣ искали и думали найти въ словахъ канцлера казначейства выраженіе взглядовъ кабинета.

Объясненіе этому можно найти въ самомъ характерѣ Гладстона. Гладстонъ, въ самомъ дѣлѣ, не только государственный человѣкъ; онъ по природѣ своей литераторъ, артистъ, ораторъ. Отсюда и проистекаетъ его страсть къ аплодисментамъ. Какъ всѣ литераторы, онъ охотно вдыхалъ имиамъ, курящійся въ кадилахъ благосклонной прессы. Какъ всѣ артисты, онъ любилъ видѣть въ тренетѣ восторженныхъ слушателей доказательство своего могущества. Человѣкъ съ такимъ направленіемъ ума, но имѣющій менѣе высокую душу, сдѣлался бы очень скоро обыкновеннымъ угодникомъ общественному мнѣнію. Благодаря Бога, Гладстонъ не таковъ. Его простота спасаетъ его отъ опасности, заключающейся въ пристрастіи слишкомъ поддаваться шуму публичнаго мѣста. Между тѣмъ также несомнѣнно, что онъ безотчетно обходитъ такіе рифы, у которыхъ натуры, стоящія ниже его, непременно разбился бы. Никто съ такимъ удовольствіемъ, какъ онъ, не служитъ органомъ общественнаго мнѣнія; никто, подобно ему, не расположенъ воодушевлять желанія, выражающіяся громко и съ блескомъ; никто не закричитъ охотнѣе: впередъ народу, который уже идетъ.

Его роль легка, потому что онъ ни на что не рѣшается прежде другихъ. Онъ не скептикъ, по онъ не рѣшительнъ. А нерѣшительнъ, какъ я уже говорилъ, въ силу проицательности. Умъ его, болѣе проицательный, чѣмъ сильный, даетъ ему возможность видѣть предметъ съ разныхъ сторонъ и такимъ образомъ показываетъ ему такъ хорошо хорошую и дурную сторону каждаго дѣла, что онъ колеблется между «за и противъ», и обладаетъ твердостью убѣжденія тѣмъ меньше, чѣмъ больше у него проицательности. Удивительно ли, что онъ для того, чтобы рѣшиться на что нибудь, ищетъ внѣ себя того, чего не можетъ найти внутри. Когда общественное мнѣніе даетъ ему точку опоры, онъ счастливъ воз-

возможностью схватить ее, такъ какъ общее движеніе умовъ разрушаетъ его опасенія и даетъ ему волю.

Совершенно иной человѣкъ Джоржъ Льюисъ. Имѣя крайне критическій, холодный и разсудительный умъ, военный министръ болѣе склоненъ критиковать увлеченія общественнаго мнѣнія, нежели подчиняться имъ. Не покоряясь внушеніямъ энтузіазма, онъ не способенъ отказываться передъ толпой, апплодируетъ она или ронцетъ, отъ своего права изслѣдованія и контроля. Гдѣ Gladstone употребляетъ средство возбужденія, тамъ сэръ Джоржъ Льюисъ употребилъ средство задерживательное. Гдѣ первый дѣйствуетъ какъ шпора, тамъ второй—какъ узда. Первый, какъ всѣ перѣшительные люди, едва перестаетъ колебаться, горячо кидается на дѣло; второй, какъ всѣ хладнокровные, добивается желаемого и идетъ къ цѣли тихо и мѣрно.

Въ настоящемъ случаѣ очерченные мною люди сдѣлали именно то, чего слѣдовало ожидать отъ нихъ. Одинъ говорилъ съ увлеченіемъ, другой—съ благоразуміемъ.

А лордъ Пальмерстонъ?

Лордъ Пальмерстонъ, милостивый государь, не сказалъ ничего. Напрасно подступались къ нему тысячу разъ, чтобы заставить его проговориться, напрасно лордъ Гэрдвикъ въ Соутемптонѣ повторялъ, преувеличивая, фразу Gladstone, произведшую столько эффекта въ Ньюкестлѣ и другихъ мѣстахъ,—лордъ Пальмерстонъ, сидѣвшій за однимъ столомъ съ Гэрдвикомъ, непоколебимо прикидывался ничего не слышащимъ.

Гэрдвикъ предложилъ тостъ за здоровье министровъ, но не за ихъ политическое здоровье. Лордъ Пальмерстонъ отнесся къ этой болкості съ обычною шутливостью, говоря, что его благородному другу и сопернику нечего бояться за послѣдствіе тоста и что деревенскій воздухъ и удовольствія, отсутствіе заботъ и отдыхъ, вещи несовмѣстныя съ оффиціальной жизнью, составляютъ секретъ сохраненія здоровья; но не сказалъ того, что сэръ Гэрдвикъ хотѣлъ заставить его сказать.

Такая осторожность со стороны перваго министра не безъ значенія. Ясно, что кабинетъ не желаетъ выѣшиваться въ американскія дѣла.

Но не заставитъ ли его общественное мнѣніе рѣшиться? Этого конечно можно бы было бояться, если бы не было двухъ обстоятельствъ, разувѣряющихъ въ этомъ, именно: съ одной стороны—расположеніе англійскаго народа предоставить дѣйствовать Пальмерстону, осторожность и храбрость котораго внушаютъ всѣмъ величайшее довѣріе; съ другой — расположеніе Пальмерстона ждать и не торопиться развязкой: положеніе и политика совершенно согласныя съ природою человека, не увлекающагося ничѣмъ, смотрящаго весело на жизнь и легко на вещи, не предающагося ни глубокимъ размышленіямъ, ни высокимъ намѣреніямъ и обязаннаго популярностью, которою онъ пользуется въ Англии, тому качеству, которое цѣнится англичанами больше всѣхъ, какъ бы вульгарно оно ни казалось «крѣпкому здравому смыслу».

ХСV.

25 октябля.

СОЛИДАРНОСТЬ ОБЩЕЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ, ДОКАЗАННАЯ БѢДСТВІЯМИ ЛАНКАШИРА.

Имѣютъ уши и не слышатъ, имѣютъ глаза и не видятъ. Какимъ страшнымъ урокомъ было бы бѣдствіе Ланкашира, если бы люди, поработанные своимъ предразсудкомъ, имѣли возможность пользоваться уроками исторіи! Дѣйствительно, та мысль, что интересы націй самыхъ отдаленныхъ солидарны между собою, никогда не обнаруживалась въ фактахъ такъ рѣзко, какъ въ настоящее время. Работники Ланкашира и Чешира умираютъ отъ голода вслѣдствіе того, что гдѣ-то далеко отъ нихъ, за обширнымъ океаномъ, вооружились одна противъ другой двѣ части одной націи. Они страдаютъ и погибаютъ жертвою ошибокъ, которыя сдѣланы не ими и жертвами вражды, которую они едва понимаютъ. Америка въ теченіи многихъ годовъ вела торговлю человѣческимъ мясомъ;

она спокойно смотрѣла тысячи разъ на то, какъ текла кровь негра отъ ударовъ его хозяина; она отнимала тысячи дѣтей отъ ихъ матерей, чтобы продать ихъ, какъ скотовъ. За всѣ эти преступленія нельзя было придумать ни достаточно полнаго, ни достаточно жестокаго наказанія. Но вѣдь этому наказанію не должны были бы подвергаться англійскіе работники, погому что они были непричастны къ этимъ преступленіямъ. Такимъ образомъ виновные находятся въ Америкѣ, а невинные здѣсь; но наказаніе дѣйствуетъ и здѣсь, какъ и тамъ. На той сторонѣ океана свирѣпствуетъ пушка, а на этой голодъ.

Но что всего ужаснѣе, это то, что и по сю сторону океана, при внимательномъ изслѣдованіи, можно найти виновныхъ. Но какъ нарочно этихъ-то именно виновныхъ и не коснулось наказаніе.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Ланкаширѣ и Чеширѣ не страдали бы отъ бѣдности почти полмилліона людей, если бы главныя европейскія державы, подписавши знаменитую декларацію 1856 года, охранявшую права нейтральныхъ государствъ и признававшую столь долго оспариваемый принципъ: флагъ покрываетъ товаръ, — согласились въ тоже время запретить захватъ частной собственности на морѣ судами воюющихъ державъ, и если бы еще согласились уничтожить право блокады, исключая тѣхъ случаевъ, когда крѣпость осаждена съ суши и съ моря.

А между тѣмъ случилось вотъ что: Марси, отъ имени вашингтонскаго кабинета, предлагалъ абсолютную свободу морей, а генераль Кассъ, отъ имени того же кабинета, предлагалъ уничтоженіе блокады. На этихъ условіяхъ Америка соглашалась отказаться отъ частнаго крейсерства или корсарства и подписать декларацію 1856 года. Но англійское правительство соглашалось охотно только на то, чтобы уничтожено было корсарство, такъ какъ оно во время войны составляетъ силу американцевъ, у которыхъ торговый флотъ значителенъ, а военный, сравнительно, ничтоженъ; что же касается остальнаго, то англійское правительство не соглашалось

съ представленіями генерала Касса и Марси. Располагая самымъ страшнымъ во всемъ свѣтѣ военнымъ флотомъ, оно не хотѣло отказаться отъ права имѣть въ свое время полицейскій надзоръ надъ океаномъ и подчинить берега верховной власти своего флага.

На исковерканномъ языкѣ политики это называется быть національнымъ, быть благоразумнымъ, имѣть здравый смыслъ. Но вѣдь въ сущности дѣло не въ томъ, чтобы англичанинъ былъ англичаниномъ, французъ—французомъ, католикъ—католикомъ и т. д. Дѣло въ томъ, что нужно быть прежде всего человѣкомъ. Но англичане называютъ слабоумными тѣхъ, которые думаютъ, что политика есть наука принциповъ и которые считаютъ великими государственными людьми тѣхъ, кто подчиняется вздорной вещи, т. е. справедливости.

Однакожь, что же произошло вслѣдствіе отказа англійскаго правительства принять предложеніе Марси и генерала Касса? Много ли выиграла Англія отъ этой благоразумной, расчетливой и чисто національной политики? Вотъ результатъ ея въ нѣсколькихъ словахъ:

Порабощеніе моря хищничеству воюющихъ державъ преградило американскому хлопку доступъ къ европейскому рынку, и вслѣдствіе этого самая лучшая и самая доходная отрасль англійской промышленности была подорвана въ самомъ основаніи своемъ. Въ послѣднемъ отчетѣ Фарналя, спеціального комиссара по закону о бѣдныхъ, значитса, что изъ числа 352,240 рабочихъ, имѣвшихъ до американской войны работу въ бумаго-прядильныхъ округахъ, 143,172 совершенно остались безъ работы вслѣдствіе этой войны; а число тѣхъ, которые имѣютъ только часть работы, составляетъ около 129,414. Прибавьте къ этому женщинъ и дѣтей, и тогда окажется, что число голодающихъ въ этихъ округахъ, обыкновенно самыхъ богатыхъ и самыхъ трудолюбивыхъ въ богатой и трудолюбивой Англіи, возрастетъ до страшной цифры полумилліона.

Но ограничивается ли, по крайней мѣрѣ, этимъ все зло? Нѣтъ. Эти несчастные, неимѣющіе теперь куска хлѣба, получали до войны хорошее жалованье, и ихъ жалованьемъ

жило многочисленное население мелких торговцев, которые теперь въ свою очередь разорены и доведены до отчаянія.

А еще что? Сосчитано, что послѣ начала американской войны цѣнность товаровъ, по большей части англійскихъ, захваченныхъ въ морѣ, превышаетъ сумму въ 20 милліоновъ фунт. стерл. Потерять въ такое короткое время полмилліона франковъ, не считая того, что еще придется потерять впереди, это значитъ заплатить за благоразуміе и патріотизмъ слишкомъ дорого.

Такимъ образомъ я отъ души привѣтствую заключеніе рѣчи, произнесенной въ прошлую пятницу Кобденомъ въ торговой палатѣ Манчестера. Съ практическою геніальностію, характеризующею его, онъ предлагалъ организовать, для содѣйствія свободѣ морей, агитацію, подобную той, какую вела «лига противъ хлѣбныхъ законовъ». Нельзя же пожелать ему успѣха.

Но до тѣхъ поръ что же станетъ съ рабочими Ланкашира и Чешира? Этотъ вопросъ, трудный вообще, особенно трудно разрѣшимъ въ Англій, потому что кромѣ нея нѣтъ другой страны на свѣтѣ, гдѣ бы имѣлъ больше силы принципъ: *chacun chez soi, chacun pour soi*.

Несомнѣнно, что жители хлопчатобумажныхъ округовъ страдаютъ отъ бѣдствія, которое происходитъ отъ общихъ причинъ и приписывать которому чисто мѣстный характеръ было бы нелѣпо. Это несчастіе національное, какъ по своимъ дѣйствіямъ, такъ и по своимъ причинамъ. И однако здѣсь преобладаетъ мысль, что округа, пораженные бѣдствіемъ, сами всего лучше могутъ бороться съ нимъ. Спокойное мужество, терпѣніе и героизмъ, которые обнаруживаютъ рабочіе Ланкашира, служатъ предметомъ всеобщаго удивленія; нація гордится ими; она высказываетъ это во всѣхъ органахъ, выражающихъ ея мнѣнія: это говорятъ члены парламента, проповѣдники, ораторы на митингахъ и журналисты; но вся нація, удивляющаяся этимъ несчастнымъ, не считаетъ себя обязанной помогать этимъ несчастнымъ. Она предоставляетъ это дѣло приходскимъ сборамъ. А хотите вы знать, что даетъ

теперь такая ограниченная помощь? Среднимъ числомъ около 30 су въ недѣлю на человѣка!

Итакъ, существо, имѣющее человѣческій образъ должно за 30 су добывать себѣ цѣлую недѣлю пищу, одежду и жилище. А тутъ еще приближается зима! А между тѣмъ эти несчастные, получающіе такое мизерное пособіе, прежде были работниками, получавшими, какъ я сказалъ выше, значительное жалованье, позволявшее имъ жить если не съ роскошью, то по крайней мѣрѣ съ нѣкоторымъ комфортомъ. Но ужели они ничего не сберегли на черный день? Нѣтъ, они сберегли; но кризисъ продолжается очень долго; они истратили свое сбереженіе, продали свою мебель, заложили всѣ свои вещи; они впали въ бѣдность, сохранивши душу свободного человѣка, какъ бы для того, чтобы яснѣе чувствовать укасъ ихъ положенія. Каждому изъ нихъ даютъ 30 су въ недѣлю, какъ будто бы умирать на маломъ огнѣ не значитъ умирать, и какъ будто поддержаніе ихъ агоніи достаточно для осуществленія того принципа, торжественно принятаго англійской націей, что человѣкъ, желающій трудиться и не находящій работы, не теряетъ вслѣдствіе этого права на жизнь!

Въ числѣ моихъ друзей, я имѣю счастье считать Монктонъ Мильнза. Это человѣкъ съ воображеніемъ, съ умомъ, человѣкъ свѣтскій и, что важнѣе всего, превосходный человѣкъ. И однакожь на митингѣ, бывшемъ въ прошлую среду въ Понтефрактѣ, Монктонъ Мильнзъ, болѣе чѣмъ кто либо сочувствующій голодающимъ бѣднякамъ Лапкашира, прямо высказался противъ всякой системы національной помощи имъ.

Это замѣчательный фактъ. Пусть вмѣшивается въ дѣло частная благотворительность, пусть ее поддерживаютъ и возбуждаютъ,—этого Монктонъ Мильнзъ горячо желаетъ. Пусть не даютъ умереть людямъ, которые заслуживаютъ жизни,—это онъ требуетъ съ благороднымъ жаромъ. Но онъ не желаетъ, чтобы правительство сдѣлало что нибудь больше противъ того, что оно уже сдѣлало, если только не принудить къ этому какая-нибудь неизбѣжная крайность. Принципъ, на которомъ основывается законодательство о бѣдныхъ, не дол-

женъ быть нарушаемъ. Каждый приходъ долженъ содержать своихъ бѣдныхъ. Однако же нація вмѣшивалась въ дѣло во время ирландскаго голода. Это ничего не значить; Монктонъ Мильнзъ не хочетъ, чтобы руководились бывшими примѣрами и приводить для этого весьма странное основаніе. Ирландскій голодъ, по его словамъ, былъ временнымъ несчастіемъ, тогда какъ кризисъ, тяготящій надъ Ланкаширомъ, грозитъ имѣть результаты продолжительные и постоянные. Да, результаты этого кризиса будутъ продолжительны и постоянны, если противъ нихъ не примутъ мѣръ. Мертвые не воскреснутъ.

ХСVI.

26 октября.

КОВДЕНЪ И ПРАВО БЛОКАДЫ.

Въ прошлую пятницу Ковденъ произнесъ на многочисленномъ митингѣ въ Манчестерѣ рѣчь, которая, я полагаю, должна сдѣлать эпоху.

Митингъ былъ собранъ для разсужденія о настоящихъ международныхъ морскихъ законахъ, по отношенію ихъ къ положенію бумагопрядильныхъ округовъ въ Англіи.

Положеніе это ужасно. Изъ 352,240 отцовъ семействъ, жившихъ работой на бумажныхъ мануфактурахъ, въ настоящее время на половину работаютъ 129,414 и 143,172 вовсе не работаютъ. По крайней мѣрѣ полмилліона человѣческихъ существъ, если считать женщинъ и дѣтей, живутъ—если это только можно назвать жизнью—между милостынею и голодомъ. Около тридцати су въ недѣлю на человѣка, — вотъ все, что можетъ удѣлять этимъ несчастнымъ приходская благотворительность, согласно съ требованіемъ закона о бѣдныхъ въ Англіи. Сколько слезъ заключается въ подобныхъ цифрахъ!

Вотъ каково положеніе вещей. Что же касается до причинъ, то кому же онѣ неизвѣстны? Война въ Америкѣ раз-

зорпла бѣдныхъ ланкаширскихъ работниковъ, заставляетъ ихъ голодать, доводитъ ихъ до отчаянія и убиваетъ ихъ навѣрняка, подобно пушкѣ и развѣ только съ большею жестокостью.

Развѣ американская война не могла обойтись безъ этихъ плачевныхъ результатовъ? Развѣ между причиной и послѣдствіемъ существовала необходимая и роковая связь? Существовала. А почему? Потому единственно, что существующее въ настоящее время «международное право» есть не болѣе какъ остатокъ идей, обычаевъ и правовъ временъ варварства; потому что еще до сихъ поръ, несмотря на столь восхваляемый успѣхъ просвѣщенія, принято правило, что когда двумъ націямъ вздумается начать войну, то всѣ остальные націи должны страдать отъ этой ссоры; потому что еще до сихъ поръ считается справедливымъ—чудовищное дѣло—чтобы интересъ воюющихъ націй преобладать надъ интересомъ мирныхъ націй; потому что еще въ этомъ вѣкѣ пара, электричества и всего, что содѣйствуетъ сближенію разрозненныхъ членовъ великаго человѣческаго семейства, сила пользуется тѣмъ уваженіемъ, которымъ долженъ былъ бы пользоваться, но не пользуется трудъ; потому что еще не дошли до пониманія того, что море, подобно воздуху и солнцу, принадлежить всѣмъ народамъ равно; потому что великій вопросъ свободы морей ждетъ еще своего окончательнаго рѣшенія; потому наконецъ, что правительства еще не имѣли настолько разсудительности, чтобы согласиться и вычеркнуть изъ международного кодекса право блокады торговыхъ портовъ.

Кобдену, который ненавидитъ войну болѣе, нежели его другъ Мильнеръ Гибсонъ и почти столько же, сколько его другъ Брайтъ, отчаянное положеніе Ланкашира доставило, хотя и плачевный, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма благоприятный случай для того, чтобы доказать, до какой степени разорительно, несправедливо и бессмысленно право блокады воюющими націями торговыхъ портовъ. Кто въ состояніи лучше его представить въ полномъ свѣтѣ подобный предметъ? Но, если говорить правду, то я долженъ сознаться, что демонстрація не очень соотвѣтствовала моимъ ожиданіямъ. Рѣчь

его, несмотря на свою длину, далеко не исчерпала всего пред-предмета, потому что вопросъ былъ разсматриваемъ только съ одной стороны и съ слишкомъ узко практической точки зрѣнія. Подобно всѣмъ людямъ, которые отличаются умѣньемъ понимать факты, Кобденъ не отдаетъ себѣ полнаго отчета въ принципахъ и у него не хватаетъ иногда возвышенности даже въ то время, когда онъ проповѣдуетъ самыя возвышенныя идеи.

Но то, что составляло бы серьезный недостатокъ во Франціи — этой странѣ обобщенія — оказывается достоинствомъ въ Англіи, гдѣ способность къ анализу дѣлится гораздо выше синтеза. Кобденъ знаетъ это, и это-то самое по всей вѣроятности побудило его избрать именно тѣ самыя аргументы, съ помощію которыхъ онъ оснаивалъ въ прошлую пятницу приложеніе права блокады въ военное время къ мирной области труда.

Вотъ въ чемъ заключалось его доказательство. Я резюмирую его сейчасъ и надѣюсь, что оно не потеряетъ отъ этого.

«Вы первая морская держава, сказали онъ англичанамъ, изъ всѣхъ существующихъ въ свѣтѣ; поэтому-то самому вы полагаете, что вашъ интересъ требуетъ удерживать за собою право блокировать вашими кораблями непріятельскія берега въ военное время. Но развѣ вы не видите, что этимъ самымъ вы требуете права дѣйствовать острымъ оружіемъ, которое вы не можете держать въ рукахъ своихъ безъ того, чтобы не поранить себя? Положимъ, что вы ведете войну съ Россіею. Вы получаете отъ нея пеньку, ленъ, сало, сѣмена: какая вамъ будетъ прибыль, если вы запретите эти жизненные принадлежности, безъ которыхъ вамъ трудно обойтись въ странѣ, которая доставляетъ вамъ ихъ? Что случилось во времена Крымской войны? Развѣ Франція и Англія, соединившись противъ русскихъ, поторопились блокировать Черное и Азовское море? Нѣтъ, онѣ имѣли благоразуміе не сдѣлать этого. Урожай былъ плохъ въ Англіи, и въ особенности во Франціи. Поэтому было бы крайнимъ безуміемъ со стороны обѣихъ

странъ прервать беззаботно возможность получать запасъ хлѣба. Онѣ поняли это и удержались отъ приведенія въ дѣйствіе столь вреднаго для нихъ права. Война началась въ мартѣ 1854 года, а торговое запрещеніе было наложено на порты Азовскаго и Чернаго моря только въ 1855 году. Не правда ли послѣ этого, что право блокады можетъ быть скорѣе гибельно для державы, приводящей его въ дѣйствіе, нежели для той, которая подвергается блокадѣ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Потому что характеристическая черта торговыхъ связей между различными народами заключается во взаимности этой связи. Нація, которая подобно Англіи держитъ въ торговой зависимости всѣ остальные націи, этимъ самымъ ставитъ себя въ зависимость отъ всѣхъ остальныхъ націй. Чѣмъ болѣе работаетъ она, тѣмъ болѣе нуждается она въ сырѣ, въ сбытѣ и въ потребителяхъ: какой же можетъ быть у нея интересъ затруднять навигацію? И съ чему ей наносить удары непріятелю, удары, отъ которыхъ ей же самой придется страдать? Къ тому же изобрѣтеніе желѣзныхъ дорогъ положило предѣлъ морской тиранніи, слишкомъ долго продолжавшейся при системѣ блокады. Если бы Англіи пришлось воевать въ настоящее время съ Франціею, то какимъ бы способомъ Англія могла помѣшать Франціи получать черезъ Роттердамъ или Гамбургъ тѣ товары, которые она получаетъ въ мирное время черезъ Марсель или Гавръ? Еслибы англійскіе корабли вздумали блокировать всѣ берега Франціи и еслибы эти блокады оказались дѣйствительны, то и въ такомъ случаѣ онѣ бы ничего не значили. Гроціусъ, Ваттель и Пуффендорфъ не имѣли въ виду генія Уатта, въ то время, когда составляли свои ученые трактаты. Но однако пора бросить старину! Предоставимъ наконецъ море свободной навигаціи, труду и миру; пора отнести себя наконецъ къ настоящему столѣтію и въ дѣйствительности принадлежать ему.»

Таково было въ сущности содержаніе рѣчи Коблена.

Онъ, какъ видите, прежде всего постарался установить ту мысль, что Англія вовсе не имѣетъ нужды, какъ она это полагаетъ, поддерживать право блокады въ его самомъ обшир-

номъ, въ самомъ абсолютномъ и въ самомъ строгомъ смыслѣ слова. Этотъ способъ постановки вопроса дѣйствительно самый лучший въ странѣ подобной Англіи. Англія не сантиментальна по природѣ. Филантропическіе мотивы вообще не трогаютъ ее. Для того чтобы убѣдить ее, необходимо нужно ясно доказать ей, что выигрываетъ она, если убѣдится. И въ данномъ случаѣ это было необходимѣе всего. Потому что затрогивая основы, на которыя опиралось морское владычество Англіи, Кобденъ рѣшался, говоря къ чести его, на рискованную попытку.

«Морская держава подобная Англіи», говорилъ лордъ Пальмерстонъ 3-го февраля 1862 года, «не должна упускать изъ рукъ никакого средства для ослабленія своего непріятеля на морѣ.» Задолго до лорда Пальмерстона знаменитый Питтъ, защищая право осмотра, воскликнулъ при всемъ парламентѣ: «я готовъ скорѣе вернуться въ складки нашего флага и искать славы въ глубинѣ могилы, чѣмъ дозволить нейтральному флагу покрывать непріятельскій товаръ.»

Такъ думаетъ, чувствуетъ и говоритъ вся Англія. Судите по этому, какова была смѣлость Кобдена, когда онъ рѣшился сказать публикѣ: «пора организовать здѣсь для содѣйствія абсолютной свободѣ морей агитацію подобную той, какую вела лига противъ хлѣбныхъ законовъ».

Подобное предложеніе, сдѣланное въ Англіи англичаниномъ, лучше всего доказываетъ, что въ исторіи существуетъ тайная сила, уничтожающая слѣпой эгоизмъ отдѣльныхъ личностей. Какъ ни недостаточна можетъ казаться рѣчь Кобдена въ глазахъ опытнаго критика, тѣмъ не менѣе, она болѣе нежели рѣчь, болѣе нежели актъ: она знаменіе времени.

СХVII.

1-го ноября.

ПРИЗНАНІЕ ЮГА, ОСПАРИВАЕМОЕ КОБДЕНОМЪ.

Еще рѣчь Кобдена и весьма замѣчательная!

На этотъ разъ знаменитый организаторъ лиги противъ хлѣбныхъ законовъ говорилъ въ Рочдэлѣ передъ тѣмъ, которые послали его въ палату общинъ. Зала, вмѣщающая 3,000 человѣкъ, была полна народа. Сбѣжалось множество мануфактуристовъ. Работники присутствовали массами. Городской мэръ былъ предсѣдателемъ. Лица выражали живѣйшее волненіе. Кобденъ долженъ былъ говорить о причинахъ великаго бѣдствія, разразившагося надъ Рочдэлемъ точно также, какъ и надъ множествомъ другихъ городовъ сѣверной Англіи!

Кобденъ обладаетъ весьма сильнымъ умомъ. Онъ не владеетъ правда общими способностями пріятнаго и вѣстѣ съ тѣмъ мягкаго краснорѣчія Гладстона, ни увлекающимъ геніемъ Брайта, ни спокойною, убѣдительною ясностію лорда Пальмерстона, ни жестокимъ и сардоническимъ талантомъ Дизраели, ни пропитательною важностію графа Росселя, ни тонкостію Мильнера Гибсона; но за то какъ повелительно онъ распоряжается фактами! Какъ ловко представляетъ онъ ихъ! И какъ умѣетъ онъ извлекать изъ нихъ все, что служить подтвержденіемъ его тезиса!

Къ несчастію умъ Кобдена при всей его силѣ далеко не такъ разностороненъ, гибокъ и возвышенъ. Это человѣкъ идеп по преимуществу. Идея его благородна, велика и справедлива; но Кобденъ всегда рискуетъ уронить ее вслѣдствіе того, что не придаетъ никакого значенія другимъ идеямъ, тоже заслуживающимъ вниманія. Что касается меня, то признаюсь, я никогда не одобрялъ того правила: *Timeo hominem inius libri*. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь всѣ вопросы взаимно другъ

друга уясняютъ, и я сомнѣваюсь, чтобы можно было вполне овладѣть однимъ вопросомъ, когда вниманіе исключительно и систематически сосредоточивается только на немъ одномъ. Но въ этомъ-то и погрѣшаетъ Кобденъ. Интересъ торговли и миръ какъ наилучшее средство для ея процвѣтанія, — вотъ кругъ, изъ котораго онъ положительно не можетъ выйти. Не говорите ему о плачевной правдѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очевидной необходимости, въ которую народъ можетъ быть поставленъ, изыскивая средства къ защитѣ въ то время, когда ему постоянно угрожаютъ сосѣднія или соперничающія съ нимъ націи: укрѣпленія, пушки, порохъ, ружья, положительно наводятъ на него дурноту; и онъ ни за что на свѣтѣ не хочетъ помириться съ ними. Не говорите ему о знаменитой аксомѣ: *Si vis pacem, para bellum*; по его мнѣнію для того, чтобы отдалить войну, лучше всего игнорировать ея опасность.

Разъ допустивши, что человѣческія страсти не существуютъ и что мы существа управляемые чистымъ разумомъ, Кобденъ превосходно доказываетъ, что если люди будутъ обмѣниваться продуктами производства, то имъ и въ голову не придетъ вести пушечную перестрѣлку, и что послѣдняго рода сношенія весьма безсмысленны. Но что же прикажете дѣлать, когда въ васъ цѣлятся? Отмѣривать сукно? Для того, чтобы жить въ мирѣ, левъ и овца, по выраженію одного изъ здѣшнихъ листовъ, должны по теоріи Кобдена условиться обмѣниваться другъ съ другомъ, одинъ излишкомъ гривы, а другая излишкомъ шерсти. Овца разумѣется согласится на такое пріятное для нея условіе; но пойдите убѣдите льва!

Самое сильное впечатлѣніе производитъ первая половина рѣчи произнесенной Кобденомъ въ Рочдэлѣ; но за то вовсе не убѣдительна вторая половина. Почему? Потому что въ первой половинѣ своей рѣчи ему не приходилось выходить изъ своихъ данныхъ, а во второй пришлось.

Весьма вѣроятно, что отчаянное положеніе бумагопрядильныхъ оуруговъ въ Англіи происходитъ отъ приведенія въ дѣйствіе права блокировать торговые порты; но вѣрно также и

то, что американское правительство предлагало уничтожить это варварское и бессмысленное право гораздо ранѣ настоящей войны и что англійское правительство не согласилось на это; и потому теперь Англія несетъ только наказаніе за свою непредусмотрительность и за свою эгоистическую политику. Весьма вѣроятно также, что признаніе Англіею Южныхъ штатовъ нисколько не поможетъ дѣлу. Развѣ Сѣверъ перестанетъ блокировать порты Юга оттого, что Югъ будетъ признанъ? И не подумаетъ перестать. И хлопокъ по этому случаю никакъ не вернется на дорогу, запертую для него войною.

Но если бы признаніе сопровождалось громкимъ требованіемъ, чтобы Сѣверъ сложилъ оружіе, если не хочетъ быть принужденъ къ этому силою въ случаѣ отказа; то въ такомъ случаѣ признаніе это имѣло бы смыслъ. Но развѣ Англія готова подвергаться подобнымъ случайностямъ? Вопросъ этотъ, нужно сознаться, былъ поставленъ Кобденомъ съ большимъ умѣньемъ; и онъ безъ труда доказалъ ту мысль, что война объявленная Англіею Сѣверной Америкѣ въ настоящую минуту была бы чистымъ безуміемъ. Дѣло въ томъ, что еще въ то время, когда число жителей Америки не превышало 2,500,000, она сдѣлала сладить съ Англіею. А теперь? Напрасно возражаютъ намъ, что у Сѣвера и безъ того гражданская война на рукахъ: исторія доказываетъ, что избытокъ энергіи придаютъ въ подобныхъ случаяхъ народу сильное отращеніе отъ чужаго вмѣшательства. Развѣ сердце Франціи не разрывалось самой жесточайшей гражданской войною въ то время, когда она нашла въ своемъ отчаяніи силу подавить коалицію цѣлой Европы? Развѣ въ то время не поднялась судорожно Вандея? Развѣ бунтъ не охватилъ всего Юга? Развѣ пламя не охватило Ліонъ, второй городъ въ королевствѣ? Развѣ почва Франціи не была вся подкопана заговорами? Не стануть ли отвѣчать на это тѣмъ, что подобныя чудеса возможны только однажды? Сомнительно.

Сѣверъ оказалъ такую непобѣдимую силу воли въ своей борьбѣ съ Югомъ, такой неистощимый источникъ средствъ, что

нужно имѣть большую смѣлость для того, чтобы напередъ назначить границу усиліямъ подобнаго народа, защищающаго свою жизнь и доведеннаго до бѣшенства. Кобденъ справедливо замѣтилъ, что вооруженное вмѣшательство въ дѣла Америки неизбежно поведетъ къ тому, что положить конецъ раздору партій, ослабляющему Сѣверъ, и увеличить во сто разъ его рвеніе.

И потомъ, если бы 8 или 10 милліоновъ жителей, населяющихъ долины Миссисипи, если бы штаты Огеію, Мичиганъ, Индіаны, Иллинойсъ, Іова, Висконсинъ, Миннезота захотѣли продолжать войну; то ужели было бы легко вооруженному вмѣшательству дойти до нихъ, пройти вдоль такую рѣку какъ Миссисипи и принудить ихъ къ миру? Во всякомъ случаѣ невѣроятно, чтобы дешевизна предпріятія могла вознаграждать за его опасности; не гиперболу сказалъ Кобденъ, восклицая: «Идти съ саблею въ рукахъ за хлопкомъ! Боже мой! Но вѣдь это дешевле будетъ кормить всѣ бумагопрядильные округа черепашимъ супомъ, шамнанскимъ и дичью.»

Но есть еще часть рѣчи, о которой я долженъ отозваться съ похвалою, прежде нежели перейду къ тому, что въ ней заслуживаетъ порицанія. Кобденъ жестоко напалъ на лорда Пальмерстона; онъ упрекалъ его за то, что онъ вовсе не принадлежитъ той партіи, въ главѣ которой стоитъ; онъ не безъ горечи замѣтилъ, что не исполнено ни одно изъ тѣхъ обѣщаній, которыя были сдѣланы первымъ министромъ при вступленіи его въ должность и онъ объявилъ о своемъ намѣреніи разойтись съ правительствомъ, если обѣщанныя реформы останутся мертвыми буквами. Дѣйствительно, вѣрно то, что лордъ Пальмерстонъ есть торъ, призванный, по странной случайности, руководить вигами. Изъ этого выходитъ по удачному выраженію Кобдена, что консерваторы принимаютъ участіе во власти, не участвуя въ министерствѣ. Они пользуются выгодами власти, не неся на себѣ ея отвѣтственности. Подобное положеніе черезъ чуръ ненормально; оно извращаетъ представительныя учрежденія.

Я откладываю до завтра пересмотръ остальной части рѣчи Кобдена, потому что боюсь обременить столбцы вашей газеты.

ХСVIII.

1-го ноября.

КОБДЕНЪ НЕ БОИТСЯ ТОГО, ЧТО СТРАШИТЬ АНГЛИЧАНЪ.

Если бы вамъ было извѣстно, что человѣкъ, живущій съ вами рядомъ стѣна о стѣну, находитъ удовольствіе курить трубку на боченкѣ съ порохомъ, то я увѣренъ, что васъ стало бы безпokoпѣть его дѣйствіе. Пусть онъ васъ увѣряетъ, что у него нѣтъ никакихъ дурныхъ умысловъ, что у него нѣтъ никакой охоты взорвать домъ, да и предполагать это бессмысленно, такъ какъ онъ сталъ бы первою жертвою: если я не сильно ошибаюсь, то эти прекрасныя заявленія и могучая логика не достигнутъ желаннаго дѣйствія до тѣхъ поръ, пока будетъ стоять у него боченокъ съ порохомъ и около него зажженная трубка.

Я вамъ скажу теперь, что и французская армія отъ 5 до 600,000 человѣкъ, готовая пуститься въ путь сегодня или завтра, по мановенію руки одного человѣка, по движенію его глазъ или бровей, представляется Англіи почти столь же значительною опасностью и притомъ не менѣе важной чѣмъ та, о которой я только что говорилъ. Вотъ этого-то не въ состояніи понять Кобденъ, ослѣпленный своей *idée fixe*: миръ во что бы то ни стало въ видахъ свободной торговли.

Было время, и весьма недавно, когда Кобденъ, либераль весьма искренній, положительно не довѣрялъ императорскому правительству. За тѣмъ Кобденъ побывалъ во Франціи; былъ тамъ хорошо принятъ офиціальными властями; списходительные руки отворили ему настежь двери арсеналовъ; ему позволили посѣтить верфи; онъ по своему желанію могъ

близко слѣдить за движеніемъ портовъ; онъ вошелъ въ сношенія съ Мишель Шевалье; онъ фамиллярно бесѣдовалъ съ императоромъ. Что еще привезъ онъ изъ своего путешествія на ту сторону Ла-Манша? Поистинѣ великую вещь: торговый трактатъ между Франціею и Англіею, въ которомъ почетное мѣсто занимаетъ дорогой для Кобдена принципъ,—принципъ свободнаго обмѣна, торжество котораго составляло мечту всей его жизни. Все это совершенно измѣнило всѣ понятія англійскаго экономиста объ имперіи. Съ тѣхъ поръ онъ видитъ въ Наполеонѣ только своего ученика.

Въ настоящее время довѣріе Кобдена дошло до того, что онъ положительно увѣренъ, что вѣнценосный приверженецъ свободной торговли такъ далекъ отъ всякихъ воинственныхъ мыслей, что слушая его, Англіи бы слѣдовало, не мѣшая ни минуты, скрыть свои крѣпости, расплавить свои пушки, распустить свою милицію, замѣнить свои линейные корабли торговыми кораблями и насмѣхаться надъ волонтерами. Онъ никакъ не можетъ простить англичанамъ того, что они берутъ предосторожности противъ опасности нападенія, которое они считаютъ если не положительно вѣрнымъ, то весьма возможнымъ. И никакъ не можетъ онъ простить лорду Пальмерстону того, что въ этомъ отношеніи онъ раздѣляетъ опасенія своихъ соотечественниковъ.

Еще во время послѣдней парламентской сессіи, Кобденъ довольно жестоко нападалъ на перваго министра за то, что тотъ будто бы поддерживаетъ въ умахъ химерическое опасеніе вторженія, тратитъ деньги Англіи на безполезныя вооруженія, и пользуется своей популярностью для того, чтобы внушать смѣшныя ужасы. Зачѣмъ тратитъ столько милліоновъ фунтовъ стерлинговъ на армію, на мореплаваніе, на укрѣпленія и на защиту береговъ? Какъ будто бы вторженіе есть что нибудь другое, а не вѣтряная мельница въ родѣ тѣхъ, съ которыми сражался Донъ Кихотъ! Какъ будто не безумно предположить возможность непріязненныхъ намѣреній со стороны приверженца свободной торговли, Наполеона! Какъ будто бы онъ не заявлялъ тысячу разъ свои миролюбивыя

намѣренія! Онъ, императоръ французовъ, дойдетъ ли когда нибудь до того, чтобы поднять оружіе противъ Англіи! Рассказывайте это другимъ! Если лордъ Пальмерстонъ и притворялся, будто вѣрить возможности нападенія, то онъ имѣлъ на это свои собственные причины. Не находилъ ли онъ въ своихъ искусно поддерживаемыхъ опасеніяхъ ловкаго средства скрывать несообразности своей политики и казаться великимъ патриотомъ?

Такъ говорилъ Кобденъ въ концѣ парламентской сессіи и съ горечью присовокупилъ: «лордъ Пальмерстонъ, одинъ, стоитъ англійскому народу 100,000,000 фунтовъ стерлинговъ. Какія бы ни были заслуги благороднаго лорда, это немного дорого!»

Этотъ же тезисъ былъ высказанъ Кобденомъ въ рѣчи произнесенной имъ въ Рочдэлѣ. Съ воодушевленіемъ, смѣшаннымъ съ горечью, онъ нападаетъ въ этой рѣчи на опасенія, которыя возбудили въ Англіи вооруженія Франціи, начавшіяся съ учрежденіемъ имперіи, и, по своему обыкновенію, выводитъ съ самаго начала на поле битвы цифры.

Доказавши, что въ 1835 г. подъ управленіемъ сэра Роберта Пилля и герцога Веллингтона сухопутныя и морскія силы Великобританіи стоили не болѣе 12,000,000 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, Кобденъ замѣчаетъ, что на эти же самыя предметы въ настоящее время тратится почти вдвое, т. е. до 30,000,000 фунтовъ стерлинговъ. И послѣ этого онъ торжественно восклицаетъ: «Что же это значитъ? Развѣ герцогъ Веллингтонъ и сэръ Робертъ Пиль были дурными патриотами?»

Совѣмъ нѣтъ, мистеръ Кобденъ; сэръ Робертъ Пиль и герцогъ Веллингтонъ не были дурными патриотами. Но есть одна вещь, о которой вамъ слѣдуетъ напомнить, потому что вы совершенно ее забыли.

Въ 1835 году Франція была конституціоннымъ государствомъ. Парламентъ созданный для того, чтобы говорить, говорилъ. Пресса не носила оковъ. По ту сторону пролива существовало общественное мнѣніе, которое можно было спра-

шивать и которое имѣло право отвѣчать. Въ ту эпоху нельзя было объявить войны безъ длинныхъ разсужденій въ журналахъ и палатахъ. Нельзя было объявить ее безъ несомнѣннаго согласія на нее страны. Слѣдовательно Англія имѣла всѣ возможныя средства наблюдать пульсъ французской націи и узнать впередъ, чего можно было надѣяться и чего опасаться, имѣла возможность устранить опасность, или приготовиться къ ней. Тогда нельзя было бояться съ ея стороны сюрпризовъ, неожиданныхъ ударовъ. Она не была подчинена челоуѣку, безъ всякихъ правилъ, кромѣ своего собственнаго произвола, вездѣ разжигавшему пламя. Кто не помнитъ молніеносной скорости, съ которою Франція перешла изъ мирнаго положенія къ войнѣ, когда французскому императору пришла фантазія показать австрійцамъ, какъ зуавы убиваютъ людей? Нѣсколькихъ жесткихъ словъ, сказанныхъ императоромъ и обращенныхъ къ австрійскому посланнику, было достаточно для потрясенія Европы; и послѣдствія доказали, что она волновалась не напрасно, потому что едва ли громъ слѣдуетъ быстрой за молніей, чѣмъ за этими словами послѣдовала война. Было ли бы это возможно въ 1835 году? Итакъ въ то время герцогъ Веллингтонъ и сэръ Робертъ Пиль имѣли полное право беззаботно спать; а теперь лордъ Пальмерстонъ не считаетъ возможнымъ сдѣлать это, не грѣша противъ благоразумія.

Кобденъ, говоря, что англичане не должны были тревожиться вооруженіями Франціи, сознается самъ, что въ 1835 году расходы французскаго правительства на верфяхъ состояли изъ 343,032 фунтовъ стерлинговъ, между тѣмъ какъ въ 1859 году они доходятъ до 772,931 фунта стерлинговъ. Это увеличеніе стоитъ того, чтобъ объ немъ подумать. Правда въ соотвѣтствующій періодъ времени усилія Англіи были еще значительнѣе, потому что ея расходы на верфяхъ возвысились отъ 376,377 фунтовъ стерл. до 1,582,112 фунтовъ стерлинговъ. Но что слѣдуетъ изъ этого? То, что Англія не отказывается ни отъ какихъ пожертвованій для своей защиты, — до такой степени сильны ея опасенія, такъ глубоко ея недовѣріе. Иначе и быть не можетъ. Только вопросъ не въ этомъ.

Нужно знать, права она или нѣтъ въ томъ, что стоитъ насторожѣ. Но въ Англіи, можетъ быть, только два человѣка, Кобденъ и знаменитый квакеръ, его другъ Брайтъ, думаютъ не такъ, какъ лордъ Пальмерстонъ.

И это объясняется очень просто. Страна, гдѣ все открыто, не можетъ довѣряться странѣ, гдѣ все темно. Правительство, отдающее и обязанное отдавать отчетъ странѣ въ своихъ мысляхъ, не можетъ довѣряться правительству, котораго намѣренія—тайна и источникъ которыхъ находится въ мозгу только одного человѣка. Напрасно Наполеонъ будетъ расточать миролюбивыя увѣренія, напрасно Кобденъ будетъ гарантировать искренность этихъ увѣреній: противъ нихъ говоритъ фактъ болѣе значительный, чѣмъ всѣ заявленія и всякія увѣренія: Франція находится подъ управленіемъ одного человѣка. Никто не осмѣлится поручиться, что намѣренія государя, располагающаго по своему произволу 600,000 солдатъ, миролюбивыя сегодня, не сдѣлаются воинственными завтра. Вотъ чего не боится Кобденъ, и что страшитъ Англію. [Поэтому послѣдняя даетъ ему говорить, даже одобряетъ его, когда онъ не бранитъ ее за благоразуміе; но она слѣдуетъ только за тѣми, которые говорятъ ей по примѣру Кромвеля «надѣйтесь на Бога, а держите оружіе наготовѣ....»

XCIX.

5-го ноября.

ВАКАНТНЫЙ ПРЕСТОЛЪ; КАНДИДАТУРА ПРИНЦА АЛЬФРЕДА.

Недавно совершившаяся революція въ Греціи естественно произвела живое впечатлѣніе на Грековъ, живущихъ въ Лондонѣ. Число ихъ не очень значительно; но все это очень дѣятельные, энергичные, предприимчивые, дѣловые люди; стало быть богатые люди. Въ этомъ отношеніи они образуютъ здѣсь классъ, вліяніемъ котораго нельзя пренебрегать. Торговля

зерновымъ хлѣбомъ, а также левантская перевозная торговля находится отчасти въ ихъ рукахъ, а потому все что только можетъ касаться до восточнаго вопроса, интересуеть ихъ вдвойнѣ, какъ купцевъ и какъ патріотовъ.

Во время крымской войны ихъ симпатіи были безъ сомнѣнія на сторонѣ Россіи и они даже не скрывали этого. Дѣло доходило до того, что биржа и Маркъ-Ленъ взволновались. Немногого не доставало для того, чтобы греческіе купцы подвергались личнымъ оскорбленіямъ, потому что они слишкомъ живо являли свои симпатіи къ государству, съ которымъ воевалъ англійскій народъ! Какъ они будутъ держать себя по укрѣпленіи греческой революціи? Это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ.

Но вѣрно то, что здѣшніе греки въ настоящій моментъ расположены въ пользу Англіи и обрадованы тѣмъ, что престолъ Оттона наконецъ свободенъ. Имъ было бы пріятно, еслибъ этотъ тронъ былъ занятъ принцемъ Альфредомъ. Они думаютъ, что выборъ принца изъ королевскаго англійскаго дома, кромѣ того, что гарантировалъ бы поддержку конституціонной свободы въ ихъ странѣ, обезопасилъ бы для нихъ нравственную, если не матеріальную, помощь могущественной націи для новой и блестящей судьбы, о которой они уже мечтаютъ для Греціи. Сверхъ того они думаютъ, что подаривши корону англійскому принцу, греки будутъ имѣть возможность настаивать на возвращеніи Іоническихъ острововъ, которымъ Англія продолжаетъ покровительствовать, вопреки ихъ желанію и не смотря на то, что они непрестанно повторяютъ:

*Mais moi, si je veux qu'on me batte? *)*

Но какъ бы то ни было, мысль о кандидатурѣ принца Альфреда пользуется не очень большимъ успѣхомъ въ Англіи. И во первыхъ это предложеніе кажется не очень лестнымъ. Я слышалъ, какъ жители этого чудовищнаго города, называемаго Лондономъ, говорили пожимая плечами: «прекрасный по-

*) Но развѣ я хочу, чтобы меня били?

дарокъ дѣлають младшему сыну нашей королевы: — государство, населеніе котораго едва-ли равняется съ населеніемъ нѣкоторыхъ изъ лондонскихъ приходоу!» Но не въ этомъ состоятъ серьезные доводы. Существуютъ темныя опасенія, что Англія съ принцемъ Альфредомъ на греческомъ тронѣ, будетъ вовлечена болѣе, чѣмъ бы ей хотѣлось, въ запутанный восточный вопросъ.

Англія желаетъ всего болѣе и имѣетъ интересъ желать сохраненія бѣдной турецкой имперіи, которую всегда готова поглотить Россія. Когда англійскій путешественникъ встрѣчаетъ на южныхъ дорогахъ Россіи столбы съ надписью: «въ Стамбуль», то онъ съ чувствомъ ужаса и страха читаетъ: «въ Индію».

Можетъ придти моментъ, когда покровительствовать разомъ Турціи и Греціи, полумѣсяцу и кресту, будетъ дѣломъ нелепымъ. Невозможно, чтобы обновленная Греція сильно не желала освободить изъ подъ турецкой власти Грековъ, населяющихъ Албанію и Фессалію и также невозможно, чтобы Турція безъ принужденія согласилась уступить эти богатыя провинціи.

Такое положеніе заключаетъ въ себѣ начало значительныхъ затрудненій. Это уже доказывается тѣмъ, что при первомъ извѣстіи о греческой революціи Турція послѣдила отъправить войско къ границамъ Албаніи. Прибавьте къ этому то, что русскіе агенты не замедлятъ раздуть пламя. Борьба, въ которой Россія, взявши сторону грековъ противъ турокъ, показала бы видъ, что защищаетъ крестъ противъ полумѣсяца, такъ бы хорошо служила къ осуществленію провѣтки, лебѣяннаго заботливо въ Петербургѣ со времени Петра Великаго и который никогда не покидался. Можно судить, въ какое затрудненіе стала бы въ такомъ случаѣ Англія, принужденная взять сторону покровительствуемыхъ ею мусульманъ противъ страны, которой она дала государя, и этотъ государь — сынъ англійской королевы! Не лучше ли ей сохранить для себя возможность дѣйствовать при случаѣ, какъ ей вздумается и не связывать себѣ рукъ? Вотъ въ какомъ

видѣть этотъ вопросъ представляется мыслящимъ людямъ; а число ихъ велико въ этой странѣ свободы.

Противъ кандидатуры принца Альфреда есть еще другія возраженія: его молодость, его религія и трактатъ 1831 года, въ которомъ формально запрещенъ выборъ англійскаго, русскаго или французскаго принца. Но къ чему перечислять причины, когда достаточно одной? Кстати здѣсь припомнить, какъ это слѣдуетъ Daily-Telegraph, анекдотъ о королевѣ Елизаветѣ, когда она, при посѣщеніи Фальмута, освободила начальство этого города отъ изложенія 33 причинъ, по которымъ они не велѣли звонить въ колокола; между прочимъ первая была та, что они не имѣли ни одного колокола... Словомъ принцъ Альфредъ, если будутъ совѣтоваться въ этомъ дѣлѣ съ общественнымъ мнѣніемъ, долженъ отказаться отъ эллиновъ и если желаетъ короны, то долженъ искать ее въ другомъ мѣстѣ.

Впрочемъ развѣ нѣтъ цѣлой толпы кандидатовъ? Развѣ нѣтъ Александра Маврокордато, героя Миссолунги, знаменитѣйшаго изъ помощниковъ Капо-д'Истрии, который не смотря на свои 71 годъ не потерялъ, какъ увѣряютъ, еще силы зрѣлыхъ лѣтъ? Развѣ нѣтъ принца Григорія Испиланти, племянника Александра Испиланти, избраннаго въ 1820 году и происходящаго по прямой линіи отъ константинопольскихъ императоровъ? Развѣ нѣтъ герцога Лейхтенбергскаго, сына великой княгини Маріи и внука русскаго императора Николая? Наконецъ есть еще принцъ Амедей итальянскій, кандидатуру котораго дѣятельно поддерживаетъ греко-итальянскій комитетъ, находящійся въ Палермо и Неаполѣ, хотя кандидатъ еще безъ бороды и достигъ едва 17 лѣтъ. Конечно есть изъ чего выбирать, если только грекамъ непременно понадобился король послѣ неудачнаго опыта, который они только что сдѣлал!

Но нужно отдать справедливость Оттону. Ни одинъ монархъ не умѣлъ такъ вылечить народъ отъ обожанія власти, какъ онъ, и трогательное единодушіе, съ какимъ признано его право на отреченіе отъ престола, почти феноменъ въ исторіи.

Не считаю нужнымъ и говорить вамъ, что изъ всѣхъ принцевъ, мною перечисленныхъ, выборъ герцога Лейхтенбергскаго менѣе всего понравился бы англичанамъ; на это существуютъ двѣ причины.

Первая: родство, связывающее его съ Россією, и эта причина дѣлаетъ ненужнымъ объясненіе другой... Но можетъ быть вы не любите точекъ. Тогда я скажу, что герцогъ Лейхтенбергскій въ глазахъ англичанъ имѣетъ еще болѣе большой недостатокъ, чѣмъ то, что онъ племянникъ нынѣшняго русскаго императора; онъ правнукъ Жозефины и, стало быть, въ родствѣ съ семействомъ Бонапартовъ. Родство еще усиливается разнесшимся слухомъ, будто этотъ красивый, совершеннолѣтній молодой человѣкъ женится на принцессѣ Аннѣ Мюрать.

Однако я предоставляю людямъ, занимающимся этимъ ремесломъ, входить въ дальнѣйшія подробности по этому поводу и спѣшу обратиться къ рѣчи, только что произнесенной Кобденомъ въ Рочдэлѣ.

Вы уже представили вашимъ читателямъ нѣсколько выдающихся мѣстъ изъ этой рѣчи и вы были правы. Но все-таки, если вы не забыли длиннаго письма, написаннаго мною вамъ о закрытіи парламентской сессіи, то чтеніе послѣдней рѣчи Кобдена должно было васъ поразить, какъ нечаянная встрѣча со старымъ знакомымъ. Правду сказать, миролюбивый агитаторъ просто повторилъ въ Рочдэлѣ и почти слово въ слово то, что онъ недавно сказалъ въ палатѣ общинъ.

Онъ упрекалъ лорда Пальмерстона въ томъ, что онъ много и даже слишкомъ много стоить англійской націи; что онъ поддерживаетъ въ странѣ ложный страхъ для того, чтобы маскировать безумные расходы; что онъ безъ совѣсти черпаетъ изъ кармановъ плательщиковъ податей, подъ тѣмъ предлогомъ, что страна въ опасности и наконецъ упрекалъ въ томъ, что онъ старается казаться великимъ патріотомъ; что онъ, консервагоръ въ душѣ и торъ до мозга костей, красуется во главѣ либеральной партіи; онъ упрекнулъ его... и въ чемъ ужъ онъ не упрекалъ его?

Обо всемъ этомъ я уже высказалъ вамъ свое мнѣніе и по-
этому освобождая васъ отъ поясненій, ограничусь указаніемъ
на одно мѣсто этой рѣчи, достойное размышленія.

Кобденъ — уніонистъ относительно Америки. Онъ вѣрить
въ окончательное торжество Сѣвера и сильно желаетъ этого.
Но его мнѣніе въ этомъ случаѣ не проистекаетъ изъ любви
къ большимъ государствамъ; онъ заявилъ это съ особенною
выразительностію. «Государства, которыя я люблю, говорилъ
онъ, не тѣ, которыя занимаютъ огромныя пространства зем-
ли; но тѣ, гдѣ способности человѣка, какъ человѣка, развиты
болѣе широкимъ образомъ.»

Въ этомъ Кобденъ сто разъ правъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что прибавили къ интеллектуальному бо-
гатству человѣчества гигантскія имперіи персидская, ассирій-
ская и др. Возьмемъ напротивъ Италію въ средніе вѣка или
Грецію въ древніе: какія сокровища въ наукѣ, философій, ис-
кусствѣ и литературѣ завѣщали націямъ эти маленькія госу-
дарства? Отечество Фидія, Платона, Сократа, Аристотеля, Пе-
рикла всегда занимало на картѣ микроскопическое простран-
ство, и однакоже какое мѣсто оно занимаетъ въ памяти лю-
дей! Да, настоящею мѣркой народа служить степень развитія,
до которой онъ дошелъ и еще болѣе то уваженіе, которымъ
пользуется въ этой странѣ человѣческое достоинство.

Истинно великими націями считаются тѣ, которыя стре-
мятся покорить міръ возвышенностію своихъ чувствъ, спра-
ведливостію идей, вліяніемъ своей литературы, мудростію
учрежденій и прочностію ихъ процвѣтанія, которое соединяет-
ся съ уваженіемъ къ правосудію, неразлучному съ свободой.
Нельзя быть на столько хитрымъ, чтобы быть увѣреннымъ въ
томъ, что рано или поздно не будемъ имѣть дѣла съ хит-
рѣйшимъ себя; нельзя быть на столько сильнымъ, чтобы быть
всегда сильнѣйшимъ; и вотъ отчего успѣхи, бывшіе слѣдствіемъ
хитрости или силы, такъ скоропреходящи.

Населеніе изъ рабовъ, будутъ ли они вооружены или нѣтъ,
сильны или слабы, способны или неспособны заставить и дру-
гихъ нести ту же тяжесть, которую несутъ сами, — есть на-

селеніе дѣтей; а настоящіе народы состоятъ изъ взрослыхъ людей.

С.

7-го Ноября.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ИСТОРИИ МЕКСИКАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ.

Обнародованіе денешъ, присланныхъ генераломъ Форэ изъ Вера-Круца, прошло почти незамѣченнымъ въ Англіи, по крайней мѣрѣ на сколько я могу судить. Это не значитъ чтобы англичане не слѣдили безпокойнымъ взглядомъ за движеніемъ Франціи въ Мексикѣ; но съ одной стороны ихъ вниманіе еще сильнѣе привлекается Римомъ, а съ другой—перемѣна личности имъ кажется мало интересною тамъ, гдѣ государственные люди—только куклы, перемѣняемые для разнообразія отъ времени до времени.

По правдѣ, если эти депеши и свидѣтельствуютъ о какой либо перемѣнѣ въ видахъ французскаго правительства относительно Мексики, то это дѣлается чрезвычайно косвеннымъ образомъ. Нельзя заключить изъ прокламаціи новаго главнокомандующаго, чтобы проэктъ обновить Мексику посредствомъ общей подачи голосовъ, произведенной по военному, былъ оставленъ въ высшей сферѣ. Въ глазахъ нѣкоторыхъ людей этотъ бѣдный Хуаресь, хотя честный человѣкъ, имѣетъ тотъ огромный недостатокъ, что держится принципа просвѣщеннаго либерализма и находится во главѣ либеральнаго правительства.

Впрочемъ, какая же партія и сражается съ нимъ какъ не та, которую называютъ «церковною партіей»?

Правда, что отецъ Мпранда, по описанію англійскаго адмирала Гуфа Дунлопа, есть мрачный и жестокій фанатикъ, руки котораго покрыты кровью, пролитой большею частію измѣнническимъ образомъ реакціонерами въ Мексикѣ; правда и

то, что такъ называемая «церковная партія» въ Мексикѣ состоитъ изъ такихъ людей, отъ которыхъ отказалась бы сама древняя испанская инквизиція; что эта партія всегда кричала: «смерть иностранцамъ!» и что совмѣстное вмѣшательство Англіи, Испаніи и Франціи было вызвано въ прошломъ году насиліями, воровствомъ и убійствами этой партіи. Но все это еще извинительные грѣшки въ сравненіи съ тѣмъ грѣхомъ этихъ людей, что они противопоставляютъ знамя религіи въ томъ видѣ какъ ее понималъ Филиппъ II, король испанскій, и какъ ей служилъ герцогъ Альба, знаменамъ свободы, дочери философіи?

Высказавши это, я, признаюсь, съ удовольствіемъ читалъ денешніе, которыми *Moniteur* заблагоразсудилъ удовлетворить общественное любопытство. Изъ нихъ видно, 1) что генераль Альмонте наконецъ устраненъ; 2) что графъ Дюбуа-де-Салины осужденъ играть скучную второстепенную роль.

И то и другое пріятно общественному мнѣнію, и въ этомъ случаѣ отъ всего сердца можно поздравить французское правительство.

Прежде всего, ничто не было такъ необходимо, какъ смѣна генерала Альмонте, и за одну эту смѣну по справедливости можно одобрить французское правительство, хотя бы это не произвело никакого существеннаго измѣненія въ политикѣ его относительно Мексики. Вѣсьмъ извѣстно, что послѣдовало за прибытіемъ генерала Альмонте въ Вера-Круцъ, гдѣ бывший изгнанникъ началъ разыгрывать роль главнаго начальника, конечно подъ покровительствомъ французскаго правительства и какъ довѣренное лицо императора. До него невозмутимое согласіе цѣлствовало между комиссарами трехъ націй. Генераль Примъ, со стороны Испаніи, сэръ Уайкъ и адмираль Дунлонъ отъ Англіи, адмираль Жюрьень де Лагравьеръ и Дюбуа де Салины отъ Франціи казались совершенно согласились въ необходимости не переступать цѣли экспедиціи, состоявшей по смыслу первоначальнаго договора въ томъ, чтобы получить вознагражденіе за убытки, причиненные иностраннѣмъ жителямъ въ Мексикѣ: ни болѣе, ни менѣе. Ге-

генераль Примъ поставилъ вопросъ на эту почву при свиданіи съ мексиканскимъ министромъ, генераломъ Доблаго, въ которомъ, скажемъ мимоходомъ, онъ нашелъ человека очень образованнаго, съ уступчивымъ характеромъ и прекрасными манерами. На требованія, предъявленныя генераломъ Примомъ, Доблаго отвѣчалъ очень удовлетворительно, и благопріятное впечатлѣніе, полученное испанскимъ комиссаромъ, начинали раздѣлять и его товарищи французскіе и англійскіе комиссары. Уже начались переговоры въ крайне миролюбивомъ духѣ и все предвѣщало счастливый результатъ. Но вдругъ пріѣзжаетъ генераль Альмонте въ сопровожденіи отца Миранды. Одно его присутствіе, подѣ французскимъ покровительствомъ, въ странѣ, откуда онъ былъ изгнанъ, какъ возмутитель, было уже само по себѣ объявленіемъ войны мексиканскому правительству. Но чтоже дѣлаетъ новопрішлецъ? Онъ начинаетъ громко говорить о паденіи правительства, съ которымъ три націи ведутъ переговоры; онъ говоритъ про себя, какъ про уполномоченнаго отъ французскаго императора; выдаетъ себя орудіемъ преобразования Мексики; прямо объявляетъ о кандидатурѣ великаго эрцгерцога Максимилиана австрійскаго на мексиканскій престолъ, не обращая вниманія на мексиканцевъ, не желающихъ ни эрцгерцога, ни монархіи. Видя это, испанскій комиссаръ, генераль Примъ и англійскіе агенты сэръ Уайкъ и адмиралъ Дунлонъ выражаютъ свое удивленіе, чтобы не сказать неудовольствіе; они протестуютъ противъ новой дѣла, сообщенной такимъ образомъ экспедиціи предпринятой ими вмѣстѣ; они напоминаютъ формальный смыслъ конвенціи, заключенной между тремя правительствами; они доказываютъ, какъ странно протектировать людей, говорящихъ о ниспроверженіи силою оружія правительства, съ которымъ ведутся переговоры и которое готово уступить то, что у него требуютъ; они настаиваютъ на изгнаніи Альмонте и его товарищей. Напрасныя усилія! Очень крѣпкая связь существовала между покровителемъ и покровительствуемымъ. Испанія и Англія, видя что ничего не сдѣлаешь, отказываются отъ общаго дѣйствованія.

Вотъ такую роль въ Мексикѣ сыгралъ генераль Альмонте. Чтоже касается до роли игранный тамъ графомъ Дюбуа де Салиньи, то я имѣю изъ очень хорошаго источника—даже трудно бы было выдумать лучшій—нѣкоторыя свѣдѣнія очень интимныя, характеристичныя и интересныя.

Сначала я долженъ вамъ сказать, что на графа Дюбуа де Салиньи нужно смотрѣть какъ на главнаго дѣятеля въ томъ движеніи, которое повлекло за собой вторженіе въ Мексику.

Я не осмѣлюсь утверждать, что постоянная вражда, вызванная Дюбуа-де-Салиньи по отношенію къ мексиканскому правительству, происходила изъ личной мести; но вѣрно то, что Дюбуа-де-Салиньи далеко былъ отъ популярности въ Мексикѣ; и былъ ли виноватъ или нѣтъ онъ, но въ различныхъ случаяхъ на него ѣдко нападали остроумные люди этой страны. Между карриатурами, сочиненными на него, въ особенности должна была его кольнуть та, въ которой онъ былъ представленъ выходящимъ изъ бутылки. Но какъ бы то ни было, Хуаресъ и партія, поддерживавшая его въ правленіи, не имѣли болѣе стойкаго и неумолимаго врага.

Сэръ Пенноксъ Уайкъ, посланный въ Мексику Великобританіей, какъ полномочный министръ, взамѣну Матѣе, въ началѣ показавъ также много раздражительности и нетерпимости. Это невозможно отрицать, имѣя передъ глазами относящіяся до Мексики депеши, обнародованныя англійскимъ правительствомъ; но надо отдать справедливость Уайку, что онъ не замедлилъ измѣнить свое первоначальное настроеніе. Глубокое изслѣдованіе обстоятельствъ и умовъ въ Мексикѣ скоро убѣдило его, что несчастія, опустошавшія эту прекрасную страну, были дѣломъ партіи реакціонеровъ; что правительство Хуареса было все-таки самымъ пріятнымъ для націи и самымъ популярнымъ, на какое она могла надѣяться; что нужно было обвинять реакціонеровъ во всѣхъ преступленіяхъ, разбояхъ и убійствахъ, отъ которыхъ пострадали иностранцы въ Мексикѣ, и если уже согласно съ международнымъ правомъ требовать отчета у существующаго правительства за преступленія предшествоващаго, хотя оно и не участвовало въ нихъ,

то все-таки было бы справедливо не брать его за горло и, если оно оказываетъ хорошія намѣренія, дать ему время оглядѣться.

Что касается до адмирала Журьенъ де Лагравьера, то его поведеніе, начиная съ поступленія въ Мексику, казалось поведеніемъ чловѣка съ добрыми намѣреніями, полными прямоты и достоинства чувствами, имѣющими источникъ въ совѣсти; но онъ былъ слабъ характеромъ и черезчуръ желалъ не оставить никакого сомнѣнія въ своей безусловной преданности императору.

Генераль Примъ не скрывалъ своихъ намѣреній. По прибытіи въ Мексику первую его заботою было получить отъ мексиканскаго правительства приличное вознагражденіе за убійки; но силу оружія онъ считалъ послѣднимъ предствомъ, къ которому бы можно было прибѣгнуть. Онъ хорошо зналъ глубоко вкоренившуюся въ сердца мексиканцевъ ненависть къ испанцамъ и справедливо считалъ своею обязанностью уменьшить эту ненависть и, насколько возможно, уничтожить источникъ ея. Это стремленіе, перетолкованное въ дурную сторону или лучше сказать оклеветанное, дало поводъ къ предположенію, что генераль Примъ добивается мексиканскаго престола. Но онъ самъ опровергалъ это обвиненіе съ энергіей, освобождающей меня отъ всякихъ добавочныхъ доказательствъ.

Вы помните, что онъ первый отправился въ Мексику какъ только рѣшена была совмѣстная экспедиція Англіи, Испаніи и Франціи. Цѣль этой экспедиціи была очерчена самымъ яснымъ и рѣшительнымъ образомъ въ конвенціи отъ 31 октября 1861 года и состояла въ томъ, чтобы получить отъ мексиканскаго правительства вознагражденіе за нѣкоторые факты, на которые жаловались иностраные жители — французы, англичане и испанцы, — факты насилія и грабежа; но эти факты производились ни кѣмъ другимъ, какъ Мирамонами, Маркезами и Мирандами, т. е. врагами того самаго правительства, у котораго требовалось вознагражденіе. Не говорилось ни слова въ этой конвенціи о ниспроверженіи

Хуареса, объ уничтоженіи либеральной партіи и замѣненіи республиканскаго образа правленія монархическимъ.

Политика лорда Росселя была самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ всякой попытки вмѣшательства во внутреннія дѣла Мексики, и эти виды сентджемскаго кабинета были приняты и мадридскимъ. Согласно съ этими данными генераль Примъ составилъ въ 1862 году проектъ прокламаціи, которая и была принята его англійскими и французскими товарищами въ первомъ ихъ собраніи, бывшемъ 16-го января 1862 года. Духъ этой прокламаціи былъ, какъ нельзя болѣе, миролюбивъ. Всякая идея о войнѣ была изъ нея изгнана. Миръ выражался здѣсь самымъ пріятнымъ и можно сказать самымъ благороднымъ образомъ. Прокламація, какъ я уже сказалъ, была принята единодушно, послѣ внимательнаго обсужденія и легкихъ измѣненій: впослѣдствіи она была напечатана и обнародована, съ подписью всѣхъ комиссаровъ: Леннокса Уайка, Журьень де Лагравьера, Гуфа Дунлопа, Дюбуа де Салины и генерала Прима, графа Рейскаго.

Что же изъ этого вышло? Едва прошло нѣсколько дней, какъ до генерала Прима дошло нѣсколько странныхъ слуховъ, касающихся Дюбуа де Салины. Говорили, что французскій уполномоченный не только формально не одобрилъ прокламацію, но еще утверждалъ, что онъ не принимаетъ на себя никакой отвѣтственности за нее, такъ какъ онъ не подписывалъ ее. Странно! Но вѣдь она была же опубликована съ его подписью. Значитъ, документъ, неотвергнутый ни однимъ изъ комиссаровъ, былъ подложенъ! Смутный отголосокъ толковъ, дошедшихъ до генерала Прима, показался ему до того нелѣпымъ, что онъ только разсмѣялся надъ толками сначала. Но однажды, когда онъ говорилъ о прокламаціи съ однимъ изъ высшихъ испанскихъ офицеровъ, бригадиромъ Милансъ, этотъ послѣдній сказалъ ему:

— «Она не была подписана Дюбуа де Салины.»

— «Что хотите вы этимъ сказать?» воскликнулъ генераль Примъ, у котораго начинала разыгрываться кровь.

— «Я хочу сказать то, возразилъ испанскій офицеръ, что Дюбуа де Салиньи объявилъ при мнѣ.»

— «Это уже слишкомъ! это невозможно.»

— «Если вы сомнѣваетесь въ этомъ, генераль, то вотъ вамъ французскій полковой командиръ Розе, — онъ подтвердитъ вамъ мое увѣреніе, такъ какъ онъ присутствовалъ при этомъ.»

Французскій полковой командиръ былъ спрошенъ и подтвердилъ рассказъ испанскаго офицера. Объясненіе было необходимо послѣ этого. И дѣйствительно, его потребовали у Дюбуа де Салиньи сэръ Ленноксъ Уайкъ и генераль Примъ. Едва послѣдній увидалъ французскаго комиссара, какъ съ горячностью воскликнулъ:

«Правда ли, что вы объявили, будто не подписывали прокламациі?»

— «Разумѣется объявилъ,» спокойно отвѣтилъ Дюбуа де Салиньи.

— «Какъ! вы не...?»

Глаза испанскаго генерала засверкали и его пальцы судорожно сжимали спинку стула, стоявшаго передъ нимъ.

— «Да, разумѣется, продолжалъ французскій комиссаръ, я не подписывалъ этой прокламациі. И вы сами, генераль, не подписывали ее. И она не была подписана ни однимъ изъ этихъ господъ.» При этомъ онъ указалъ рукой на Уайка и Дунлона.

— «А! теперь я понимаю,» пробормоталъ глухимъ голосомъ и съ горькой усмѣшкой генераль Примъ.

Дѣло въ томъ, что прокламациа обсуживалась всѣми комиссарами, въ томъ числѣ и Дюбуа де Салиньи; была принята ими, отослана въ типографію и напечатана, но имена не были подписаны на рукописи.

Вы захотите, быть можетъ, узнать, откуда я знаю эти подробности. Мнѣ передавалъ ихъ самъ генераль Примъ.

СІ.

20-го ноября.

АНГЛИЧАНЕ И КОНФЕДЕРАТЫ.

Какъ легко инстинкты одерживаютъ верхъ надъ разумомъ даже у самыхъ просвѣщенныхъ націй! Если есть страна, которая можетъ себя назвать разумной и разсудительной, то это разумѣется Англія. Въ этой странѣ, гдѣ такъ часто приходится жаловаться на отсутствіе солнца, всегда есть солнце разума, отсутствіе котораго рѣдко случается и которое въ избыткѣ расточаетъ свой свѣтъ. Какое постоянное наводненіе гласности! Сколько газетъ и сколько читателей у этихъ газетъ! Сколько умовъ занятыхъ каждое утро пересмотромъ всѣхъ угловъ и закоулковъ даннаго вопроса! Но какъ только заговорить нѣсколько громко инстинктъ, тогда прощай логика! прощай разумъ! прощай солнце!

Взгляните напримѣръ, въ какомъ положеніи находится общественное мнѣніе въ этой странѣ, относительно Америки! Можетъ ли быть что нибудь нелѣпѣе той симпатіи, которую англійскій народъ питаетъ къ Югу? Англія, уничтожившая рабство въ своихъ колоніяхъ и преслѣдовавшая на всѣхъ моряхъ торговцевъ человѣческимъ мясомъ, начинаетъ вдругъ пылать нѣжностью къ рабовладѣльцамъ! Англія, желающая сохранить Канаду, возбуждаетъ между тѣмъ противъ себя много мести въ сердцахъ федералистовъ! Англія, опасаясь вмѣшательства своего правительства въ раздоръ двухъ партій, вмѣшивается въ ихъ дѣла черезъ посредство почти всѣхъ газетъ, журналовъ и всѣхъ своихъ органовъ, и такимъ образомъ морально нарушаетъ нейтралитетъ и подвергается опасности терпѣть за это въ послѣдствіи, не воспользовавшись ни одною изъ выгодъ, которыя могло бы дать ей офиціальное, положительное и смѣлое нарушеніе этого же самаго нейтралитета. Говяъ это не странный фактъ? Напрасно было бы

оправдывать особенное расположеніе англичанъ къ Югу тѣмъ обстоятельствомъ, что Югъ есть мѣсто для сбыта ихъ товаровъ. Притомъ положеніе англійскихъ мануфактуръ, остающихся безъ хлопка, и положеніе рабочихъ въ Ланкаширѣ, остающихся безъ хлѣба, нисколько не улучшится отъ того только, что англичане преувеличиваютъ успѣхи конфедератовъ и кстати и некстати приходятъ въ восторгъ отъ несравненныхъ достоинствъ ихъ армій, отъ геніальности ихъ государственныхъ людей, отъ чудесной ловкости ихъ генераловъ, отъ необыкновенной достовѣрности ихъ бюллетеней; что они высказываютъ систематическое презрѣніе къ федералистамъ, коснется ли дѣло до выдержки ихъ солдатъ, или до военного искусства ихъ генераловъ, или способностей ихъ администраторовъ и финансистовъ, или искренности ихъ донесеній; что они одобряютъ все, что касается Юга и порицаютъ все, что касается Сѣвера. Да кромѣ того есть что-то другое, кромѣ денежнаго расчета, въ симпатіяхъ Англіи къ Югу; тутъ видно какое-то страстное необдуманное влеченіе и, какъ я говорилъ выше, настоящая сердечная вѣжность.

Вы меня спросите, отчего это происходитъ? Вытекаетъ это изъ двухъ источниковъ, никогда не изсякающихъ въ Англіи: аристократическаго инстинкта и національнаго эгоизма. Въ глазахъ англичанъ споръ, обогряющій кровью Новый свѣтъ, есть ничто иное, какъ борьба между англійскою аристократіею и прусскимъ или нѣмецкимъ плебсомъ. Въ людяхъ Юга они любятъ и уважаютъ, справедливо или нѣтъ, свою собственную расу; въ людяхъ же Сѣвера они не видятъ сбродъ иностранцевъ. Для нихъ въ южномъ лагерѣ джентльмены, а въ сѣверномъ сволочь. И такъ какъ сволочь глубоко презирается здѣсь особенно сволочью же, то чувство, о которомъ я вамъ пишу, раздѣляется въ Англіи всѣми, за исключеніемъ рабочаго класса.

Безполезно было бы объяснять вамъ, сколько слѣдствій, безразсудства и несправедливости въ подобномъ инстинктѣ. Не удивляйтесь поэтому, что извѣстіе объ избирательной побѣдѣ, одержанной на Сѣверѣ демократами, т. е. федералистами—приверженцами рабства, надъ республиканцами, надъ тѣми, которые не

хотятъ его, вызвало здѣсь всеобщую радость. Да, такова сила чувства, побуждающаго общественное мнѣніе брать сторону Юга, что Англія готова поддерживать своими пожеланіями американскихъ демократовъ только изъ-за того, что она считаетъ ихъ болѣе способными сочувствовать плантаторамъ, нежели противоположная имъ партія.

Помимо этой печальной причины, какія же другія заслуги американскихъ демократовъ могутъ внушать симпатію Англіи, спрашиваю я васъ? Развѣ не изъ этого лагеря сыпались на нее самыя сильныя нападенія? Не ими развѣ съ такою гордостью была провозглашена доктрина Монроэ? Развѣ не изъ ихъ рядовъ вышли самыя ревностныя апостолы вторженія въ Кубу, завоеванія Канады, присоединенія Мексики? Развѣ не имъ Америка обязана ненавистнымъ и постыднымъ закономъ о выдачѣ бѣглыхъ невольниковъ? Не полагаю я, чтобы одна изъ этихъ причинъ могла внушить англичанамъ любовь къ американскимъ демократамъ! Но повторяю, они считаютъ демократовъ болѣе расположенными, чѣмъ ихъ противниковъ республиканцевъ, протянуть дружески руку Югу: въ этомъ-то и состоитъ весь секретъ.

Но въ этомъ же и вся ошибка.

Демократы съ такою же страстью, какъ и республиканцы, желаютъ возстановленія союза; съ такою же страстью, какъ и республиканцы, демократы хотятъ организовать какъ можно обширнѣйшую, какъ можно сильнѣйшую и могущественнѣйшую націю для того, чтобы руководить Старымъ свѣтомъ.

Если кто въ этомъ сомнѣвается, пусть прочтетъ ихъ манифесты. Между ними и противоположной партіей только и существуетъ то единственное различіе, что они стремятся возстановить союзъ на основахъ невольничества, тогда какъ республиканцы хотятъ его на основаніяхъ свободнаго труда. Не эта ли причина заставляетъ Англію радоваться дѣйствительной или ложной побѣдѣ, одержанной демократами надъ республиканцами во время выборовъ? Слава Богу, нѣтъ ни одного англичанина, который бы осмѣлился признаться въ этомъ, и я долженъ прибавить, въ чести этой великой страны, что ни одинъ англи-

чанинъ не осмѣлится сознаться въ этомъ самъ себѣ! Но такова натура человѣка, что она измышляетъ, когда ей этого очень хочется, для собственнаго обмана всевозможные прекрасные предлоги и оправдываетъ себя ими съ искренностью, которая могла бы показаться смѣшной, если бы не была печальна.

Въ настоящемъ случаѣ, что же можетъ быть законнѣе представляемаго англичанами предлога, т. е. желанія скораго мира? Если возьмутъ верхъ демократы, то ихъ терпимость къ невольничеству дастъ возможность къ примиренію; а какая христіанская душа можетъ не радоваться при мысли объ уничтоженіи бѣдственной вражды, столь роковой для обоихъ полушарій? Такъ разсуждаютъ честные люди, которымъ непремѣнно нужно быть глупыми для избѣжанія всякихъ разбирательствъ съ своей совѣстью. Не видятъ они только того во первыхъ, что ихъ надежда весьма химерична, потому что Сѣверъ ни за что не придетъ къ такому компромиссу, который можетъ доставить положительное торжество Югу; и во вторыхъ того, что надежда ихъ неразумна, такъ какъ союзъ, возстановленный на основаніи демократическаго принципа, будетъ нисколько не меньшимъ политическимъ затрудненіемъ для Англии, нежели союзъ возстановленный на основаніи республиканскаго принципа; и наконецъ того, что надежда ихъ безправственна, что они увидали бы сами, еслибы дали себѣ въ ней ясный отчетъ, потому что союзъ, возстановленный на основаніи невольничества, придастъ бы значеніе и прочность этому мрачному владѣнію человѣка человѣкомъ, которое стало бы безславіемъ новейшей цивилизаціи, подобно тому, какъ теперь оно есть какъ, разбѣдающій ее.

Вотъ другая странность, показывающая до какой степени общественное мнѣніе въ Англии разошлось съ логикой относительно американскаго вопроса.

Посредничество, предложенное французскимъ правительствомъ и отвергнутое русскимъ, безъ сомнѣнія было бы выгодно для Юга. Перемиріе при настоящихъ обстоятельствахъ было бы дѣйствительно побѣдою Юга надъ Сѣверомъ. Пере-

миріе дало бы возможность Югу продать свой сборъ хлопка и собрать такимъ образомъ деньги, которыя онъ разумѣется употребилъ бы на то, чтобы запастись оружіемъ, ружьями, пароходами и всѣмъ необходимымъ для того, чтобы съ упорствомъ продолжать войну, какъ только она возобновится; тогда какъ финансы Сѣвера истощились бы въ это время на содержаніе вооруженій, тяжесть которыхъ совершенно подавляетъ его. Югъ боится вооруженныхъ кораблей Сѣвера; а перемиріе уничтожило бы ихъ силу, принудивъ ихъ оставаться въ покоѣ въ то именно время, которое особенно благопріятно для ихъ успѣшныхъ дѣйствій. Чарльстонъ былъ бы обезпеченъ отъ нападенія, а Гальвестонъ укрѣпленъ. Такъ какъ армія Сѣвера состоитъ большею частію изъ ремесленниковъ, оторванныхъ отъ работъ и желающихъ вернуться къ нимъ, то бездѣйствіе ихъ и отдаленіе опасности повело бы къ дезорганизаціи, тогда какъ Югъ, кормящійся на счетъ труда невольниковъ, былъ бы въ состояніи учить войско, находящееся въ его распоряженіи и былъ бы вполне готовъ къ открытію похода. Все это понято нѣсколькими мыслящими людьми и *Spectator* напечаталъ недавно по этому поводу весьма замѣчательную статью. Странно только то, что этого не поняли друзья Юга; и вмѣсто того, чтобы поддерживать мысль о посредничествѣ, которое было бы полезно только однимъ ихъ протекже, они всячески старались ее отвергать. И оттого мысль о посредничествѣ самая непопулярная мысль въ Англіи въ настоящую минуту.

Такъ дѣлаются дѣла на свѣтѣ.

СП.

25-го ноября.

КОМУ ЗАНЯТЬ ГРЕЧЕСКІЙ ПРЕСТОЛЪ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНѢНІЕ.

Въ здѣшнихъ умахъ происходитъ такое движеніе относительно греческаго вопроса, что я считаю нужнымъ изобразить вамъ его.

Пока еще существовало сомнѣніе на счетъ кандидатуры на греческій престолъ, до тѣхъ поръ общественное мнѣніе въ Англіи высказывалось почти враждебно къ кандидатурѣ Альфреда. Преобладающимъ мнѣніемъ было въ этомъ случаѣ то, что если Англія станетъ поддерживать англійскую кандидатуру, то этимъ самымъ она должна будетъ отказаться отъ права возражать противъ французской или русской кандидатуры, ссылаясь на слова протокола, подписаннаго въ февралѣ 1830 года княземъ Ливеномъ, графомъ Монморанси-Лаваль и графомъ Абердиномъ уполномоченными отъ Россіи, Франціи и Англіи, — протокола, исключавшаго, какъ вамъ извѣстно, право вступить на престолъ Греціи всякаго принца, принадлежащаго къ царствующей фамиліи каждой изъ подписавшихся державъ.

Шансы повидимому клонились въ пользу принца Лейхтенбергскаго, который по двумъ причинамъ, какъ сынъ великой княгини Маріи и внукъ Евгенія Богарне, казался самымъ лучшимъ кандидатомъ какъ для петербургскаго кабинета, такъ и для тюльерійскаго.

Съ другой стороны составъ временнаго греческаго правительства не внушалъ спокойствія англичанамъ. Президентъ его Димитрій Булгарисъ, 'человѣкъ весьма энергичный, весьма популярный и одинъ изъ лучшихъ ораторовъ новѣйшей Греціи, никогда не скрывалъ своей симпатіи къ Франціи и французскимъ учрежденіямъ, до такой степени, что враги его

обвиняли его въ томъ, будто онъ продалъ себя императорскому правительству. Константинъ Канарисъ, занимающій должность перваго вице-президента, тоже извѣстенъ своимъ расположеніемъ къ Франціи и еще большимъ расположеніемъ къ Россіи, такъ какъ онъ уроженецъ острова Инсары, еще до сихъ поръ принадлежащаго туркамъ. Затѣмъ остается второй вице-президентъ Бенизело Руфосъ, котораго пожалуй можно считать главою такъ называемой въ Греціи англійской партіи. Бенизело Руфосъ чрезвычайно богатый человѣкъ, весьма честный и весьма уважаемый въ своей странѣ; но всѣ эти преимущества не могутъ перевѣсить таланта и популярности Булгариса, ни того обаянія, которое придаетъ Константину Канарису еще до сихъ поръ живое воспоминаніе о его морскихъ подвигахъ во время войнъ за независимость, доставившихъ ему отъ Виктора Гюго прозваніе *Θεμιστοκλα*.

Не безъ причины поэтому сомнѣвалась Англія въ успѣхѣ кандидатуры принца Альфреда, когда она была предложена; вслѣдствіе этого общественное мнѣніе говорило, подобно лисицѣ въ баснѣ, что виноградъ еще незрѣлъ, и хорошъ только для погонщиковъ,—съ тѣмъ условіемъ однако, чтобы этими погонщиками не оказались русскіе или французы.

Но вдругъ греческія событія принимаютъ совершенно неожиданный оборотъ. Вліяніе Франціи, внушавшее столько опасеній, едва обнаруживало признаки жизни; русскіе интриги, о которыхъ было столько шуму, нисколько не измѣнили положенія вещей; и вмѣсто всего этого оказалось, что попутный вѣтеръ дуетъ именно кандидатурѣ принца Альфреда. Если вѣрить корреспонденціямъ, то имя его провозглашается всѣми клубами; бюстъ его былъ увѣнчанъ цвѣтами; онъ преждевременно обожаема. Счастливый молодой человѣкъ! Одни только принцы и могутъ возбуждать подобные восторги энтузіазма и въ добавокъ такую дешевою цѣною.

Какъ бы то ни было, но какъ только дѣла повернулись въ эту сторону, то нечего удивляться, если виноградъ пересталъ казаться слишкомъ незрѣлымъ. Вслѣдствіе этого кандидатура принца Альфреда начинаетъ находить теперь въ

Англії приємъ, котораго никакъ не подозревали поверхностные наблюдатели недѣли двѣ, три тому назадъ. Вдругъ исчезли всѣ неудобства или оказались весьма неважными. Еще нѣсколько дней и опасеніе нарушить февральскій протоколъ 1830 года будетъ считаться непростительной слабостью. Нѣкоторые проницательные умы начинаютъ уже выводить изъ словъ графата, что если разбирать его буквально, то онъ ни къ чему не обязываетъ. Что говорить въ самомъ дѣлѣ третій параграфъ? «Правленіе въ Греціи должно быть наслѣдственное монархическое и преемство должно идти по порядку первородства. Правленіе должно быть поручено принцу, который не можетъ быть избранъ изъ царствующихъ фамилій государствъ, подписавшихъ трактатъ 26-го іюля 1827, и будетъ носить титулъ независимаго державнаго государя Греціи.» Возможно-ли, замѣчаютъ утопченные умы, о которыхъ я говорю, чтобы Англія, Франція и Россія, заключая этотъ договоръ, думали навсегда связать себя имъ, каковы бы ни были обстоятельства въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, каковъ бы ни былъ будущій ходъ событій, вызванныхъ народной революціею. Когда, при организаціи новаго государства, было рѣшено не призывать на тронъ Греціи ни французскаго принца, ни англійскаго, ни русскаго, то это было очевидно сдѣлано въ видахъ тогдашняго извѣстнаго положенія вещей, а не въ видахъ будущаго положенія, котораго они не предвидѣли да и не могли предвидѣть. Нельзя же вообразить, чтобы всѣ три державы, возлагая вѣнецъ на голову Оттона, постановляли для себя условія и на тотъ случай, если вѣнецъ этотъ будетъ у него отнятъ. Слѣдовало бы тогда сдѣлать оговорку и на этотъ случай; но протоколъ молчитъ. Значить, стѣснять-ся имъ нѣтъ причины; единственный вопросъ, подлежащій разсмотрѣнію Англіи, состоитъ въ томъ, выгодно-ли ей, или нѣтъ дѣйствовать вопреки договору.

Вотъ какъ разсуждаютъ люди, которые съ мѣсяцъ тому назадъ во всю мочь требовали буквальнаго соблюденія трактатовъ. По ихъ словамъ, Англія поддалась бы весьма (смѣшной совѣстливости, подчиняясь нѣсколькимъ клочкамъ бумаги,

которые такъ легко разрываютъ дипломаты при всякомъ удобномъ случаѣ сдѣлать это безнаказанно; и въ примѣръ того, какъ ведутся дѣла тамъ, гдѣ царитъ сила, приводятся занятіе Кракова, раздробленіе Польши, присоединеніе Ниццы и Савойи.

Но дѣйствительно-ли выгодно Англіи дозволить сыну королевѣ взять греческую корону, если ему ее предлагать? По этому вопросу еще существуетъ разногласіе въ умахъ.

Вѣрно только то, что задача эта представляетъ весьма серьезныя затрудненія. Чрезвычайный и внезапный энтузіазмъ въ Греціи къ безбородому еще принцу, извѣстному тамъ только по имени и принадлежащему къ другому вѣроисповѣданію, долженъ казаться безсмысленнымъ энтузіазмомъ, если онъ только не связанъ съ какою нибудь національною цѣлью. Кто же не угадывасть этой цѣли? Греки потому хотятъ себѣ принца Альфреда, что рассчитываютъ на присоединеніе Ионическихъ острововъ, какъ на неизбѣжное послѣдствіе его вступленія на престолъ. Но расположена-ли Англія отказаться отъ своего протектората надъ этими греческими островами, жаждущими присоединиться къ Греціи? Политики извѣстной школы согласятся безъ большой печали на эту жертву; но общественное мнѣніе, по моему, еще не подготовлено къ добровольному согласію на подобную жертву.

И это еще не все. Англія всего болѣе озабочена тѣмъ, чтобы защищать Константинополь отъ русскихъ. Сохраненіе существованія Турціи составляетъ альфу и омегу англійской политики. Такимъ образомъ интересы Англіи діаметрально противоположны интересамъ Греціи, которая желаетъ и должна страстно желать раззоренія Турціи для возстановленія и тѣхъ эллинскихъ провинцій, которыми еще владѣетъ Турція. Каково будетъ послѣ этого положеніе англійскаго принца, поставленнаго на греческій тронъ? Или онъ долженъ управлять Греціею несогласно съ ея самыми дорогими стремленіями и подвергаться такимъ образомъ риску опасной непопулярности, или стать человѣкомъ націи, войти въ ея виды законнаго приращенія, желать, подобно ей, соединенія подъ одинъ скипетръ

всѣхъ странъ, оторванныхъ отъ Греціи узурпаціею силы и войти такимъ образомъ въ открытую оппозицію съ политикою Великобританіи, въ томъ пунктѣ, который имѣеть для англичанъ капитальную важность.

Избраніе принца Альфреда имѣеть впрочемъ и ту хорошую сторону, что оно помѣшаетъ избранію герцога Лейхтенбергскаго; и это считается самымъ главнымъ въ глазахъ тѣхъ, «которые не предвидятъ столь далекихъ бѣдствій».

Что касается до греческой республиканской партіи, то объ ней здѣсь и не думаютъ. Между тѣмъ презрѣніе къ этой партіи представляетъ весьма странную забывчивость и можетъ сдѣлаться непредусмотрительностью. Хотя республиканскій элементъ и не имѣеть представителя во временномъ правительствѣ, только что рожденномъ революціею; но это произошло только потому, что республиканская идея, весьма сильная во многихъ провинціяхъ Греціи, какъ напримѣръ въ Акарнаніи и Этоліи, имѣла весьма мало приверженцевъ въ Аѣинахъ. Не нужно забывать и того, что движеніе, которое привело къ настоящему положенію вещей, было первоначально республиканское и оставалось имъ до самаго дня возстанія въ Аѣинахъ. Но вѣдь Аѣины возстали только 22-го октября; а уже 18-го старый Гривасъ, признанный глава республиканской партіи, произвелъ возмущеніе въ Венпцѣ, за которымъ 19-го послѣдовало возмущеніе въ Миссолонги и 20-го въ Патрасѣ. Потомъ Гривасъ умеръ и нельзя отвергать того, что смерть его составляетъ ужасную потерю для его партіи. Но съ нимъ не сошло въ могилу мнѣніе, представителемъ котораго онъ служилъ, и принцу Альфреду придется имѣть дѣло съ этимъ мнѣніемъ, если онъ сдѣлается греческимъ королемъ, особенно если онъ вздумаетъ присоединиться къ политикѣ своей родной страны и потеряетъ изъ виду ту мысль, что только та партія можетъ одержать верхъ въ Греціи, которая всего болѣе будетъ стремиться къ соединенію въ одно всѣхъ провинцій эллинскаго происхожденія.

СШ.

26-го ноября.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА ВЪ ПЕРСПЕКТИВѢ.

Парламентская реформа въ этой странѣ только что утратила одного изъ самыхъ ревностныхъ ея бойцовъ: Томасъ Дункомбъ умеръ. Томасъ Дункомбъ вовсе не занималъ въ палатѣ общинъ мѣста, какое принадлежитъ самымъ высшимъ талантамъ. Съ другой стороны его привычки и вкусы держали его въ сторонѣ отъ шумныхъ дѣлъ; все это и подало поводъ одному торійскому журналу сказать, что въ Дункомбѣ уиась одинъ изъ законодателей диллегантовъ, столь обыкновенныхъ въ прежнее время въ палатѣ общинъ. Но справедливость требуетъ сказать, что онъ всегда находился въ первомъ ряду приверженцевъ реформы, что онъ всегда вотиновалъ за прогрессивныя мѣры, что онъ всегда находился на своемъ мѣстѣ, какъ только дѣло шло о защищеніи этого прогресса и что онъ пошелъ гораздо далѣе лорда Росселя по пути политическихъ желаемыхъ или желанныхъ улучшеній.

Кого назначить на мѣсто его избирательный округъ въ Финсбюри? Вопросъ этотъ былъ затронутъ въ прошлый вторникъ на митингѣ либеральныхъ избирателей, происходившемъ въ Понтонвиллѣ въ тавернѣ Бельведеръ. Было названо нѣсколько именъ и между прочимъ имя Чарльза Диккенса, знаменитаго романиста и Джона Стюарта Милля, знаменитаго публициста. Почти непонятно, какъ это такой экономистъ, философъ, мыслитель и политикъ практикъ, каковъ Джонъ Стюартъ Милль, еще не избранъ въ палату общинъ? Еслибъ существовалъ только одинъ этотъ фактъ для доказательства необходимости парламентской реформы, то и его было бы весьма достаточно, я полагаю.

Я писалъ вамъ нѣсколько времени тому назадъ, что этотъ вопросъ о парламентской реформѣ былъ повидимому отло-

жень въ числѣ другихъ отложенныхъ дѣлъ; и что въ сферѣ, находящейся обыкновенно въ политическомъ волненіи, царствовало необыкновенное спокойствіе и что англійскій народъ казался доволенъ своимъ настоящимъ положеніемъ и не желалъ ничего болѣе. Но тутъ же я прибавилъ, какъ мнѣ помнится, что это спокойствіе никакъ не слѣдуетъ принимать за оцѣненіе; что политическая жизнь легко можетъ каждую минуту возродиться со всѣми ея неукротимыми притязаніями; и что англійскій народъ просто самъ захотѣлъ отдохнуть и воспользоваться терпимостью, этой привилегіей силы и поступилъ въ этомъ случаѣ съ прогрессомъ какъ съ сплоской подчиненной его власти, т. е. какъ господинъ, который съ гордою небрежностью отсылаетъ своего слугу въ полной увѣренности, что ему стоитъ сказать только слово, и онъ опять вернется къ нему.

Я никакъ не ожидалъ, что мои предположенія сбываются такъ скоро. Вотъ уже народонаселеніе нѣсколькихъ большихъ городовъ со всѣхъ сторонъ начинаетъ требовать того, что по мнѣнію нѣкоторыхъ политиковъ было имъ отложено на неопредѣленное время. Что говорила напримѣръ *Times* нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ? Самымъ главнымъ аргументомъ ея противъ всякой идеи о парламентской реформѣ было то, что народъ и не думаетъ требовать чего нибудь подобнаго и что смѣшно навязывать людямъ подарокъ, котораго они не хотятъ. Теперь *Times* слѣдовало бы придумать какую нибудь другую логику, такъ какъ та, на которую она съ такимъ торжествующимъ видомъ опиралась нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, никуда непригодна въ настоящую минуту; движеніе въ пользу реформы началось снова — это несомнѣнно и доказательствомъ тому можетъ служить большой митингъ, бывшій въ прошлый понедѣльникъ, въ Лидсѣ, въ залѣ городской думы.

Тамъ находилось около 280 депутатовъ съѣхавшихся изъ всѣхъ мѣстностей страны, представителей сильныхъ городовъ какъ напр. Манчестера, Бирмингама, Ньюкестля и пр.

Были посланы приглашенія графу Росселю, лорду Лондесборо, графу Грею и Рипону; Брайту, Кобдену, Стансфелду

и другимъ политикамъ, извѣстнымъ своимъ расположеніемъ къ принципу парламентской реформы. Къ несчастію различныя причины помѣшали многимъ приглашеннымъ явиться на митингъ.

Брайтъ напрімѣръ извинялся тѣмъ, что онъ уже далъ одно обѣщаніе, которое ему было невозможно нарушить. Кобденъ сослался на необходимость остерегаться возобновленія припадка бронхитисъ, которымъ онъ только что страдалъ; Россель на опасеніе придать своимъ присутствіемъ нѣсколько officialный характеръ этому добровольному выраженію желаній народа. Какъ бы ни были уважительны эти причины, тѣмъ не менѣе нельзя отвергать, что отсутствіе людей высоко стоящихъ въ общественномъ мнѣніи, каковы Брайтъ, Кобденъ и лордъ Россель, нѣсколько уменьшило значеніе митинга. Вѣрно только то, что во всякомъ случаѣ оно дало поводъ врагамъ реформы, за неимѣніемъ лучшаго предлога, съ жадностью ухватиться за этотъ. Но дѣло состояло въ томъ, чтобы лица, къ которымъ адресовались съ приглашеніемъ, дали публичное, несомнѣнное и блестящее удостовѣреніе въ своемъ согласіи съ цѣлью митинга, и въ этомъ отношеніи по крайней мѣрѣ отвѣтъ ихъ былъ вполне удовлетворителенъ.

Всѣ они противъ того, что можно назвать исключеніемъ всего рабочаго сословія изъ участія въ выборахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ не признать, что въ этомъ исключеніи заключается большая несправедливость и большая опасность? Неужели же у тѣхъ, трудъ которыхъ такъ много содѣйствуетъ созданію общественнаго богатства, у тѣхъ, которые тоже вносятъ свою часть податей, у тѣхъ, которые могутъ быть въ извѣстный часъ призваны защищать свою страну съ опасностью жизни,—неужели же у нихъ нѣтъ никакихъ интересовъ, которые бы они желали отстоять, и неужели имъ суждено быть только зрителями политической драмы, не принимая въ ней никакого участія? Тотъ унижается, кто сознательно или безсознательно терпитъ безусловное распоряженіе своею судьбою; но этому безусловному распоряженію приходитъ конецъ въ тотъ самый день, когда унижаемый сознастъ это, и тогда или нужно уступить ему должное, или стать

его врагомъ. Если даже предположить — чудовищное предположеніе разумѣется — что интересъ собственности болѣе достоинъ охраненія, чѣмъ интересъ сердца, привязанности, семейства, личнаго достоинства, имѣющихъ такое важное значеніе въ жизни; то во всякомъ случаѣ исключеніе рабочаго сословія никогда не найдетъ себѣ извиненія. По расчету Байнса, котораго нельзя заподозрить въ преувеличеніи въ этомъ отношеніи, ежегодный доходъ англійскихъ работниковъ по заработку можетъ быть оцѣненъ въ 280,000,000 фунтовъ стерлинговъ, а ихъ собственность въ видѣ мебели, платья, инструментовъ составляетъ, если ее заложить въ сохранный банкъ или помѣстить въ коопераціонныя общества, 500,000,000 фунтовъ стерлинговъ. Неужели же этотъ интересъ собственности до того ничтоженъ, что не стоитъ позаботиться о его охраненіи?

И замѣтите, что противники прогресса въ Англіи совершенно напрасно указываютъ, какъ на возраженіе, на то, что неудобно было бы дать избирательное право людямъ неспособнымъ для этого вслѣдствіе недостатка образованія. Кромѣ того, что огромное количество дешевыхъ сочиненій и брошюръ содѣйствовало распространенію между рабочими пониманія политическихъ дѣлъ въ той степени, которая еще не извѣстна во Франціи, успѣхъ «Trades unions» и «Cooperative societies» пробудилъ въ рабочемъ сословіи ясное пониманіе вещей, послѣдовательность, привычку къ порядку и административныя качества, недопускающія ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ ихъ способности принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ въ качествѣ избирателей.

Судя по этому, вы удивитесь, что расширеніе избирательнаго права не сдѣлалось еще ранѣе предметомъ всеобщей заботы. И знаете почему? Причина весьма любопытна, такъ что врядъ ли ваши читатели будутъ въ состояніи вполне оцѣнить ее. Дѣло въ томъ, что парламентская система въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ здѣсь, при всей несправедливости, въ ней заключающейся, еще ни разу не производила вопіющихъ несправедливостей.

Злоупотребленіе терпится, потому что оно въ цѣломъ чувствуется слабо. Палата общинъ во многихъ отношеніяхъ далеко не вполне заслуживала расположеніе народа; но все-таки она никогда не представлялась ему орудіемъ угнетенія. Измѣненіе не требовалось ранѣе, потому что еще не вполне сознавали то зло, которое могло бы заставить умы желать этого измѣненія.

Но это болѣе, нежели все остальное, требуетъ объясненія. А объясненіе это заключается въ существованіи свободной прессы. Да, свобода прессы служила противовѣсомъ вреду исключительной парламентской системы, здѣсь существующей; она именно не давала возникнуть естественнымъ послѣдствіямъ этихъ недостатковъ; она доставила народу защиту, въ которой отказывало ему избирательное законодательство. Палата общинъ народа заключалась въ свободной прессѣ; въ ней всегда могъ раздаваться его голосъ и двери ея были всегда открыты настежь. Результатъ этотъ весьма замѣчателенъ и вполне доказываетъ какъ необходима свобода прессы. Безъ нея лучшія учрежденія подверглись бы опасности. При ней же самыя дурныя остаются долготерпимы.

Итакъ колесница избирательной реформы пущена. На счетъ объема желаемыхъ измѣненій мнѣнія весьма разногласны. Одни хотятъ всеобщей подачи голосовъ; другіе же настаиваютъ только на постепенномъ и осторожномъ расширеніи избирательнаго права. По всей вѣроятности всѣ сойдутся на томъ, чтобы требовать какъ можно менѣе для того, чтобы не рисковать потерять все. Въ предпріятіи подобнаго рода необходимо слѣдуетъ сообразоваться нѣсколько съ темпераментомъ палаты общинъ, отъ которой зависитъ рѣшеніе, и никакъ не слѣдуетъ терять изъ виду, что требовать парламентской реформы у парламента все равно, что просить болѣзнь сдѣлаться врачомъ.

Впрочемъ, если страна разъ уже вступила на путь постепеннаго расширенія избирательнаго права, то она скоро дойдетъ до конца этого пути, т. е. до всеобщей подачи голосовъ. Это отлично понимаютъ приверженцы старинныя и пу-

гаются этимъ. Они уже мысленно предвидятъ, какъ политическое преобладаніе переходитъ отъ аристократическаго сословія къ рабочему и какъ побѣдоносная демократія располагается въ той странѣ, гдѣ до сихъ поръ постоянно мирно поддерживалось господство социальнаго неравенства. Отсюда то происходитъ ненависть, изливающаяся въ самыхъ грязныхъ оскорбленіяхъ противъ Брайта, самаго ревностнаго инициатора движенія. Но если предъ нимъ стоятъ жестокіе противники, за то за нимъ стоятъ ревностные помощники съ твердою рѣшимостью поддерживать его во всемъ и противъ всѣхъ. Чтоже касается до него лично, то онъ человѣкъ не способный ни пытаться ни уступить.

Тѣмъ болѣе достовѣрно, что всеобщая подача голосовъ въ Англіи прочнѣе и живѣе замѣнитъ существующую власть, что она выведетъ на политическую арену классъ, который кромѣ силы и численности внесетъ еще въ нее силу готовой организациі, что «Trades unions» дали такую привычку къ дисциплинѣ рабочему сословію, что оно могло бы въ извѣстныхъ обстоятельствахъ дѣйствовать какъ одинъ человѣкъ; понятно поэтому, отчего приверженцы настоящей системы блѣднѣютъ при мысли о выборахъ, которые будутъ вестись такъ, какъ теперь ведутся стачки.

Перспектива эта пугаетъ — и я не вижу причины утаивать это — не однихъ приверженцевъ настоящей системы. Я знаю людей искренно преданныхъ народу, которые не безъ смущенія спрашиваютъ себя, не грозитъ ли опасностью свободѣ внезапное, рѣшительное и ничѣмъ неограниченное измѣненіе политической власти и замѣненіе господства тигуловъ и богатства простымъ господствомъ численности.

Правду говоря, многіе во Франціи имѣютъ самыя ложныя и самыя опасныя понятія о сущности демократіи. Они видятъ основаніе господства народа тамъ, гдѣ учреждена всеобщая подача голосовъ, забывая при этомъ, что превосходство всеобщей подачи голосовъ большею частію зависитъ отъ совершенства его механизма. Судя по тому, хорошо ли, или дурно организована всеобщая подача голосовъ, и результаты

ея могутъ быть или весьма спасительны или весьма плачевны.

Но даже независимо отъ вопроса объ организаціи весьма важно понимать и то, что во всякомъ обществѣ, раздѣленномъ различными, враждующими интересами, всеобщая подача голосовъ вовсе не есть, какъ обыкновенно называютъ, самоуправленіе народа, а напротивъ управленіе одной части народа другою болѣе многочисленною. Потому что въ настоящемъ словарѣ демократіи т. е. на языкѣ, которымъ говорили наши отцы во время большой французской революціи, народъ не есть наибольшее число гражданъ, но совокупность всѣхъ гражданъ. Если бы законность правленія большаго числа не основывалась на томъ предположеніи, что этимъ способомъ правленія всего лучше достигается всеобщій интересъ, то чѣмъ же бы право самыхъ многочисленныхъ было законнѣе права самаго сильнаго? И если бы случилось такъ, что за отсутствіемъ достаточныхъ гарантій пала бы свобода меньшинства, то почему притѣсненіе въ видѣ цифры должно быть уважительнѣе притѣсненія въ видѣ удара дубиной? Законность власти большаго числа основывается на томъ предположеніи, что умъ и право находятся на сторонѣ большинства. Но такъ какъ было бы безумно придавать этому предположенію значеніе достовѣрности, такъ какъ доказано, что большинство далеко не непогрѣшимо, и такъ какъ было бы крайне опасно считать его такимъ; то вслѣдствіе всего этого необходимо, чтобы, преклоняясь съ уваженіемъ передъ властью большинства и покорно исполняя его предписанія, меньшинство также имѣло бы гарантію противъ весьма возможныхъ заблужденій большинства; власть должна быть сильна настолько, чтобы надъ ней преобладалъ разумъ, и никакъ не настолько, чтобы одерживать верхъ надъ разумомъ.

Вотъ какого рода размышленія внушаетъ будущее возвышеніе демократіи самымъ возвышеннымъ умамъ между друзьями народа! Я уже говорилъ вамъ мимоходомъ о прекрасной книгѣ, напечатанной Джономъ Стюартомъ Миллемъ, нѣсколько

мѣсяцевъ тому назадъ, о настоящихъ принципахъ представительнаго правленія: весьма поразительно то чувство съ которымъ онъ провозглашаетъ положительную необходимость обезпечить меньшинству въ представительномъ правленіи, достойномъ этого имени, дѣйствительное представительство сообразное съ тѣмъ положеніемъ, какое оно занимаетъ въ странѣ. «Должно ли, говорить онъ, меньшинство считаться ни во что, потому только, что большинство должно одержать верхъ? И изъ того, что меньшинство должно повиноваться, слѣдуетъ ли лишать его права быть выслушиваемымъ?» И, приводя идеи Томаса Гара, онъ предлагаетъ, чтобы каждый гражданинъ допускался къ выбору предпочитаемаго имъ кандидата не только въ томъ или другомъ избирательномъ округѣ, но и во всей странѣ. Я жалѣю, что недостатокъ мѣста мѣшаетъ мнѣ изложить подробно характеръ, механизмъ и слѣдствія этой системы: я когда нибудь поговорю объ ней. Она была продиктована тѣмъ же чувствомъ, которое воодушевляло Руссо, когда онъ ставилъ такимъ образомъ социальную проблему: «найти такую форму ассоціаціи, которая бы защищала и охраняла общей силой каждаго члена ассоціаціи и по которой бы каждый, присоединяясь ко всѣмъ, слушался бы въ сущности только самаго себя и оставался бы свободенъ, какъ былъ когда-то прежде.» Формула эта великолѣпна и была бы по моему еще лучше, если бы на мѣсто послѣднихъ четырехъ словъ Руссо написалъ: «и сдѣлался бы вслѣдствіе этого свободенъ».

CIV.

27-го ноября.

ВЫБОРЫ ВЪ АНГЛІИ ДО „БИЛЛЯ О РЕФОРМѢ“.

Такъ какъ я говорилъ вамъ о парламентской реформѣ, то считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о способѣ, которымъ производятся здѣсь выборы.

Но прежде всего я скажу какимъ образомъ шло дѣло до «билля о реформѣ».

Избирательная система въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала въ Англіи до знаменитаго билля о реформѣ въ 1832 году, была ничто иное какъ исторія, въ которой комедія странно перемѣнивалась съ драмой. Тогда, какъ и теперь, были депутаты, избранные графствами, депутаты, избранные мѣстечками, депутаты, избранные нѣкоторыми городами и депутаты, избранные оксфордскимъ, кэмбриджскимъ и дублинскимъ университетами, и тогда, какъ теперь, нижняя палата должна была представлять «всѣ англійскія общины»; но, Боже мой, какъ далеко было это представительство отъ дѣйствительности!

Что касается графствъ, то они со времени царствованія Генриха VI перестали выражать волю народа; потому что— вещь весьма любопытная — эта всеобщая подача голосовъ, призракъ который такъ пугаетъ въ настоящее время Дизраэли и Уайтсайда и имъ подобныхъ, уже существовалъ въ графствахъ до царствованія Генриха VI. Это доказываетъ самый актъ, которымъ въ ту эпоху лишались права избирать рыцарей графствъ вольные арендаторы, получающіе ежегоднаго дохода 40 шиллинговъ (50 фр.); и это потому,—сказано было тамъ,— что слишкомъ огромно и чрезмѣрно число людей, принимающихъ участіе въ выборахъ. Что касается мѣстечекъ и городовъ, то избирательное право было изстари предоставлено имъ королями въ полный даръ. Привиллегія эта была такова, что многіе изъ бѣдныхъ мѣстечекъ просили избавить ихъ отъ этой привиллегіи, въ то время, когда существовалъ обычай платить выбранному изъ кошельковъ избирателей; но потомъ, когда установился обычай, чтобы члены парламента сами заботились о своемъ содержаніи, эти мѣстечки снова стали требовать о возвращеніи имъ этой привиллегіи.

Кромѣ того въ городахъ, гдѣ существовали корпораціи утвержденныя королевскимъ патентомъ, право представительства принадлежало не народонаселенію, а этимъ корпораціямъ. Со времени Стюартовъ избирательное право принадлежить

уже только гражданамъ и свободнымъ людямъ «burgesses» и «freemen». Въ нѣкоторыхъ же городахъ къ числу избирателей присоединялись и тѣ, которые владѣя домами и проживая въ мѣстности платили «scot and lot», т. е. мѣстныя налоги и общіе налоги.

Нѣтъ ничего нелѣпѣе и, скажу даже, ничего комичнѣе той непропорціональности, которая была установлена старою системою между представительствомъ и народонаселеніемъ. Что касается графствъ, то непропорціональность эта, несмотря на свою поразительность, не доходила по крайней мѣрѣ до уродства и число избираемыхъ въ парламентъ было вообще два на графство; но что было въ городахъ и особенно въ мѣстечкахъ!... Изъ одного отчета 1790 года видно, что въ то время Лондонъ съ 500,000 жителей имѣлъ только 4 представителя. И знаете ли сколько ихъ было въ корнуэльскомъ графствѣ, число жителей котораго не превосходило 175,000?— 44! Въ томъ же самомъ 1790 году 375 избирателей, раздѣленные на 30 мѣстечекъ, посылали въ палату не менѣе 60 членовъ! Депутатъ отъ Тивертонъ избирался 14 избирателями, а депутатъ отъ Тавистока 10 избирателями! Въ этомъ перечисленіи особенное вниманіе заслуживаетъ мѣстечко «Old sarnum». Во времена Генриха VII это была положительная пустыня, а во времена «Reform Bill» это было мѣстечко состоявшее изъ пяти или шести лачугъ, обитаемыхъ десяткомъ людей. Тѣмъ не менѣе оно пользовалось честью имѣть двухъ представителей въ палатѣ общинъ, которыхъ назначали обыкновенно повѣренныя владѣльца или его лакеи. Если вы удивляетесь этому, то что скажете вы о другомъ мѣстечкѣ, которое было поглощено моремъ и все-таки продолжало имѣть представителей? Владѣлецъ берега уплылъ на лодкѣ самъ четвертъ и выборы совершались въ лодкѣ посреди моря. Сцена эта мнѣ все-таки нравится; но я предпочитаю ту, о которой рассказывалъ мнѣ лордъ адвокатъ въ 1831 году и которая сохранялась еще въ памяти у людей въ Бутѣ, въ Шотландіи. Представьте себѣ избирательное собраніе, состоящее кромѣ шерифа и дѣлопроизводителя, записывающаго голоса, изъ од-

ного избирателя. И этот милый человек сѣлъ въ креслѣ какъ председатель, важно сдѣлалъ обычную перекличку, самъ отозвался на нее, подалъ за себя свой голосъ, предложилъ себя въ депутаты, поддержалъ перваго подавнаго это мнѣніе, пустилъ его на голоса и былъ единогласно избранъ.

Теперь два слова объ избирательныхъ подкупахъ, господствовавшихъ повсемѣстно.

Тамъ, гдѣ интересы были несогласны, кандидатамъ приходилось входить въ сдѣлку съ избирателями, нужно было просто покупать ихъ голоса. Напрасно запрещалъ законъ эту недостойную торговлю: не нужно было даже придумывать особенно замысловатыхъ средствъ для избѣжанія закона; достаточно было самыхъ грубыхъ предложений. Избирателямъ платили какъ будто агентамъ или афишерамъ и еще какъ нибудь. А не то такъ голосъ ихъ покупался подъ видомъ какого либо другаго товара. Безполезно прибавлять, что цѣны были непомерныя; какъ напр. 800 фунт. ст. (20,000 фр.) выданные въ 1790 году за смородинникъ. Въ 1784 избраніе Вестминстеромъ Фокса обошлось послѣднему не менѣе 18,000 фунт. ст. (450,000 фр.); а Альбани Фонбланкъ рассказываетъ, что однажды въ Лейчестерширѣ происходили такіе спорные выборы и кандидатамъ пришлось платить такъ дорого, что одинъ изъ нихъ, дѣйствительно и избранный, заплатилъ за свой выборъ такую сумму, что даже его наслѣдники должны были ежегодно платить ренту въ 15,000 фунт. ст. (375,000 фр.)!

Таковы были ужасныя злоупотребленія, которыя слѣдовало искоренить, когда явился «билль о реформѣ». Искоренилъ ли онъ ихъ совершенно, — это я разсмотрю въ слѣдующемъ письмѣ.

CV.

28-го ноября.

ВЫБОРЫ ВЪ АНГЛІИ ПОСЛѢ „БИЛЛЯ О РЕФОРМѢ.“

Билль о реформѣ 1832 года конечно во многихъ отношеніяхъ улучшилъ существовавшее до него положеніе вещей. Но все-таки и теперь еще существуютъ многочисленныя злоупотребленія. Вити, имѣвшіе власть въ 1832 году, безкалостной рукою уничтожали тѣ «гнилыя мѣстечки», которыя находились подъ вліяніемъ торійской партіи; но были очень снисходительны къ тѣмъ изъ гнилыхъ мѣстечекъ, которыя находились подъ ихъ собственнымъ вліяніемъ. Право посылать депутатовъ въ парламентъ было отнято у маленькихъ непачительныхъ мѣстечекъ и было дано значительнымъ городамъ, которые, какъ напр. Манчестеръ и Бирмингамъ, вовсе не имѣли этого права; а обширныя графства, каковы напр. Чеширское, Ланкаширское, Соррейское и Корнуэльское, получили каждое по четыре представителя, вмѣсто прежнихъ двухъ. Но билль о реформѣ не осмѣлился прикоснуться къ священному ковчегу ограниченнаго права выборовъ и сдѣлать изъ него право всеобщей подачи голосовъ. Избирательнымъ злоупотребленіямъ только назначенъ былъ нѣкоторый предѣлъ: но они не вырваны съ корнемъ, и въ настоящее время вліяніе денегъ сильно тяготѣетъ надъ свободою выборовъ.

Билль о реформѣ у 56 мѣстечекъ, населеніе которыхъ не превышало въ 1831 году 2 тысячъ на каждое изъ нихъ и которые всѣ вмѣстѣ назначали въ палату общинъ до 111 членовъ, отнялъ совсѣмъ несправедливую и вопіющую привиллегію, которой они пользовались.

У тридцати мѣстечекъ, имѣвшихъ населеніе менѣе чѣмъ въ 4 тысячи душъ въ каждомъ, право посылать двухъ членовъ въ палату было замѣнено правомъ посылать только одного. Такое же право избирать одного депутата было дано

вновь 22 мѣстечкамъ, изъ которыхъ каждое имѣло населеніе въ 12 тысячъ душъ и болѣе. Въ Шотландіи число представителей городовъ было увеличено съ 15 на 23. Въ Ирландіи учреждены были новыя мѣстечки, и право представлять двухъ депутатовъ вмѣсто одного дано было 45 значительнымъ городамъ и кромѣ того дублинскому университету.

Эти перемѣны составляли собою дѣйствительный прогрессъ; но онѣ нисколько не уменьшаютъ силы тѣхъ соображеній, на основаніи которыхъ можно было требовать прогресса болѣе широкаго и болѣе дѣйствительнаго.

Эти соображенія легко представить въ нѣсколькихъ цифрахъ.

Прежде всего, ничего не можетъ быть несправедливѣе и нецѣлѣе самаго распредѣленія избирательнаго права. Джоржъ Вильсонъ показалъ, что въ палатѣ общинъ 330 членовъ, т. е. большинство ея, избираются 160,000 или 170,000 человекъ, изъ полмилліона избирателей, которые владѣютъ избирательнымъ правомъ въ трехъ королевствахъ; что Ланкаширъ и Вестъ-Ридинъ посылаютъ не болѣе 45 членовъ въ парламентъ, не смотря на то, что ихъ населеніе равняется населенію 18 графствъ, которые избираютъ въ палату общинъ 167 членовъ; и что 2 члена, которыхъ посылаетъ Тетфордъ служатъ представителями населенія только въ 4 тысячи жителей и назначаются только 216 избирателей, тогда какъ Бенсъ, депутатъ Лидса, служитъ представителемъ населенія въ 200 тысячъ жителей и назначается 7,000 избирателей. Что можно отвѣтить на эти цифры?

Другой капиталъный недостатокъ избирательной системы, это излишнее ограниченіе избирательнаго права.

Въ графствахъ избирательное право принадлежит исключительно:

1) Тѣмъ, которые владѣютъ собственностью, приносящею 40 шиллинговъ (50 франк.) ежегоднаго дохода;

2) Тѣмъ, которые пожизненно владѣютъ имѣніемъ приносящимъ по крайней мѣрѣ 10 фунт. стерл. (250 франк.) ежегоднаго дохода;

3) Тѣмъ, которые нанимають какъ квартиранты или фермеры собственность въ 10 фунт. стерл., если наемный контрактъ сдѣланъ на 60 лѣтъ и въ 50 фунт. стерл. (1,250 франковъ), если срокъ контракта не менѣе 20 лѣтъ.

Въ городахъ и мѣстечкахъ, чтобы имѣть избирательное право, нужно быть собственникомъ или нанимателемъ дома, приносящаго 10 фунт. стерл. годоваго дохода, или же имѣть привиллегію свободы, или гражданства, т. е. быть въ числѣ свободныхъ людей, или гражданъ (freemen или burgesses).

Такимъ образомъ собственность есть знакъ политической развитости человѣка и основаніе избирательнаго права.

И вотъ что происходитъ вслѣдствіе этого. Ограничительныя условія, стѣсняющія въ Англіи избирательное право, даютъ слѣдующіе результаты, если ихъ выразить въ числахъ:

Число депутатовъ 658

Число избирателей. 1,269,173

Народонаселеніе. 28,893,061

Такимъ образомъ у народа свободнаго, просвѣщеннаго, любящаго порядокъ, право избирать 658 лицъ, долженствующихъ служить представителями націй, находится въ рукахъ только около 1,000,000 людей, тогда какъ все населеніе составляетъ около 30,000,000.

Лордъ Брумъ, котораго нельзя считать утопистомъ или революціонеромъ, не задумался назвать большою несправедливостью систему, ставящую политическія права въ зависимость отъ владѣнія извѣстнаго рода недвижимою собственностью. Онъ спрашиваетъ, по какой логикѣ владѣльцу лачуги, дающей въ годъ 10 фунт. стерл., предоставляютъ право, котораго не имѣетъ человѣкъ, владѣющій милліонами фунт. стерл. государственныхъ фондовъ? И потомъ, если фактъ пріобрѣтенія имущества можетъ служить мѣркою политической развитости, то эта мѣрка должна разъ навсегда рѣшать вопросъ и избиратель, пріобрѣтшій собственность, долженъ былъ бы навсегда быть избирателемъ; а между тѣмъ человѣкъ богатый лишается избирательнаго права, какъ только онъ перестаетъ быть богатымъ. Противорѣчіе вопиющее!

Но я никогда не кончилъ бы, еслибы захотѣлъ подробно перечислять всѣ несообразности англійской избирательной системы. Достаточно только замѣтить, что въ высшей степени странно давать право представительства не людямъ, но полямъ, лугамъ, деревьямъ, камнямъ и звѣрямъ. А въ Англіи имѣеть право представительства не народонаселеніе, а земля, и притомъ только извѣстная часть земли, получившая привилегію неизвѣстно для чего и неизвѣстно какъ. Вы получите ясное понятіе о томъ, какъ распредѣляется здѣсь избирательное право, если взглянете на слѣдующія цифры, относящіяся впрочемъ къ 1859 году; но я предполагаю, что и до сихъ поръ въ нихъ не произошло никакого важнаго улучшенія и ихъ пропорціональное значеніе вѣроятно не измѣнилось.

Въ Йоркширѣ есть три мѣстечка, изъ которыхъ каждое посылаетъ двухъ членовъ въ парламентъ, т. е.:

Кларесборо, избирательное населеніе	212
Ричмондъ « «	340
Рипонъ « «	353
Итого	905

Но три «Ridings» въ Йоркѣ, изъ которыхъ каждый посылаетъ въ парламентъ тоже число депутатовъ, т. е. по два, заключаютъ въ себѣ не менѣе 56,176 избирателей, т. е.:

Восточный Riding избирательное народонаселеніе	7,530
Сѣверный Riding « «	11,319
Западный Riding « «	37,319
Итого	56,176

Другими словами, между англичанами, призванными выражать власть народа, есть такіе, которые будто бы имѣють въ 50 разъ болѣе этой власти, чѣмъ другіе подобные имъ англичане.

Предоставляю послѣ этого вамъ самимъ сообразить, какво должно быть вліяніе нѣсколькихъ богатыхъ собственниковъ и знатныхъ господъ на избирательныя собранія, состоящія изъ какихъ нибудь двухъ сотъ избирателей. Но не думайте,

что это вліяніе дѣйствуетъ тайно, съ осторожностію и стыдливостію.

Вотъ вамъ на этотъ счетъ документъ очень забавный.

Нѣкоторые избиратели графства Лондондери, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вздумали было подавать избирательный голосъ по своему собственному желанію и просили позволенія на это у маркиза Ватерфорда, ихъ хозяина и господина, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Нижеподписавшіеся, убѣжденные, что ваша милость отъ души преданы своимъ арендаторамъ, берутъ на себя смѣлость почтительнѣйше просить отъ васъ позволенія подавать избирательный голосъ на предстоящихъ выборахъ, согласно съ внушеніемъ ихъ совѣсти, и умоляютъ вашу милость изволить приказать вашему агенту помогать имъ въ тѣрномъ и нелицепріятномъ употребленіи ихъ избирательныхъ правъ. Многіе лэндлорды въ этомъ графствѣ уже сдѣлали это. Такъ какъ требованіе подобной милости совершенно резонно, то арендаторы ваши надѣются, что просьба ихъ не будетъ отвергнута и вслѣдствіе этого они рѣшились отправить депутацію къ вашей милости и проч.»

Отвѣтъ:

Ашбрукъ, 3-го апрѣля.

Милостивый государь, маркизь Ватерфордъ поручилъ мнѣ извѣстить васъ о полученіи вашего письма и приложенной при немъ записки нѣкоторыхъ изъ его арендаторовъ въ этомъ графствѣ и сказать вамъ, что его желаніе состоитъ въ томъ, чтобы они подавали голосъ за Кларка и сэра Брюса

Преданный вамъ І. Б. Бересфордъ.»

Что касается до самаго хода выборовъ, то зрѣлище ихъ было бы чрезвычайно любопытно, если бы оно было только не старо. Цѣлыя кппы листовъ, на которыхъ напечатаны политическія убѣжденія кандидатовъ, летаютъ надъ головами избирателей; цѣлыя кучи объявленій, разбросанныхъ повсюду; кандидаты придумываютъ ловкіе финансовыя маневры, под-

крѣпяемые въ случаѣ нужды нѣжными взорами и умоляющими словами ихъ женъ или ихъ дочерей; вѣрные помощники кандидатовъ бѣгаютъ по улицамъ, чтобы собирать голоса и въ пользу платящаго имъ патрона истощаютъ все свое краснорѣчіе, которое очень часто пахнетъ портеромъ и элемъ; кабаки наполнены гостями, которые съ стаканами въ рукахъ прославляютъ добродѣтели гражданина, ихъ избранника, и кутящіе на его счетъ; запоздавшему или лѣнивому избирателю даются средства на проѣздъ расточительною предусмотрительностію будущаго избранника; на мѣстѣ выборовъ оглушительные привѣтственные крики спорятъ съ недовольными криками, при чемъ иногда не обходится безъ очень непримечныхъ выходокъ; безчисленные стычки, въ которыхъ проливаются потоки... пива. Вся эта несообразная смѣсь подкупа и страсти, продажности и патріотизма, всѣ эти почести, какія богатство оказываетъ испорченности,—все это не ново уже въ Англіи.

Но если эти картины забавляютъ путешественника, то философа они печалить. Вы бы ужаснулись, если бы я рассказъ вамъ въ подробности сцены безпорядка и насилія, къ которымъ иногда подають поводъ выборы. Какъ вамъ покажется наприм., что въ Киддерминсирѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ противники кандидата Лоу задали ему и его партизанамъ настоящее сраженіе и жены приносили въ своихъ передникахъ камни, которыя ихъ мужья должны были бросать въ противниковъ.

Я знаю, что «Corrupt practices act» старался положить конецъ избирательнымъ злоупотребленіямъ и подкупамъ; мнѣ извѣстно, что попытки къ подкупу, если они будутъ доказаны, влекутъ за собою потерю избирательнаго права; я не отрицаю, что существуетъ election auditor, обязанный контролировать издержки, сдѣланныя по выборамъ; я признаю наконецъ, что парламентъ уничтожилъ нѣкоторые выборы за бывшіе при нихъ подкуны и отнялъ избирательное право у нѣкоторыхъ округовъ, примѣромъ чего могутъ служить 4 мѣстечка, у которыхъ отнято было право голоса въ 1852 году: но я знаю также и обязанъ это сказать, что избирательные подкуны еще

не изгнаны окончательно изъ нравовъ, что законъ весьма часто обходится и строгость парламентской юстиціи перехитрится.

Такъ какъ всѣ издержки по избранію, а они не маловажны, падаютъ на счетъ кандидатовъ; такъ какъ они должны платить за залы, гдѣ собираются комитеты, за печатаніе безчисленныхъ циркуляровъ и объявленій, платить за разноску афишъ всѣхъ размѣровъ и цвѣтовъ, платить за устройство hustings или подмостковъ, съ которыхъ они должны льстить народу, платить за устройство бараковъ, въ которыхъ происходитъ poll, т. е. записываніе поданныхъ голосовъ, платить наконецъ за добавочныхъ констэблей и пр. и пр., то понятно, что они имѣютъ тысячи средствъ прикрыть не дозволенные издержки издержками законными.

Если я не ошибаюсь, то законъ, называемый *Corrupt practices act*, былъ изданъ въ августѣ 1854 года, и я помню, что по этому случаю завязался сильный споръ о томъ, нужно ли считать дозволенными издержками плату какую кандидатъ платитъ избирателямъ за проѣздъ, если они живутъ далеко отъ мѣста выборовъ. Тѣ, которые отвѣчали на этотъ вопросъ утвердительно говорили, что это вовсе не значитъ подкупать бѣднаго избирателя, если ему даютъ средства для проѣзда, т. е. для пользованія своимъ избирательнымъ правомъ; но тѣ, которые отвѣчали отрицательно, доказывали, что эта практика есть ничто иное, какъ скрытое средство покупать голоса.

Актъ 1854 года запрещаетъ банкеты наканунѣ, или въ самый день выборовъ; но какъ же запретить избирателямъ пить вмѣстѣ, если они этого захотятъ и если дѣлаютъ это на свой счетъ? Такъ же точно актъ 1854 года запрещаетъ кандидату покупать знамена, флаги и нанимать музыкантовъ; но тѣмъ не менѣе знамена и толпы музыкантовъ всегда фигурируютъ при выборахъ, и говорится, что за это платитъ не кандидатъ.

Итакъ, въ чемъ же заключается сила закона, воспреещающаго избирательные подкупы? Онъ только ставитъ препятствія, которыя можно и обойти, вотъ и все; и такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока не совершится реформа въ самихъ нравахъ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе еще на другой фактъ. Способъ и форма выбора могли бы быть измѣнены съ большою пользою и напр. устранилось бы много неудобствъ, если бы сами кандидаты не присутствовали на выборахъ.

Трудно понять, какая польза отъ этой выставки личности кандидата. Говорятъ, онъ долженъ показаться народу, чтобы высказать передъ нимъ свои мнѣнія и свои чувства. Было бы прекрасно, если бы только эта цѣль достигалась; но она вовсе не достигается. Несчастный ораторъ не успѣетъ еще открыть рта, какъ его голосъ безжалостно заглушается криками одобренія или неодобренія со стороны его друзей или партизановъ его противника; напрасно онъ умоляетъ о молчаніи своими взорами и жестами, шумъ продолжаетъ увеличиваться и наконецъ превращается въ настоящую бурю. Рѣчь почти на каждой фразѣ прерывается безобразными криками; раздается свистъ, ревъ и подражаніе крикамъ разныхъ животныхъ. Станный способъ передачи мыслей! Поучительный обмѣнъ идей посредствомъ слова! Нечего уже и говорить о томъ, что недовольные крики часто переходить въ недовольные факты, что унижаетъ и тѣхъ, кто это дѣлаетъ, и тѣхъ, противъ кого это дѣлается.

До какого отреченія отъ своего человѣческаго достоинства унижается тотъ, кто для полученія привилегіи тотчасъ же приставить къ своей фамиліи ничтожныя буквы М. Р. (т. е. членъ парламента), рѣшается подвергаться ударамъ гнилыхъ яблоковъ и шансамъ быть обсыпаннымъ сажей и позорно бѣжать! Цѣнокъ какихъ униженій покушается эта побѣда, если она одержана! И какъ трудно бываетъ переносить поражение послѣ того, какъ человѣкъ добровольно унижился, разсчитывая повыситься послѣдствіи.

Нельзя сказать, чтобы избирательные порядки, о которыхъ я говорилъ, не имѣли причинъ и въ то время, когда они начались. Въ эпоху, когда публичные митинги были рѣдки, когда дешевая пресса не существовала, когда народъ читалъ мало, появленіе кандидата во время выборовъ было дѣломъ почти неизбѣжнымъ, но причинамъ діаметрально противопо-

ложнымъ тѣмъ, которыя въ настоящее время дѣлають излишнимъ его присутствіе.

Нужно замѣтить, что безпорядки во время выборовъ производятъ не избиратели, т. е. не тѣ люди, голосъ которыхъ записывается на бумагѣ; безпорядки начинаются вообще тѣми, которые участвуютъ только въ предварительной и чисто формальной подачѣ голосовъ, которая совершается чрезъ поднятіе рукъ; извѣстно, что такая подача ничего не значить, какъ скоро есть недовольные, которые потребуютъ чтобы производился roll, т. е. записываніе поданныхъ голосовъ, хотя бы этого требовалъ одинъ только человѣкъ. Такимъ образомъ подача голоса чрезъ поднятіе рукъ есть избирательное право тѣхъ, которые не имѣютъ этого права.

Но безпорядки, которые производитъ эта толпа лишенныхъ права голоса, не происходятъ ли отъ того именно, что они лишены этого права? Насильственный способъ, которымъ неизбиратели стараются дать силу своему вліянію, не имѣетъ ли источника въ томъ именно, что они лишены права вліять правильно и дѣйствительно на ходъ общественныхъ дѣлъ? Тотъ, кто бросая камень воображаетъ, что дѣлаетъ этимъ гражданское дѣло, впасть ли бы онъ въ это плачевное заблужденіе, если бы имѣлъ право дѣлать гражданское дѣло, подавая свой голосъ? Вотъ о чемъ должны поразмыслить государственные люди этой страны!

Какъ вы видите, есть много аргументовъ, доказывающихъ необходимость новой реформы. Но не будемъ же и преувеличивать ничего. Кто станетъ судить о заслугахъ представительнаго правленія въ Англіи только по этимъ чертамъ, тотъ будетъ судить поверхностно. Общественное мнѣніе всегда видитъ истинный свѣтъ черезъ болѣе или менѣе прискорбные случаи этой странной Иліады. Голоса, которые покунаетъ одинъ кандидатъ, нейтрализуются другими голосами, которые покунаетъ его противникъ, и такимъ образомъ въ концѣ концовъ побѣда остается за тѣми независимыми голосами, которые наилучшимъ образомъ соотвѣтствуютъ желанію общества. А главное, среди этого свободного столкновенія мнѣній и идей,

способности сужденія гражданъ упражняется, умъ ихъ просвѣщается и глаза ихъ устремляются на всѣ стороны каждаго вопроса ихъ интересующаго, и ихъ частное существованіе отождествляется съ существованіемъ ихъ страны. Съ другой стороны, тѣ, которые отваживаются на злоупотребленія при выборахъ, почти всегда даютъ избирателямъ обязательство защищать въ парламентѣ самыя настоятельныя реформы, и такимъ образомъ прогрессъ идетъ неуклонно своей дорогой.

CVI.

Декабрь.

«TICKET OF LEAVE» MEN.

Маколей рассказываетъ, что когда Вильгельмъ III купилъ у графа Ноттингама Кенсинтонскій дворецъ и поселился тамъ, англійская аристократія была этимъ чрезвычайно недовольна, и любопытно, по какой причинѣ. Въ настоящее время «Kensington-House» составляетъ часть Лондона, но во время Вильгельма III это былъ деревенскій замокъ. Какая же возможность добраться туда безопасно? Газовое освѣщеніе тогда еще не было изобрѣтено. Фонарей не существовало. Дорога изъ Пикадилли въ Кенсингтонъ, по которой я проходилъ въ продолженіе двухъ лѣтъ каждую ночь, засунувъ руки въ карманы и висколько не думая о томъ, въ какое время я иду, во времена Вильгельма III была еще больше наводнена разбойниками, чѣмъ нѣкогда знаменитый Бондійскій лѣсъ, и естественно, что лорды и лэди конца XVII вѣка находили очень непріятнымъ, что имъ нельзя было отправляться во дворецъ вечеромъ, не рискуя быть убитыми на дорогѣ.

Я вспоминаю, что когда я, нѣсколько лѣтъ назадъ, читалъ у Маколея отрывокъ, о которомъ идетъ рѣчь, я благословилъ цивилизацію, доставившую намъ газъ и полисменовъ. Но увы! теперь я начинаю сомнѣваться во всемъ, и въ цивилизаціи,

и въ полисменахъ, и въ дѣйствительности газа. Откройте наудачу какую угодно газету, и вы навѣрно встрѣтите тамъ рассказы о ночныхъ нападеніяхъ. Тутъ рассказываютъ о женщинѣ, ограбленной на самой оксфордской улицѣ, при огнѣ лампъ, затопляющихъ свѣтомъ входъ въ очень посѣщаемую музыкальную залу; тамъ о неблагоустроенномъ обладателѣ часовъ, который не позаботился припрятать цѣпочку, и едва не былъ задушенъ, когда проходилъ изъ Бондъ-стрита въ Пикадилли. Каждое утро лэди за завтракомъ имѣетъ удовольствіе читать какую нибудь занимательную исторію о ворахъ, и яростные комментаріи со стороны газеты, ее рассказывающей; потому что между журналистами, этимъ классомъ людей обладающихъ часами и обыкновенно поздно возвращающихся домой, распространилась паника. Замѣчательно, что господа воры кажется тщеславятся своей храбростью. вмѣсто того, чтобы жалкимъ образомъ подстергать свою добычу въ какомъ нибудь темномъ закоулкѣ, вмѣсто того, чтобы выбирать театромъ своихъ подвиговъ

Quelque endroit écarté

Ou d'être un assassin l'on ait la liberté *)

они, точно по рыцарскому духу, предпочитаютъ самые населенные кварталы города; и хорошо освѣщенныя улицы не имѣютъ для нихъ ничего непріятнаго. Надо замѣтить, что они не прибѣгаютъ ни къ какимъ компромиссамъ; они не кричатъ вамъ: «кончелось или жизнь!» что еще дѣлаетъ возможнымъ мировую сдѣлку. Ударъ кистевемъ,—вотъ единственное предостереженіе, которое они дѣлаютъ.

Кончилось тѣмъ, разумѣется, что такое милое положеніе вещей сдѣлалось теперь предметомъ всеобщихъ толковъ. Очень нужно знать, почему федеральное правительство смѣнило генерала Макъ-Клеллана, или въ чемъ должно состоять посредничество, или какого короля изберутъ себѣ греки! Главный вопросъ въ томъ, можно ли будетъ выходить вечеромъ, не рискуя имѣть исторію съ какимъ нибудь разбойникомъ?

*) Какое нибудь глухое мѣсто, гдѣ свободно можно убивать.

Вы спросите, что же дѣлаетъ въ настоящее время правительство и что сдѣлалось съ лондонской полиціей, организація которой считается наилучшею въ мірѣ? Этого кажется никто не знаетъ; газеты не перестаютъ требовать отвѣта на этотъ вопросъ, и дѣло еще не много подвинулось впередъ. Сэръ Ричардъ Майнъ увеличилъ число полисменовъ; но на бѣду ихъ не бываетъ именно тамъ, гдѣ желательно ихъ присутствіе. Со стороны власти конечно очень естественно, что она прибываетъ на улицахъ Совѣты публикѣ о томъ, что каждый самъ долженъ заботиться о своей безопасности; но согласитесь, что въ такомъ совѣтѣ нѣтъ ничего успокоительнаго. Во всякомъ случаѣ онъ имѣетъ тотъ недостатокъ, что доказываетъ, какъ налоги несоразмѣрно велики сравнительно съ пользой, которую они приносятъ. Если каждый самъ долженъ быть своимъ собственнымъ полисменомъ, къ чему же ему платить на содержаніе полисменовъ?

Какъ бы то ни было, но при такомъ положеніи дѣлъ многія отчаявшіяся газеты ничего не находятъ сказать, кромѣ безнадежнаго совѣта: «На Бога надѣйся, а самъ не плошай». Насъ уверяютъ со всѣхъ сторонъ, что если мы не вооружимся хорошимъ револьверомъ, съ твердымъ намѣреніемъ воспользоваться имъ при случаѣ, мы люди погибшіе. Вы не можете себѣ представить, съ какимъ жаромъ нѣкоторыя газеты совѣтовали всякому, кому еще не пришла охота умирать, воспользоваться примѣромъ мистриссъ Норманъ, въ Горвичъ-Эндѣ, Whaley-I ridge, въ графствѣ Дерби. Разъ ночью, когда эта дама занималась своимъ ребенкомъ, она услышала въ своей гостиной необыкновенный шумъ. Не будя мужа, который былъ тогда боленъ, она вооружается револьверомъ, идетъ внизъ, видитъ въ комнатѣ, изъ которой доносился шумъ, человека, державшаго въ рукахъ зажженную свѣчу, цѣлитъ въ него и попадаетъ вору прямо въ грудь. Съ нимъ былъ товарищъ, который ждалъ его на улицѣ и который успѣлъ унести окровавленное тѣло; но судъ уже свершился. Остается знать, не слѣдуетъ ли съ этого времени нашимъ дамамъ носить карманные пистолеты въ своихъ рабочихъ мѣшкахъ, кинжалы за своими

подвязками, и тогда нужно будетъ, чтобы каждый домъ защищался своей собственной Жанной д'Аркъ. Впрочемъ этотъ способъ собственной расправы имѣеть свои неудобства. Однажды вечеромъ одного изъ моихъ друзей зѣзливо остановилъ, при поворотѣ въ другую улицу, какой-то человѣкъ и спросилъ у него что-то, чего тотъ хорошенько не разслышалъ. Подъ вліяніемъ паническаго страха, мой другъ, не долго думая, отвѣтилъ ему страшнымъ ударомъ кулака, отъ котораго неизвѣстный господинъ свалился на мостовую. Рассказывая мнѣ этотъ фактъ, мой пріятель признавался, что когда у него прошло первое впечатлѣніе страха, ему пришлось пожалѣть объ излишней живости своего отвѣта; несчастный виновать былъ только въ томъ, что спросилъ у него о дорогѣ. Предположимъ теперь, что вмѣсто удара кулакомъ, отвѣтомъ былъ бы пистолетный выстрѣлъ? Страшно подумать, въ какія убійственныя ошибки могли бы впасть первые люди, вооруженные съ ногъ до головы, въ тѣхъ случаяхъ, когда бы имъ показалось, что приближающійся къ нимъ человѣкъ хочетъ убить ихъ.

Съ другой стороны, нельзя же подвергать себя опасности быть убитымъ изъ-за того, что стриптизо всегда носить оружіе; что же касается до утонченнаго чувства филантропін, то въ Англіи никто не поддастся ему, такъ какъ Англія не есть отечество тѣхъ епископовъ, которые находятъ прекраснымъ, если какой нибудь сомнительный посѣтителъ уносить ихъ серебро *).

Что же дѣлать? Неужели же намъ суждено увидѣть возвращеніе одной изъ столицъ цивилизованнаго міра къ нравамъ среднихъ вѣковъ, или, лучше сказать, къ образу дѣйствія дикарей?

Чтобы найти средство противъ зла, первымъ условіемъ было бы отдать себѣ ясный отчетъ о причинахъ этого зла. Должно ли искать этихъ причинъ единственно въ системѣ ticket of leave, какъ думаетъ здѣсь общественное мнѣніе?

*) Намекъ на епископа въ романѣ Гюго, *Les Misérables*.

Примѣч. переводч.

Вы знаете, что подъ названіемъ *ticket of leave men* здѣсь разумѣются тѣ осужденные, которыхъ правительство можетъ освобождать до истеченія положеннаго срока наказанія, въ случаѣ, если они хорошо вели себя во время заключенія. Между преступниками этого разряда конечно бываютъ такіе, которыхъ дѣйствующій-нынѣ способъ тюремнаго содержанія возвращаетъ къ лучшимъ чувствамъ; но есть и такіе, которые не поддаются никакимъ опытамъ нравственнаго воспитанія, которые лицемѣрно показываютъ покорность и раскаяніе, пока находятся во власти тюремщика, но возвратившись въ общество, становятся дикими животными, вырвавшимися изъ звѣринца. Прибавьте къ этому, что на преступникѣ всегда остается клеймо преступленія, что всѣ глаза отворачиваются отъ него, всѣ двери запираются передъ нимъ, и что нрѣдко онъ встрѣчаетъ непобѣдимыя препятствія въ своихъ усиліяхъ проложить себѣ дорогу къ правильной жизни. Отсюда опасность, которая заключается въ самой сущности системы, какой бы симпатіи ни заслуживала идея, состоящая въ томъ, чтобы сдѣлать наказаніе средствомъ къ воспитанію человѣка, навлекшаго на себя это наказаніе.

Читая рассказы объ усилившихся преступленіяхъ, театромъ которыхъ сдѣлался въ настоящее время Лондонъ, и слыша крики, поднявшіеся при этомъ случаѣ противъ *ticket of leave men*, сэръ Джошуа Джеббъ, въ длинномъ письмѣ, переполненномъ статистическими данными, поспѣшилъ заявить публикѣ, что къ этимъ бѣднымъ освобожденнымъ преступникамъ въ Англіи чрезвычайно несправедливы; что они совсѣмъ не такъ дурны, какъ ихъ представляютъ; что на 1,895 преступниковъ, получившихъ свободу въ 1854 году, число рецидивовъ было, преодоленіи восьми лѣтъ, не больше какъ 9 на 100; что этихъ рецидивовъ пришлось дѣйствительно болѣе 15 на 100 въ числѣ 2,007 преступниковъ, получившихъ свободу въ 1856; но что все таки преступленія, совершенныя *ticket of leave men*, составляютъ сравнительно очень небольшое число въ суммѣ убійствъ и кражъ, совершенныхъ всѣми вообще преступниками: что съ 1853 число освобожденныхъ не превы-

шало 1,400 человѣкъ въ годъ, тогда какъ число преступниковъ, извѣстныхъ полиціи, простирается по крайней мѣрѣ до 123,049 человѣкъ, которые имѣютъ пристанище въ 23,946 домахъ,—или логовищахъ, какъ сказалъ бы другой на мѣстѣ сэра Джошуа Джебба.

Не знаю, на сколько точны приведенныя цифры; знаю только, что эта защита *ticket of leave men* не имѣла никакого успѣха. Публика, до свѣдѣнія которой судебная хроника каждый день доводитъ о подвергшихся судебному преслѣдованію герояхъ почныхъ экспедицій, ужасающихъ Лондонъ, совершенно не хочетъ принимать доводовъ сэра Джошуа Джебба, который состоитъ директоромъ уголовныхъ тюремъ и слѣдовательно защищаетъ свой собственный приходъ. *Times* очень остроумно замѣтила, дня два или три назадъ, что если бы какая нибудь хозяйка захотѣла узнать самое вѣрное средство сберегать свои запасы отъ мышей, то конечно не стала бы брать совѣты объ этомъ у барона Тренка, для котораго мышь была самой любезной подругой, прибѣгавшей когда ее звали, танцовавшей на заднихъ лапкахъ, и бывшей для своего воспитателя предметомъ тысячи маленькихъ интересныхъ опытовъ. Дѣло въ томъ, что доводъ сэра Джошуа несправедливъ въ самомъ основаніи; онъ ссылается какъ на убѣдительное доказательство своихъ словъ, на число рецидивовъ, подтвержденныхъ судомъ; но развѣ считать ни во что тѣ случаи, когда рецидивы остаются безнаказанными? Объ этихъ послѣднихъ сэру Джошуа извѣстно не больше, чѣмъ вамъ или мнѣ, и публикѣ конечно совершенно извинительно приходитъ въ безпокойство, когда передъ ея глазами происходятъ примѣры такого рода, что преступниковъ, преданныхъ суду послѣ многочисленныхъ рецидивовъ, приходится наконецъ присуждать къ такому числу лѣтъ заключенія, какого они еще не прожили на свѣтѣ. И почему такъ? Потому, что воспитаніе, которое начинается только въ тюрьмѣ, уже очень запоздалая вещь. Почему еще? Потому, что нищета, ожидающая осужденнаго при выходѣ изъ тюрьмы, слишкомъ могущественна, чтобы не возвратитъ его туда снова. Считаете ли

вы возможнымъ излечить зачумленнаго тѣмъ, что выпустите его изъ госпиталя? Увѣрены ли вы, что отдавая ему свободу, вы не отдаете его во власть заразы?

Но если цифры, приведенныя сэромъ Джошуа, и не доказываютъ, что система *ticket of leave men* безупречна, они доказываютъ по крайней мѣрѣ тотъ фактъ, что уничтожить систему еще не значило бы уничтожить и этуязву. Представьте себѣ армію злодѣевъ изъ 123,049 человекъ, которая ежегодно пополняется изъ *ticket of leave men* только въ количествѣ 1,400 человекъ въ годъ! 123,049 разбойниковъ! По справедливому замѣчанію *Spectator* это гораздо больше, чѣмъ было солдатъ въ той арміи, съ которой Англія завоевала Индію.

Говорить ли теперь о предполагаемыхъ средствахъ? Одни требуютъ, чтобы усиленъ былъ надзоръ за освобожденными преступниками; другіе говорятъ объ учрежденіи патрулей изъ волонтеровъ, которые обходили бы впродолженіе ночи лондонскія улицы безъ трубъ и барабановъ; третьи предлагаютъ увеличить количество газовыхъ рожковъ; четвертые желаютъ, чтобы возвратились къ прежнему способу ссылки преступниковъ, забывая, что отъ этого способа пришлось отказаться за недостаткомъ такихъ колоній, которыя бы согласились служить сточной ямой для нечистотъ метрополи.

И никто не думаетъ о томъ, что среди насъ существуютъ двѣ всегда открытыя школы испорченности: нищета и невѣжество! Правда, что для того, чтобы попробовать захватить зло въ самомъ корнѣ, былъ бы необходимъ тотъ духъ общности, котораго въ Англіи совершенно недостаетъ, и та широта взглядовъ и безстрашіе, которыхъ недостаетъ вездѣ.

А между тѣмъ, какъ отрицать тотъ фактъ, что вопросъ благотворительности въ отношеніи къ бѣдняку составляетъ вопросъ безопасности въ отношеніи къ богатому? Унижающая тиранія для нерваго, нищета, соединенная съ невѣжествомъ, составляетъ вѣчную угрозу для втораго.

Возможно, конечно, что нѣкоторые люди уже неизбежно рождаются развращенными и что нравственная природа, какъ и физическая, имѣетъ своихъ уродовъ; но кто же осмѣлится

сказать, что природа производит людей необходимо раз-
вращенных въ той ужасающей пропорціи, какую мы видимъ
въ статистикѣ преступленій? И если воспитаніе и степень
благополучія ничего здѣсь не значать, почему же эти при-
родные уроды не распределяются равномерно во всѣхъ клас-
сахъ общества? Когда вы спрашиваете: «почему законъ нака-
заль этого человѣка?» вамъ отвѣчаютъ: «потому что этотъ
человѣкъ совершилъ преступленіе»; а когда вы спрашиваете:
«почему этотъ человѣкъ совершилъ преступленіе?» вамъ всего
чаще не отвѣчаютъ ничего.

• CVII.

2 декабря.

ГАРОТТЕРЫ.

Какъ выйти вечеромъ? Вотъ странный вопросъ, который
однако здѣсь дѣлаетъ каждый — до того усилились ночные
грабежи! Когда я говорю «каждый», я разумѣю тѣхъ, кото-
рые не имѣютъ собственной кареты и лакея, я говорю о зло-
получныхъ пѣшеходахъ, злополучныхъ вдвойнѣ, если они одѣ-
ты въ приличное платье, по которому можно заподозрить, что
у нихъ есть и часы.

Дѣйствительно, зло дошло въ настоящее время до такихъ
размѣровъ, которые сдѣлали изъ случаевъ уличнаго воровства
вопросъ государственной важности. Вѣроятная ли это вещь,
что Лондонъ въ серединѣ XIX вѣка становится тѣмъ, чѣмъ
пересталъ быть даже Бондійскій лѣсъ? — и однако же это
правда. Въ этомъ городѣ, такомъ многоядномъ и полномъ
движенія, въ этомъ городѣ, гдѣ больше чѣмъ въ какомъ ни-
будь другомъ мѣстѣ собраны орудія и средства защиты, соз-
данныя цивилизаціей, въ этомъ городѣ, гдѣ до настоящаго
времени, благодаря ловкой и превосходно организованной по-
лиціи, привыкли считать рѣшеннымъ вопросъ объ обществен-

ной безопасности, въ этомъ городѣ каждый долженъ подумать, при наступленіи ночи, — а въ такое время, какъ теперь, она не запаздываетъ, — можетъ ли онъ пуститься въ такое великое предпріятіе: выйти вечеромъ? Прощай театры! прощай клубъ! прощайте удовольствія! прощайте дѣла! какъ только на улицахъ нѣтъ дневнаго свѣта.

Еще... Повѣрите ли вы, что недавно въ два часа дня, женщина, шедшая въ одномъ изъ самыхъ многочисленныхъ и фешенебельныхъ кварталовъ Лондона, была остановлена мошенникомъ, который, не смотря на пронзительные крики своей жертвы, затащилъ ее за уголъ, гдѣ его ждали двое другихъ мошенниковъ, мужчина и женщина. Они уже готовились сорвать съ бѣдной женщины серьги и, за неимѣніемъ ничего лучшаго, обрѣзать ей волосы, чтобы потомъ продать ихъ, когда подбѣжало нѣсколько прохожихъ. И это, повторяю, въ самомъ центрѣ Лондона, въ два часа дня! Какъ вамъ правится этотъ случай? Не хотите ли вы новаго примѣра дерзости? Одинъ французъ шелъ около четырехъ часовъ вечера въ Гайдъ-Паркъ. Четверо этихъ любезныхъ джентльменовъ, которые павѣстны подъ именемъ гароттеровъ, бросились на него. Но вотъ что значитъ побывать въ зуавахъ! нашъ молодецъ къ счастью былъ нѣкогда зуавомъ, и зналъ въ совершенствѣ *la savate*. Въ одно мгновеніе двое нападающихъ, оглушенные и помятые, были сбиты съ ногъ, остальные двое обратились въ бѣгство. Прекрасно! Но вѣдь не всѣ же служили въ зуавахъ. Любопытно то, что когда, при выходѣ изъ парка, побѣдитель разсказалъ первому попавшемуся полицмену о своемъ приключеніи, тотъ воскликнулъ: «ну, какъ же можно ходить черезъ паркъ въ четыре часа вечера!» Все равно какъ могли бы сказать ограбленному путешественнику въ Германіи: «ну благоразумно ли проѣзжать черезъ Шварцвальдъ въ полночь!»

Вы начинаете думать послѣ этого, что газовые рожки — бесполезная роскошь. Старое изреченіе, что, «злѣдѣи боятся свѣта», въ Лондонѣ рѣшительно перестало быть справедливымъ. Не знаю, мѣтятъ ли господа гароттеры въ герои, счи-

таютъ ли они молодечествомъ пренебрегать висѣлицей, только знаю навѣрное, что въ войнѣ съ проходящими они какъ будто нарочно избираютъ полемъ сраженія самыя бойкія мѣста. Имъ бояться газа? Стоитъ того! Если понадобится, они покажутъ намъ свое искусство даже на Оксфордъ-стритѣ или Реджентъ-стритѣ, вытаскивая наши кошелки, предварительно разбивши намъ головы.

Надо замѣтить къ этому, что они всегда дѣйствуютъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Въ прежнія времена вамъ говорили: «кошелекъ или жизнь!» и это было еще хорошо, потому что отдавая одно, вы могли спасти другое. А тутъ Сганарель, если бы онъ говорилъ, объ этихъ господахъ опять могъ бы сказать: «мы перемѣнили все это». Они разсуждаютъ такъ: «попробуемъ взять жизнь, а кошелекъ явится самъ». И чтобы овладѣть и тѣмъ и другимъ, эти дурные шутники употребляютъ оружіе, которое называется по англійски life preserver, т. е. оружіе, предназначенное сохранять жизнь! Преданія о вѣжливости, о которыхъ напоминаютъ имена Картуша и Хозе-Маріа, какъ видите, или потеряны, или признаны несогласными съ прогрессомъ новѣйшихъ идей. Теперь начинаютъ съ того, что васъ убьютъ, а потомъ уже васъ ограбятъ.

Не думайте, что эти преступленія совершаются только по отдѣльнымъ, личнымъ вдохновеніямъ. Нисколько. Дѣла, ежедневно представляемыя полицейскимъ трибуналамъ, доказываютъ, что убійцы и воры, въ эту минуту приводящіе Лондонъ въ отчаяніе и ужасъ, составляютъ правильно организованную силу, повинуются дисциплинарнымъ правиламъ, дѣйствуютъ шайками, по тонкому расчету. Принципъ ассоціаціи замѣшивается и здѣсь!

Безнолезно прибавлять, что это производитъ всеобщее глубокое впечатлѣніе. Безпрестанно повторяющіяся преступленія составляютъ предметъ всѣхъ разговоровъ; газеты принимаютъ мрачный видъ отъ повѣствованій о числѣ этихъ преступленій и объ ихъ ужасномъ характерѣ; журналисты пишутъ объ этомъ мрачномъ вопросѣ безконечныя тирады; каждое утро правительству задаютъ вопросы, приняло ли оно и намѣрено

ли принять какия нибудь мѣры и, такъ какъ оно не даетъ отвѣта, то безпокойство возрастаетъ все больше и больше.

Съ другой стороны негодяи нисколько не пугаются шуму, который производятъ подвиги ихъ звѣрскаго удалства, и напротивъ, ихъ дерзость какъ будто удваивается отъ этого. Чѣмъ больше о нихъ говорятъ, тѣмъ чаще дѣлаются покушенія на убійство. И этого мало. Въ городѣ какъ будто распространяется какая-то страшная зараза. Преступленіе обращается въ манію. Однажды остановили двухъ маленькихъ дѣвочекъ лѣтъ по одиннадцати, которыя собирались попробовать гароттерское искусство на одной старухѣ, — по поводу чего «Times» восклицаетъ съ горечью: «ребенокъ Росцій можетъ быть весьма интереснымъ сюжетомъ на сценѣ; но въ криминальныхъ дѣлахъ это явленіе такого рода, которое вовсе не полезно поощрять.»

Гдѣ остановится развитіе этой нравственной заразы? Газеты безъ всякихъ околичностей совѣтуютъ горожанамъ самимъ позаботиться о собственной безопасности, совѣтуютъ запасаться хорошимъ оружіемъ и принять твердое рѣшеніе пустить это оружіе при случаѣ въ ходъ; онѣ съ большими похвалами записываютъ всѣ случаи, гдѣ энергически выполнилось право законной защиты; онѣ поощряютъ каждого защищать свое право самому, пока общество не найдетъ средствъ защищать себя какъ общество. У нѣкоторыхъ людей страхъ превратился наконецъ въ ярость; вчера одинъ мой знакомый англичанинъ, человекъ очень храбрый и очень эксцентрическій, признавался мнѣ, что его мучило болѣзненное нетерпѣніе доказать этимъ дерзкимъ негодямъ, что честные люди не боятся ихъ; съ этой цѣлью онъ купилъ себѣ револьверъ и отправился бродить съ нимъ ночью по улицамъ, которыя считаются наиболѣе опасными, въ надеждѣ, что на него нападутъ и что ему будетъ случай показать примѣръ. Вотъ до чего дошло дѣло.

Что касается до причинъ, общественное мнѣніе указываетъ ихъ двѣ, а именно: пріятное существованіе, какое доставляютъ преступникамъ въ тюрьмѣ, и затѣмъ подаваемая имъ надежда выйти изъ тюрьмы послѣ извѣстнаго испытанія раньше срока, назначеннаго въ приговорѣ, если только дис-

циплинарное управленіе тюрьмы найдетъ ихъ достаточно покорными и способными къ раскаянію.

Въ самомъ дѣлѣ, жизнь осужденныхъ преступниковъ въ Дартмурѣ или въ Портлендѣ такова, что объ ней могъ бы вздохнуть всякій парій свободнаго труда. И такъ дѣло идетъ не со вчерашняго дня. Въ книгѣ Э. Бульвера, подѣ названіемъ *England and the English*, мы читаемъ:

«Свободный поденщикъ можетъ получить на свое жалованье только 122 унцій пищи въ недѣлю, изъ которыхъ 13 унцій мяса.

«Бѣднякъ, находящійся на попеченіи прихода, получаетъ 151 унцію пищи въ недѣлю, изъ которыхъ 21 унція мяса.

«Преступникъ получаетъ 239 унцій пищи въ недѣлю, изъ которыхъ 38 унцій мяса.

Такимъ образомъ въ то время, когда Бульверъ писалъ свою книгу, матеріальное положеніе преступника въ Англіи было лучше положенія бѣдняка, получающаго свое содержаніе отъ прихода, а положеніе бѣдняка, получающаго свое содержаніе отъ прихода, было лучше содержанія честнаго, работающаго человѣка.

Говоритъ ли статистика иначе въ настоящее время? Нѣтъ. Лѣтъ пять тому назадъ, когда тюремная система подверглась сильнымъ нападеніямъ прессы, также какъ и теперь, и почти по такимъ же обстоятельствамъ, Робертъ Госкинсъ, начальникъ Пентонвилльской тюрьмы, обнародовалъ слѣдующія любопытныя цифры о содержаніи своихъ кліентовъ.

Завтракъ на человѣка въ день: какао $\frac{3}{4}$ пинты; хлѣба 10 унцій.

Обѣдъ: вареная говядина 4 унцій; супъ $\frac{1}{2}$ унцій; картофель 2 фунта; хлѣбъ 5 унцій.

Ужинъ: крупа 1 пинта; хлѣбъ 5 унцій.

Надобно замѣтить, что когда Робертъ Госкинсъ посвящала такимъ образомъ публику въ секреты Пентонвилльской кухни, цѣлью его было дать этой капризной публикѣ побѣдовосное доказательство, что преступники порученіе его заботамъ, получали только необходимое. Конечно Аппіцій вѣроятно не

совсѣмъ бы одобрилъ обѣденную карту пентонвильскихъ заключенныхъ. Но сколько есть честныхъ отцовъ семействъ, зарабатывающихъ свой хлѣбъ въ потѣ лица, которые считали бы себя счастливыми, если бы судьба ихъ обезпечена была также, какъ положеніе этихъ преступниковъ, описанное приведенными выше официальными цифрами.

Прибавьте къ этому перспективу получить свободу цѣною нѣсколько приличнаго поведенія или хорошо разыграннаго раскаянія, не смотря на приговоръ суда. Очевидно, что въ глазахъ преступниковъ, съ которыми поступаютъ такимъ образомъ, законъ сильно рискуетъ потерять долю своего устрашающаго значенія и слѣдовательно долю своей предупреждающей силы. Дѣйствительно, здѣсь вообще распространено мнѣніе, что безпорядки, наводящіе теперь страхъ на Лондонъ, должны быть приписаны *ticket of leave men*, выраженіе, обозначающее освобожденнаго преступника. Напрасно Джошуа Джеббъ, директоръ уголовныхъ тюремъ въ Англіи, клянется всѣми богами, что публика несправедлива въ отношеніи *ticket of leave men*, что кромѣ ихъ есть много преступниковъ и что напрасно обвинять въ жестокостяхъ, сдѣланныхъ другими, людей подвѣдомственныхъ ему, сэру Джошуа Джеббу... публика не хочетъ ничего слышать, и вопль, поднятый противъ *ticket of leave men* дѣлается все болѣе и болѣе грознымъ; до такой стѣпени грознымъ, что уже начинаютъ говорить о томъ, чтобы просто сдѣлать облаву на людей этой категоріи, хотя бы отъ этого и пострадалъ на нѣкоторое время столь дорогой англичанамъ принципъ личной свободы. Могу ли я найти болѣе поразительныя краски, чтобы изобразить вамъ и великость зла и степень тревоги?

Это зло требуетъ лекарства. Какого же?

Я думаю, что люди, которые видятъ это лекарство единственно въ болѣе строгомъ примѣненіи карательныхъ законовъ, въ увеличеніи времени тюремнаго заключенія или въ отмѣнѣ системы, которая такъ раскаяніе обѣщаетъ помплованіе, берутъ цѣло слишкомъ поверхностно. Язва идетъ гораздо глубже, чѣмъ они предполагаютъ, или показываютъ, что пред-

полагають. Для преступленія оставалось бы меньше мѣста, если бы было больше мѣста для труда; обществу меньше было бы нужды защищать то, чему оно покровительствуетъ, если бы оно больше думало о томъ, чему оно пренебрегаетъ покровительствовать; ему не представлялся бы неизбѣжный выборъ — или лишать карательные законы ихъ предупреждающей силы, или торговаться съ виновнымъ о цѣнѣ его раскаянія, если бы оно не позволяло дѣтямъ бѣдняковъ всасывать въ нищетѣ ядъ порока, — въ двухъ шагахъ отъ той тюрьмы, гдѣ священникъ читаетъ поученія сѣдоволосымъ злодѣямъ!

СѢЩЕ.

9 декабря.

ЕЩЕ ГАРОТТЕРЫ.

Я говорилъ вамъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ, какъ опасно стало выходить вечеромъ на лондонскія улицы. Опасность не только не уменьшилась, но возрасла еще больше. Напрасно газеты распространяются въ гнѣвныхъ возгласахъ; напрасно они приглашаютъ удвоить бдительность противъ разбойниковъ, свирѣпствующихъ въ городѣ; напрасно совѣтуютъ удвоить строгость противъ тѣхъ, которыхъ удалось бы захватить; напрасно увеличено было число полисменовъ; напрасно судьи постановляютъ все болѣе и болѣе строгія рѣшенія; ропотъ газетъ, старанія правительства, ревность полиціи, непреклонность судебной власти, ничто не помогаетъ. Законъ какъ будто потерялъ свою силу; ночныя преступленія все увеличиваются; теперь почти также опасно проѣзжать въ сумерки по самымъ центральнымъ кварталамъ Лондона, какъ было когда-то опасно проѣзжать ночью черезъ Сьерру-Морену. Сначала останавливали пѣшеходовъ, но теперь начинаютъ останавливать экипажи, — по крайней мѣрѣ я знаю одинъ такой примѣръ: это царство террора, основанное уличными

тирапамп; злые какъ будто говорятъ добрымъ: «теперь ваша очередь трепетать, господа»!

Было время, когда Парижъ переживалъ подобные же ужасы. И въ то время, о которомъ я говорю, преступленіе точно также приняло экономическій принципъ раздѣленія труда! Тогда существовала, сколько я могу вспомнить, шайка Шарлантье объявившая войну среднему классу; шайка Курвуазье, систематически грабившая сенъ-жерменское предместье; шайка Готье Переза, грабившая работниковъ; затѣмъ шайки Оверньяттовъ, Усыпителей, Душителей и т. д. Чтобы быть справедливымъ, я долженъ признаться, что здѣшніе грабители еще не довели своего ремесла до такой степени совершенства. Но за исключеніемъ этого, образъ ихъ дѣйствій мало оставляетъ желать лучшаго.

Но что всего ужаснѣе, это то, что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ родъ какого-то officialнаго положенія. Полиція ихъ знаетъ; ей извѣстны ихъ имена и адреса; она записываетъ ихъ безправственные поступки; она слѣдитъ ихъ шагъ за шагомъ, нетерпѣливо выжидая случая захватить ихъ на мѣстѣ преступленія. Они же расхаживаютъ, поднявши голову, пока еще нѣтъ противъ нихъ никакихъ юридическихъ доказательствъ, и при случаѣ держать себя съ наглою самоувѣренностью. Вотъ это и есть *ticket of leave men*. Но ихъ ли только надо опасаться? Увы, нѣтъ. Сэръ Джошуа Джеббъ, директоръ уголовныхъ тюремъ въ Англіи, кромѣ этихъ *ticket of leave men*, насчитываетъ еще 23,000 разбойниковъ болѣе или менѣе извѣстныхъ полиціи. Судите же послѣ этого, до какой ужасной цифры должна доходить темная армія негодиевъ всякаго рода, которые остаются неизвѣстными: цѣлая армія воровъ по профессіи, воровъ случайныхъ, укрывателей, фальшивыхъ монетчиковъ, низкихъ и жестокихъ любовниковъ развратныхъ женщинъ — кишить въ этихъ подонкахъ общества.

Я опасаясь, что новѣйшая цивилизація, которую такъ превозносятъ, подлежала бы страшной отвѣтственности, если бы ей пришлось объяснять существованіе такого порядка вещей передъ судьей, имѣющимъ право призвать ее къ суду.

Но въ настоящее время я не коснусь этой стороны вопроса. Я хочу только показать вамъ въ этомъ письмѣ одинъ изъ самыхъ печальныхъ результатовъ подобнаго положенія.

Когда общество въ Англіи оказалось безсильнымъ доставить защиту отдѣльнымъ личностямъ, изъ этого необходимо слѣдовало, что эти личности стали сами заботиться о своей защитѣ. Теорія о правѣ законной защиты получила такимъ образомъ, въ теченіе только одного мѣсяца, такое развитіе, какого никто не осмѣливался себѣ представить. Каждого поощряли вооружаться и каждый вооружался или готовъ вооружаться. Одинъ выходитъ вечеромъ только вооружившись толстой, окованной желѣзомъ палкой; другой носить за поясомъ заряженный пистолетъ; третій выставляетъ изъ кармана пальто конецъ кистени. Каждый за себя и Богъ за всѣхъ, — вотъ въ чемъ надо было искать гарантіи своей безопасности.

Возражать противъ этого что нибудь было бы излишне, потому что здѣсь идетъ дѣло о крайней необходимости; но невозможно освободиться отъ чувства живѣйшаго безпокойства при мысли о тѣхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ можетъ привести подобное направленіе умовъ.

Если что нибудь отличаетъ цивилизованное общество отъ дикаго, это именно замѣна господства индивидуальной силы принципомъ общественнаго покровительства. Чѣмъ меньше остается мѣста для примѣненія личнаго права законной защиты, тѣмъ болѣе выплываетъ цивилизація. Но какъ скоро каждый начинаетъ рассчитывать для своей безопасности только на собственную ловкость, на вышину своего роста, крѣпость рукъ, или на оружіе, цивилизація возвращается къ варварству. И между тѣмъ именно эту самую методику и восхваляютъ теперь подъ вліяніемъ паническаго страха, и—замѣтите—восхваляютъ не только съ точки зрѣнія временной необходимости, но какъ постоянную гарантію, и восхваляютъ писатели, которые хвалятся тонкостью своихъ идей, изяществомъ нравовъ и утонченностью чувствъ. Во всякомъ случаѣ стоитъ замѣтить этотъ странный симптомъ зла, глубину ко-

тораго большинство вообще мало понимаетъ, и любопытно видѣть фактъ, по случаю котораго этотъ симптомъ обнаружился. Но я слишкомъ долго останавливаюсь на этомъ предметѣ. Я скажу объ немъ еще въ слѣдующемъ письмѣ.

СІХ.

12 декабря.

МОДА НА КУЛАЧНЫЕ БОИ.

Со времени моего послѣдняго письма нападенія гароттеровъ еще больше усилились, и на этотъ разъ, къ несчастью, уже нельзя сказать, чтобы эти нападенія и покушенія были шуточными и фиктивными.

Третьяго дня въ восемь часовъ вечера произошелъ большой шумъ въ той улицѣ, гдѣ я живу. Всѣ бросились къ окнамъ. Два человѣка бѣжали во всю прыть, а за ними гнался третій, кричавшій что было силы: «полиція, полиція, полиція!» Но такъ какъ полиція не явилась, то очень естественно, что двое бѣглецовъ скрылись. Оказалось, что они собирались ограбить домъ почти напротивъ моего. Вовремя замѣченные въ саду хозяиномъ дома, они таки успѣли утащить, вмѣсто всякой другой добычи, зайца. Дѣло на этотъ разъ не имѣло трагическаго конца, но пустой результатъ нисколько не уменьшаетъ смѣлости попытки.

Второй случай произошелъ съ однимъ моимъ знакомымъ. Недавно онъ возвращался домой въ каретѣ. Недалеко отъ дома, гдѣ онъ провелъ вечеръ, онъ увидѣлъ, что трое гароттеровъ бросились на его лошадей и схватили ихъ за поводья, точъ въ точъ какъ бандиты дѣлаютъ съ какимъ нибудь дилижансомъ на большой дорогѣ черезъ лѣсъ. Къ счастью, было еще не очень поздно, и приключеніе произошло въ части города, въ которой немножко больше людей, чѣмъ въ Шварцвальдѣ. Скоро явилась помощь и нашъ путешественникъ отдѣлался однимъ страхомъ.

О третьемъ случаѣ я не имѣлъ нужды читать въ газетахъ. Одинъ французскій эмигрантъ Журденъ получилъ на этихъ дняхъ на улицѣ такой ударъ въ спину *life preserver*’омъ, что упалъ безъ чувствъ на мостовую. Разумѣется его карманы были очищены въ минуту. Онъ два или три дня не могъ встать съ постели, и еще считаетъ себя счастливымъ, что не былъ убитъ на мѣстѣ.

Четвертый случай... Но я никогда бы не кончилъ, если бы даже мнѣ пришлось только перечислять такіе случаи; ихъ во всякомъ случаѣ достаточно, чтобы оправдать жалобы, раздающіяся во всей англійской прессѣ уже цѣлый мѣсяцъ. Не дальше какъ вчера *Times* обнародовала письмо, въ которомъ одинъ отецъ съ сокрушеніемъ рассказываетъ, какимъ образомъ былъ ограбленъ въ Соутъ-Кенсингтонѣ, «дворцовомъ кварталѣ», его сынъ, почти ребенокъ, котораго при этомъ предварительно сшибли съ ногъ кистенемъ. Общественное безпокойство, какъ видите, имѣетъ слишкомъ достаточное основаніе. Очень можетъ быть, что герои двусмысленныхъ приключеній просто сами выдумываютъ рассказы о нападеніяхъ, что случаются жертвы довольно смѣшныя, и бываютъ убійцы, о которыхъ справедливо можно бы сказать:

*Les gens qu'ils ont tué, se portent assez bien *)*

Но страхъ тысячи людей вообще бываетъ сплывѣ страха сотни, и потому когда начинается трусить населеніе почти въ три милліона, очень естественно, что эта трусость превращается въ панпическій страхъ, и очень естественно, что этимъ панпическимъ страхомъ пользуются люди похитрѣе. Не подлежитъ только сомнѣнію, что въ настоящее время лондонскія улицы ночью вовсе не безопасны; что общественное спокойствіе сильно поколеблено; что первымъ вопросомъ во всѣхъ газетахъ страны становится вопросъ, какимъ образомъ поступить Англія, чтобы избавиться на будущее время отъ преступниковъ, не убивая ихъ и не принимая на себя заботы о

*) Люди, которыхъ они убили, чувствуютъ себя хорошо.

ихъ прокормленіи; вѣрно то, что правительство взволновалось наконецъ и само и что организована полиція, одѣтая въ партикулярное платье; наконецъ, что ношеніе оружія, если продолжится такое положеніе дѣлъ, угрожаетъ войти въ привычку и оказать печальное вліяніе на нравы.

Это приводитъ меня опять къ тому предмету, о которомъ я не успѣлъ сказать въ моемъ послѣднемъ письмѣ, за недостаткомъ мѣста.

Я говорилъ вамъ въ этомъ письмѣ, если не ошибаюсь, что теорія всякій за себя и Богъ за всѣхъ, подѣ властью панического страха, угрожала сдѣлать большіе успѣхи; что примѣненіе права личной законной защиты многимъ стало казаться наилучшей гарантіей общественной безопасности, и что это расположеніе умовъ извѣстнаго класса людей было причиной одного любобытнаго явленія. Позвольте мнѣ возвратиться къ моему сюжету.

Вы знаете, что битвы боксеровъ издавна были для Англіи тѣмъ же, что для римскаго народа были битвы гладіаторовъ, или что теперь въ Испаніи бои быковъ. Благодаря успѣхамъ образованности и постепенному смягченію нравовъ, эта жажда крови значительно уменьшилась. Нынѣшняя Англія уже не поняла бы Георга IV, который посадилъ въ собственную королевскую коляску и привезъ въ назначенное для большого боя мѣсто боксера Тома Сиринга, одѣтаго въ шелковые чулки тѣлеснаго цвѣта и въ панталоны изъ желтаго казимира.

Правда, что недавно между двумя боксерами, Сеерсомъ и Генаномъ, происходила битва, которой придавалась почти такая же важность, какъ войнѣ между двумя народами. Съ какимъ страннымъ интересомъ слѣдила толпа при этомъ случаѣ за всѣми перипетіями борьбы! Съ какимъ глубокимъ волненіемъ она по этимъ перипетіямъ судила о возможномъ исходѣ! Съ какой силой высказались общественныя симпатіи въ пользу одного изъ сражающихся! Нельзя не согласиться, что эта битва была что-то въ родѣ національнаго событія. Между зрителями были знатные люди, члены палаты общинъ, мало этого, даже служители Евангелія. Тома Сей-

ерса за сомнительную побѣду привѣтствовали почти также, какъ привѣтствовали какого нибудь триумфатора въ древнемъ Римѣ. Въ Ливерпулѣ, кажется его родинѣ, ему сдѣлали такой приѣмъ, какъ будто онъ былъ спасителемъ отечества. Городскія власти вышли ему на встрѣчу съ музыкой впереди, и на пути его бросали цвѣты. Слава его заключается въ томъ, что онъ подбилъ своему противнику глаза такъ, что тотъ почти ослѣпъ и, въ свою очередь, самъ остался съ разможенным носомъ.

Да, все это къ несчастію справедливо; но не надо забывать, что эти унижительныя восторги, если и не извиняются, то по крайней мѣрѣ объясняются національнымъ соперничествомъ. Сейерсъ былъ англичанинъ. Генанъ — американецъ; и этотъ послѣдній, съ оскорбленіемъ во взглядѣ и съ вызовомъ на лицѣ, переѣхалъ моря, чтобы оспаривать у бойца Англіи, въ самой Англіи, поясъ, который служить здѣсь между боксерами знакомъ первенства. Какъ ни смѣшно было связывать честь двухъ великихъ націй съ результатомъ борьбы между двумя людьми, общественное положеніе которыхъ равняется положенію парижскаго рыночнаго дрягиля, но обстоятельства времени дѣлали до извѣстной степени понятнымъ увлеченіе публики. И потому этотъ случай не можетъ служить доказательствомъ, что у англичанъ сохранилось поклоненіе тому, что они называютъ the prize ring. Это поклоненіе, хотя еще не угасло, конечно сдѣлалось менѣе пылкимъ.

Но подвиги гароттеровъ грозятъ опять ввести его въ моду. Слѣдующія строки, выписываемыя нами изъ Saturday Review, заслуживаютъ вниманія:

«Самымъ лучшимъ средствомъ справиться съ гароттерами для жителей Лондона было бы выучиться защищаться самимъ. Если кто нибудь носить палку или какое нибудь другое оружіе, то нужно, чтобы онъ умѣлъ дѣйствовать ими; если же онъ не вооруженъ, нужно, чтобы онъ умѣлъ употреблять въ дѣло свои кулаки... Предположимъ, что боксеръ Томъ Кингъ, вышедшій побѣдителемъ въ послѣдней битвѣ, возвращался бы

съ нея ночью, съ наградой за побѣду въ карманѣ; развѣ эта могучая рука, такъ жестоко изуродовавшая лицо бѣднаго Маса, не удержала бы гароттеровъ въ noctительномъ разгояніи? Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ производятся опыты относительно дѣйствительности нарѣзныхъ пушекъ и силы сопротивленія желѣзныхъ щитовъ, развѣ нельзя отвести мѣста еще для одного рода опытовъ, имѣющихъ цѣлью показать степень силы какой обладаетъ человѣческой кулакъ, и степень сопротивленія, представляемую человѣческой щекой? Кажется, гароттеры доставляютъ полиціи не мало занятія, и она могла бы оставить въ покоѣ боксеровъ. Съ ея стороны слишкомъ жестоко заставлятъ покровителей этого развлеченія не спать по ночамъ, когда на другой день готовится битва, а съ наступленіемъ утра чуть свѣтъ прокрадываться сквозь туманъ, точно какимъ нибудь ворами, до того скрытнаго мѣста, гдѣ должна происходить битва и гдѣ имъ все-таки однако предстоитъ опасность черезъ часъ или два встрѣтиться съ полиціей».

Если бы все это было напечатано въ Bells'life, или въ Sport, или въ какомъ нибудь другомъ журнальцѣ того же рода, и если бы это было написано для того страннаго міра, который составляется изъ ничего не дѣлающихъ молодыхъ аристократовъ и обычныхъ посѣтителей тавернъ, объ этомъ конечно нечего бы было беспокоиться. Но Saturday Review есть журналъ, который хвастается тѣмъ, что даетъ тонъ аристократическимъ салонамъ и литературнымъ клубамъ; это если не одинъ изъ лучшихъ, то по крайней мѣрѣ одинъ изъ самыхъ значительныхъ и распространенныхъ журналовъ. Эта статья имѣла кромѣ того честь быть перепечатанной цѣликомъ въ Times, и такимъ образомъ получила освященіе отъ этого очень вліятельнаго и чрезвычайно распространеннаго органа.

Слѣдуетъ также замѣтить это восхваленіе кулачнаго боя по профессіи и «покровителей этого развлеченія». Spectator, который между еженедѣльными журналами занимаетъ такое же высокое мѣсто, какъ и Saturday Review, помѣстилъ кра-

спорѣчивое и рѣзкое возраженіе, авторъ котораго, Томасъ Гюгсъ, имѣетъ съ замѣчательнымъ литературнымъ талантомъ, благороднымъ характеромъ и всѣми качествами истиннаго джентльмена, владѣетъ не совсѣмъ обыкновенною ловкостью въ боксерствѣ, которой онъ пользуется по всѣмъ правиламъ, избавляющимъ его отъ всякой опасности, какъ чисто гимнастическимъ упражненіемъ. Никто конечно не могъ съ большимъ авторитетомъ выставить звѣрскій, гнусный, кровавый характеръ кулачнаго боя по профессіи и за опредѣленную плату.

Дѣло въ томъ, что зрѣлище битвы боксеровъ есть конечно одно изъ самыхъ унизительныхъ, какими только можетъ услаждаться испорченное любопытство. Здѣсь нѣтъ, какъ въ дуэли, борьбы двухъ человѣкъ, имѣющихъ причины ненавидѣть другъ друга, рискующихъ своею жизнью только для защиты того, что они считаютъ своей честью, и увлекаемыхъ чувствомъ, самое преувеличеніе котораго можетъ находить себѣ извѣстное оправданіе; здѣсь другое: двое людей, не имѣющихъ ни малѣйшаго повода считать другъ друга врагами, надѣляютъ одинъ другаго страшными, иногда смертельными ударами, только для того, чтобы доставить выигрышъ безчеловѣчнымъ господамъ, держащимъ на нихъ пари, только для того, чтобы получить деньги самимъ, при аплодисментахъ цирка. И какого цирка! Въ первыхъ рядахъ его красуются, небрежно развалившись въ мягкихъ креслахъ, съ сигарой въ зубахъ и съ книжкою для записыванья пари въ рукахъ, привилегированные зрители, герон будуаровъ и конторъ, купившіе за двѣ гинеи право быть защищенными отъ мошенниковъ и отдѣленными отъ всякой сволочи вторымъ рядомъ, который занятъ различными мастеровыми и боксерами съ разбитыми носами; уже позади послѣднихъ шумно тѣснятся всѣ тѣ существа, которыя составляютъ подонки большихъ городовъ. И надо видѣть, какъ закиваются взгляды этихъ людей, какъ разгораются ихъ лица, когда сражающіеся, нѣсколько времени угрожая и намѣчиваясь другъ на друга, наконецъ начинаютъ драку, когда заструпится кровь и когда лица борцовъ, вспух-

нувшія, размозженные и разбитыя, не имѣютъ уже больше ничего человѣческаго! Надо видѣть, съ какимъ свирѣпымъ интересомъ эта смѣшанная толпа зрителей слѣдитъ за всѣми движеніями слабѣйшаго изъ борцовъ, какъ онъ покачнется, какъ онъ упадетъ, какъ, поднявши его на руки, друзья вытираютъ ему лицо губкой, освѣжаютъ его, ставятъ его на ноги и снова подстрекаютъ его идти растратить остатки своей силы въ послѣдней попыткѣ.

Всѣ эти характеристическія черты развлеченія, рекомендуемаго *Saturday Review*, повторились въ послѣднее время и въ борьбѣ между боксерами Джемсомъ Масомъ и Томасомъ Кингомъ, которые захотѣли узнать, кому достанется титулъ Бойца Англіи, принадлежавшій первому изъ нихъ, и оспариваемый вторымъ. Маса — великій мастеръ своего дѣла. Небольшой ростомъ, но крѣпкій и ловкій, онъ наноситъ противнику удары, которые рѣдко не производятъ своего дѣйствія, и съ удивительной ловкостью увертывается отъ ударовъ предназначенныхъ ему самому. Кингъ, менѣе опытный въ своемъ искусствѣ, гораздо выше ростомъ, и его атлетическое сложеніе, геркулесовская сила, длина его желѣзныхъ рукъ, дѣлаютъ его страшнымъ противникомъ. Двое бойцовъ уже мѣрялись силами и наука восторжествовала въ лицѣ Маса. Кингъ требовалъ еще другаго сраженія. Они отправились со станціи въ Фенчорчъ-стритъ, гдѣ произошли тогда различныя сцены безпорядковъ и грабежа, показывающія, какой сортъ людей примѣшивается въ подобныхъ случаяхъ къ фешенебельному міру. Особенный поѣздъ отвезъ двухъ бойцовъ и ихъ покровителей и друзей въ Тилури, гдѣ уже былъ готовъ пароходъ, чтобы отвезти ихъ въ Тэмзъ-гавень. Тамъ, въ безопасности отъ глазъ полиціи, долженъ былъ произойти поединокъ. Паря за Маса доходили до 6 и 7 противъ 4. Послѣ первыхъ ударовъ знатоки уже не сомнѣвались въ его побѣдѣ. Глаза Кинга, его носъ и губы служили самымъ отвратительнымъ свидѣтельствомъ губительной силы Бойца Англіи, и этотъ послѣдній уже готовился съ самоувѣренностью довершить свою побѣду, когда правая рука Кинга вдругъ нанесла ему ударъ съ такой

быстротой, которую сравнивали съ быстротой ядра, вылетѣвшаго изъ армстронговой пушки. Масъ упалъ какъ пораженный громомъ. Ударъ пришелся прямо въ лицо, и оно послѣ этого представляло только безобразную массу, на которую невозможно было смотрѣть безъ ужаса. Его друзья столпились около него, окружили его всѣми заботами, расточаемыми въ подобныхъ случаяхъ, подняли его, и онъ едва держась на ногахъ, хотѣлъ сдѣлать послѣднее усиліе — настоящій героизмъ бульдога. Но при такомъ положеніи вещей борьба грозила превратиться въ настоящее убійство. Масъ почти не нуждался въ новомъ ударѣ, чтобы опять свалиться съ ногъ. Его друзья бросили на воздухъ губку, что означаетъ признаніе пораженія. Державшіе пари свели свои счета. Тѣ, которые держали за Кинга, теперь весело собирались засунуть въ карманы свой выигрышъ. Масъ, получившій ударъ, который безъ сомнѣнія убилъ бы на повалъ обыкновеннаго смертнаго, унесенъ былъ въ жалкомъ, наводящемъ ужасъ состояніи. Зрители отравились по домамъ, очень довольные потрясеніемъ, доставленнымъ ихъ нервамъ. Драма была сыграна.

Вотъ то «развлеченіе», которое ревностно желаютъ ввести въ общество свѣтскіе люди, модные литераторы, писатели, имѣющіе претензію руководить общественнымъ мнѣніемъ; и причина, на которую они при этомъ ссылаются, та, что такое увеселеніе поддерживаетъ священную традицію искусства истребленія людей, искусства, которое нужно, говорятъ они, распространять, какъ скоро гароттеры стремятся къ славы быть властителями улицы.

Не въ укоръ будь сказано этимъ господамъ, мы, благодаря Бога, еще не дошли до такого состоянія; но если это случится, то надо будетъ признаться, что цивилизація XIX вѣка должна забыть многое и должна многому поучиться!

СХ.

13 декабря.

НИЗШІЕ СЛОИ ОБЩЕСТВА.

Несомѣнно, кажется, что англійское правительство дастъ отказъ на предложеніе греческой короны принцу Альфреду. И къ чему бы въ самомъ дѣлѣ оно приняло это предложеніе? Чтобы связать себѣ руки въ восточномъ вопросѣ? Чтобы создать себѣ въ будущемъ затрудненія, которыя всякій здѣсь предвидитъ и которыя могутъ сдѣлаться неразрѣшимыми?

Въ послѣдней книжкѣ *Revue des deux Mondes* Форкадъ выражаетъ мнѣніе, что Англія, чтобы выйти изъ восточнаго лабиринта, предпочтетъ, можетъ быть, скорѣе бѣжать на двухъ ногахъ, Турціи и Греціи, чѣмъ хромать на одной, Турціи. Но вѣдь хромаютъ и на обѣ ноги, если они неравной длины. И въ этомъ случаѣ Англія очутилась бы не только на ногахъ неравной длины, но еще и на такихъ ногахъ, которыя пойдутъ въ совершенно разныя стороны, при чемъ бываетъ неудобно ходить, а еще неудобнѣе бѣгать.

Покровительствовать Турціи, покровительствовать во что бы то ни стало, потому что если русскіе овладѣютъ Константинополемъ, то будутъ угрожать Индіи, — вотъ что настоятельно требуется отъ англійской политики. Но какимъ образомъ Англія могла бы оказывать дѣйствительное покровительство Турціи противъ русскихъ, если бы она обязалась поддерживать Грецію противъ Турціи? Потому что не подлежитъ сомнѣнію, что Греція связываетъ мысль о своемъ возрожденіи съ соединеніемъ подъ однимъ скипетромъ всѣхъ греческихъ провинцій, стало быть съ раздробленіемъ Оттоманской имперіи; и точно также не подлежитъ сомнѣнію, что Россія очень охотно поможетъ ей въ этомъ.

Поэтому положеніе англійскаго принца на греческомъ престолѣ было бы просто невозможно. Ему предстояло бы вы-

бирать одно изъ двухъ: или противоудѣйствовать политикѣ своей родной страны, чтобы имѣть любовь своей пріемной родины, или соудѣйствовать политикѣ своей родины, рискуя навлечь этимъ себѣ ненависть своихъ подданныхъ и испытать непріятности одиссеи, подобной одиссеѣ Іакова II, бѣгущаго въ Сень-Жермень, или Карла X, отправляющагося по дорогѣ въ Шербургъ, или Оттона, отѣзжающаго въ Мюнхенъ.

Въ Англіи очень хорошо понимаютъ это. Punch въ послѣднемъ номерѣ представляетъ женщину (Грецію), которая старается уговорить молодаго человѣка (принца Альфреда) взять корону, положенную на жаровнѣ. Молодой человѣкъ не соглашается и торопливо отдергиваетъ руку. Внизу гравюры подписано: Принцъ Альфредъ отказывается обжечь себѣ пальцы.

И общественное мнѣніе находитъ, что это лучшее, что онъ могъ сдѣлать.

Значить ли это однако, что англичане совершенно равнодушны къ тѣмъ восторгамъ, какіе возбуждаетъ въ Греціи принятая, но еще и не отвергнутая кандидатура принца Альфреда? Нисколько.

Въ сущности англичане восхищены предпочтеніемъ, какое имъ оказываютъ, хотя и не пользуются имъ. Имъ пріятно видѣть въ этомъ предпочтеніи громкое свидѣтельство о томъ, какую цѣну даютъ ихъ союзу, умѣренности ихъ политики, превосходству ихъ учреждений и величію принципа свободы, который они представляютъ въ Европѣ. Они гордятся, что безъ битвы одержали побѣду тамъ, гдѣ оружіе ничего не можетъ сдѣлать, побѣду, которая какъ будто доказываетъ передъ всѣмъ свѣтомъ могущество англійскихъ идей. Наконецъ они не безъ удовольствія видятъ, что французское правительство оказалось ниже ихъ въ томъ, что они скорѣе готовы считать вопросомъ умственной и нравственной пропаганды, чѣмъ дѣломъ дипломатическаго искусства.

Не будемъ завидовать имъ въ этой радости. Англія въ настоящее время очень нуждается въ утѣшеніяхъ. Достоинство ея политическихъ учреждений конечно имѣетъ много та-

кого, что привлекаетъ вниманіе другихъ народовъ; но съ другой стороны никогда еще они не имѣли столько поводовъ размышлять о недостаткахъ ея общественныхъ учреждений, потому что никогда еще, быть можетъ, ея безсиліе въ борьбѣ противъ нищеты и преступленія не выказывалось въ болѣе мрачномъ свѣтѣ.

Какія прискорбныя размышленія вызываетъ, напримѣръ, рѣчь, произнесенная недавно лордомъ Дерби въ Манчестерѣ, на многочисленномъ митингѣ, собравшемъ подъ предѣтельствомъ лорда-намѣстника графа Сефтона? О какихъ же бѣдствіяхъ говорить эта рѣчь, не указывая однако средствъ противъ нихъ? Вотъ цифры, которыя она приводитъ:

На 2,000,000 жителей округа, число несчастныхъ, принужденныхъ жить на вспоможенія, простиралось, въ сентябрѣ прошлаго года, до 43,500 человекъ; въ сентябрѣ нынѣшняго года эта цифра дошла до 163,498 человекъ; а въ настоящую минуту ее считаютъ по крайней мѣрѣ въ 259,385 человекъ.

Прибавьте къ этому, что до 172,000 человекъ живутъ на счетъ мѣстныхъ комитетовъ, и вы получите ужасающую цифру въ 431,395 человекъ!

431,395 человекъ, осужденныхъ не имѣть возможности пропитать себя — и это на 2,000,000 жителей! Одинъ человекъ на пятерыхъ, — и даже больше, — зависящій въ своемъ ежедневномъ пропитаніи или отъ помощи прихода, или отъ общественной благотворительности!

Другая черта картины: вирожденіе полугодія, окончившагося іюнемъ мѣсяцемъ, пѣзъ сберегательныхъ кассъ Ланкашира вынута 71,113 фунтовъ стерлинговъ, то есть 1,777,825 франковъ. Нужно еще замѣтить, что количество денегъ, вынутыхъ послѣ іюня, неизвѣстно. И знаете ли, почему? Потому что это секретъ, который должны хранить «по праву благоразумія».

«Сколько страданій выражаетъ эта цифра 71,113 фунтовъ стерлинговъ! справедливо воскликнулъ лордъ Дерби. Сколько обманутыхъ надеждъ! Сколько исчезнувшихъ радостныхъ ожи-

даній! Сколько лѣтъ труда, бережливости, умѣренности, благоразумія, навсегда потеряно для счастья!»

И эти опустошенія нищеты происходятъ въ той самой провинціи, на благосостояніе которой Англія всегда указывала съ величайшей гордостью!

Что можно противопоставить этимъ опустошеніямъ? Соціальная наука объявляетъ себя совершенно безсильною въ этомъ случаѣ. Вопросъ о томъ, какъ не допустить умереть съ голоду, въ данной мѣстности, одному человѣку изъ пяти, въ самомъ центрѣ цивилизаціи, въ одной изъ богатѣйшихъ и образованнѣйшихъ странъ свѣта, этотъ вопросъ разрѣшается милостивей!

Правда, что по эту сторону пролива благотворительность способна на такія пожертвованія, о которыхъ во Франціи едва могутъ составить себѣ понятіе. Пожертвованія, собранныя по подпискѣ «Центральнымъ комитетомъ вспоможенія», не считая подписки въ Mansion-House, дали громадную сумму въ 540,000 фунтовъ стерлинговъ, или тринадцать милліоновъ пять сотъ тысячъ франковъ; и изъ этой суммы однимъ Ланкаширскимъ графствомъ пожертвовано 10,000,000 франковъ.

Times замѣтила, съ справедливой гордостью, и указала какъ на поразительное доказательство привязанности колоній къ метрополіи на то, что они также приняли участіе въ подпискѣ, и ихъ пожертвованія простирались до 1,000,000 франковъ.

Само собою разумѣется, что рядомъ съ пожертвованіями богатыхъ были и пожертвованія бѣдныхъ. Лордъ Дерби произвелъ на манчестерскомъ митингѣ глубокое впечатлѣніе, когда объявилъ, что третьяго дня онъ получилъ отъ лорда Шефтсбери 1,200 фунтовъ стерлинговъ (30,000 фр.), пожертвованныхъ многими тысячами рабочихъ, подписчиковъ журнала the British workman, и особенно, когда онъ замѣтилъ, что съ особенной ревностью стремилась въ ряды этой великодушной арміи «бригада маленькихъ чистильщиковъ сапоговъ».

Но какъ бы ни были велики усилія благотворительности, они не могутъ замѣнить науку. Благотворительность можетъ быть и облегчить на минуту зло; но она не можетъ исцѣлить его. Призванная на помощь противъ неизбѣжныхъ слѣдствій несовершенствъ общественнаго устройства, она можетъ замедлить смерть на нѣсколько минутъ, но не сохраняетъ жизни. Этого можно ждать только отъ усовершенствованія социальныхъ отношеній, отъ улучшенія существенныхъ условій труда; но именно объ этомъ и не думаютъ, хотя эти ужасныя испытанія ниспосылаются обществамъ кажется именно затѣмъ, чтобы показать имъ всю обширность задачи и всю необходимость серьезнаго изученія.

Скажутъ, что ланкаширскій кризисъ—чистая случайность. Но развѣ не происходятъ періодически такія случайности въ промышленности, отъ той или отъ другой причины? И развѣ такъ рѣдки эти бѣдствія, эти «спасайся кто можетъ» торговли, когда мастерскія закрываются, банкротство слѣдуетъ за банкротствомъ, состоянія падаютъ, увлекая за собой и другія, точно карточные домики, и когда блѣдные работники безъ работы ищутъ куска хлѣба между отчаяніемъ и милостыней? Чего же послѣ этого стоитъ человѣческая мудрость, если она ничего, совершенно ничего не можетъ сдѣлать противъ такихъ частыхъ и такихъ ужасныхъ случайностей? Принципъ солидарности и взаимности, примѣненный къ возможной опасности, этотъ принципъ, въ которомъ сумѣли найти обезпеченіе противъ града, пожара, даже противъ бѣдствія смерти, развѣ онъ не можетъ идти дальше этого? Наконецъ, естественно ли то, что общественная предусмотрительность отступаетъ передъ случайностью и неожиданностью? Лордъ Дерби, говоря о ланкаширскомъ кризисѣ, проронилъ слово: «національное униженіе». Понялъ ли онъ весь смыслъ этого слова? Я сомнѣваюсь.

И это—предметъ униженія еще не единственный.

Я говорилъ вамъ въ прошломъ письмѣ объ ужасающемъ и все еще съ каждымъ днемъ увеличивающемся количествѣ ночныхъ нападений, театромъ которыхъ сдѣлался Лондонъ уже

болѣе мѣсяца назадъ. Зло дошло до такихъ размѣровъ, что общественное безпокойство выйдетъ изъ всякихъ границъ, если это продолжится. Злодѣи недалеко отъ того, чтобы сдѣлаться на улицахъ полными господами. Преступленіе уже не боится правосудія; оно нѣкоторымъ образомъ даже задаетъ ему сраженія. Въ самомъ центрѣ Лондона преступленіе и правосудіе составляютъ какъ бы двѣ враждебныя власти, которыя мѣряютъ другъ друга глазами, и безсиліе второй изъ нихъ можетъ сравниться только съ страшной дерзостью первой. Улицы промышленной столицы міра сдѣлались менѣе безопасны, чѣмъ большія дороги, на которыхъ останавливали бывало дилижансы во времена менѣе цивилизованныя. Теперь въ самыхъ свѣтлыхъ и самыхъ многолюдныхъ частяхъ города опасность грозитъ ночью не только пѣшеходамъ, но и экипажамъ. Женщины уже не выходятъ вечеромъ, а мужчины стараются выходить сколько можно рѣже. Кому нужно сдѣлать какую нибудь покупку, когда дневной свѣтъ уже замѣненъ газомъ, отказывается отъ своего намѣренія изъ страха быть гароттированнымъ на улицѣ; кому хотѣлось бы пойти въ театръ, взвѣшиваетъ опасность и удовольствіе. Я знаю журналистовъ, которымъ каждый вечеръ приходится дѣлать довольно значительное путешествіе изъ Флитъ-стрита до Сентъ-Джонсъ-вуда, и которые всегда дѣлали это пѣшкомъ; теперь они непременно берутъ карету, предпочитая лучше черезъ мѣру обременять свои издержки, чѣмъ подвергаться опасности вернуться домой съ сломанной шеей или разбитой головой. Но, какъ я сейчасъ сказалъ, «кэбы» скоро перестанутъ быть убѣжищемъ, которое можно бы было считать совершенно безопаснымъ.

Для довершенія зла «кэбмены» рѣшили увеличить свои требованія по мѣрѣ возрастающей необходимости въ ихъ услугахъ; недавно они собрали митингъ и подняли такія притязанія, что если они успѣютъ въ своихъ намѣреніяхъ, публика будетъ совершенно въ ихъ власти.

Въ ожиданіи этого, всѣ вооружаются. Покупаютъ налки, пистолеты, кистени; нѣкоторые запасаются кинжалами; нѣко-

торые поговариваютъ и о шпагахъ. Необходимость обезопасить себя отъ нападеній такъ велика, что множество головъ занято придумываніемъ средствъ защиты. Въ журналахъ появляются самыя комическія предложенія, самыя необыкновенныя объявленія. «Нѣкто, напримѣръ, очень рекомендовалъ публикѣ толстый кожаный ошейникъ съ большими гвоздями, въ родѣ тѣхъ, какіе надѣваются на охотничьихъ собакъ.»

Другой объявлялъ о продажѣ особенной породы огромныхъ собакъ, которыя по его словамъ удивительно хороши противъ гароттеровъ (душителѣй), разумѣется если они будутъ разрывать людей только по положительному приказанію.

Какъ все это успокоительно!

И замѣтите, что ношеніе оружія, вошедши во всеобщее употребленіе, угрожаетъ сдѣлаться болѣе страшной опасностью, чѣмъ та, которой хотятъ избѣжать. Пріятная перспектива — быть битымъ своимъ собственнымъ пріателемъ, который, испугавшись нестати, и принявъ васъ за мошенника, вдругъ выстрѣлитъ для большей предосторожности!

И не стыдно ли для Англіи, что въ ней возможно подобное положеніе вещей, и что это положеніе все продолжается и ухудшается? Газеты наполнены жалобами. Частные люди удивляются, беспокоятся, спрашиваютъ, когда же и чѣмъ все это кончится? Безполезныя жалобы! Напрасныя вопросы! Сила, признаваемая представительницей общественной власти, и обязанная защищать отдѣльныя лица, не подаетъ ни малѣйшаго признака жизни. Ее ищутъ вездѣ, и нигдѣ не находятъ.

Не оттого ли это, что разрѣшеніе задачи, такъ долго оставляемой безъ вниманія, въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось чрезвычайно труднымъ?

Есть люди, которымъ нравится мысль, что зло происходитъ только оттого, что сдѣлана была неблагоприятная уступка преувеличенному чувству филантропіи; оттого, что считали преступниковъ способными къ раскаянію; что съ ними обходился слишкомъ мягко; что многимъ изъ нихъ возвращали свободу до истеченія срока наказанія; однимъ словомъ оттого, что приняли систему *ticket of leave*. Но эти люди ошиба-

ются. Система *ticket of leave* принята не по выбору, а по необходимости, — недавно сама *Times* согласилась съ этимъ. Когда колоніи отказались принимать въ себя заразу для очищенія атмосферы въ метрополи, и когда вслѣдствіе этого пришлось отказаться отъ ссылки преступниковъ, Англія увидѣла себя въ большомъ затрудненіи. Вѣшать безразлично всякаго преступника — этому противились смягченіе нравовъ и правосудіе. Содержать ихъ вѣчно къ тюрьмахъ, значило навлекать на себя издержки, безконечное возрастаніе которыхъ пугало самыхъ рѣшительныхъ людей. Впрочемъ тюрьмы могли бы тотчасъ же переполниться; а развѣ не понадобится еще мѣста для новоприбывающихъ? Поэтому, не имѣя возможности ни высылать ихъ, ни оставлять у себя, ни убивать, ни содержать, рѣшили выпускать на свободу тѣхъ изъ нихъ, которые показывали расположеніе къ раскаянію.

Я останавливаюсь. Чтобы найти настоящую причину язвы, о которой я говорю, необходимо бы было освѣтить тѣ пронасти, въ которыя къ несчастью немногіе мыслители имѣютъ мужество заглядывать, и которыя ни одинъ государственный чловѣкъ не считаетъ себя обязаннымъ изслѣдовать. А между тѣмъ это необходимо для пользы всѣхъ, всѣхъ безъ исключенія; потому что нищета и испорченность однихъ опасна для другихъ.

СХІ.

14-го декабря.

СЛУЧАЙ ВЪ ИРЛАНДІИ.

Въ Ирландіи произошелъ недавно очень характеристическій случай; но еще характеристичнѣе то обстоятельство, что англійскія газеты явно уклоняются отъ всякихъ комментариевъ по этому поводу. Они какъ будто боятся сказать слишкомъ много; и въ самомъ дѣлѣ случай, о которомъ идетъ

рѣчь, такого рода, что можетъ бросить очень невыгодный свѣтъ на отношенія между Ирландіей и Англіей.

Скажемъ сначала нѣсколько словъ о предшествовавшихъ фактахъ, которые могутъ служить поясненіемъ этого случая.

Нищета, какъ извѣстно, есть всегдашнее положеніе Ирландіи. Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что со времени своего вынужденнаго присоединенія къ Англіи, Ирландія не переставала нуждаться и въ пищѣ, и въ одеждѣ, и въ кровѣ. Это классическая страна голода. Однако же иногда случается, что къ ея постоянной нищетѣ присоединяется еще нищета случайная, и тогда Ирландія начинаетъ полноваться, взывать о помощи, какъ будто бы страданіе не есть ея нормальное положеніе! Прошедшій годъ, напримѣръ, былъ только однимъ долгимъ стономъ отечества О'Коннелли: Ирландія была добычей голода, или лучше сказать, Ирландія была больше голодна, чѣмъ обыкновенно. Ея представители въ палатѣ общины представляли ужасающія картины ея крайнихъ бѣдствій; они требовали для своего отечества и справедливости и состраданія; они заклинали парламентъ заняться этимъ прискорбнымъ вопросомъ; они распространялись въ горячихъ жалобахъ на управленіе сэра Роберта Пилля, которое обвиняли въ систематической и жестокой небрежности. Надо признаться, что все это производило на Англію очень мало впечатлѣнія. Сэръ Робертъ Пиль опровергалъ обширность или даже почти существованіе зла; и англичане предпочитали думать, что онъ правъ. Одни приписывали жалобы ирландскихъ членовъ палаты политической тактикѣ; другіе объясняли ихъ той склонностью къ преувеличенію, которую считаютъ здѣсь чертой ирландскаго характера; третьи, наконецъ, приписывали это желанію сдѣлать ненавистнымъ англійское управленіе. Этотъ голодъ Ирландіи не только подвергали сомнѣнію, но въ нѣкоторыхъ англійскихъ журналахъ этому сомнѣнію давали даже насмѣшливую и оскорбительную форму. Это значило подливать масла въ огонь и болѣе увеличивать тотъ запасъ горькихъ жалобъ, который накопился въ камины ирландскихъ сердцахъ.

Случай, который могъ сдѣлаться очень драматическимъ, далъ этому дѣлу еще болѣе прискорбный оборотъ.

Въ числѣ ирландцевъ, засѣдающихъ въ палатѣ общинъ, находится человѣкъ, принадлежащій къ одной изъ самыхъ знатныхъ и древнихъ фамилій Ирландіи. Имя его О'Донохъ, или, какъ здѣсь говорятъ, Ле О'Донохъ. Извѣстный своимъ пылкимъ чувствомъ къ родинѣ, заставляющимъ его желать Ирландіи независимости и полной свободы въ своихъ судьбахъ, онъ, благодаря своей ненависти къ владычеству Англіи, получилъ большое вліяніе на народъ своей страны. Онъ одинъ изъ тѣхъ, которые стоятъ тамъ во главѣ партіи недовольныхъ бѣдняковъ; и въ случаѣ голоднаго возстанія они охотно стали бы подъ его начальство.

Итакъ во время дебатовъ, происходившихъ въ парламентѣ по поводу ирландскаго голода, случилось, что сэръ Робертъ Пиль, намекая на митингъ, собиравшійся подъ предѣлательствомъ О'Доноха, выразился одинаково презрительно и о томъ, кто на немъ предѣлательствовалъ, и о тѣхъ, изъ кого состоялъ митингъ.

Эта обида чрезвычайно оскорбила О'Доноха, и онъ поспѣшилъ послать сэру Роберту Пиллю вызовъ на дуэль. Тотъ счелъ себя обязаннымъ довести это до свѣдѣнія главы той администраціи, которой онъ самъ былъ членомъ. Лордъ Пальмерстонъ, какъ и можно было ожидать, сплпно противился дать ходъ этому дѣлу и даже объявилъ О'Доноха передъ палатой общинъ виновнымъ черезъ этотъ вызовъ въ томъ, что на парламентскомъ языкѣ называется здѣсь *breach of privilege* (нарушеніемъ привилегіи). Итакъ кровь не была пролита; и если бы дѣло окончилось только этимъ, никто не сталъ бы ни удивляться этому, ни жаловаться, такъ какъ въ Англіи дуэль не только не дозволяется законами, но отвергается и самымъ общественнымъ мнѣніемъ. Къ несчастію англійская пресса вооружилась за сэра Роберта Пилля съ неслыханнымъ увлеченіемъ. Большая часть англійскихъ газетъ называли О'Доноха, единственнымъ преступленіемъ котораго было то, что онъ, рискуя собственной жизнью, требовалъ уваженія къ

своей чести, презрѣннымъ фанфарономъ; они обвиняли его, будто бы онъ низкимъ образомъ хотѣлъ надѣлать шуму; они выставили его уличнымъ комедіантомъ, который щипетъ для себя подмостковъ; они истощили противъ него всевозможныя оскорбленія. Нужно ли говорить, какое дѣйствіе естественно должна была произвести въ Ирландіи эта ожесточенная злоба противъ ирландца, по поводу ссоры, происшедшей изъ-за ирландскаго вопроса? Популярность О'Допоха возрасла вслѣдствіе этого еще болѣе; и онъ болѣе чѣмъ когда нибудь сталъ для своей страны олицетвореніемъ всѣхъ антипатій, ненависти и гнѣва людей, сердца которыхъ бьются подъ рубищемъ.

Перехожу теперь къ той странной и бурной сценѣ, о которой я началъ говорить. Она произошла въ прошлый вторникъ, на митингѣ, собиравшемся въ Трали съ цѣлью возбудить къ несчастнымъ рабочимъ Ланкашира симпатіи ирландскаго народа.

Въ часть, главный шерифъ майоръ Крозби, занялъ предсѣдательское мѣсто. Но еще задолго до этого зала и галерея были затоплены толпой народа, толпой оборванной, страшной, и видъ которой слишкомъ ясно показывалъ самыя суровыя намѣренія.

На митингѣ присутствовали и многія извѣстныя лица, напримѣръ полковникъ Гербертъ, членъ парламента; почтенный докторъ Моріарти, католическій епископъ, и братъ знаменитаго Даніэля О'Коннеля.

Полковнику Герберту поручено было прочесть и поддержать «резолюцію», объясняющую цѣль митинга. Но едва только началъ онъ говорить, какъ его голосъ покрыла цѣлая буря криковъ, шума и воя; онъ продолжаетъ, не смотря на это; шумъ удваивается.

— Дѣти, воскликнулъ О'Сюлливанъ съ истинно ирландской экзальтаціей, выслушайте его, выслушайте его! Люди изъ Кестль-Айланда, которыхъ онъ недавно выгналъ изъ ихъ домовъ, сзываютъ отвѣтить ему.

При этихъ словахъ раздались изступленія рукоплесканія. Среди этого шума одинъ голосъ заговорилъ о неспра-

ведливомъ распредѣленіи пособій, присланныхъ изъ Англіи во время голода. Полковникъ Гербертъ пробуетъ опровергать это обвиненіе, доказать, что оно несправедливо; но его усилія были напрасны. Затѣмъ встаетъ докторъ Моріарти. Онъ—католикъ, онъ—духовное лицо, епископъ: кажется достаточно правъ на уваженіе собранія, составленнаго изъ ирландскихъ пролетаріевъ! Но этотъ католикъ, этотъ епископъ сочувствуетъ Англіи, и онъ хотѣлъ говорить затѣмъ только, чтобы просить у голодныхъ ирландцевъ помощи для голодныхъ манчестерцевъ; какъ будто бѣдствіе послѣднихъ заслуживаетъ больше участія со стороны общества, чѣмъ бѣдствія первыхъ! Какъ будто въ графствѣ Керри не было столько же и даже больше несчастныхъ, чѣмъ въ Ланкаширѣ! Вотъ та завистливая мысль, которая видна была на всѣхъ лицахъ; вотъ крикъ, который вырывался у всѣхъ; вотъ чувство, которое произвело такое явленіе: католическій епископъ былъ осмѣянъ ирландскими пролетаріями! Но вдругъ все замолкаетъ. Готовится говорить О'Донохъ.

— Хотя я не больше, какъ простой частный человѣкъ, началъ онъ....

— Вы! Вы простой частный человѣкъ? кричатъ ему съ разныхъ сторонъ залы, нѣтъ, вы государь! вы государь озеръ! Вы величайшій изъ гражданъ Ирландіи! Вы король!

И безъ дальнѣйшихъ разговоровъ дается приказаніе всѣмъ присутствующимъ спятъ шляпы; приказаніе которому О'Коннелъ мужественно отказывается повиноваться. О'Донохъ пользуется минутной тишиной, чтобы сказать, что бѣдствія ланкаширскихъ рабочихъ очень преувеличены; что многіе изъ нихъ имѣютъ все-таки деньги въ сберегательныхъ кассахъ; и что въ иномъ положеніи находятся ирландскіе рабочіе. Онъ съ горечью напоминаетъ о равнодушіи, выказанномъ англійскимъ правительствомъ по поводу ирландскаго голода, и оканчиваетъ заявленіемъ, которое принято было съ громомъ рукоплесканій:

— До тѣхъ поръ, пока бѣдствіе существуетъ у васъ самихъ, первая наша обязанность — облегчить это бѣдствіе.

Поднялись новые крики. Скоро смятеніе дошло до крайней степени. Главный шерифъ принужденъ оставить президентское кресло и уходить изъ залы вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ присутствующихъ. Толпой овладѣваетъ неописанный восторгъ. О'Сюдливанъ открыто говоритъ о возстаніи; онъ хвалится, что былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ агентовъ ирландскаго движенія 1848 года, онъ удивляется, что здѣсь нѣтъ Смита О'Брейна; онъ обвиняетъ Джемса О'Коннеля въ измѣнѣ тому дѣлу, которому такъ мужественно служилъ его знаменитый братъ; онъ указываетъ въ О'Допохѣ будущаго монарха освобожденной Ирландіи, и говоритъ, что съ нетерпѣніемъ ждетъ того дня, когда его будутъ короновать. Восторженные рукоплесканія привѣтствуютъ эту надежду, высказанную такъ неустрашимо, и толпа расходится въ какомъ-то нравственномъ опьяненіи, въ которомъ радость предсказываемаго торжества смѣшивается съ яростью.

Какъ вамъ это покажется? Не есть ли это поразительный и угрожающій симптомъ состоянія умовъ въ Ирландіи? И кто знаетъ, не существуетъ ли еще болѣе грозныхъ симптомовъ? Говорятъ ли объ ужасной войнѣ, объявленной ирландскими арендаторами землевладѣльцамъ, на которыхъ они смотрятъ какъ на своихъ тирановъ? Говорятъ ли объ этихъ частыхъ убійствахъ, слѣды которыхъ невозможно бываетъ открыть, потому что убійцы, какъ нѣкогда корсиканскіе бандиты, вездѣ находятъ убѣжище, покровителей и сообщниковъ?

Между католической Ирландіей и протестантской Англіей, между Ирландіей, пожираемой нищетой, и Англіей, переполненной богатствами, между Ирландіей кельтскаго происхожденія, и Англіей — саксонскаго, лежитъ цѣлая пропасть. И очень неблагоприятны тѣ люди въ Англіи, которые для объясненія своихъ симпатій къ мятежу южныхъ плантаторовъ противъ Сѣвера, ссылаются на право рабовладѣльцевъ провозглашать свою независимость съ оружіемъ въ рукахъ!

СХІІ.

20 декабря.

БРАЙТЪ ВЪ БИРМИНГАМЪ.

Третьяго дня, послѣ долгаго, знаменательнаго молчанія, звучный голосъ Брайта раздался наконецъ въ обширной залѣ городской ратуши въ Бирмингамѣ, гдѣ собралось слушать его до пяти тысячъ гражданъ.

Рядомъ съ Брайтомъ находился Шолефильдъ, также представитель Бирмингама въ палатѣ общинъ. Шолефильдъ, котораго я близко знаю, человекъ чрезвычайно живаго ума, въ которомъ есть много чисто французскаго. Шолефильдъ, во время своего долгаго пребыванія во Франціи хорошо изучившій наши нравы, обычаи и наши идеи, и говорящій по французски такъ, какъ будто онъ родился въ Парижѣ, есть послѣдній изъ моихъ англійскихъ знакомыхъ, отъ котораго я могъ бы ожидать содѣйствія дѣлу американскихъ плантаторовъ, тѣмъ больше, что это самый преданный и самый непоколебимый органъ либеральной партіи въ палатѣ общинъ. И однакоже, не смотря на все это, Шолефильдъ — партизанъ Юга, и это всего лучше показываетъ силу потока, увлекающаго въ эту сторону мнѣнія и симпатіи Англіи.

Въ Бирмингамѣ Шолефильдъ, хотя и согласный съ Брайтомъ по большей части вопросовъ внутренней политики, не колебался открыто отделиться отъ него по вопросу объ Америкѣ. Конечно онъ не желаетъ вмешательства, которое по его мнѣнію навлекло бы войну; онъ не желаетъ и посредничества, которое по его мнѣнію вызвало бы только обидный отказъ; но онъ желаетъ, чтобы Англія рѣшилась наконецъ признать Югъ.

Мнѣ пріятно указать вамъ на тотъ фактъ, что это заявленіе Шолефильда встрѣчено было въ значительной части собранія довольно неблагоприятно. И это нисколько не удивительно для тѣхъ, кто знаетъ, какъ разнятся мнѣнія объ аме-

риканскихъ дѣлахъ въ рабочемъ населеніи большихъ мануфактурныхъ центровъ отъ мнѣній Англіи, взятой въ цѣломъ. Напрасно на всѣ тоны повторяли этимъ несчастнымъ рабочимъ, что источникъ ихъ бѣдствія и бѣдствія ихъ братьевъ заключается въ жестокомъ упорствѣ Сѣвера; что зло произошло оттого, что нѣтъ хлопка, а хлопокъ нѣтъ оттого, что Сѣверъ намѣревался *per fas et nefas* покорить Югъ;—вѣрный инстинктъ заставлялъ ихъ всѣхъ говорить: «мы не можемъ стоять за невольничій трудъ, мы, люди свободнаго труда».

Поэтому, когда поднялся Брайтъ, на лицѣ котораго ясно видно было намѣреніе возражать своему собрату, раздались громкія рукоплесканія.

Брайтъ началъ тѣмъ, что отвѣтственность за ланкаширскій кризисъ сложилъ на покойную Остъ-Индскую компанію, которую онъ обвиняетъ въ томъ, что она не поощряла воздѣлыванія индійскаго хлопка для избѣжанія пынѣшнихъ событій. Въ подтвержденіе этого обвиненія онъ напомнилъ, что въ три года, послѣдовавшіе за уничтоженіемъ монополіи компаніи, состоявшимся въ 1814 году, вывозъ индійскаго хлопка поднялся съ 17,000 до 500,000 кипъ, такъ что въ 1818 году Англія получила его изъ Индіи больше, чѣмъ изъ Соединенныхъ штатовъ. Что же остановило такое возрастаніе вывоза? Его остановила, по мнѣнію Брайта, громадность налоговъ, которыми директора компаніи и контрольное бюро обложили производство. Въ 1846 году было найдено, что вся выгода отъ производства хлопка, которая должна была раздѣляться между воздѣлывателями хлопка въ Суратѣ и бомбейскими купцами, походила только до трехъ фарсинговъ на фунтъ. Такое положеніе дѣлъ естественно должно было повести почти къ совершенному уничтоженію торговли индійскимъ хлопкомъ; и это объясняетъ особенную дѣятельность, выказавшуюся въ производствѣ хлопка въ Америкѣ; это производство, доходившее тамъ въ 1840 году до 2,000,000 кипъ, въ 1860 году возвысилось до 4,000,000, изъ чего видно, что въ продолженіе двадцати лѣтъ оно удвоилось.

Все это справедливо; справедливо также и то, что не отъ Брайта зависѣло, что въ 1847 году Англія не обратила серьезнаго вниманія на тѣ причины, которыя, по энергическому выраженію оратора, задушили производство хлопка въ Индіи. Онъ въ особенно горькихъ выраженіяхъ очертилъ исторію своихъ усилій по этому дѣлу, возобновлявшихся нѣсколько разъ и всегда неудававшихся вслѣдствіе беззаботной и рутинной политики. Но положимъ, что комитетъ, на образованіи котораго Брайтъ настоялъ въ 1847 году, и который осудилъ систему Остъ-индскаго правительства, въ отношеніи земледѣлія, успѣлъ бы осуществить свои взгляды; положимъ, что королевская слѣдственная коммиссія, образованія которой Брайтъ требовалъ въ 1850 году, хотя не успѣлъ побѣдить упорнаго сопротивленія сэра Джона Гобгоуда, была бы составлена и начала дѣйствовать; положимъ, наконецъ, что уменьшеніе налоговъ послужило бы для индійскихъ воздѣлывателей хлопка приманкой болѣе значительныхъ выгодъ; все это еще не рѣшаетъ, могла ли бы Индія выдержать на этомъ полѣ соперничество съ Америкой, такъ какъ американскій хлопокъ лучшаго качества, и ея рынокъ ближе Остъ-индскаго. Вотъ что долженъ былъ бы доказать Брайтъ, и о чемъ онъ не сказалъ ни слова. Впрочемъ, по правдѣ говоря, вопросъ теперь совсѣмъ не въ томъ, достаточно ли было въ прежнее время у англійскаго правительства предусмотрительности или нѣтъ, и я думаю, что правительство охотно сказало бы Брайту то же самое, что въ извѣстной баснѣ ребенокъ, попавшій въ воду, говорить своему наставнику, который принялся бранить его: «ахъ, другъ мой, ты сперва вытащи меня изъ воды, а наставленія dokonчишь и послѣ». Брайтъ предчувствовалъ это, и готовъ былъ предложить средство, по его мнѣнію самое дѣйствительное. Это средство состоитъ въ томъ, чтобы на пять лѣтъ освободить отъ налоговъ всѣ земли, обращенныя въ Индіи на производство хлопка.

Средство, дѣйствительно, очень простое, и можно надѣяться, что такое поощреніе, вмѣстѣ съ нынѣшнимъ повышеніемъ цѣны на хлопокъ, имѣло бы нѣкоторое вліяніе на ходъ Остъ-

индской торговли. Но я боюсь, однако, не заблуждается ли Брайтъ, когда думаетъ, что въ тотъ самый день, когда введена будетъ эта система, окончатся и бѣдствія Лапкашира. Есть, къ несчастью, одно обстоятельство, которое, не смотря на всѣ старанія, отдаляетъ отъ ость-индскаго хлопка спекуляцію и капиталы. Это обстоятельство — страхъ разорительной конкуренціи, которую пришлось бы выдержать, въ случаѣ окончанія американской войны, съ громадными массами хлопка, накопившимися въ Южныхъ штатахъ, и которымъ миръ снова открылъ бы дорогу въ Европу. Въ этомъ заключается гроза, которая, по неоднократно выраженному мнѣнію Кобдена, роковымъ образомъ виситъ надъ торговлей хлопкомъ, и которая парализуетъ все; Брайтъ конечно не откажется признать авторитетъ Кобдена.

Брайтъ убѣжденъ, что Югъ будетъ уничтоженъ; онъ утверждаетъ, что съ обработываніемъ хлопка невольничьимъ трудомъ дѣло уже покончено. Очень хорошо. Но сколько людей, начиная съ Гладстона, думаютъ объ этомъ иначе! Для того, чтобы Англія рѣшительно обратила свое вниманіе на Индію, нужно, чтобы она повѣрила въ окончательное торжество Сѣвера; а она еще не вѣритъ въ него.

Съ другой стороны, не есть ли это освобожденіе отъ налога, требуемое Брайтомъ въ пользу извѣстной категоріи людей, съ признанной цѣлью покровительствовать извѣстному роду труда, — простое примѣненіе теоріи поощрительныхъ премій? — Идѣсь представляется возраженіе, котораго Брайтъ не предвидѣлъ, и которое уже появилось на столбцахъ Times и Morning Herald въ формѣ аргумента, особенно сильнаго для Брайта. Какимъ образомъ Брайтъ, приверженецъ свободной торговли по преимуществу, можетъ требовать вмѣшательства правительства въ область торговли? Какимъ образомъ онъ, одинъ изъ жесточайшихъ противниковъ протекціонизма, обращается къ помощи этого самаго протекціонизма? И какъ онъ не видитъ, что та часть дохода, отъѣны которой онъ требуетъ въ пользу воздѣльвателей хлопка, необходимо должна замѣниться новыми налогами на ость-индское населеніе,

которое будетъ такимъ образомъ окончательно разорено для облегченія бѣдствій одного графства въ Англіи?

Полное торжество Брайта составляла та часть его рѣчи, въ которой онъ говорилъ о рабствѣ. Никогда негодованіе не говорило болѣе краснорѣчиво. Какъ! Быть Англіей, и видѣть передъ собою Югъ, который не только стремится поддерживать рабство, но и распространяетъ его; видѣть Сѣверъ, который объявилъ уничтоженіе этого рабства, и протягивать руку Югу! Брайтъ хорошо сдѣлалъ, что особенно настойчиво указывалъ на этотъ пунктъ, потому что именно этотъ пунктъ партизаны Юга крайне стараются держать въ тѣни.

Если послушать партизановъ Юга, то враги, которые ведутъ теперь борьбу за Атлантическимъ океаномъ, это—духъ національной независимости, представляемый Югомъ, и духъ завоеванія, представляемый Сѣверомъ. «Могутъ ли англичане видѣть, въ какой бы то ни было части свѣта, народъ, сражающійся за свою независимость, и не чувствовать къ нему симпатіи?» восклицаетъ Шолефильдъ. Но что же это значитъ? Развѣ достойна вашего уваженія та независимость, которая стремится поставить часть человѣческаго рода въ положеніе скотовъ? И развѣ вы поклоняетесь той свободѣ, которая состоитъ въ свободѣ быть тираномъ?

Искорбно видѣть, что тѣ же самые люди, которые называютъ «требованіемъ принципа національной независимости» грубое, жестокое, несправедливое нарушеніе добровольнаго договора, въ силу котораго такъ долго соединены были между собою Югъ и Сѣверъ, не говорить иначе, какъ съ презрѣніемъ о всякой попыткѣ, имѣющей цѣлью отдѣленіе Ирландіи отъ Англіи.

Или я очень ошибаюсь, или партизанамъ Юга слѣдовало бы подумать объ Ирландіи, когда они провозглашаютъ такъ громко, подъ именемъ независимости, право части отдѣляться отъ цѣлаго. Ирландцы совсѣмъ не того происхожденія, какъ англичане; они совсѣмъ другой религіи; у нихъ другіе нравы, другой характеръ; и когда они читаютъ исторію своего соединенія съ Англіей, то встрѣчаютъ въ ней только раз-

дражающія воспоминанія. Если бы они какимъ нибудь образомъ пришли къ тому убѣжденію, что они съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ плантаторы Юга, могутъ требовать себѣ національной независимости,—что могъ бы сказать имъ Шолефильдъ и всѣ тѣ, которые, подобно ему, повторяютъ безпрестанно: могутъ ли англичане видѣть въ какой бы то ни было части свѣта народъ, срыгающійся за свою независимость, и не чувствовать къ нему симпатіи?»

СХІІІ.

26 Декабря.

ЛЮДИ, ПОДОЗРѢВАЕМЫЕ ВЪ УМОПОМѢШАТЕЛЬСТВѢ ВЪ АНГЛІИ.

«Ну, такъ женитесь... Или нѣтъ, лучше не женитесь»... Такъ совѣтуетъ Рабле, старательно взвѣсивши всѣ резоны за и противъ при рѣшеніи важнаго вопроса, хорошо ли дѣлаютъ люди, что женятся. Если бы Рабле жилъ въ настоящее время въ Англіи, онъ могъ бы прибавить еще одну лишнюю причину ко всѣмъ своимъ доводамъ въ пользу отрицательнаго рѣшенія; эта причина, которой вы никогда бы не угадали, состоитъ въ томъ, что здѣсь всякій мужъ, который рѣшился бы считать свою жену невѣрною, за одно это рискуетъ, на основаніи простаго удостовѣренія двухъ врачей, быть арестованнымъ, увезеннымъ изъ дому и посаженнымъ въ домъ умалишенныхъ, гдѣ съ нимъ будутъ обходиться какъ съ человѣкомъ, потерявшимъ рассудокъ, чего достаточно, чтобы и на самомъ дѣлѣ потерять его.

Это можетъ показаться шуткой. Но это вовсе не шутка; я говорю очень серьезно. Это доказываетъ процессъ о проторяхъ и убыткахъ, выигранный недавно нѣкимъ Голлемъ противъ доктора Семплиа.

Этотъ мистеръ Голль, повидямому, просто хорошій человекъ, никогда не обнаруживавшій другаго признака помѣшательства, кромѣ явнаго расположенія сомнѣваться въ добродѣтеляхъ своей жены. Понятно, что въ глазахъ этой дамы онъ не могъ имѣть худшаго рода помѣшательства. И вотъ, послѣ тридцати лѣтъ супружеской жизни, она разсудила, что ея мужа необходимо засадить въ домъ умалишенныхъ. Разумѣется само собою, что этотъ тридцатилѣтній союзъ не былъ совершенно безоблачнымъ. Мистеръ Голль не всегда бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, и мистриссъ Голль, которая очень любила отдавать подъ закладъ вещи своего мужа, обладала кромѣ того странной привычкой придавать самымъ громаднымъ размѣрамъ малѣйшей супружеской ссорѣ. За исключеніемъ этого, въ средѣ семейства не происходило ничего особенно драматичнаго; ни изъ чего нельзя было предвидѣть, что Отелло захочетъ наконецъ задушить Дездемону подушками ея постели. Но вопросъ не въ этомъ. Мистриссъ находила до того страннымъ, что ее осмѣливаются подозрѣвать, что въ ея глазахъ не могло быть болѣе очевидныхъ признаковъ помѣшательства. Кто объяснилъ ей англійское законодательство объ умалишенныхъ, и какимъ образомъ научилась она такъ хорошо понимать силу оружія, которое это законодательство давало ей въ руки, — это остается тайною, которая не разъясняется процессомъ. Можно только сказать, что она вполне знала, какъ ей надо дѣйствовать.

Она открываетъ свои опасенія и свои намѣренія двумъ медикамъ, которые пользовались ея довѣріемъ; она показываетъ одному изъ нихъ зеркало, которое по ея словамъ, разбила ея мужъ ударомъ лопаты. Ученый мужъ содрогается отъ ужаса при этомъ зрѣлищѣ: нѣтъ никакого сомнѣнія, мистеръ Голль страдаетъ разстройствомъ мозга! Послѣ этого докторъ Семплъ бѣжитъ къ мужу, чтобы волей-неволей подвергнуть его основательному изслѣдованію, пощупать ему пульсъ, заставить его показать языкъ, и доказать ему самыми ясными доводами, что онъ сумасшедшій и что его слѣдуетъ связать. Тотъ разумѣется очень удивленъ и даже оскорбленъ этимъ

неожиданнымъ посѣщеніемъ. Но вмѣсто того, чтобы сбросить доктора съ лѣстницы, какъ вѣроятно сдѣлалъ бы въ подобномъ случаѣ человекъ, вполне владѣющій своими способностями, онъ довольствуется тѣмъ, что смотритъ съ удивленнымъ видомъ на господина, всѣми мѣрами хлопотавшаго о его спасеніи, и, что еще хуже, смотритъ на него очень пристально. Помпите ли вы знаменитую сцену, изъ которой Жанъ-Жакъ Руссо, почерпнулъ убѣжденіе, что Юмъ, его благодѣтель, въ сущности есть его жесточайшій врагъ? «Однажды вечеромъ, когда Давидъ Юмъ и я сидѣли молча у огня, я увидѣлъ нечаянно, что его глаза были пристально устремлены на меня. Вдругъ онъ бросилъ на меня взглядъ... Ахъ! этотъ взглядъ Юма... этотъ взглядъ!» Этотъ взглядъ Юма не произвелъ болынаго впечатлѣнія на Руссо, чѣмъ взглядъ мистера Голля на доктора Семпля. Что касается другаго доктора, то мистеръ Гой имѣлъ такъ же много довѣрія къ правдивости мистриссъ, какъ мало ея добродѣтель внушала довѣрія ея мужу. Дѣло кончено: два требуемые закономъ свидѣтельства подписаны двумя лицами, ручающимися за добродѣтель дамы; и вотъ бѣдный мистеръ Голль безъ дальнихъ проволочекъ отвезенъ въ домъ умалишенныхъ. И этотъ ужасный докторъ Семплъ такъ заботился объ исцѣленіи несчастнаго отъ маніи быть свободнымъ, что въ тотъ же день писалъ смотрителю заведенія: «въ особенности не позволяйте ему выходить: это сумасшедшій опасный.»

Къ счастью, провидѣніе есть и для мужей скептиковъ. Оказалось, что одно изъ свидѣтельствъ было составлено не по формѣ. Безъ этого обстоятельства, истинно ниспосланнаго провидѣніемъ, никто не могъ бы сказать навѣрное, сколько времени пришлось бы мистеру Голлю оставаться погребеннымъ заживо, — иначе я не умѣю это назвать; потому что между докторами умалишенныхъ очень распространено мнѣніе, будто бы сумасшедшіе чрезвычайно хитры и отлично умѣютъ обманывать васъ на счетъ своего умственного состоянія, такъ что нашъ предполагаемый больной могъ сколько угодно и самымъ безспорнымъ образомъ доказывать свою разсудительность, и

все таки не добиться освобожденія, прежде чѣмъ не прѣйдетъ тяжелаго и унизительнаго испытанія.

Какъ бы то ни было, но получивши свободу, онъ прежде всего поспѣшплъ принести жалобу на излишество нѣжной заботливости, которой онъ былъ предметомъ; и изъ процесса оказалось, что приказъ о его заключеніи данъ былъ не только безъ достаточныхъ основаній, но даже по такимъ основаніямъ, которыя были просто смѣшны.

Само собою разумѣется, что наши два доктора не могли быть съ этимъ согласны. Съ мужествомъ, достойнымъ лучшаго дѣла, они до конца продолжали утверждать, что болѣзнь, которую они желали исцѣлить не отступая ни передъ какими средствами, была «болѣзнь нѣкоторыхъ способностей, могущихъ повести къ страсти, насилію, убійству.» Теорія не совсѣмъ успокоительная, и мужьямъ, живущимъ въ плохомъ согласіи съ своими раздражительными женами, надо держать себя очень осторожно.

Впрочемъ ихъ можетъ нѣсколько успокоить торжественное объявленіе судьи, который выразился по этому случаю такимъ образомъ: «Мужъ можетъ ненавидѣть свою жену и не быть сумасшедшимъ.» Де ла Палиссъ и Соломонъ не могли бы сказать лучше.

Оставалось узнать, отдѣляется ли докторъ Семплъ однимъ страхомъ. Судъ присяжныхъ, состоявшій изъ добрыхъ простыхъ людей, не хотѣлъ вѣрить, чтобы два доктора дѣйствовали съ дурными намѣреніями; но такъ какъ судъ состоялъ въ то же время изъ мужей, то онъ не хотѣлъ и простить ошибокъ, легкомысленно совершенныхъ по такому щекотливому предмету; и вслѣдствіе этого докторъ Семплъ былъ принужденъ къ уплатѣ 150 фунтовъ стерлинговъ за протори и убытки.

Этотъ процессъ, очень заинтересовавшій общественное мнѣніе, въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно важенъ въ томъ отношеніи, что онъ разоблачаетъ недостатки англійскаго законодательства относительно умалишенныхъ, законодательства, которое со всѣхъ сторонъ нарушаетъ великій принципъ личной свободы.

Любопытно, что во Франціи, гдѣ правительства всегда такъ легко обходятся безъ этого принципа въ своихъ отношеніяхъ къ разумнымъ существамъ, онъ сохраняется закономъ въ отношеніи къ умалишеннымъ съ удивительной предусмотрительностью и множествомъ предосторожностей, къ которымъ трудно бы было что нибудь прибавить; тогда какъ въ Англіи, гдѣ человѣкъ такъ могущественно огражденъ противъ всякихъ попытокъ политическаго произвола, онъ видитъ себя преданнымъ почти безъ всякой защиты произволу медицинскому.

Во первыхъ, въ дѣла тюремнаго заключенія человѣка, пораженнаго умственнымъ разстройствомъ или предполагаемаго такимъ, — я говорю тюремнаго заключенія, потому что домъ умалишенныхъ на дѣлѣ конечно та же тюрьма, — правительство не вмѣшивается нисколько. Достаточно двумъ какимъ нибудь докторамъ подписать свидѣтельство, удостоверяющее объ умопомѣшателствѣ человѣка, чтобы этотъ человѣкъ былъ взятъ и посаженъ въ надежное мѣсто агентами, находящимися въ ихъ распоряженіи, безъ всякаго содѣйствія властей. И этого даже мало: ничто не препятствуетъ помѣстить этого человѣка въ больницѣ, принадлежащей одному изъ докторовъ, рѣшившихъ засадить его туда!

Способъ составленія этихъ свидѣтельствъ, требуемый закономъ, также заслуживаетъ сильнаго порицанія. Напримѣръ, подписывающему свидѣтельство доктору позволяется приводить въ подтвержденіе своего мнѣнія не только факты, подтвержденные имъ самимъ, но и такіе, которые ему извѣстны только по слухамъ. Если онъ захочетъ основывать свое мнѣніе только на мнѣніи своего собрата, — вслѣдствіе чего вмѣсто двухъ научныхъ свидѣтельствъ, требуемыхъ закономъ, оказывается собственно только одно, — то въ законѣ нѣтъ никакого постановленія, которое помѣшало бы ему сдѣлать это. Наконецъ въ законѣ ничего не говорится о непремѣнной необходимости серьезнаго предварительнаго изслѣдованія.

Единственные мѣры, которыя съ общественной точки зрѣнія покровительствуютъ человѣку, заключенному подъ предлогомъ

помѣшательства въ какое нибудь частное заведеніе, состоятъ въ уполномочіяхъ, которыя лордъ-канцлеръ даетъ своимъ комиссарамъ, называемымъ «masters in lunacy»; эти комиссары завѣдуютъ дѣлами, относящимися до помѣшанныхъ, и получаютъ за это до 2000 фунтовъ стерлинговъ жалованья, съ пенсіей при отставкѣ. Само собою разумѣется, что въ кругъ дѣйствій этихъ masters in lunacy входитъ обязанность посѣщать отъ времени до времени заведенія, подчиненныя ихъ надзору; эти заведенія должны кромѣ того въ неопредѣленное время посѣщаться двумя докторами и чиновникомъ, назначаемымъ для этого отъ правительства. Законъ говоритъ, что помѣшанные должны быть посѣщаемы по крайней мѣрѣ разъ въ годъ: дальше этого его требованія не идутъ. Если человѣкъ, котораго предполагаютъ сумасшедшимъ, требуетъ, чтобы его освидѣтельствовали передъ судомъ присяжныхъ, то лордъ-канцлеръ можетъ дать на это свое разрѣшеніе; но издержки по дѣлопроизводству могутъ дойти при этомъ до громадной цифры. Мнѣ помнится я приводилъ вамъ однажды достаточное доказательство этого въ разсказѣ о дѣлѣ Виндгама.

Вы можете быть не повѣрите, что если кто нибудь подъ вліяніемъ сумасшествія совершить убійство и будетъ посаженъ въ Бедламъ, онъ уже никогда не получитъ свободы, хотя бы даже къ нему и возвратился рассудокъ. *Lasciate ogni speranza...* А почему? Потому что общество считается въ правѣ ограждать себя противъ опасности рецидива. Вотъ еще одна изъ аномалій, удивляющихъ иностранца, когда онъ старается дать себѣ ясный отчетъ о томъ духѣ, который внушилъ учрежденія и управляетъ нравами этого могущественнаго и страннаго народа! Потому что, если есть вообще на свѣтѣ страна, гдѣ бы такъ сильно остерегались злоупотребленія принципомъ предупредительныхъ мѣръ, такъ это именно Англія; и однакоже на основаніи этого самаго принципа человѣкъ можетъ подвергнуться тамъ страшному несчастью — искупать безконечнымъ заключеніемъ проступокъ, совершенный подъ вліяніемъ непроизвольнаго и временнаго умственнаго разстройства.

Изъ этихъ примѣровъ легко видѣть, что англійское законодательство относительно умалишенныхъ весьма неудовлетворительно. Къ счастью практика гораздо лучше закона. По закону возможны бы были многочисленныя злоупотребленія, но несправедливо было бы сказать, что такія многочисленныя злоупотребленія совершались; и въ этомъ отношеніи общественное мнѣніе конечно преувеличиваетъ необходимость реформы. Правда, что дѣло идетъ здѣсь о личной свободѣ, то есть объ одномъ изъ тѣхъ вопросовъ, въ которыхъ Джошъ-Булль не позволяетъ шутить. Поэтому теперь шумно требуютъ безотлагательной реформы «Lunacy act», и процессъ, о которомъ я сейчасъ рассказывалъ и который произвелъ здѣсь сильное впечатлѣніе, конечно не мало будетъ содѣйствовать достиженію желаемого результата.

1863 ГОДЪ.

1863 годъ.

LXIV.

5-го января.

С В Я Т К И.

Вотъ уже восемь дней, какъ Англія находится во власти огромной арміи героевъ, изъ которыхъ самый большой не больше трехъ футовъ роста. Армія, о которой я говорю, самая веселая и прелестная; но орды Аттилы и Чингизъ-Хана никакъ не могутъ сравниться съ ней по хищности. Богъ знаетъ, сколько контрибуцій она уже взяла съ завоеванной страны! Но есть ли какая нибудь возможность сопротивляться дѣтямъ, когда наступаетъ этотъ прекрасный праздникъ, который мы зовемъ Noël, а англичане Christmas? Въ этотъ день учитель бросаетъ свою фѣрулу; скучныя книги закрываются сами; кабинетъ отца семейства, это неоприкосновенное святилище, съ гріумфомъ разграбляется; весь домъ ставится вверхъ дномъ и кохочетъ.

Дѣти—вотъ тираны этого дня. Ихъ деспотизмъ тѣмъ болѣе увѣренъ въ своемъ дѣлѣ, что каждый повидимому съ радостью подчиняется ему. Для нихъ игрушечные торговцы выставляютъ свои самыя блестящія сокровища, прожорлики и кондитеры—самыя вкусныя богатства; у книгопродавцевъ оказываются для нихъ тысячи эстамповъ и раскрашенныхъ кар-

тинокъ, прелестныхъ маленькихъ книжекъ, въ которыхъ человѣческая мысль появляется не иначе, какъ одѣтая въ бархатъ и золото; для нихъ придумываются, въ эти торжественные дни, всевозможныя игры, сказки, шарады, пѣсни для нихъ мизантровъ разглаживаетъ свои морщины и старики становятся дѣтьми.

А пантомимы! А прелестныя фен, палочка которыхъ открываетъ брилліантовыя пещеры! А паяцъ, Арлекинъ, Панталоне, Коломбина! Для кого всѣ эти чудеса, спрашивается? Пантомимы на святкахъ—это безспорное владѣніе дѣтей. И надобно видѣть, съ какимъ великодушнымъ чувствомъ эти добрые, любезные маленькіе цари допускаютъ насъ, —увѣ! уже переставшихъ быть дѣтьми, — раздѣлять ихъ удовольствія! Благодаря имъ, пантомима составляетъ счастье отца, матери, дяди, тетки, — мало того счастье дѣдушекъ, бабушекъ, всѣхъ. Укажите мнѣ хотя одинъ театръ въ Лондонѣ, который бы осмѣлился не давать во время святокъ пантомимъ. И какая необычайная роскошь декорацій! Этотъ народъ, который считаютъ неспособнымъ къ искусству, удивительно умѣетъ показывать намъ все великолѣпіе волшебнаго міра. Какое множество денегъ потрачено здѣсь на очарованные озера, фантастическія рѣки, на великолѣпно невозможныя пейзажи, на фигурантокъ въ роляхъ богинь, висящихъ въ воздухѣ! Мнѣ также чрезвычайно нравится любовь къ маскараду, которая нигдѣ въ свѣтѣ не выказывается съ большей силой чѣмъ въ Англіи, разумѣется на святкахъ. Въ это время появляются люди львы, люди-пѣтухи, люди-кувшины, люди-бутылки, люди-индюки, — и все это самого ужасающаго вида. Маски дѣлаются самой неестественной величины. Маска Тартюфа могла идти къ нему лучше, но конечно не была такихъ размѣровъ. О пьесахъ, которыя служатъ введеніемъ для пируетовъ Коломбины, для фарсовъ, жертвой которыхъ старый Панталоне дѣлаетъ перваго встрѣчнаго, для фарсовъ, жертвой которыхъ Пьерро дѣлаетъ стараго Панталоне, для фарсовъ, жертвой которыхъ Арлекинъ дѣлаетъ Пьерро,—нужно сказать, что они очень однообразны, въ нихъ все почти одно и тоже, вездѣ и всегда;

даже варианты и тѣ однообразны. Вообще глупость пантомимъ доходитъ до непонятной степени. Но что за бѣда! Пантомимы—это обыкновенная забава святочныхъ властелиновъ. Главное здѣсь въ томъ, чтобы было какъ можно больше гигантскихъ масокъ, какъ можно больше перемѣнъ декорацій, чтобы какъ можно больше было толчковъ ногами и руками, и чтобы люди какъ можно чаще сваливались съ ногъ. Странно однако же,—и я обращаю на этотъ фактъ вниманіе философовъ, — но выходитъ такъ, что въ Англіи, странѣ такой серьезной, большихъ это забавляетъ столько же, — я готовъ сказать забавляетъ даже больше, чѣмъ самыхъ дѣтей. Каждый ударъ ноги, которымъ Пьерро угощаетъ Панталоне, сопровождается взрывомъ веселости и гомерическимъ смѣхомъ, какого не умѣютъ себѣ представить страны безъ тумановъ и силпна. Кто не видѣлъ англичанина, смотрящаго пантомиму или возвращающагося съ ипсомскихъ скачекъ, тотъ никогда не будетъ знать Англіи. Говорятъ о парижскихъ «Folies-Dramatiques», о «возвращеніи изъ Куртиля». Куда! Чтобы видѣть настоящій смѣхъ и чтобы понять, до чего можетъ доходить беззащитчивость громадной повеселѣвшей толпы, нужно побывать здѣсь.

Впрочемъ это только одна сторона картины. Остается еще другая сторона, которой я также не долженъ оставить безъ вниманія, тѣмъ больше, что эта сторона мнѣ кажется самая важная. Святки — это чисто англійскій праздникъ; и его дѣлаетъ такимъ именно то, что это праздникъ «кутежа». Утромъ въ Рождество не найдется ни одного англичанина, который бы не былъ въ хорошемъ расположеніи духа, и если вы хотите узнать настоящую причину этого, посмотрите Лондонъ наканунѣ вечеромъ. Все, что только можетъ польстить желудку, выставлено во всѣхъ магазинахъ съ истинно-національной предусмотрительностью, все, начиная съ испанскаго лука огненнаго цвѣта, до громадныхъ кусковъ мяса, какіе можно видѣть только въ Англіи, и кажется рассчитанныхъ на аппетитъ самаго Гаргантюа. Въ самомъ дѣлѣ, настоящій обѣдъ здѣсь—это обѣдъ святочный, когда на столѣ появля-

ются національныя любимыя кушанья: жареная индѣйка, мелкая дичь и пломъ-пуддингъ.

Нечего и говорить конечно, что святочные удовольствія не ограничиваются однимъ этимъ. Нужно прибавить еще: характеристическiя танцы, поцалуи, похищаемые подъ покровомъ «mistletoe» *), чаши пылающаго пунша, длинныя исторiи, рассказываемыя дѣдомъ всей семьѣ, собравшейся во кругъ него передъ камелькомъ. Читали ли вы романы Чарльза Диккенса? Мистера Пикквика можно считать типомъ настоящаго англiйскаго джентльмена во время святокъ: онъ цалуется молоденькихъ дамъ, которыя отвѣчаютъ ему тѣмъ же; онъ со вниманiемъ слушаетъ безконечныя сказки; онъ присаживается къ очагу; онъ пьетъ пуншъ сколько только можно.

По правдѣ сказать нѣкоторые ворчливые моралисты утверждаютъ, что нынче это ведется не совсѣмъ такъ. Они увѣряютъ, что знаменитая «bûche de Noël» осталась однимъ преданiемъ. Они утверждаютъ, что касается ихъ лично, то имъ никогда не приводилось ни получать, ни давать поцалуевъ подъ «mistletoe». Ихъ смѣлость еще не доходитъ до того, чтобы отрицать святочныхъ индѣекъ и пломъ-пуддингъ; но они объявляютъ, что разстройство желудка случается гораздо рѣже, чѣмъ можно подуматъ по романамъ и различнымъ рассказамъ, изъ которыхъ составляется такъ называемая «святочная литература». Словомъ, они кажется краснѣютъ за то, что въ глазахъ безсмертнаго пѣвца Гаргантюа и Пантагрюэля составило бы славу Англiи. Лично за себя я могу сказать, что съ того времени, какъ я живу въ Англiи, мнѣ пришлось видѣть очень много вещей, совершенно похожихъ на описанiя «святочной литературы», и я прибавлю къ этому, что въ это время вездѣ можно встрѣтить объявленiя о пилюляхъ, способствующихъ пищеваренiю, которыя рекомендуются вниманiю особъ, справляющихъ святки еще согласно съ обычаями своихъ предковъ.

*) Вѣтки омелы, подъ которыми въ этотъ день имѣютъ право цаловать дамъ.

Какъ бы то ни было, но нельзя бы было и повеселиться, если бы человѣкъ не имѣлъ иногда возможности, среди самаго горькаго своего положенія, посмотреть на жизнь и съ ея наименѣе печальной стороны. Только что окончившійся годъ для многихъ былъ очень тяжелъ, и начинающійся также не совсѣмъ свободенъ отъ опасеній. Война, разбурившая кровью Новый Свѣтъ, была для прошедшаго года тяжелымъ испытаніемъ, которое еще не кончилось. Сердце сжимается при мысли, чѣмъ долженъ былъ быть этотъ святочный праздникъ для Ланкашира! Когда я говорилъ, что на святкахъ дѣти становятся царями, я забывалъ о дѣтяхъ бѣдняковъ... Какъ жестоко должны страдать эти бѣдные дѣти! Но на святкахъ есть люди, которые страдаютъ еще больше, чѣмъ бѣдные дѣти: это несчастные родители этихъ дѣтей, оплакивающие ихъ.

СХV.

6 Января.

ЧТО ДѢЛАТЬ СЪ ПРЕСТУПНИКАМИ?

Еще нѣсколько дней, и наши обладатели и повелители, дѣти, возьмутъ съ насъ послѣднюю дань, доѣдятъ свою послѣднюю конфетку, разобьютъ послѣднюю игрушку, и, вмѣстѣ съ старшими, наградятъ послѣднимъ взрывомъ смѣха проказы Арлекина. Время, уносящее съ собою все, уноситъ и удовольствія святокъ. Этотъ національный англійскій праздникъ сталъ уже прошедшимъ. Лондонъ, этотъ чудовище-городъ, въ одно мгновеніе поглотилъ въ своемъ ужасающемъ желудкѣ пантагрюэлевскіе куски мяса и миллионы убранныхъ лентами индѣекъ, которыя выставлены были недавно въ лавкѣ каждого мясника.

Въ каждомъ домѣ, какъ слѣдуетъ, былъ обычный обѣдъ, въ которомъ «мелкая дичь» и «пломъ-пуддингъ» занимали

свое неизмѣнное почетное мѣсто. Предполагается, что уирадой получено предательскимъ образомъ множество поцалуевъ подъ «mistletoe»; и если елка, какъ мнѣ кажется, зажигается и трещить только въ романахъ Чарльза Диккенса или на гравюрахъ Illustradet London news, то можно по крайней мѣрѣ быть увѣреннымъ, что не подъ одной тысячею крышъ пріятный огонекъ каменнаго угля освѣщаль веселыя семейныя сцены.

Но, повторяю, все это уже далеко отъ насъ. И вотъ опять являются мрачныя мысли и горькія заботы. Снова должны мы приниматься за свой Сизифовъ камень. Послѣдніе дни прошедшаго года ознаменовались въ Лондонѣ зловѣщимъ увеличеніемъ числа ночныхъ преступленій; первые же дни наступившаго года — не менѣе мрачнымъ увеличеніемъ числа дѣтубійствъ.

Въ прошлую пятницу Раффль Уэльтью, исполняющій должность «коронера» въ восточной части Миддлсекскаго графства, призванъ былъ въ «Таверну Черной Лошади», въ улицѣ Kingsland Road, Shoreditch, освидѣтельствовать тѣло ребенка найденное въ цистернѣ; одно плечо этого ребенка изъѣдено было мышами. Въ тотъ же день, въ той же части города, нашли другаго ребенка, лежавшаго безъ малѣйшаго признака жизни и совершенно нагаго, при входѣ на кладбище Св. Леонара. На другой день увидѣли на Темзѣ, передъ «Limehouse-Causeway», плывущій трупъ, также дѣтскій; и почти въ то же самое время замѣченъ былъ еще трупъ, также ребенка, полузавернутый въ тряпье, въ «Regent's Canal», Old-ford-Road, Victoria-Road.

Святки, какъ вы видите, не на всѣхъ направили свой рогъ изобилія, и есть матери, которымъ не на что было сдѣлать подарковъ своимъ дѣтямъ?

Въ самомъ дѣлѣ, что говорятъ намъ эти дѣтубійства, эти припадки помѣшательства, и чѣмъ объяснить это ужасное помѣшательство? Какъ понять, чтобы мать когда нибудь могла дойти до того, чтобы бросить или убить своего ребенка, если бы у ней еще оставалась какая нибудь надежда прокормить

его? Вотъ тутъ-то и обнаруживается, во всемъ ея ужасѣ, во всей ея роковой неизбежности, связь нищеты съ преступленіемъ.

Сколько ужаснаго въ этой связи, это чувствуетъ каждый; но какъ боятся люди признать то, что въ ней есть фатальнаго, въ томъ ужасномъ смыслѣ, какой придавали этому слову древніе! Нищета — вотъ та зачумленная одежда, вотъ платье Деяниры, которое необходимо должны съ себя сбросить общества, если желаютъ освободиться отъ преступленія. Пока это не будетъ понято, криминалисты будутъ продолжать писать безполезныя книги, а филантропы истощаться въ безплодныхъ ушіяхъ. Кто сомнѣвается въ этомъ, тотъ пусть изучаетъ системы англійскихъ уголовныхъ законовъ, реформа которыхъ признана необходимой, и служить въ настоящее время предметомъ всеобщей заботливости.

«Что будемъ мы дѣлать съ нашими преступниками?» вотъ самый важный вопросъ настоящей минуты. Нѣтъ ни одной газеты, которая бы не касалась его, ни одного публициста, который бы не разбиралъ его, ни одного государственнаго чеконика, котораго бы онъ не смущалъ. Каждый предлагаетъ свои способы и свои лекарства. Проектовъ множество. Споры не умолкаютъ. Но чѣмъ больше всѣ они углубляются въ этотъ печальный предметъ, тѣмъ больше смущаетъ ихъ крайняя трудность найти или даже предвидѣть выходъ изъ него.

Было время, когда, чтобы избавиться отъ преступниковъ, ихъ просто вѣшали. Самая обыкновенная кража влекла за собой висѣлицу. Это былъ отвратительный способъ рѣшать задачу, но наконецъ это былъ хоть какой нибудь способъ рѣшать ее, если правда, что не оживаютъ одни только мертвые. Но такъ какъ цивилизація не можетъ подвигаться впередъ, не отнимая мѣста у палача, то наконецъ должно же было придти время, когда пужно было перестать убивать людей, для того, чтобы научить ихъ жить. Это время наступило, и отдаленныя колоніи, преобразованныя въ лазареты преступленія, приняли всѣхъ зачумленныхъ, какихъ имѣла метрополія для отсылки юда. Но эти колоніи со временемъ разбогатѣли:

онѣ пришли въ цвѣтущее состояніе, и наконецъ рѣшительно закрыли свои порты для грузовъ злодѣевъ, отъ которыхъ такъ хотѣлось отдѣлаться ихъ родинѣ. Тогда представился трагическій вопросъ: «что намъ дѣлать съ нашими преступниками?»

Такъ какъ уже отказались отъ мысли убивать ихъ, то предстояла необходимость позаботиться о ихъ существованіи; и такъ какъ уже невозможно было отсылать ихъ въ отдаленныя страны, то надо было покориться необходимости оставлять ихъ при себѣ. Но какимъ же образомъ смотрѣть за ними? и гдѣ же помѣстить ихъ? Если предположить, что тюрьмы будутъ достаточно обширны, чтобы помѣстить всѣхъ злодѣевъ вчерашняго дня, то будутъ ли они достаточно обширны, чтобы вмѣстить и тѣхъ злодѣевъ, которые появятся завтра, и послѣ-завтра, и въ слѣдующіе дни, — если не устроить дѣла такимъ образомъ, чтобы для очищенія мѣста однимъ выпускать отъ времени до времени на свободу другихъ? Но поступать такимъ образомъ, значить періодически выпускать на общество хищныхъ людей. Было, правда, одно средство — построить для этихъ дикихъ животныхъ въ достаточномъ количествѣ и достаточно вмѣстительные звѣринцы, рѣшетки которыхъ всегда были бы готовы принимать и никогда бы не выпускали. Но и тутъ оказывалось огромное препятствіе: издержки. Увидѣли, что преступленіе — очень дорогая вещь.

Съ этихъ поръ задача, рѣшенія которой искали, стала представляться съ новой точки зрѣнія. Вмѣсто того, чтобы спрашивать, что дѣлать съ преступниками, стали спрашивать, нѣтъ ли какогонибудь средства пресѣчь преступленія разъ навсегда, нѣтъ ли средства противъ причинъ того зла, слѣдствія котораго такъ трудно предотвратить? Этимъ уже вышли на настоящую дорогу, и вопросъ не могъ быть поставленъ лучше. Но къ несчастью ошиблись въ этихъ причинахъ, и какъ ошиблись! За причину приняли то, что было только слѣдствіемъ.

Рѣшено было, чтобы въ двухъ шагахъ отъ той лачуги, гдѣ дѣти бѣдняковъ получали отъ крайней нищеты воспитаніе въ

порокъ, были устроены тюрьмы, въ которыхъ поучали добродѣтели и читали Библію извергамъ, состарѣвшимся въ преступленіи. Рѣшено было, чтобы разъ попавши въ тюрьму, преступники находили въ ней хорошее помѣщеніе, хорошую пищу и вообще были тамъ прекрасно содержимы за одинъ признакъ раскаянія съ ихъ стороны; и въ то же самое время честный работникъ, то есть тотъ, кто не считалъ справедливымъ пріобрѣтать себѣ общественное покровительство ударами кнжжала, предоставленъ былъ тому же деспотизму нищеты, во сто разъ болѣе свирѣпому и болѣе ужасному, чѣмъ всякій человѣческій деспотизмъ. Чтобы облегчить для несчастныхъ, которыхъ между тѣмъ поучалъ священникъ, возможность примиренія ихъ съ обществомъ, въ видѣ награды за возвращеніе къ добрымъ правиламъ ихъ старались прельщать перспективой *ticket of leave*, или, другими словами, обѣщаніемъ дать свободу до истеченія положеннаго срока наказанія; но при этомъ совершенно забывалось, что нищета, ожидавшая ихъ при выходѣ изъ тюрьмы, легко приведетъ ихъ туда снова.

Ничего не можетъ быть страннѣе того положенія, къ которому привело примѣненіе такой уголовной системы. Матеріальное положеніе преступника въ Англіи гораздо лучше положенія бѣдняка, содержамаго приходомъ, а положеніе этого бѣдняка гораздо лучше положенія многихъ работниковъ, — и это справедливо до послѣдней буквы. У меня въ рукахъ теперь отчетъ написанный въ 1860 году однимъ изъ главныхъ чиновниковъ портландской тюрьмы. Вотъ каково было въ то время — и я не думаю, чтобы тамъ что нибудь измѣнилось съ тѣхъ поръ — состояніе этой тюрьмы.

Въ ней содержалось, среднимъ числомъ, до 1500 заключенныхъ, ко орые большею частію употреблялись для ломки камней, предназначенныхъ на постройку плотины. Продолжительность работы была лѣтомъ десять часовъ въ день; зимой она кончалась, когда становилось темно. Количество камня, добываемаго каждымъ работникомъ, считали въ три тонны въ день, и его дневной заработокъ въ два шиллинга. Пища заключенныхъ состояла въ день на каждого изъ одной

пинты чаю, пинты какао, пинты отличнаго супу, изъ фунта овощей, шести унцій мяса, безъ костей, и двадцати семи унцій хлѣба съ сыромъ перваго сорта. Сколько честныхъ людей въ Англіи почли бы себя счастливыми, если бы имѣли возможность содержать себя такимъ образомъ, а эти люди работаютъ вдвое больше, а производятъ въ трое.

Надо замѣтить притомъ, что тюрьма, о которой я говорилъ, еще не изъ тѣхъ, гдѣ преступники содержатся всего лучше. Есть такія, въ которыхъ имъ дается въ извѣстныхъ случаяхъ пиво. Въ Гибралтарѣ они получаютъ по двѣ унціи табаку въ недѣлю, и четверть пинты рома каждый разъ, когда ихъ употребляютъ на какія либо непріятныя работы. Въ Дартмурѣ, гдѣ управленіе тюрьмы употребляетъ, для вѣнскихъ работъ, кромѣ зависящихъ отъ него преступниковъ, еще и свободныхъ рабочихъ, которымъ оно платитъ, можно судить о соблазнительномъ различіи въ участи тѣхъ и другихъ. Тогда какъ одни работаютъ до истощенія силъ, другіе работаютъ шути, и при наступленіи вечера одни еще продолжаютъ работу, тогда какъ другіе уже давно поужинали и улеглись спать.

Нужно ли указывать на результаты подобной уголовной системы, въ странѣ, которую точить язва пауперизма? Было бы чудомъ, если бы преступленіе не получило могущественнаго поощренія тамъ, гдѣ тюрьму приходится предпочитать мастерской. И можетъ ли эта система внушить виновному страхъ передъ закономъ, когда она допускаетъ, что наказаніе превращается почти въ награду? Послѣ введенія ticket of leave судья уже не имѣетъ больше возможности измѣрять силу и значеніе оружія, которое находится въ его рукахъ; собственно говоря, нельзя уже осуждать на всю жизнь, каково бы ни было содержаніе приговора, нельзя уже присуждать на тотъ или другой опредѣленный срокъ. Теперь уже отъ самого виновнаго зависитъ — и онъ знаетъ это очень хорошо — уничтожить падающій на него приговоръ: для этого ему нужно только ловко разыгранной покорностью облегчить задачу начальника тюрьмы, польстить самолюбію тюремнаго

священника, принявши на себя видъ, будто бы очарованъ его проповѣдями. Одинъ изъ душителей, судившихся недавно барономъ Бренуэллемъ въ центральномъ уголовномъ судѣ, изъявлялъ раскаяніе до пятнадцати разъ, и ужъ не знаю, сколько священниковъ ручались за искренность его раскаянія.

Значить ли это, что желаніе исправить преступника и изъ самаго наказанія сдѣлать средство воспитанія — безумная мысль? Если я не ошибаюсь, кажется Дидро принадлежитъ смѣлое опредѣленіе, что «злой человѣкъ — это больной»; неужели мы должны считать эти слова словами безумца? Неужели мы сочтемъ совершенно несовмѣстимыми необходимость наказанія и надежду исправленія? Неужели мы забудемъ, что бываютъ такіе преступники, которые были бы честными людьми, если бы ихъ свободная воля не извращалась отъ самой колыбели окружающими обстоятельствами; если бы она, такъ сказать, не всосала ядъ порока въ нищетѣ; если бы они не выросли среди развращающихъ душу зрѣлищъ и искушеній; если бы однимъ словомъ они съ самаго вступленія своего въ жизнь не были жертвами той тирании вещей, которая слгается изъ невѣжества, голода, безпомощности, дурныхъ примѣровъ и всего того, что затемняетъ умъ и развращаетъ сердце?

Сохрани Боже, чтобы таково было мое личное мнѣніе! Но я не могу умолчать и признаю съ горестью, что это мнѣніе кажется беретъ здѣсь верхъ подъ вліяніемъ ночныхъ снѣвъ пасиля, совершавшихся въ послѣднее время въ Лондонѣ. Филантропія, для которой бывало свое время, не рѣшается больше возвышать голоса; теперь царствуетъ неумолимая строгость въ самыхъ жесткихъ формахъ: теперь пришла очередь гнѣва. Нужно очень немногое, чтобы въ отношеніи къ преступникамъ отъ излишней снисходительности перейти къ противоположному изліишеству. Это вѣчная исторія реакцій. Не рѣшатся только возвратиться къ смертной казни за болѣе важныя преступленія, вышедшія уже изъ области палача — вотъ и все.

Но что же дѣлать? Надо или содержать преступниковъ, или убивать ихъ, или подвергаться опасности самимъ быть

убитымъ пия; или ссылатъ ихъ далеко, чтобы ихъ раздѣляли отъ насъ всѣ волны океана.

Ссылать! этого бы и хотѣли. Но куда ссылатъ? Колоніи ихъ не принимаютъ. Можетъ быть и возможно было бы устроить для нихъ особенныя каторжныя колоніи гдѣ нибудь на краю свѣта, внѣ всякаго прикосновенія съ другими людьми; но здѣсь пришлось бы издержать громадныя суммы, затѣмъ, чтобы снова дать возможность къ тѣмъ гнуснымъ злодѣяніямъ, одно воспоминаніе о которыхъ вселяетъ ужасъ. И потомъ, высылать отъ себя зараженныхъ — очень плохое средство, когда остается нетронутымъ самое гнѣздо заразы. Постарайтесь уничтожить нищету, если можете, и вамъ не нужно будетъ никакихъ предохранительныхъ кордоновъ противъ преступленія.

.
.
.
.
.
.
.
.

СХVІ.

12-го января.

НАРОДЪ ВЪ ПОИСКАХЪ ЗА КОРОЛЕМЪ.

Что Діогену нуженъ былъ фонарь, чтобы отыскать человѣка, это еще понятно: люди въ самомъ дѣлѣ рѣдки. Но можно ли понять, какимъ образомъ могли нуждаться въ фонарѣ греки, чтобы отыскать себѣ короля? — Короли! да ихъ кажется должно бы быть очень довольно. «Королей? я ужъ столько

видѣла королей!» говоритъ одна старуха въ одной пѣснѣ Беранже. Между тѣмъ многіе думаютъ, что вслѣдствіе отказа принца Альфреда отъ короны страны, имѣющей меньше населенія, тѣмъ Мерилебонскій приходъ въ Лондонѣ, какъ увѣряютъ мои знакомые англичане, Греція находится въ большемъ недоумѣніи; — такимъ недающимъ кладомъ кажется будто бы ей какой нибудь король.

Что касается до меня, то не смотря на всѣ видимости и на всѣ толки, мнѣ кажется, что эта страна, произведшая Мильтиада, Фемистокла, Леонида и всѣхъ республиканскихъ героевъ, возбуждающихъ наше удивленіе въ инколѣ и послѣ школы, очень охотно согласилась бы на жертву не платить *liste civile*, если бы только ей предоставили дѣйствовать по ея собственному усмотрѣнію. Не то, чтобы я сомнѣвался въ полной свободѣ подачи голосовъ, призывавшихъ принца Альфреда на греческій престолъ; но кто же не видитъ, какъ мало было этой свободы въ почитаніи монархической формы правленія? Греки старали желаніемъ возвратить себѣ Іоническіе острова; они признавали необходимость обезоружить предвидимую имп вражду Англіи, въ случаѣ если они поднимутъ оружіе противъ турокъ. Если бы ихъ энтузіамъ къ принцу, котораго они не знаютъ, котораго никто не знаетъ, который еще и самъ себя не знаетъ, къ принцу совершенно юному и не исповѣдующему греческой религіи; если бы этотъ энтузіазмъ, говорю я, основывался на побужденіяхъ чисто платоническаго свойства, это былъ бы одинъ изъ самыхъ необъяснимыхъ порывовъ, о которыхъ когда либо упоминаетъ исторія.

Удивительна, въ самомъ дѣлѣ, безцеремонность великихъ державъ въ обращеніи съ этими бѣдными греками. «Не выбирайте итальянскаго принца, кричитъ имъ Австрія, а то будете пости жалѣть сами.» «Помните, говоритъ имъ Россія, что вамъ нуженъ король греческаго вѣроисповѣданія. Это необходимое условіе.» «Не ждите отъ меня ничего, обращается съ своей стороны Англія, если вамъ придетъ въ голову нелѣпая мысль устроить республику, вмѣсто того, чтобы принять моего претендента.» Такимъ образомъ эти державы, несогла-

ныя по столькимъ вопросамъ, какъ нельзя болѣе согласны между собою въ томъ, чтобы обращаться съ Греціей какъ съ націей, находящейся въ опекѣ.

Но по какому же это праву? Не заключается ли ихъ право на это высокое, теперь нѣсколько надмѣнное, а впоследствии пожалуй очень стѣснительное покровительство въ лондонскомъ трактатѣ 6 іюля 1827 г. или въ протоколѣ 3 февраля 1830 г. или въ конвенціи 9 мая 1822 г.? Ни одинъ изъ этихъ дипломатическихъ актовъ не заключаетъ въ себѣ отреченія Греціи отъ ея личности какъ націи. Совсѣмъ на-противъ.

Трактатъ 6 іюля 1827 въ томъ видѣ, какъ онъ подписанъ Франціей, Англіей и Россіей, предлагаетъ, какъ средство положить конецъ ссорамъ Греціи и Турціи, родъ смѣшаннаго управленія, по которому греки должны были сами выбирать своихъ правительственныхъ лицъ, за исключеніемъ извѣстнаго числа назначеній, предоставленныхъ султану.

Отказъ турокъ принять эту сдѣлку, на которую греки соглашались, имѣлъ слѣдствіемъ наваринскій бой, и этотъ бой, поколебавшій основы оттоманской имперіи, повелъ къ протоколу 22 марта 1829. Но что узнаемъ мы изъ этого протокола? Что три державы постараются истребовать для грековъ отдѣльное самостоятельное правительство, съ наследственнымъ государемъ, подъ условіемъ, что греки признаютъ верховную власть султана и будутъ платить ему ежегодную дань. Это значитъ, что Греція оставалась въ зависимости отъ султана, но не значитъ, чтобы она ставилась въ зависимость отъ трехъ союзныхъ державъ.

Но турки воспротивились и на этотъ разъ. Россія объявила имъ войну на свой собственный счетъ. Они были побѣждены, и такъ какъ ихъ положеніе только ухудшилось, то они увидѣли себя вынужденными принять условія гораздо болѣе суровыя, чѣмъ тѣ, какія они отвергли въ 1827 и 1829. Ихъ заставили подписать протоколъ 3 февраля 1830 года, и съ тѣхъ поръ Греція существовала какъ государство независимое отъ Турціи. Но не создалъ ли этотъ протоколъ какой

нибудь новый родъ зависимости для Греціи? То, что она выиграла со стороны Турціи, не согласилась ли она потерять въ пользу Европы? Нисколько. Потому что первое постановленіе протокола 3 февраля 1830 г. есть слѣдующее: «Греція будетъ государствомъ самостоятельнымъ и будетъ пользоваться всѣми политическими, административными и торговыми правами, которыя вытекаютъ изъ безусловной независимости.» Чего же еще яснѣе?

Остается конвенція 9 мая 1832, въ силу которой возложена корона на голову Оттона; и совершенно справедливо, что Оттонъ получилъ эту корону изъ рукъ трехъ союзныхъ державъ. Но не нужно терять изъ виду, что при этомъ случаѣ онѣ дѣйствовали какъ уполномоченныя торжественнымъ актомъ греческаго народа.

Итакъ, на основаніи этой главы изъ новѣйшей дипломатической исторіи, оказывается въ высшей степени правъ авторъ письма, недавно помѣщеннаго въ *Morning Post*, когда онъ возстаетъ противъ всякаго притязанія великихъ державъ на управленіе судьбами грековъ. Греція такое же независимое государство, какъ и Россія, Франція, Англія; и если бы ее осудили быть вассаломъ дипломатіи, то сомнительно, много ли выиграла бы она отъ насильственного разрыва связей, соединявшихъ ее съ Турціей.

Теперь въ самомъ дѣлѣ, когда мы уже нѣсколько отрезвились отъ классическаго энтузіазма, который привѣтствовалъ Наваринскую побѣду какъ эпизодъ, достойный стоять рядомъ съ античными чудесами Троянской войны, теперь можно быть позволительно признаться, ради истины, что владычество урокъ всегда отличалось особенной терпимостью. Подъ ихъ управленіемъ греки не только пользовались свободой торговли, неизвѣстной многимъ народамъ Европы, но кромѣ того они пользовались правомъ контроля за сборомъ податей, правомъ, которому чуть ли не могли бы позавидовать даже Соединенные Штаты, Англія, Швейцарія. Развѣ Страффордъ Каллингъ, впослѣдствіи лордъ Страффордъ Редклиффъ, не объявилъ формальнымъ образомъ на конференціяхъ, что

было бы и несправедливо и опасно отнять у греков «муниципальныя привилегіи и представительныя права, которыми они пользовались подъ владычествомъ турокъ?» Паришъ въ своей «Дипломатической исторіи монархіи въ Греціи», отдастъ туркамъ справедливость за ихъ добросовѣстное соблюденіе муниципальных правъ грековъ. Относительно Целопоннеса онъ говоритъ: «никакой налогъ, какого бы рода онъ ни былъ, не можетъ тамъ взиматься безъ положительнаго согласія провинціального совѣта, и безъ согласія старшинъ городовъ, мѣстечекъ и деревень.» Раскладка податей по семействамъ вѣрена была этимъ старшинамъ.

Значить ли это, что греки были неправы, когда требовали своей автономіи даже съ оружіемъ въ рукахъ, когда они сражались, чтобы пріобрѣсти себѣ отечество? Друзья свободы и справедливости никогда не сдѣлаютъ подобнаго заключенія; и именно потому, что я также не согласенъ съ этимъ заключеніемъ, мнѣ горько было бы видѣть грековъ, попадающихъ послѣ столькихъ геройскихъ усилій для достиженія независимости изъ одного рабства въ другое, мнѣ горько было бы видѣть, что они позволяютъ навязывать себѣ такую форму правленія, которая выгодна для той или другой державы, для того или другаго тайнаго конклава союзныхъ государствъ, что они позволяютъ заводить себя въ кавдинскія уцелія дипломатіею.

Для нея навѣрное меньше опасности быть самой собою, чѣмъ сдѣлаться англійской или русской. Если она присоединится къ политикѣ Англіи, какъ она повидимому намѣрена сдѣлать, судя по избранію принца Альфреда, она подвергнется опасности возстановить противъ себя Россію, которая одна сильно заинтересована въ распадѣніи турецкой имперіи. Если же она послѣдуетъ политикѣ Россіи, для нея предстоить опасность, что Россія поможетъ ей противъ Турціи только затѣмъ, чтобы впослѣдствіи поглотить и ее.

Но можетъ ли Греція сдѣлать то, чего она желаетъ, если предположить, что она имѣетъ ясное сознаніе о томъ, чего она должна бы была желать? И есть ли надежда получить голосъ тамъ, гдѣ говорить сила?

Если бы мнѣ дали такой вопросъ по поводу Греціи, я отвѣчалъ бы: несогласіе, царствующее между сильными,—вотъ сила слабыхъ.

СХVII.

16-го января.

БРАЙТЪ ДѢЛАЕТЪ ВЫГОВОРЫ АНГЛІИ.

Что меня удивляетъ въ Брайтѣ, больше даже чѣмъ самый закалъ его краснорѣчія, — это неукротимый характеръ его мужества.

Защитники народа бываютъ иногда фальшивыми куртизанами: Брайтъ — настоящій защитникъ народа въ высокомъ значеніи этого слова. Онъ не преклоняется ни передъ какой властью. Его порицатели обвиняютъ его въ честолюбіи. Странное честолюбіе, когда человѣкъ не произноситъ ни одного слова, которое бы не дѣлало его невозможнымъ какъ министра, которое бы не помогало дѣлать его непопулярнымъ. Надобно видѣть, съ какимъ высокомернымъ презрѣніемъ относится онъ къ общественному мнѣнію, въ странѣ, гдѣ владычествуетъ общественное мнѣніе. Надобно видѣть, съ какимъ надмѣннымъ наслажденіемъ онъ, самъ англичанинъ, идетъ противъ всѣхъ англійскихъ тенденцій!

Англія, хотя и не отличается задорнымъ характеромъ, но глубоко убѣждена въ дѣйствительности употребленія силы: Брайтъ утверждаетъ, что самое лучшее средство избѣжать нападенія — никогда не думать о защитѣ.

Англія до того пропитана аристократизмомъ, что это чувство проглядываетъ повсюду — и въ бѣднякѣ, который идетъ согнувшись подъ своей пошей, и въ лордѣ, лошади котораго обдають этого бѣдняка грязью: Брайтъ никогда не упускаетъ случая колпнуть именно этотъ аристократизмъ.

Англія требуетъ себѣ права собственности надъ океаномъ:

Брайтъ смотритъ на море какъ на общую большую дорогу націй.

Англія хвалится своимъ способомъ управленія далекими странами, на которыя простирается ея власть: Брайтъ называетъ управленіе Индіей управленіемъ жаднымъ и притиснительнымъ.

Англія сильно хлопочетъ о томъ, чтобы никто не подвергалъ сомнѣнію законности ея завоеваній: Брайтъ упрекаетъ ее, что она несправедливо завладѣла Гибралтаромъ, несправедливо удерживаетъ его за собой, и совѣтуетъ ей скорѣе возвратить его Испаніи.

Въ междоусобной войнѣ, опустошающей Новый Свѣтъ, симпатіи Англіи вообще больше склоняются въ пользу Южныхъ американцевъ: Брайтъ горячо защищаетъ дѣло Сѣвера.

Англія страшится возстановленія Союза, такъ какъ оно должно оживить и даже сдѣлать еще болѣе могущественнымъ, чѣмъ когда нибудь, то государство, быстрое и удивительное развитіе котораго давно уже тревожитъ ее: Брайтъ исѣмси силами души желаетъ образованія изъ Соединенныхъ штатовъ республики, достаточно сильной и достаточно благоденствующей, чтобы ее принялъ Новый Свѣтъ, и чтобы она могла служить примѣромъ для Старого.

Такимъ образомъ антагонизмъ слишкомъ рѣзокъ и касается слишкомъ многочисленныхъ и важныхъ вопросовъ. И любопытно то обстоятельство, придающее этой борьбѣ мѣстнѣ одного человѣка съ мнѣніями цѣлаго народа особенный характеръ замѣчательнаго величія, что Брайтъ можетъ выдерживать эту необыкновенную роль и не только не уничтожается въ ней, но и не теряетъ ничего изъ своей личности. Онъ поднимаетъ вокругъ себя бурю, и остается среди нея непоколебимымъ. Общественное мнѣніе, деспотизмомъ котораго здѣсь трудно пренебрегать, и чрезмѣрная сила котораго составляетъ болѣзнь всѣхъ свободныхъ націй, отталкиваетъ его, уважая его въ то же время, и черезъ это не только не подавляетъ его, но даетъ ему чрезвычайно оригинальное и вмѣстѣ блестящее положеніе. Въ сохраненіи за собой этого

положенія могло бы казаться заключаться его честолюбіе, если бы его рѣчь не дышала какимъ-то заразительнымъ фанатизмомъ, который ручается за его нравственное безкорыстіе и за его искренность.

Никогда, можетъ быть, положеніе Брайта не выказывалось въ этомъ смыслѣ такъ ясно, какъ это было на банкетѣ данномъ представителямъ Бирмингама торговой палатой этого города. Все, что только можно было сказать на переکورъ англійскому чувству, все это Брайтъ высказалъ тамъ съ суровой откровенностью квакера и энергіей трибуна.

Онъ не побоялся утверждать, что если лордъ Кларендонъ согласился послѣ крымской войны на признаніе принципа, «флагъ покрываетъ товаръ», и согласился подписать парижскій трактатъ, то это было сдѣлано лишь изъ страха передъ Америкой, которую строгое примѣненіе права осмотра въ критическую минуту неминуемо вооружило бы противъ Англіи.

Онъ осуждалъ парижскій трактатъ за то, что онъ не довольно полно ограждалъ свободу океана, и припоминая, съ какой гордостью Англія любила величать себя «царицею морей», онъ возставалъ противъ такой «наглости».

Онъ заставлялъ Англію вспомнить, что во время крымской войны, она не могла блокировать портовъ Россіи, потому что всѣ нужные для русскихъ товары они получали черезъ Пруссію; и замѣтивъ, что въ нашемъ вѣкѣ желѣзныхъ дорогъ это право морской блокады можетъ быть дѣйствительнымъ противъ какой нибудь націи только тогда, когда оно будетъ исполняться противъ всѣхъ, онъ утверждалъ, что пора наконецъ изломать вещь, которая такъ долго была въ рукахъ англичанъ трезубцемъ стараго Нептуна.

По поводу дѣла о «Trent», о которомъ онъ вспомнилъ съ большой горечью, онъ протестовалъ противъ образа дѣйствій, который по его мнѣнію низводитъ цивилизованные народы на степень дикихъ индійцевъ.

Онъ поздравилъ правительство съ уступкой Іоническихъ острововъ, но только затѣмъ, чтобы подивиться, почему оно

до сихъ поръ еще не возвратило Испаніи Гибралтарскую скалу, этотъ, какъ онъ выражается безъ всякихъ околичностей, «памятникъ безумной войны и постыднаго мира».

Онъ горячо нападалъ на Times, на графа Росселя и на Гладстона, за то, что они предсказывали успѣхъ Южнымъ американцамъ въ ихъ кровавой борьбѣ противъ американцевъ Сѣвера.

Словомъ, онъ не забылъ ничего, что способно было раздражить гордость, оскорбить политическія вѣрованія или задѣть національные предразсудки его отечества!

И ему аплодировали съ восторгомъ.

Торійскіе журналы имѣютъ странный способъ объяснять этотъ ораторскій успѣхъ, который и изумляетъ и оскорбляетъ ихъ. Принимая на себя небрежный тонъ и равнодушный видъ, они увѣряютъ, будто Брайтъ служить своей странѣ точно также, какъ илотъ, котораго спартанцы показывали своимъ дѣтямъ пьянаго, чтобы поселить въ нихъ отвращеніе къ пьянству; говорятъ, будто надо считать очень счастливымъ обстоятельствомъ, что Брайтъ представляетъ собою демократію въ достаточно непривлекательномъ видѣ, чтобы навсегда отнять у англичанъ охоту имѣть съ ней дѣло; что впрочемъ у него есть свое краснорѣчіе; что оно забавно; что своимъ запахомъ оно похоже на теоріи аббата Беркеля, отрицающаго существованіе матеріи, или сэра Томаса Броуна, утверждающаго, что людямъ хорошо было бы обходиться совсѣмъ безъ женщинъ. Такъ говоритъ Morning Herald; и если вѣрить ему, то люди, забывающіеся на столько, чтобы выслушивать рѣчи Брайта, похожи на дѣтей, которые по цѣлымъ часамъ будутъ сидѣть съ раскрытымъ ртомъ, когда имъ рассказываютъ исторію Гулливера.

Ради чести англичанъ, я не хочу принимать такого объясненія. Въ популярности, которою пользуется Брайтъ на перекоръ всѣмъ своимъ успіямъ потерять ее, мнѣ скорѣе хотѣлось бы видѣть то мужественное почтеніе, какое способенъ отдавать честному и независимому характеру только народъ, воспитанный въ школѣ свободы. Нація, которая такъ мало

нуждается въ лести, можетъ назваться великою націею, и человѣческое достоинство прекрасно выражается въ тѣхъ рукоплесканіяхъ, которыми собраніе свободныхъ людей встрѣчаетъ свободного человѣка, браващаго это самое собраніе.

Впрочемъ англичане хорошо понимаютъ, что Брайтъ во многихъ отношеніяхъ правъ болѣе, чѣмъ они. Я уже много разъ пиѣлъ случай — и каждый разъ съ большимъ сожалѣніемъ — обращать ваше вниманіе на тѣ сильныя симпатіи къ Югу, которыя обнаружались здѣсь по поводу гигантской борьбы, опустошающей Новый Свѣтъ. Этотъ фактъ слишкомъ извѣстенъ: Англія, уничтожившая рабство въ своихъ колоніяхъ, стоитъ говоря вообще, за рабовладѣльцевъ. Утѣшительно по крайней мѣрѣ думать, что она не признается себѣ въ этомъ и не омыливается признаться. Именно это чувство стыда и есть самая замѣчательная черта въ письмѣ, которое архіепископъ дублинскій написалъ недавно въ отвѣтъ на жалобы мистрисъ Гарриэтъ Бичеръ-Стоу, жалобы какъ нельзя больше справедливыя. Бѣдная женщина! Могъ ли кто нибудь предсказать ей въ то время, когда Англія чуть не носила ее на рукахъ за ея романъ «Хижина Дяди Тома», что придетъ время, когда ей надо будетъ съ горечью напоминать англичанамъ то, какъ они думали и какъ чувствовали въ то время? И этотъ протестъ противъ рабства, который подписали въ то время столько благородныхъ женщинъ, супруговъ и матерей, неужели онъ теперь забыть ими? Неужели мистриссъ Стоу не права, когда говорить имъ: «помните ли вы?»

Но вотъ архіепископъ дублинскій отвѣчаетъ за правоту чувства Англіи. Если въ ней и склоняются довольно рѣшительно на сторону Юга, то это дѣлается во первыхъ потому, что она признаетъ «священное право возстанія», во вторыхъ потому, что бравады Сѣверныхъ американцевъ довели до раздраженія даже самыхъ терпѣливыхъ людей, и наконецъ потому, что Сѣверъ, вмѣсто того, чтобы вооружиться за уничтоженіе рабства, поднялъ оружіе, по его собственному сознанію, только за восстановленіе союза.

Таковы объясненія, данныя дублинскимъ архіепископомъ.

Есть еще и другія, которыхъ однако же онъ старательно избѣгаетъ, и о которыхъ я также не буду говорить, считая, что они достаточно были развиты въ нѣкоторыхъ изъ моихъ прежнихъ писемъ.

Архіепископъ дублинскій, какъ вы видите, набрасываетъ въ этомъ случаѣ на Англію ту одежду, которою сыновья Ноя прикрыли наготу своего отца, заснувшего отъ опьяненія. Онъ проситъ свѣтъ вѣрить, что Англія даетъ рабовладѣльцамъ свою нравственную поддержку именно изъ ненависти къ рабству! Странное увѣреніе, которое едва ли имѣетъ много шансовъ на успѣхъ за предѣлами этого острова!

Совершенно справедливо, что вашингтонское правительство сдѣлало ошибку, когда при началѣ войны поставило на своемъ знамени только одно слово Союзъ; совершенно справедливо, что еще и теперь оно какъ будто дѣлаетъ средствомъ то, что должно быть принципомъ, такъ какъ оно положительно поддерживаетъ рабство въ штатахъ, оставшихся вѣрными Союзу, и объявляетъ его уничтоженнымъ только въ штатахъ мятежныхъ. Да, это къ несчастью справедливо. Но развѣ можно на основаніи этого съ какимъ-то озлобленіемъ желать побѣды Юга? Неужели надо желать, чтобы рабство осталось побѣдителемъ на полѣ сраженія, изъ-за того, что Сѣверъ не нанесъ ему достаточно сильныхъ ударовъ? Неужели изъ-за того, что Сѣверъ не имѣлъ достаточно рѣшимости и ревности къ дѣлу человѣчества, и справедливости, надо желать, чтобы это священное дѣло было поправлено? Кто же не видитъ, что въ случаѣ побѣды Сѣвера непобѣдимымъ результатомъ этой борьбы будетъ полное уничтоженіе рабства тогда какъ въ случаѣ торжества Юга неминуемымъ его слѣдствіемъ будетъ не только поддержаніе рабства, но и его распространеніе, и мало того, даже освященіе рабства, если это торжество встрѣчено будетъ рукоплесканіями цивилизованной Европы. — Вотъ что нужно имѣть въ виду. Спрашивается, все ли сдѣлалъ Сѣверъ противъ рабства, что онъ могъ или долженъ былъ сдѣлать? Спрашивается далѣе, что будетъ съ частью человѣчества, въ томъ случаѣ, если плантаторамъ удастся при помощи пу-

шекъ удержатъ за собой свои людскія стада. Пусть партизаны Юга отвѣтятъ на этотъ вопросъ, если могутъ; если не могутъ, то пусть они замолчатъ.

СХVIII.

19 января.

ГЛАСНОСТЬ ВЪ ПРИМѢНЕНИИ КЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ.

Англичане очень были поражены недостаточностью пожертвованій, вызванныхъ во Франціи бѣдствіемъ руанскихъ рабочихъ. Что значитъ въ самомъ дѣлѣ собранная подпиской сумма въ 430,000 франковъ, до которой дошла подписка теперь, тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ избавленіи отъ голода 260,000 рабочихъ, доведенныхъ кризисомъ до безвыходной нищеты? Развѣ достаточно капли воды, чтобы затушить огромный пожаръ, какъ выразился Шарль Долльфусъ?

Другое дѣло въ Англіи! Едва только распространилось извѣстіе о Ланкаширскомъ голодѣ, какъ добровольныя приношенія начали стекаться со всѣхъ сторонъ. Тринадцать милліоновъ пять сотъ тысячъ франковъ — вотъ что почти въ одно мгновеніе принесли въ Англіи первыя воззванія къ благотворительности. Одинъ лордъ Дерби подписался на громадную сумму въ 250,000 франковъ; какой примѣръ, урокъ, и какой укоръ!

И замѣьте, что эти итоги подведены только еще нѣсколько дней назадъ. Послѣ того великодушіе англичанъ нашло средства увеличить еще болѣе свой бюджетъ издержекъ, и они съ презрительной улыбкой замѣчаютъ, что сумма, собранная во Франціи въ пользу рабочихъ департамента Нижней Сены, едва равняется той суммѣ, какую рабочіе Ланкашира получаютъ отъ общественной благотворительности въ одинъ день, и едва равняется той суммѣ, какую американцы собрали на

излеченіе бѣдствій, нанесенныхъ Союзу гражданской войной, въ какіе нибудь двадцать четыре часа.

Слѣдуетъ ли однако изъ этого, что сердца французовъ остаются нечувствительными при видѣ Человѣческихъ страданій? Осудимъ ли мы какъ безчувственную къ страданіямъ, находящимся передъ ея глазами, какъ безчувственную къ драмѣ, совершающейся въ ея собственной средѣ, ту страну, которая произвела столько знаменитыхъ филантроповъ, начиная съ людей, олицетворявшихъ собою христіанское милосердіе, до людей, заставлявшихъ благословлять философію; начиная съ основателя пріютовъ для покинутыхъ дѣтей, до мстителя Каласа, начиная съ св. Винцента-де-Поль де Вольтера?

Къ счастью не таково заключеніе, выводимое англичанами изъ этого сравненія, которое могло бы очень польстить ихъ гордости; они только позволяютъ себѣ на основаніи его превозносить преимущества своихъ учреждений, и на это они конечно имѣютъ право.

Во первыхъ они очень хорошо видятъ, что одною изъ причинъ, побуждавшихъ ихъ сосѣдямъ за Ла-Маншемъ выказать болѣе усердія къ подавленію кризиса, были препятствія, полагаемые во Франціи всякаго рода полезной гласности. Въ самомъ дѣлѣ, что тамъ происходило? Въ то время, когда бѣдствія Ланкашира подали поводъ англійской прессѣ къ всевозможнымъ горькимъ жалобамъ, въ то время, когда здѣсь образовывались комитеты вспоможеній вездѣ, гдѣ только была въ нихъ надобность; въ то время, когда эти комитеты присылали въ журналы письма за письмами, гдѣ сообщались, по поводу кризиса и его послѣдствій, или какой нибудь поразительный случай, который слѣдовало сдѣлать извѣстнымъ, или указывалось средство противъ бѣдствія,—въ это самое время на той сторонѣ пролива царствовала глубокая ночь и безмолвіе. Французскому правительству конечно не было нужды добиваться, чтобы свѣтъ не считалъ рабочихъ Нижней Сены такими же счастливыми, какъ пастухи въ эклогахъ Виргилія, въ то время когда голодь производила между этими рабочими страшныя

опустошенія, и когда тысячи матерей съ тоской смотрѣли на блѣдныя лица своихъ дѣтей.

Злу нужно было дойти до ужасающихъ размѣровъ, чтобы о немъ осмѣлились заговорить сначала одна, потомъ еще двѣ, три газеты.

Судите же, можетъ ли случиться что нибудь подобное въ Англіи, гдѣ чувство индивидуальности такъ могущественно и гдѣ оно такъ уважается! Видя во Франціи такое ограниченіе индивидуальной инициативы, англичане конечно могутъ смотреть на Францію чуть не какъ на страну, обитаемую дѣтми.

Я конечно не принадлежу къ числу людей, которыхъ пугаетъ одно слово государство, и которые, принимая прошедшее за настоящее, путая всѣ принципы и перемѣнивая всѣ режимы, воображаютъ себѣ, что государство можетъ существовать не иначе, какъ подѣ условіемъ какого нибудь собственнаго имени, и называться напримѣръ именемъ Ришелье, или быть Людовикомъ XIV. Я знаю, что въ правильно устроенной демократіи государство — это само общество, дѣйствующее въ этомъ качествѣ черезъ своихъ отвѣтственныхъ и смѣняемыхъ уполномоченныхъ. Я думаю также, что общество можетъ придумывать способы къ отвращенію или смягченію бѣдствій, отъ которыхъ страдаетъ часть его членовъ, и что представляемое собраніемъ своихъ уполномоченныхъ оно имѣетъ право принимать мѣры къ улучшенію положенія рабочихъ, точно также, какъ имѣетъ право принимать мѣры къ улучшенію тюремъ; и это вовсе не будетъ деспотизмъ. А иначе, можно сказать, что и больной поступаетъ съ собой деспотически, когда принимаетъ мѣры къ своему излеченію. Но огромная разница между режимомъ неограниченной опеки, существующимъ во Франціи, и режимомъ, при которомъ государство состояло бы изъ всего народа, принявшаго на себя заботу о дѣлахъ всего народа. Тамъ, гдѣ личность считается ни во что, нація, состоящая изъ совокупности этихъ самыхъ личностей, точно также скоро обращается въ ничто.

Поэтому, всѣ мыслящіе люди убѣждены здѣсь, что если централизація во Франціи сдѣлается еще болѣе поглощающей,

или если даже она только не потеряет своей нынѣшней силы, то французское общество неминуемо нерейдетъ изъ паралитического состоянія къ настоящей смерти. Дѣти могутъ позволять водить себя на помочахъ, безъ вреда для своего роста, но съ народами этого дѣлать нельзя.

Горе націямъ, которыя не понимаютъ этого, или которыя, понявъ однажды, забываютъ это!

СХІХ.

25-го января.

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ ВЪ АНГЛІИ.

Недавно здѣсь произошелъ очень странный случай.

Въ одной многолюдной и населенной части города, въ Стамфордъ-стритѣ, около Блэкфрайарсъ-Родда, есть два ряда домовъ, которые уже очень давно не имѣютъ другихъ обитателей, кромѣ одной старой дѣвы и непроницаемой таинственности.

Эти дома очень обширны, помѣстительны и хорошо построены; но при взглядѣ на нихъ сейчасъ же видно, что рука времени тяжело налегла на нихъ, и что на это никто не обращаетъ вниманія. Стѣны растрескались; двери притворяются плохо; окна существуютъ кажется только затѣмъ, чтобы напоминать объ исчезнувшихъ рамахъ. Увѣряютъ, но достоверно узнать объ этомъ могли только носы, что внутренность этихъ домовъ представляетъ картину полного разрушенія. Хромоногіе столы, ободранные обои, разбитыя зеркала, мебель, погребенная подъ цѣлыми ворохами пыли — вотъ какой видъ представляютъ эти мрачныя комнаты.

Лѣтъ тридцать назадъ въ этихъ домахъ жили семейства, очень заботившіяся о своемъ комфортѣ. Но случилось, — такъ рассказываетъ легенда — что въ одинъ прекрасный день владѣлецъ этихъ домовъ исчезъ. Почему? какъ? Этого никто не

могъ угадать. Вѣрно только одно, что этотъ владѣлецъ отправился въ такія страны, откуда онъ уже не возвращался, можетъ быть онъ отправился въ тѣ мрачныя области, о которыхъ Гамлетъ говоритъ, что изъ нихъ никогда не возвращаются путешественники, посѣщающіе ихъ.

Какъ бы то ни было, но прошло съ тѣхъ поръ много лѣтъ, какъ вдругъ явились двѣ дамы, называвшія себя сестрами покойнаго, и предъявили свои права, которыхъ конечно у нихъ никто не оспоривалъ. Онѣ приняли въ свое владѣніе дома, такъ долго стоявшіе безъ хозяина, расположились жить въ одномъ изъ нихъ, сдѣлали настоящую пустыню изъ другихъ, и все было кончено. Читали ли вы прелестный романъ «Джени Эйръ?» Если читали, то вы конечно помните эту ужасную красную комнату, въ которую неумолимая мистриссъ Ридъ заперла однажды вечеромъ свою бѣдную маленькую племянницу, эту обширную, холодную, отзывавшуюся могилой комнату въ которой умеръ мистеръ Ридъ, и въ которую никогда никто не входилъ, кромѣ его вдовы, отправлявшейся туда въ извѣстные дни пересмотрѣть вещи, хранившіяся въ таинственномъ ящикѣ? Вотъ такія же были комнаты и въ домахъ Стамфордъ-стрита послѣ пріѣзда двухъ сестеръ, и смерть одной изъ нихъ ничего не измѣнила въ этомъ порядкѣ вещей. Каждую ночь оставшаяся въ живыхъ сестра выходила изъ занимаемаго ею дома № 22, и дѣлала осмотръ домамъ подъ №№ 1, 2, 3, 5, 19, 20 и 23; она заглядывала во все углы и закоулки, заботливо запирала каждую дверь, которую она отпирала, и ключи отъ нихъ никогда не выходили изъ ея кармановъ. Что же такое дѣлалось тамъ? Какая таинственная драма разыгрывалась въ этихъ пустынныхъ комнатахъ? Ужъ не посѣщало ли по ночамъ какое нибудь привидѣніе эти дома, такъ давно стоявшіе пустыми, и такъ давно предоставленные постепенному упадку, составляющему для неодушевленныхъ предметовъ медленную смерть? Воображеніе обитателей этого квартала предавалось въ этомъ отношеніи всевозможнымъ мрачнымъ предположеніямъ.

Съ другой стороны, къ чему остается столько пустыхъ до-

мовъ, когда такое множество несчастныхъ не имѣютъ пристанища? Народная логика и воображеніе вступили въ союзъ, и кварталъ наконецъ взволновался.

Въ прошлый понедѣльникъ, когда миссъ Корделія Анжелика Ридъ—имя героини этой исторіи, героини, которая находится въ настоящее время въ возрастѣ одной изъ Макбетовскихъ вѣдьмъ,—отправилась въ домъ подъ № 1, она была очень удивлена, увидѣвъ, что около дверей этого дома тѣснится значительная толпа мужчинъ съ грубыми лицами, громкими криками и угрожающими жестами. Въ эту самую минуту, одинъ изъ нихъ, настоящій циклопъ, держа въ одной рукѣ огромный молотъ, а въ другой тяжелую желѣзную полосу, приготовлялся разбивать дверь. Около этого циклопа стояла дама съ бойкимъ лицомъ и блестящими глазами, которая очевидно командовала экспедиціей, и которая, не менѣе очевидно, пользовалась большой симпатіей шумѣвшей толпы стѣснившейся позади нея. Дверь, въ которую съ удвоенной силой колотилъ циклопъ, хотя и была заперта на двойной замокъ, скоро уступила, и толпа съ дикими криками бросилась въ нее съ силою потока, прорвавшего плотину.

Между тѣмъ хозяйка дома также нашла средство пробраться туда; но едва только она заявила о своихъ правахъ на него, какъ предводительствовавшая нападающей арміей женщина, обратясь къ ней съ повелительнымъ видомъ, закричала: «покажите ваши документы»!

Само собою разумѣется, что у миссъ Корделіи Анжелики Ридъ документовъ съ собою не было. Впрочемъ если бы даже она и могла представить ихъ, то минута была слишкомъ неблагоприятна для разбора бумагъ. Миссъ Корделія думала уже только о томъ, какъ бы убраться, и убралась какъ могла. Но часовъ въ шесть вечера, узнавъ, что толпа разошлась, она возвратилась въ домъ съ столяромъ и слесаремъ. На дверяхъ прибито было объявленіе, гласившее слѣдующее: «всякій, считающій за собою болѣе правъ на владѣніе этимъ домомъ, чѣмъ я, пусть обратится только къ мистриссъ Макъ-Кормикъ, № 41, Гаффилдъ-стритъ.» При помощи столяра и

слесари старая дѣва проникла въ это трагическое мѣсто. Но увы! Побѣда была очень кратковременна! Не прошло десяти минутъ, какъ уже на улицѣ раздались крики тревоги, и бушующая толпа явилась снова. Къ проклятому дому снова сдѣланъ быть страшный приступъ; снова выбиты двери; снова миссъ Корделія Анжелика Ридъ должна была бѣжать, и на этотъ разъ бѣжать уже черезъ крышу—такъ велика была крайность! Для толпы, разъ вошедшей во вкусъ побѣды, не было резонно быть умѣренной. На другое утро три остальные дома, осужденные по такой же причинѣ, были захвачены такимъ же порядкомъ.

Что вы скажете на это? Воображали ли вы когда нибудь, чтобы въ наше время въ Лондонѣ могли случиться подобныя вещи? Не отзывается ли вся эта исторія средними вѣками?

И не подумайте, чтобы это было совершенно исключительный случай. Въ то же самое время, когда въ улицѣ Стамфордъ право собственности третиновалось такимъ свободнымъ образомъ, въ Бельгравскомъ кварталѣ нѣкая миссъ Робинзонъ, храбро ставъ во главѣ десятковъ трехъ храбрецовъ, направилась къ одному дому, который по ея увѣренію принадлежалъ ей, и во время отсутствія особы, занимавшей этотъ домъ, повела противъ него настоящую осаду, выгнала его защитниковъ (другими словами слугъ) и побѣдоносно расположилась въ немъ.

Вы конечно спросите, гдѣ же былъ въ это время законъ, что онъ дѣлалъ, и неужели же полиція не видала ничего этого? На это я могу вамъ отвѣтить только слѣдующее: во первыхъ, полиція всегда является слишкомъ поздно; во вторыхъ, право удіе, призванное рѣшить дѣло, не скрывало, что оно очень затрудняется въ этомъ рѣшеніи. Въ первомъ изъ этихъ случаевъ власть только послѣ нѣкотораго колебанія и все таки съ чувствомъ сомнѣнія въ своемъ правѣ постановила отдать подъ судъ отважную мистриссъ Макъ-Кормикъ. Во второмъ она и совсѣмъ не знала, на что рѣшиться, и полиціи пришлось взять на себя развязать этотъ гордіевъ узелъ, рѣшивъ дѣло на удачу противъ приписаній эпергической миссъ Робинзонъ.

Какой же выводъ можно сдѣлать изъ всего этого? Значить ли это, что здѣсь каждому позволяется дѣлать что ему угодно, и назовемъ ли мы ложной репутацію Англіи на континентѣ, будто она умѣетъ лучше всякаго другаго народа на свѣтѣ примирять уваженіе къ закону съ чувствомъ свободы? Конечно, нѣтъ. Законъ царствуетъ въ Англіи съ неограниченнымъ могуществомъ, — это неоспоримо; и ничто не можетъ сравниться тамъ съ величіемъ разъ признаннаго закона. Удивительно бываетъ видѣть тамъ бѣснующуюся толпу, которая покорно отступаетъ передъ однимъ человѣкомъ въ синемъ фракѣ, вооруженнымъ коротенькой палочкой, почти никогда не употребляемой имъ въ дѣло; вмѣсто оружія онъ носитъ обыкновенно фонарь. Но этотъ человѣкъ — полицмейстеръ; это знаютъ, и этого достаточно. Я видѣлъ одинъ подобный случай нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда ирландскій плебсъ, подрузивши папское знамя, бросился въ Гайдъ-Паркъ на партизановъ Гарибальди; десятка два полицменовъ бросились въ самую середину свалки, схватили изъ толпы самыхъ бѣшенныхъ заворотъ, и увели ихъ безъ малѣйшаго сопротивленія. Во Франціи на это пожалуй мало было бы цѣлой арміи.

Какъ же объяснить себѣ странные факты, о которыхъ я теперь рассказываю? Объясненіе мнѣ кажется заключается въ неудовлетворительности и недостаткахъ англійскихъ законовъ относительно засвидѣтельствованія права собственности. Здѣсь считается почти легальною аксіома, что изъ десяти статей закона девять говорятъ въ пользу факта владѣнія.

Такимъ образомъ, если кто заявляетъ право собственности на какую нибудь недвижимость, самое важное для него — пріобрѣсти на свою сторону авторитетъ, доставляемый владѣніемъ, чтобы потомъ съ тѣмъ большей выгодой защищать вопросъ о правахъ. Прибавьте къ этому, что со стороны судовъ есть склонность благопріятствовать тѣмъ, кто въ защитѣ своего права или того, что онъ считаетъ своимъ правомъ, не останавливается передъ энергическими усиліями.

Это прямое слѣдствіе огромной свободы, которой пользуется въ Англіи личная инициатива; и надо сознаться, что до-

веденный до такихъ предѣловъ, этотъ принципъ представляетъ иногда неудобства, напоминающія времена варварства. Къ счастью въ такой странѣ, гдѣ пресса не встрѣчаетъ никакихъ препятствій своему вліянію на развитіе умовъ, и гдѣ появленіе мрака тотчасъ же вызываетъ противъ себя свѣтъ свободы,—рядомъ со зломъ находится и лекарство противъ него. Да, законъ въ Англіи очень часто недостаточенъ, страненъ, загадоченъ, нелогиченъ; но что за бѣда! Англіей управляетъ здравый смыслъ націй, созданный отчасти всей совокупностью ея политическихъ учрежденій и развиваемый ими; — и этого достаточно для ея величія.

СХХ.

3-го февраля.

МИТИНГЪ ВЪ ЛОНДОНѢ ВЪ ПОЛЪЗУ СѢВЕРНЫХЪ ШТАТОВЪ.

Хорошая новость! Общественное мнѣніе относительно американскихъ дѣлъ кажется готово измѣниться. Это замѣтно по многими признакамъ. Нигдѣ въ Англіи плантаторы не могли разсчитывать на такое количество партизановъ, какъ въ Ливерпуль; но въ этомъ самомъ Ливерпульѣ громадный митингъ, собиравшійся на прошлой недѣлѣ, единодушно привѣтствовалъ прокламацію Линкольна объ освобожденіи негровъ.

На нынѣшней недѣлѣ пришла очередь Вристоля, того изъ всѣхъ портовъ Англіи, которому было всего труднѣе отказаться отъ торговли неграми. Что же дѣлалось въ эту недѣлю въ Брадфордѣ? Этотъ городъ еще въ первый разъ видѣлъ у себя такое многочисленное и такое одушевленное собраніе, и оно съ восторгомъ рукоплескало краснорѣчивымъ проклятіямъ Форстера противъ людей, которые на той сторонѣ океана осмѣливаются вести борьбу:

«За право поработать часть человѣчества;

«За право отнимать жену у мужа и отрывать дитя от матери;

«За право мучить и убивать, подъ прикрытіемъ закона, отца, защищающаго честь своей дочери;

«За право, позволяющее отцу бѣлаго племени продавать своего сына, рожденнаго негритянкой;

«За право вмѣнять въ преступленіе воспитаніе, данное рабу, хотя бы дѣло шло только о томъ, чтобы выучить его читать и писать;

За право, наконецъ, развивать до безконечности ту систему, которая дѣлаетъ изъ труда предметъ проклятiя.»

Перемѣна, о которой я говорю, выразилась особенно блистательно въ Лондонѣ. Въ прошлый четвергъ на Страйдѣ, у входа въ Экзетеръ-Голлъ, собралась огромная толпа народу. На всѣхъ лицахъ выражалось не любопытство, а честное, глубокое чувство. Здѣсь готовился митингъ; всѣ знали, что митингъ собирался затѣмъ, чтобы торжественно протестовать, отъ имени англійскаго народа, противъ притязанія партизановъ Юга на выраженіе чувствъ цѣлой Англіи.

Нельзя не поблагодарить людей, руководившихъ этой благородной манифестаціей! Они не могли оказать большей услуги великому дѣлу свободы, представительницей которой въ XIX вѣкѣ служитъ Англія. Для насъ невыразимо горько было бы слушать дикую проповѣдь рабства безъ всякаго противорѣчія, со стороны той самой Англіи, въ которой пылаетъ болѣе священный огонь, чѣмъ тотъ, который горѣлъ въ Римѣ на алтарѣ Весты.

Какъ я обрадовался при видѣ этого множества народа, столпившагося въ четвергъ вечеромъ у дверей Экзетеръ-Голла. Еще задолго до того часа, въ который назначено было открытіе митинга, большое объявленіе возвѣстило, что пройти въ залу уже невозможно: зала полна.

И зала дѣйствительно была переполнена народомъ. Уже никакая человѣческая сила не могла проложить туда дороги для тѣхъ, которые не позаботились объ этомъ заранѣе. Я знаю даже нѣсколькихъ членовъ комитета, устроивавшаго этотъ митингъ, для которыхъ доступъ на эстраду оказался такимъ об-

разомъ закрыть. Народу было такое множество, что пришлось устроить второй митингъ въ залѣ нижняго этажа, а потомъ третій, на открытомъ воздухѣ, въ Экзетеръ-стритѣ, при свѣтѣ луны и газовыхъ рожковъ.

Но можетъ быть такое значительное стеченіе народа было привлечено желаніемъ увидѣть какого нибудь знаменитаго трибуна, или услышать извѣстнаго оратора? Нѣтъ. Всѣ знали, что президентское кресло займетъ Вильямъ Эвансъ, человѣкъ безъ сомнѣнія почтешный и какъ нельзя болѣе достойный быть президентомъ «Общества эманципаціи», но человѣкъ, не пользующійся особенной извѣстностью ни по своему общественному положенію, ни по таланту.

Times, совершенно озадаченная величественнымъ характеромъ этой демонстраціи, которой она не ожидала, поспѣшила замѣтить, что на трибунѣ не было ни одной знаменитости. Это правда. За исключеніемъ Томаса Гюгса, автора одной прекрасной книги, имѣющей теперь большой успѣхъ, никто изъ извѣстныхъ людей не придалъ этой манифестаціи авторитета своего слова; правда, что пришлось пожалѣть объ отсутствіи многихъ любимыхъ публикою лицъ, отсутствіи, происшедшемъ впрочемъ по совершенно уважительнымъ причинамъ, напримѣръ генерала Томаса Перроне Томпсона, патріарха англійскихъ реформатовъ, и перваго изъ мыслителей Англіи Джона Стюарта Милля. Но какъ же Times не поняла, что это придаетъ еще болѣе важности тому факту, значеніе котораго она къ сожалѣнію такъ старается ослабить? Да, конечно на этотъ митингъ шли не ради какого нибудь человѣка; туда шли ради принципа.

Теперь вы угадываете, чѣмъ долженъ былъ быть этотъ митингъ. Едва только произнесено было имя Линкольна, какъ поднялся громъ рукоплесканій, продолжавшійся нѣсколько минутъ; съ такимъ же восторгомъ встрѣчена была рѣчь Томаса Гюгса, описавшаго карьеру Джефферсона Дэвиса, который началъ съ того, что убѣдилъ штатъ Миссиссиппи отказаться отъ своего долга, а кончилъ обреченіемъ на убійство всякаго невольника, виновнаго въ стремленіи къ свободѣ.

Мистеръ Томасъ Гюгсъ сталъ уже говорить, что виновникомъ гнуснаго закона относительно бѣглыхъ невольниковъ былъ тотъ самый Масонъ, которому Англія едва не имѣла неловкости оказать свое покровительство, какъ голосъ изъ толпы крикнулъ: «Масонъ теперь здѣсь!» — «А мнѣ какое дѣло?» отвѣчалъ ораторъ и докончилъ свои слова при удвоенныхъ рукоплесканіяхъ публики.

Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ обстоятельстве. Комитетъ «Общества эманципаціи», устроившій митингъ въ Экзетеръ-Голлѣ, нашелъ благоразумнымъ постановить, чтобы ораторы воздерживались смѣшивать дѣло освобожденія негровъ съ дѣломъ Союза, и чтобы они ограничились осужденіемъ рабства отъ имени Англіи, не касаясь вопроса, желательна или нѣтъ раздѣленіе Республики Соединенныхъ штатовъ. Вы конечно угадываете причину, заставившую принять это рѣшеніе. Комитетъ боялся нападать на партизановъ Юга на томъ полѣ, гдѣ они имѣли шансы найти себѣ поддержку въ національномъ эгоизмѣ. Зная, что многіе изъ нихъ, хотя и ненавидятъ рабство, но тѣмъ не менѣе объявляютъ себя противъ Сѣвера, потому что его пораженіе обѣщало освободить Англію отъ непріятнаго соперничества, комитетъ опасался вызвать противъ себя слишкомъ много страстей. Но что же вышло? Движеніе, вызванное проповѣдниками эманципаціи черныхъ было такъ сильно, что увлекло ихъ далеко за предѣлы того пункта, на которомъ они считали необходимымъ остановиться, не по своимъ личнымъ убѣжденіямъ, а по политическому разсчету. Конь унесъ своего всадника. Это сдѣлалось ясно съ самаго начала, такъ какъ восклицанія, вызванныя въ публикѣ словомъ Союзъ, принудили Вильяма Эванса совершенно смѣшать то, что онъ хотѣлъ различать, и онъ кончилъ свою рѣчь совсѣмъ не такъ, какъ онъ ее началъ.

Итакъ, на экзетерскомъ митингѣ были привѣтствуемы не только эманципація негровъ, но и торжество Сѣвера, восстановление Союза и возрожденіе на томъ берегу Атлантическаго океана главной и могущественной демократіи.

Вотъ что придаетъ особенное и оригинальное величіе де-

монстраціи, о которой я имѣю удовольствіе вамъ рассказывать. По удивительной родственной связи между всеміи истинно честными и благородными чувствами, экзетерскій митингъ не могъ воздержаться, чтобы не выразить одинаковаго осужденія какъ противъ гнусности порабоженія одного человѣка другимъ, такъ и противъ унизительности національной зависти. Побѣда добраго начала надъ злымъ была въ этомъ случаѣ такъ полна, какъ только могли желать этого люди справедливые и любящіе свободу.

Конечно, результаты этой побѣды еще не выходятъ изъ предѣловъ очень ограниченной сферы; народъ высказался, но салоны и клубы, голоса которыхъ составляетъ большую половину того, что называется общественнымъ мнѣніемъ, хранятъ глубокое молчаніе. Аристократія не показываетъ расположенія отказаться отъ тѣхъ чувствъ, по которымъ для нея такъ дорого дѣло конфедератовъ. Англійская пресса, за исключеніемъ немногихъ благородныхъ газетъ, напримѣръ *Daily News*, *Morning Star*, *Spectator*, высказалась въ пользу Юга, и конечно не вдругъ измѣнитъ свои убѣжденія; и *Times* охотно сказала бы, какъ нѣкогда Сіэсъ: «мы пылче тѣ же, что были вчера.» Но движеніе, обнаружившееся въ народныхъ массахъ и въ той части буржуазіи, которая соприкасается съ народомъ, тѣмъ не менѣе заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Англійскіе работники, больше всѣхъ страдающіе отъ этого кризиса и все таки высказавшіеся съ такой энергіей и единодушіемъ въ пользу Сѣвера, приобрѣли себѣ тѣмъ большее право на славу, что ихъ всегда старались увѣрить, будто бы въ ихъ бѣдствіяхъ виновать одинъ Сѣверъ.

Такимъ образомъ въ общественномъ мнѣніи совершился поворотъ, котораго мѣсяцъ тому назадъ никто не могъ ожидать.

Мнѣ остается теперь объяснить вамъ тѣ чрезвычайно любопытныя причины, которыя по моему мнѣнію произвели этотъ поворотъ. Это будетъ предметомъ моего слѣдующаго письма.

СХХІ.

3-го февраля.

О ТОМЪ ЖЕ ПРЕДМЕТѢ.

Наконецъ-то, Слава Богу, въ Англіи начинаютъ понимать, что ея симпатіи къ рабовладѣльческимъ штатамъ Америки могутъ только безчестить ее. Въ четвергъ, 29 генваря, въ Лондонѣ, въ громадной залѣ Экзетеръ-Голла собирався огромный митингъ въ пользу эманципаціи черныхъ, и никогда быть можетъ не было болѣе характеристической и величественной манифестаціи. Задолго до того часа, который былъ назначенъ для открытія митинга, толпа, трепетавшая отъ энтузіазма, стремительно заняла залу. Стеченіе зрителей было такъ велико, что нужно было устроить второй митингъ, въ томъ же зданіи, а затѣмъ импровизованъ былъ еще и третій, на открытомъ воздухѣ, въ одной изъ ближайшихъ улицъ. Предсѣдателемъ митинга былъ Вильямъ Эвансъ, президентъ «Общества эманципаціи»; и уже одно это достаточно говорило за направленіе митинга.

Всѣ произнесенныя рѣчи отличались краткостью и энергіей. Ораторамъ не было нужды развивать свои мысли слишкомъ пространно: ее угадывали. Есть дѣла, которыя не нуждаются въ длинной защитѣ, и это — дѣла самыя справедливыя. Работа ума очень легка тамъ, гдѣ могущественный порывъ сердца ускоряетъ рѣшеніе. Каждое слово «спикера» входило въ душу слушателей и пробуждало тамъ громкое эхо. Благородныя, могущественныя восторги! Если Масонъ, защитникъ плантаторовъ, былъ, какъ увѣряютъ, въ числѣ присутствовавшихъ, то ему вѣроятно пришлось не одинъ разъ поблѣднѣть, въ особенности когда Томасъ Гюгсъ воскликнулъ: «Что же за человѣкъ этотъ мистеръ Масонъ, который защищаетъ въ нашихъ салонахъ дѣло Юга? Это то и самый человѣкъ, который вызвалъ въ Америкѣ законъ противъ бѣглыхъ невольниковъ!»

Если я скажу вамъ, что имя Линкольна ни разу не было произнесено въ этотъ вечеръ, не возбудивъ восторженныхъ восклицаній, это сейчасъ дастъ вамъ понятіе о духѣ митинга. Онъ былъ формулированъ въ слѣдующей многознаменательной «резолюціи»: «Такъ какъ возстаніе Южныхъ американскихъ штатовъ противъ федеральнаго правительства имѣло причиной твердую рѣшимость южанъ не только поддержать, но и распространить рабство, и такъ какъ это возстаніе имѣло результатомъ устройство конфедерации, основывающейся на отрицаніи человѣческихъ правъ въ лицѣ негровъ, то настоящій митингъ объявляетъ, что онъ съ негодованіемъ отвергаетъ предположеніе, будто Англія сочувствуетъ мятежу, нарушившему всѣ принципы политической справедливости, будто она сочувствуетъ учрежденіямъ, съ одной стороны оскорбляющимъ нравственное чувство цивилизованнаго міра съ другой—религію, на санкцію которой они ссылаются.»

Нѣтъ ничего столь грустно любопытнаго, какъ исторія нравственнаго движенія, которое возбуждено было въ Англіи кровавой борьбой, происходящей теперь въ Америкѣ.

Извѣстно, съ какой благородной горячностью общественное мнѣніе во всей Великобританіи высказалось противъ рабства въ тѣ года, которые слѣдовали за принятіемъ билля о реформѣ. Ужасная торговля невольниками, на которую такъ краснорѣчиво нападали Вильберфорсъ, Томасъ Чарксонъ, Джоржъ Гаррисонъ, Вилльямъ Алленъ, Ричардъ Филлипсъ и, впоследствии, Генри Брумъ, была наконецъ запрещена. Въ 1807 году, билль, внесенный лордомъ Гоукомъ, (впоследствии графъ Грей), запрещалъ торговлю людьми подъ страхомъ денежнаго пени; въ 1811 году это наказаніе, по предложенію лорда Брума, замѣнено было четырнадцатью годами ссылки; а въ 1824 году законъ относительно Slave trade (торговли невольниками) сравнялъ это преступленіе съ пиратствомъ. Самыя лучшія страницы въ исторіи Англіи — тѣ, которыя разсказываютъ, какъ послѣ мира 1814 и 1815 г., и затѣмъ на Ахенскомъ конгрессѣ, она брала на себя защиту передъ Европой дѣла несчастныхъ, похищаемыхъ изъ ихъ

отечества, Африки, съ тѣмъ, чтобы быть отданными подѣкнутъ плантаторовъ на другой сторонѣ Атлантическаго океана. Успѣхъ этихъ усилій великаго народа, взявшаго на себя защиту великаго принципа свободы, никогда не изгладится изъ памяти людей. Торговля рабами была навсегда вычеркнута изъ кодекса народовъ и по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи человѣческая совѣсть отмщена.

Но еще не достаточно было остановить нечистые источники рабства. Нужно было уничтожить самое рабство, и впродолженіи 1801, 1802, 1803, годовъ общественное мнѣніе Англіи не переставало требовать этого съ такимъ увлеченіемъ и единодушіемъ, о которомъ невозможно вспоминать безъ глубокаго уваженія. Въ это время по всей Англіи точно пробѣгала гнѣвная дрожь всякій разъ, когда громко говорили о рабствѣ. Не проходило дня, чтобы пресса не требовала справедливости къ той части человѣчества, за которой не признавалось никакихъ правъ. Столъ палаты общинъ былъ заваленъ петиціями. Вспомнимъ тотъ удивительный билль, который въ 1834 году уничтожилъ рабство, назначивъ на вознагражденіе владѣльцевъ сумму въ 20,000,000 фунтовъ стерлинговъ! Еще и до сихъ поръ эскадра, назначенная для предупрежденія торговли невольниками стоить Англіи не менѣе 1,000,000 фунтовъ стерлинговъ ежегодно; а всѣ деньги, потраченные ею различнымъ образомъ на освобожденіе негровъ, проспираются до громадной суммы въ 50,000,000 фунтовъ стерлинговъ (1,250,000,000).

Естественно, что Англія, принесшая для этого дѣла столько жертвъ, смотрѣла съ сочувствіемъ на все, что должно было новидимому вести къ полному осуществленію предположенной ею цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, когда въ 1850 г. мистриссъ Гарріэтъ Елизавета Бичеръ Стоу издала свой романъ «Хижина Дяди Тома», вся Англія встрѣтила его съ единодушнымъ энтузіазмомъ. Женщины только и думали, только и говорили, что объ этомъ романѣ. Сколько слезъ пролито было объ участи бѣдныхъ негрятенокъ, у которыхъ гнусный законъ позволялъ отнимать дѣтей на продажу! Нужно ли намъ напоми-

нать, что въ 1854 году англійскія дамы написали къ своимъ американскимъ сестрамъ письмо, въ которомъ умоляли ихъ заступиться за несчастныхъ рабовъ, и что это письмо имѣло до полумилліона подписей, въ числѣ которыхъ были подписи дамъ изъ самой высшей аристократіи? Да, въ числѣ этихъ просившихъ были женщины и такого положенія въ обществѣ, какъ и прима-леди Пальмерстонъ, леди Бакстонъ, леди Шефтесбюри, которыя писали къ американскимъ женщинамъ: «Сестры! мы обращаемся къ вамъ какъ къ матерямъ и супругамъ. Пусть люди услышатъ вашъ голосъ; пусть ваши молитвы идутъ къ небу, и пусть христіанскій міръ освободится наконецъ отъ этого несчастія, отъ этого позора—рабства!»

Таково было расположеніе умовъ въ то время, когда республика Соединенныхъ штатовъ разбилась на двѣ части. На одну минуту Англія не знала, на чью сторону склониться; но колебанія продолжались недолго. Дѣло о Trent разбудило національную вражду, которую считали уже не существующею, но которая только заснула. Удовлетвореніе, предложенное Сьюардомъ, не закрыло раны, продолжавшей напоминать объ оскорбленіи, нанесенномъ британскому флагу на томъ океанѣ, который Англія привыкла считать своимъ владѣніемъ. Англичане вспомнили тогда много обидныхъ вызововъ, которые они вынуждены были оставить безъ вниманія, много оскорбленій, которыя они снесли молча. Они стали считать раздѣленіе республики, основанной Вашингтономъ, счастливымъ событіемъ, избавлявшимъ ихъ отъ опаснаго соперничества. Распаденіе Союза успокоивало ту ревность, которую естественно внушало англичанамъ удивительно быстрое развитіе благосостоянія Соединенныхъ штатовъ, и перспектива этого распаденія имъ нравилась. Къ этимъ причинамъ присоединились другія, не менѣе соблазнительныя. Англійская аристократія не могла смотрѣть безъ тайной радости на паденіе аданія, основаннаго на демократическомъ принципѣ. Люди, любившіе представлять англійскую конституціонную монархію самой лучшей политической формой, радовались, что имъ уже нечего опасаться практическаго опроверженія

ихъ любимой теоріи блистательнымъ примѣромъ, который представляли, или казалось что представляли, Соединенные штаты. Сверхъ того, Сѣверъ былъ страной мануфактурной, Югъ—земледѣльческой; Сѣверъ стоялъ на дорогѣ англійской промышленности, Югъ поддерживалъ ее; Сѣверъ старался отдалять отъ себя Англію помощью тарифовъ, Югъ доставлялъ ей въ видѣ хлопка предметъ первой необходимости для ея мануфактуръ. Что еще прибавить къ этому? Искусно распространенная мысль, что конфедераты—настоящіе англичане и джентльмены, тогда какъ федералисты не больше какъ сбродъ простонародья изъ Ирландіи, Германіи и со всѣхъ странъ свѣта, помогла тому, что симпатіи Англій окончательно обратились на сторону Юга.

Это скоро обнаружилось съ необыкновенною силой. Англійское правительство соблюдало нейтралитетъ, но общественное мнѣніе не обращало на него ни малѣйшаго вниманія во всемъ, что не носило оффиціальнаго характера. Дѣло Юга, противъ котораго ратовали, хотя и безъ успѣха, нѣкоторыя истинно либеральныя газеты, напримѣръ *Daily News*, *Morning Star*, *Spectator*, защищалось почти всѣми остальными газетами съ *Times* во главѣ. За немногими исключеніями почти вся англійская пресса трубила изъ всѣхъ силъ о подвигахъ конфедератовъ, и всякими софистическими толкованіями старалась опровергнуть успѣхи федералистовъ. Она не находила достаточно проклятій желѣзному игу, наложенному на мятежныхъ жителей Новаго Орлеана, буйному и звѣрскому характеру генерала Ботлера, насиліямъ федералистовъ, и въ то же время заботливо скрывала всѣ жестокости конфедератовъ. То, что въ первыхъ было варварствомъ, у послѣднихъ становилось энергіей и непреклонной рѣшимостью защищать свое дѣло. Каждая политическая или финансовая мѣра федералистовъ подвергалась критикѣ и выставлялась на смѣхъ передъ всею Европой. Героями войны были Ли и Джексонъ; Макъ-Клелланъ получилъ благосклонность англичанъ только послѣ своей отставки. Что такое былъ для нихъ Линкольнъ? Ничтожный человѣкъ, адвокатъ, превращенный въ президента республики

по милости одного изъ тѣхъ безтолковыхъ выборовъ, которые составляютъ неисправимый недостатокъ всякой демократіи. Настоящій государственный человѣкъ Соединенныхъ штатовъ—это Джефферсонъ Дэвисъ. И при этомъ она дѣлала видъ, будто никому неизвѣстно, что въ жизни этого Джефферсона Дэвиса не было ни одного поступка, за который онъ не подлежалъ бы отвѣтственности передъ трибуналомъ свободы! Какъ и можно было ожидать, въ это время появилось множество пророковъ, начиная съ Гладстона и кончая Бересфордомъ Гопомъ, которые предсказывали неизбѣжное торжество Юга. Нѣкоторые избранные умы, какъ напримѣръ Джонъ Стюартъ Милль, и нѣкоторые популярныя ораторы, какъ напримѣръ Кобденъ и Брайтъ, пробовали бороться противъ всеобщаго увлеченія; но ихъ голоса потерялись въ шумѣ противоположныхъ возгласовъ.

Былъ однакоже въ этомъ вопросѣ одинъ пунктъ, который странно затруднялъ защитниковъ Юга, хотя ихъ было много, и хотя слово принадлежало имъ. Если они держатъ сторону Юга, слѣдовательно они желаютъ сохраненія рабства! Слѣдовательно они защищаютъ именно то, что Англія старалась разрушить цѣной такихъ громаднхъ пожертвованій, цѣною 50,000,000 фунтовъ стерлинговъ! Слѣдовательно они не отступали передъ тѣмъ скандаломъ, который представило бы современному поколѣнію и потомству зрѣлище Англіи, поклоняющейся тому, что она сожигала, и сожигающей то, чему она поклонялась!

Это возраженіе было ужасно, и для опроверженія его прибѣгали ко всякой лжи и ко всякимъ софизмамъ.

Во первыхъ усиливались доказать, что въ распрѣ Сѣвера и Юга дѣло совсѣмъ не въ вопросѣ о рабствѣ, а въ вопросѣ о тарифѣ. Между тѣмъ не могли не знать, что со времени кандидатуры Линкольна на президентскую должность, его партія обнародовала программу, въ которой протестовала противъ допущенія рабства въ территоріяхъ, могущихъ присоединиться къ Союзу; что послѣ этого выставлена была кандидатура Бренкенриджа; что плантаторы грозили расторгнуть союзъ, въ

случаѣ, если президентомъ выбранъ будетъ кандидатъ противной партіи; что отдѣленіе Юга было исполненіемъ этой угрозы; что первымъ дѣйствіемъ рабовладѣльческаго конгресса, собравшагося въ Монгомери, было формальное и безусловное запрещеніе касаться вопроса о рабовладѣніи; что мистеръ Стифенсъ, во время своего избранія въ вице-президенты конфедерациі, опредѣлилъ рабство такимъ образомъ: «краеугольный камень зданія — установленіе самого Бога — чудо»; что рѣчь эта была покрыта рукоплесканіями, и что конфедераты вооружились подъ вліяніемъ этихъ самыхъ идей.

Потомъ набросились на то, что первымъ лозунгомъ федеральнаго правительства были слова: возстановленіе союза, а не уничтоженіе рабства. Но неужели нужна была особенная проникательность, чтобы видѣть, что подобная воина, какая бы ни была надпись на знамени федералистовъ, не можетъ окончиться пораженіемъ конфедератовъ, не нанеся въ то же время рѣшительнаго удара и рабству? И если даже предположить, что Сѣверъ измѣнилъ своему призванію, или своему долгу, дѣлая по видимому изъ вопроса справедливости и человѣчности простой національный вопросъ, то развѣ это былъ резонъ желать побѣды Юга, побѣды, которая должна была повлечь за собою продолженіе, если не увѣковѣченіе права собственности человѣка надъ человѣкомъ?

Какъ бы то ни было доводы приводимые защитниками Юга могли имѣть какой нибудь смыслъ только до послѣдней прокламаціи Линкольна, которая наконецъ торжественно признаетъ принципъ освобожденія черныхъ. А теперь? Что могутъ теперь сказать англійскія женщины, подписавшія знаменитый адресъ 1854 года, что могутъ онѣ сказать въ отвѣтъ мистриссъ Вичеръ Стоу на ея вопросъ: то же ли у нихъ сердце теперь, какимъ было тогда? Какимъ предлогомъ объяснить теперь молчаніе леди Пальмерстонъ, леди Бокстонъ, леди Шефтсбюри? Какой выдумкой заставить людей вѣрить, что между дѣломъ федералистовъ и уничтоженіемъ рабства нѣтъ ничего общаго?

Дѣйствительно, наименѣе цѣлестильные изъ партизановъ

Юга наконецъ рѣшительно сбросили маску. Saturday Review, самый значительный органъ образованной и литературной части аристократическаго міра, доказываетъ, что рабство есть божественное учрежденіе; что Библия нигдѣ не опровергаетъ его; что Евангеліе нигдѣ не призываетъ рабовъ къ возстанію противъ ихъ господъ. Times говоритъ почти тѣмъ же языкомъ, и въ своихъ нападеніяхъ на освободительную прокламацію Линкольна беретъ на себя смѣлость ручаться за чувства англійскаго народа въ пользу тѣхъ людей, тираническую власть которыхъ прокламація Линкольна желаетъ уничтожить.

Къ счастью, для чести Англіи, оказывается, что такая постановка вопроса взволновала совѣсть очень многихъ людей. Одни, увлеченные потокомъ, отступили въ ужасъ при видѣ нравственной пропасти, къ которой онъ ихъ принесъ. Другіе, до этого времени только слабо сопротивлявшіеся общему движенію, охватившему ихъ, теперь поняли, что настало время, когда честныя убѣжденія должны показать болѣе энергіи. Началась реакція, и вчерашній громаднй митингъ былъ ея первымъ симптомомъ. Мы съ радостью говоримъ это; потому что Англія не могла бы дойти до конца того скользкаго пути, на который она была поставлена, и не умереть нравственно; а при настоящемъ положеніи міра смерть Англіи означала бы смерть свободы.

СХХІІ.

7-го февраля.

ОТКРЫТІЕ ПАРЛАМЕНТСКОЙ СЕССИИ 1863 ГОДА.

Парламентъ открытъ третьяго дня, но черезъ комиссаровъ. Королева не явилась на этотъ разъ, чтобы прочесть тронную рѣчь своимъ чистымъ, серебристымъ голосомъ, и съ тѣмъ правильнымъ удареніемъ, которые въ этой монархической странѣ были предметомъ столькихъ похвалъ. Вся отдавшійся печали, которая кажется окончится только съ ея жизнью,

королева не оставляетъ уединенія своего дворца, гдѣ ее часто посѣщаетъ любимая тѣнь. Но мрачныя воспоминанія, пробужденныя этимъ отсутствіемъ, перемѣшивались съ пріятными надеждами, которыя возбуждаетъ приближеніе брака принца уэльскаго. Теперь онъ еще въ первый разъ засѣдалъ въ рядахъ пэровъ королевства; и каждый думалъ о молодой граціозной принцессѣ, черты которой, благодаря фотографіи, знакомы каждому англичанину.

Говорить, что тронная рѣчь была неопредѣленна, не давала пищи ни похвалѣ, ни порицанію, значило бы повторять одну и ту же вѣчную жалобу; подобныя рѣчи имѣютъ привилегію вызывать эти жалобы съ того самаго времени, какъ появились въ мірѣ конституціонныя правительства. Итакъ я не буду говорить о полнѣйшей незначительности министерской редакціи, этой хронической болѣзни режима, при которомъ ложь и правда живутъ между собою въ полномъ согласіи, и перехожу прямо къ парламентскимъ прешіямъ.

Судя по началу, эта сессія не обѣщаетъ быть бурной; грома не предвидится ни откуда, развѣ только онъ загремитъ при совершенно ясномъ небѣ, какъ это иногда случается, по справедливому замѣчанію Times. Консервативная оппозиція не въ силахъ начать борьбу съ правительствомъ; это очевидно. Она должна еще подыскать тему для оппозиціи. Она охотно бы задала сраженіе министрамъ, если бы могла рассчитывать на побѣду; но для того, чтобы сражаться, нужно имѣть поле сраженія, а вотъ это-то и затрудняетъ консервативную партію; доказательствомъ служить рѣчь лорда Дерби въ палатѣ лордовъ, и рѣчь Дизрасли въ палатѣ общинъ.

Ни тотъ, ни другой не находитъ, кажется, чтобы внутренняя политика министерства представляла имъ удобное поле для нападенія. Правительство прельщаетъ плательщиковъ податей блестящей перспективой системы, основанной на строгой экономіи; слѣдовательно нѣтъ никакой возможности обвинять его за его расточительность, развѣ только говорить о прошедшемъ. Правительство не поднимаетъ никакого вопроса о реформѣ; слѣдовательно нѣтъ никакой возможности доказы-

вать ему, что оно или слишком либерально, или недостаточно либерально. Итакъ, оппозиціи, за неимѣніемъ ничего лучшаго, осталось обратиться на внѣшнюю политику. Но ея затрудненіе выказалось даже и здѣсь, какъ въ обширности ея уступокъ, такъ и въ незначительности ея нападокъ.

Лордъ Дерби въ палатѣ лордовъ и мистеръ Дизраели въ палатѣ общинъ представили билль, выражающій министерству удовольствіе палаты за его образъ дѣйствій въ отношеніи Америки. Лордъ Дерби формально объявилъ, что англійское правительство не могло бы признать Югъ, не нарушивъ этимъ международнаго права, какъ оно установлено долговременной практикой. Въ самомъ дѣлѣ, предшествовавшіе факты показываютъ, что признаніе правительства какого нибудь государства, возставшаго противъ другаго государства, часть котораго оно составляло до того времени, совершается уже послѣ прекращенія всякихъ враждебныхъ дѣйствій, какъ это было, напримѣръ, въ дѣлѣ южно-американскихъ колоній, возставшихъ противъ Испаніи, съ тѣмъ впрочемъ исключеніемъ, если нѣсколько державъ, соединенныхъ общимъ интересомъ, найдутъ необходимымъ положить конецъ распрѣ, какъ это было, напримѣръ, когда Бельгія отложила отъ Голландіи, или Греціи отъ Турціи, и въ такомъ случаѣ признаніе служитъ только началомъ вмѣшательства. Лордъ Дерби откровенно изложилъ это ученіе въ палатѣ лордовъ, а въ палатѣ общинъ, мистеръ Дизраели, нисколько не споря съ этимъ, поздравилъ министерство, что оно сообразовалось въ своей политикѣ съ этимъ ученіемъ.

Правда, что два вождя консервативной партіи тѣмъ не менѣе воспользовались этимъ случаемъ, чтобы высказаться въ пользу столь дорогаго для конфедератовъ рѣшенія—отдѣленія Юга; и если вѣрить имъ, то намъ остается пропѣть Соединеннымъ штатамъ надгробную пѣснь. Впрочемъ лордъ Дерби и Дизраели нисколько не отличаются въ этомъ ни отъ лорда Пальмерстона, ни отъ графа Росселя, ни отъ Гладстона, которые также вѣрятъ или очень желаютъ вѣрить, что Союзу пришелъ конецъ.

Для англичанъ, къ какой бы партіи они ни принадлежали, очень пріятно думать, что они будутъ избавлены отъ такого могущественнаго соперничества! Если только Америка раздѣлится, тогда прекратятся всѣ заботы, которыя причиняло Англіи удивительное развитіе великой республики Вашингтона! Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящемъ кабинетѣ только и есть одинъ членъ, положительно сочувствующій Сѣверу—это Миллеръ Гибсонъ, человекъ, который вмѣстѣ съ Кобденомъ и Брайгомъ, продолжаетъ составлять триумvirатъ Манчестерской школы; и надо отдать ему справедливость, онъ нисколько не скрывается въ этомъ. И вотъ Дизраели ухватился за этотъ недостатокъ единодушія въ министерствѣ по такому важному вопросу, чтобы завязать одну изъ тѣхъ парламентскихъ стычекъ, на которыя онъ такъ ловокъ. За исключеніемъ этого и еще нѣсколькихъ мелкихъ придирокъ къ министерству по поводу Черногоріи, китайскихъ дѣлъ, и совѣта, даннаго графомъ Росселемъ Даніи и непринятаго ею, лордъ Дерби и Дизраели не нашли бы ни одного предлога поспорить съ правительствомъ, если бы къ счастью не представился греческій вопросъ.

Надо признаться, что лордъ Россель, приглашенный объяснить, почему допущено избраніе принца Альфреда, когда уже было напередъ рѣшено, что предложеніе будетъ отвергнуто, постарался уклониться отъ отвѣта. Что его побудило къ этому, я рѣшительно не понимаю. Къ чему дѣлать тайну изъ того, что для всѣхъ совершенно ясно, и что кроме того не имѣетъ въ себѣ ничего дурнаго? Грекамъ позволили дойти до конца въ изліяніи ихъ симпатій къ принцу Альфреду по очень простой причинѣ: во первыхъ ихъ упорный энтузіазмъ льститъ народной гордости англичанъ, а во вторыхъ, онъ полагалъ непреодолимую преграду кандидатурѣ принца Лейхтенбергскаго.

Впрочемъ это былъ вопросъ второстепенный; главное нападеніе произошло по поводу уступки Ионическихъ острововъ.

По этому вопросу лордъ Дерби сказалъ конечно то, что онъ могъ сказать лучшаго съ точки зрѣнія національнаго эгоизма, именно:

Что обладаніе Ионическими островами было чрезвычайно важно для Англіи въ морскомъ и военномъ отношеніи; что такъ полагалъ лордъ Коллингвудъ; что обладаніе островомъ Корфу отдавало въ руки Англіи ключъ къ Адриатическому морю, и что не слѣдовало допускать возможности, чтобы ключъ могъ попасть въ руки непріязненной націи; что довольно важная вещь — имѣть или не имѣть такой важный портъ на пути въ Индію черезъ Египетъ; что въ крымскую войну былъ случай убѣдиться въ важности обладанія островомъ Корфу; что сверхъ того Ионическіе острова ввѣрены были храненію Англіи въ интересахъ всей Европы, какъ европейское достояніе, и что поэтому Англія не имѣла права располагать ими какъ ей вздумается; что только одна Англія была бы въ состояніи сдерживать пиратство, этотъ бичъ, которому уступка Ионическихъ острововъ снова развяжетъ руки; наконецъ, что хотя лордъ Россель и обѣщалъ эту уступку только на извѣстныхъ условіяхъ и съ извѣстными ограниченіями, но все таки онъ этимъ опровергъ самымъ явнымъ и несчастнымъ образомъ свою собственную политику относительно сохраненія турецкой имперіи.

Откровенно говоря, министру иностранныхъ дѣлъ нечего было отвѣтить на этотъ послѣдній упрекъ; онъ ничего и не отвѣтилъ. Извѣстно, что графъ Россель всегда считалъ и представлялъ усиленіе Греціи опаснымъ для Турціи и въ то же время выгоднымъ для Россіи; извѣстно, что онъ при всякомъ случаѣ старался противодѣйствовать желанію грековъ возвратиться отъ Турціи греческія провинціи,—что отняло бы у него возможность отстаивать Константинополь отъ притязаній русскихъ; не менѣе извѣстно и то, что возвращеніе Ионическихъ острововъ неминуемо сдѣлаетъ Грецію и болѣе нетерпѣливой и болѣе способной къ достиженію своей цѣли, къ осуществленію своей великой идеи.

Поэтому лордъ Россель оставилъ въ сторонѣ обвиненія въ непослѣдовательности и ограничился указаніями на то, сколько было полезнаго, въ полномъ смыслѣ этого слова, въ политикѣ сдерживающей, безкорыстія и великодушія.

Въ самомъ дѣлѣ, если іонійцы не хотятъ протектората Англіи, если они горятъ желаніемъ присоединиться къ своимъ братьямъ, по какому бы праву стала Англія навязывать имъ на безконечныя времена этотъ протекторатъ? И какъ могла бы она упрекать Наполеона, оставляющаго своихъ солдатъ въ Римѣ, когда дѣлала бы то же самое въ Корфу?

Эти соображенія и привелъ лордъ Пальмерстонъ въ палатѣ общинъ, хотя и не въ прямыхъ, но въ очень выразительныхъ словахъ, въ отвѣтъ на нападенія Дизраели, теорія котораго относительно Ионическихъ острововъ сводится къ слѣдующему:

«Что полезно взять, то полезно и беречь.» Вотъ что не побоялся провозгласить, почти въ этихъ самыхъ выраженіяхъ, одинъ изъ жрецовъ консервативной партіи. Изъ того, что Англія еще до 1814 года желала захватить Семь острововъ, и дѣйствительно захватила шесть, не считая того, что блошировала седьмой, Дизраели вывелъ заключеніе, что Англія, вопреки формальнымъ рѣшеніямъ заключенныхъ впоследствии трактатовъ, имѣетъ право считать Ионическіе острова составной частью своей территоріи. Эти острова, составляющіе на югѣ Европы отдѣльное государство, имѣющіе свое собственное правительство, свою собственную администрацію, свои собственные законы, и гдѣ представителемъ протектората служить только комиссаръ, эти острова, по мнѣнію Дизраели, принадлежатъ Англіи также, какъ напримѣръ Парижъ Франціи. Становишься въ тупикъ, когда подумаешь, что такой человѣкъ, какъ Дизраели, въ такой палатѣ, какъ палата общинъ, осмѣливается говорить подобныя пелѣности. Само собою разумѣется, что лордъ Пальмерстонъ отдѣлалъ его съ обыкновеннымъ своимъ тактомъ и веселостью. Дизраели безспорно человѣкъ съ рѣдкимъ талантомъ; онъ дѣйствуетъ сарказмомъ съ страшнымъ искусствомъ; онъ тонокъ и остроуменъ. Но лордъ Пальмерстонъ имѣетъ надъ нимъ то преимущество, что онъ обладаетъ удивительнымъ здравымъ смысломъ, къ которому присоединяется удивительное спокойствіе. Насмѣшка Дизраели извѣстна; сатирическая и веселая усмѣшка лорда Пальмер-

стона убійственна. Впрочемъ на этотъ разъ лордъ Пальмерстонъ имѣлъ надъ своимъ противникомъ преимущество, которое люди пѣнять въ хорошія минуты; на его сторонѣ была правда.

СХХІІІ.

9-го февраля.

ВОПРОСЪ О НЕВОЛЬНИЧЕСТВѢ И АНГЛИЧАНЕ.

Открытіе парламента и пренія объ адресѣ подали поводъ къ очень важному и очень странному заявленію, сдѣланному въ палатѣ лордовъ лордомъ Дерби, а въ палатѣ общинъ Дизраели.

Заслуживаетъ ли большаго или меньшаго осужденія политика правительства относительно Китая; правъ или нѣтъ былъ лордъ Россель, когда не отказалъ папѣ въ англійскомъ и протестантскомъ гостепріимствѣ, если бы папа пожелалъ имъ воспользоваться; хорошо или дурно поступилъ кабинетъ, допустивъ грековъ терять время на избраніе принца Альфреда, когда было уже рѣшено впередъ не принимать предлагаемо короны; наконецъ, дѣйствовало ли правительство въ смыслѣ усиленія англійскаго вліянія или наоборотъ, когда соглашалось, на извѣстныхъ условіяхъ, оставить протекторатъ надъ Ионическими островами, — эти вопросы имѣютъ прежде всего чисто національный характеръ. Но положеніе Англіи относительно Америки, вооружившейся за рабство, и сражающейся противъ Америки, уничтожающей рабство, интересуетъ уже всю Европу, всѣхъ обитателей земнаго шара, все человѣчество; потому что отечество свободы и справедливости не имѣетъ границъ.

Друзья свободы во всѣхъ странахъ будутъ горько сожалѣть, что графъ Россель, такой либеральный и покамѣстъ такой честный министръ, счелъ нужнымъ представлять побѣду федералистовъ надъ конфедератами, какъ худшее изъ рѣше-

ній, какія можетъ получить задача, рѣшающаяся за Атлантическимъ океаномъ. Но за то они съ радостью узнаютъ, что признаніе Юга до времени совершеннаго прекращенія гражданскихъ дѣйствій торжественно осуждено какъ лордомъ Дерби, такъ и Дизраели, то есть вождями консервативной партіи въ Англіи. Какъ ни были оживлены нападенія, направленные этими двумя ораторами противъ кабинета лорда Пальмерстона по другимъ вопросамъ, но по этому вопросу они не только воздержались отъ такихъ нападеній, но сдѣлали больше и лучше, — они отдали справедливость «достойной и осторожной политикѣ своихъ соперниковъ.»

Замѣчательно, что хотя симпатіи Англіи къ Югу до этого времени нисколько не скрывались, а симпатіи консервативной партіи въ особенности выказывались такъ рѣзко, что это едва не доходило до скандала, но ни лордъ Дерби, ни Дизраели не искали въ нихъ опоры для борьбы съ своими соперниками. Если Дизраели безъ особыхъ церемоній и намекалъ на свои симпатіи къ Сѣверу; если онъ и подсмѣивался съ обыкновенной своей колкостью надъ недостаткомъ единодушія между министрами по американскому вопросу; если онъ и противопоставлялъ тенденціи Мильнера Гибсона, защищавшаго дѣло Сѣвера въ Ashton-Under-Lyne, тенденціямъ Гладстона, предсказывавшаго со времени своей поѣздки въ Нью-Кестль побѣду Юга, а этимъ послѣднимъ—еще болѣе рѣзкія тенденціи сэра Роберта Пила, который оскорблялъ «Бога оружіемъ» предполагая его стоящимъ во главѣ рабовладѣльцевъ,—то по крайней мѣрѣ изъ отказа министерства признать правительство Джефферсона Дэвиса онъ не хотѣлъ дѣлать темы для своихъ нападеній и оружія оппозиціи. Напротивъ, онъ, повторяю, считалъ своею обязанностью отдать министерству полную справедливость.

Или я сильно ошибаюсь, или это — новый симптомъ реакціи, о которой я вамъ говорилъ въ послѣднемъ писемѣ, и причины которой обѣщаль показать.

Эту реакцію произвела, по моему мнѣнію, прокламація Линкольна объ освобожденіи, которая подѣйствовала двумя спосо-

бами: во первыхъ она заставила наименѣе совѣстливыхъ партизановъ Юга сбросить маску и открыть все, что таится за ихъ симпатіями; во вторыхъ, она возвратила защитникамъ Сѣвера мужество и голосъ, которые они почти совершенно потеряли.

Вы помните, вѣроятно, что въ адресѣ, которымъ Линкольнъ открылъ свое вступленіе въ президентство, онъ почти принималъ сторону рабовладѣльцевъ противъ аболіціонистовъ, относительно знаменитаго закона о бѣглыхъ невольникахъ.

Я знаю, что можно привести въ его оправданіе: избранный президентомъ республики, которую онъ желалъ видѣть единой и нераздѣльной, онъ естественно чувствовалъ необходимость говорить такимъ языкомъ, который предупреждалъ разрывъ; избранный по вліянію республиканцевъ, онъ долженъ былъ щадить демократовъ, поставленный хранителемъ конституціи, признававшей рабство, онъ конечно затруднялся проповѣдывать что нибудь, кромѣ строгаго соблюденія основнаго закона; и каковы бы ни были его личные чувства, официальное лицо всегда должно было подавлять въ немъ частнаго человѣка.

Все это совершенно справедливо, но справедливо также и то, что въ своемъ манифестѣ при вступленіи въ должность онъ выразился такими словами: «Члены конгресса связаны съ конституціей присягой, данной ими единогласно. Они единогласно обязались соблюдать статью, повелѣвающую отдавать бѣглаго невольника въ руки его господина. Если ихъ рѣшеніе твердо, то не могли ли бы они, также единогласно, составить законъ, который бы обезпечивалъ дѣйствительность ихъ присяги?»

Линкольнъ говорилъ это 4 марта 1861 года; 9-го конгрессъ Соединенныхъ штатовъ вотировалъ актъ, который организовалъ постоянную армію, а 12-го Форсайтъ и Кравфордъ уже просили у Сьюарда аудіенціи, чтобы представить ему свои кредитивныя граматы въ качествѣ представителей новой конфедераціи.

Итакъ, въ ту самую минуту, когда Югъ довершалъ свой мятежъ, Линкольнъ хлопоталъ о средствахъ сдѣлать болѣе дѣйствительнымъ законъ о бѣглыхъ невольникахъ! Безполезно

напоминать, какъ настойчиво президентъ Соединенныхъ штатовъ съ самаго объявленія войны старался доказать, что со стороны Сѣвера война имѣеть только одну цѣль: восстановленіе Союза.

Не нужно было быть пророкомъ, чтобы предсказать, что въ Англіи подобное объявленіе произведетъ самое ужасное вліяніе на расположеніе умовъ, и если я не ошибаюсь, я еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ предсказывалъ неизбежность результата, который потомъ дѣйствительно и обнаружился. Англія салоновъ, клубовъ, газетъ, — «даже правительство, объявляющее себя нейтральнымъ» — имѣли всевозможныя и воображаемыя причины, чтобы принять сторону Юга, исключая одной: страха унизиться въ глазахъ свѣта, становясь покровителями рабства и отказываясь такимъ образомъ отъ славнаго прошедшаго. И этотъ-то страхъ исчезалъ, когда партизаны Юга могли сослаться на прокламацію Линкольна: «о рабствѣ въ ней нѣтъ и рѣчи. Дѣло идетъ просто о томъ, что одинъ народъ хочетъ покорить себѣ другой. Сѣверъ сражается за власть; Югъ;—за независимость. Мы принадлежимъ къ свободной націи и потому въ кровавой борьбѣ мы слѣдимъ за знаменемъ независимости.» Роковой софизмъ, пріобрѣтавшій къ несчастью большую силу въ нерѣшительной и двусмысленной политикѣ Сѣвера! Роковой софизмъ, подъ защитой котораго у многихъ англичанъ симпатіи къ Югу могли образоваться безъ всякаго угрызенія совѣсти, могли формулироваться безъ малѣйшаго стыда!

Но должно было прійти время, когда непобѣдимая логика вещей должна была привести Линкольна на путь эманципаціи, и когда это время пришло, оружіе, которымъ партизаны Юга пользовались съ такимъ искусствомъ, сломалось. Что же тогда произошло? Тогда, — кто бы могъ этому повѣрить? — принужденные или прямо уступить, или смѣло объявить себя уже не за одну независимость, а прямо за самое рабство, руководители движенія не постыдились воскликнуть: «Ну что же! Почему же и не за рабство?» Такимъ образомъ Saturday Review утверждалъ однажды отъ имени элегантно и образо-

ванной части общества, которой онъ служить органомъ, что рабство было освящено самимъ христіанствомъ; что за него стоитъ авторитетъ св. Павла; что св. писаніе нигдѣ не позволяетъ рабамъ поднимать оружіе противъ своихъ господъ. На другой день Times подтверждалъ, что рабство также мало противорѣчитъ духу Евангелія, какъ «хорошій обѣдъ, пурпуръ и тонкое бѣлье.»

Нужно ли упоминать здѣсь о необыкновенной, можно сказать непостижимой, рѣчи, произнесенной недавно въ Майдстонѣ Бересфордомъ Гопомъ? Бересфордъ Гопъ есть счастливый обладатель одной очень любопытной коллекціи: съ большими издержками онъ собралъ необыкновенный выборъ великолѣпныхъ и историческихъ колецъ, блестящихъ на пальцахъ Мюрата, Наполеона и Богъ знаетъ кого еще. Это конечно еще не мѣшаетъ Гопу защищать съ остервененіемъ Югъ; но мистеръ Гопъ хвалится кромѣ того своей религіозностью и благочестиво изстратилъ три милліона франковъ на постройку лютеранской церкви въ Маргаретъ-стритѣ, Оксфордъ-стритѣ. Итакъ, эта благочестивая особа не только предрекаетъ, что благодарное потомство помѣститъ Джефферсона Дэвиса рядомъ съ Кавуромъ, а Стоневали Джаксона рядомъ съ Гарибальди, но и сравниваетъ переходъ конфедератовъ черезъ Потомакъ съ переходомъ Евреевъ черезъ Черное море, забывая, что Моисей переходилъ черезъ Черное море затѣмъ, чтобы избавить народъ отъ рабства, чего, сколько я знаю, не имѣютъ въ виду конфедераты; послѣ того этотъ новый Даніилъ объясняетъ таинственные слова, начертанные на стѣнѣ, какъ предсказаніе примѣрнаго наказанія и смерти этого Бальтазара, Линкольна!

Другой ораторъ, усердно старающійся поставить св. Писаніе на сторону рабовладѣльцевъ — это Спенсъ. Въ своей послѣдней рѣчи въ Ливерпулѣ онъ выражался столь умиротворенно, что ханжи Бельгрэвскаго сквера не успѣли еще отереть слезъ, какъ вдругъ получены были совершенно нехотати перехваченныя депеши Юга, которыя открыли непріятный секретъ финансовыхъ сношеній оратора съ ричмондскимъ пра-

вительствомъ, и такимъ образомъ погубили для подозрительныхъ умовъ весь эффектъ его теологическихъ соображеній.

Вы, видите, что нужно было наконецъ энергическое усиліе, чтобы удержать Англію на скользкомъ пути, который велъ ее къ стыду и скандалу. Освящать рабство, на уничтоженіе котораго Англія потратила пятьдесятъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, — это было уже очень много; но дойти до того, чтобы поносить Библію, унижать Евангеліе, клеветать на Христа! Всѣ англичане, любящіе свое отечество благородной любовью, пришли въ волненіе; истинно религіозные люди были сильно встревожены; «Общество эманципаціи» сдѣлало духовенству горячія воззванія; вездѣ приготавлились митинги; наконецъ дошли до того, что Вилльямъ Гоунтъ, человѣкъ значительный и уважаемый, не побоялся написать, что для уничтоженія рабства остается только одно средство: воздержаться отъ употребленія хлопка, воздѣлываемаго рабами.

По мнѣнію Гоунтта покупать хлопокъ съ цѣлью обогащенія и въ то же время клеймить людей, имѣющихъ рабовъ для воздѣлыванія этого самаго хлопка, значитъ подрывать укrywателю краденыхъ вещей, который бы принялся и обличать воровъ. «Я помню, пишетъ онъ, что когда я былъ еще ребенкомъ, священникъ нашей деревни, возвращаясь однажды съ проповѣди, встрѣтилъ работника съ мѣшкомъ на плечахъ. Это было въ воскресенье. — Какъ! Вилльямъ, вскричалъ добрый священникъ въ порывѣ добродѣтельнаго негодованія, ты не былъ нынче въ церкви! — «Я собиралъ орѣхи и со сѣмъ забылъ,» отвѣчалъ тотъ. — Какъ, собиралъ орѣхи, въ воскресенье!... а покажи-ка, хороши ли они?» и съ этими словами благочестивый человѣкъ запустилъ руку въ мѣшокъ.»

Вилльямъ Гоунтъ упрекаетъ «Общество эманципаціи» что оно поступаетъ точно также, когда ограничивается проповѣдями противъ рабовладѣльцевъ, вмѣсто того, чтобы рекомендовать противъ нихъ какое нибудь героическое средство въ родѣ предлагаемаго имъ.

Вы можете судить по этому о степени горячности, которую

возбудили въ нѣкоторыхъ противникахъ рабства печальныя крайности противной партіи.

Теперь вы имѣете вѣрную картину движенія мнѣній, порожденнаго въ Англіи политикою освобожденія, которую Линкольнъ, къ сожалѣнію, принялъ такъ поздно. Если бы онъ съ самаго начала объявилъ верховнымъ принципомъ то, что онъ вынужденъ былъ въ послѣдствіи принять какъ необходимое средство, то Англія никогда не посмѣла бы дать Югу своего нравственнаго авторитета. И сколько скандаловъ было бы избѣгнуто въ этомъ случаѣ? Сколько крови можетъ быть было бы сбережено! Не буду впрочемъ распространяться о томъ, какой слѣдуетъ изъ этого урокъ. Онъ очень ясенъ и я не думаю, чтобы какая нибудь эпоха исторіи давала людямъ урокъ, который бы болѣе заслуживалъ внимательнаго обсужденія и храненія въ памяти.

CXXIV.

(1863).

ЗАКОНЪ О БѢДНЫХЪ.

«Хорошо сложенная лошадь продается на всякомъ рынкѣ отъ двадцати до двухъ сотъ фридрихсдоровъ: вотъ чего стоитъ она по мнѣнію людей. Что же стоитъ хорошо сложенный человѣкъ? Бываютъ случаи, когда люди охотно дали бы ему порядочную сумму денегъ, лишь бы только онъ отправился куда нибудь повѣситься. И однако же изъ этихъ двухъ существъ, которое придумано лучше, лошадь или человѣкъ, даже просто какъ машина? Праведное небо! По моему европейецъ съ двумя ногами, съ пятью пальцами на ступнѣ, съ своей удивительной головой на плечахъ, стоитъ отъ пятидесяти до ста лошадей».

Вотъ въ какихъ горькихъ выраженіяхъ возстаетъ Томасъ Карлейль противъ жестокаго примѣненія принципа: *laissez*

faire, который приводит къ такому заключенію: *laisser mourir!* Вотъ болѣзненный крикъ, выражаемый у него положеніемъ работника безъ работы въ такихъ обществахъ, какими сдѣлала ихъ новѣйшая цивилизація!

Въ жизни этихъ обществъ случаются однако трагическія минуты, въ которыя великій законъ человѣческой солидарности дѣйствуетъ на нихъ съ непреклонностью приговора судьбы.

На это замѣчаніе, къ которому я сейчасъ возвращусь, навели меня дебаты, происходившіе вчера въ англійской палатѣ общинъ. Дѣло было въ слѣдующемъ:

Несчастное вліяніе, какое имѣла американская война на мануфактурные округа Англіи, слишкомъ извѣстно.

По официальнымъ свѣдѣніямъ, начиная съ іюля 1862 г., изъ 450,000 рабочихъ, имѣвшихъ занятіе на хлопчатобумажныхъ мануфактурахъ Англіи, 370,000 изъ двухъ дней работали только одинъ; 80,000 рабочимъ кризисъ связалъ руки совершенно. Кромѣ того насчитываютъ до 120,000 такихъ рабочихъ, промыслы которыхъ, вполнѣ завися отъ «короля-хлопка», неразрывно связаны съ процвѣтаніемъ его господства, и которые перестаютъ получать свой хлѣбъ, какъ скоро перестаютъ работать станки.

Невозможно, чтобы англійская нація, какъ нація, осталась совершенно безучастной къ страданіямъ столькихъ тысячъ своихъ членовъ. Но что же дѣлать? По господствующему въ Англіи ученію, каждая отдѣльная мѣстность обязана заботиться о себѣ сама. Не слѣдуетъ ли отступить отъ этого ученія на основаніи исключительнаго характера и громадности зла? Нѣкоторые были такого мнѣнія, и одинъ изъ членовъ палаты общинъ, Поттеръ, объявилъ, что теперь наступило время принять какое нибудь національное средство.

Но какое? Пожертвовать, хотя бы и на алтарѣ необходимости, принципомъ каждый за себя и каждый у себя, который такъ дорогъ для Англіи? вызвать этотъ страшный призракъ: вмѣшательство государства? Но развѣ наконецъ

Ланкаширъ не имѣлъ своихъ счастливыхъ дней? И еще какихъ счастливыхъ! Если гдѣ нибудь протекали воды Пактола, такъ это именно здѣсь. Что же сдѣлалъ Ланкаширъ въ эпоху своего изобилія? Бывало ли когда нибудь, чтобы эти «хлопчатые лорды» и ихъ работники, получавшіе тогда такую щедрую плату, предлагали какую нибудь долю одни изъ своихъ прибылей, другіе изъ своего жалованья, въ пользу бѣдныхъ приходовъ своего общаго отечества? Нѣтъ. Ланкаширъ берегъ свое благосостояніе только для себя. Справедливость требуетъ поэтому, чтобы онъ самъ же заботился о себѣ и въ черные дни.

Такъ говоритъ большинство экономистовъ, публицистовъ и государственныхъ людей Англіи. Общественное мнѣніе вторить имъ.

Между тѣмъ нація страдаетъ отъ этой ужасной раны, отъ этой видной для всѣхъ кровавой раны, которая все увеличивается съ каждымъ днемъ. Еще разъ, что же дѣлать?

Умы уже достаточно были подготовлены, чтобы искать отвѣта на этотъ жгучій вопросъ, когда въ концѣ іюля 1862 года членъ министерства Вилльерсъ представилъ палатѣ общинъ билль, предусмотрительно названный имъ: примѣненіе закона о бѣдныхъ, — и только. Такъ онъ боялся, чтобы его не обвинили въ нововведеніяхъ по этому щекотливому вопросу! Отправляясь отъ того положенія, что въ Англіи бѣдные находятъ на попеченіи приходовъ и что въ случаѣ, если приходъ не въ состояніи содержать рабочаго у себя, онъ имѣетъ возможность требовать вспоможенія у всѣхъ тѣхъ приходовъ, которые для этой цѣли составляютъ изъ своихъ ресурсовъ общую кассу, и которые называются союзами (Unions, — Вилльерсъ предложилъ дозволить Ланкаширу въ случаѣ, если налогъ для бѣдныхъ ляжетъ на приходъ слишкомъ тяжело, складывать часть этого бремени на союзъ и, если понадобится, съ одного союза складывать его на другіе союзы того же графства. Кобденъ настоятельно потребовалъ при этомъ, чтобы къ этой статьѣ была прибавлена еще другая, позволяющая приходамъ, въ случаѣ крайняго обре-

мененія, дѣлать займы подъ обезпеченіе будущихъ сборовъ. Билль, дополненный такимъ образомъ, былъ принятъ. И теперь Вилльерсъ именно требовалъ возобновленія этого самаго билля на срокъ одного года.

Пренія были непродолжительны. Сдѣлано было нѣсколько возраженій, но слабо. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что законъ пройдетъ. Слѣдовательно теперь можно судить объ немъ по его отношенію къ духу учрежденій, управляющихъ Англіей, и къ понятіямъ, составляющимъ основу ея нравственной жизни.

Во первыхъ, здѣсь есть одна вещь, которая не можетъ не поразить внимательнаго наблюдателя, это — противорѣчіе между закономъ подобнаго рода и общимъ принципомъ, на которомъ основывается ученіе, господствующее въ этой странѣ. Если находятъ наилучшимъ, чтобы забота о приходѣ лежала на самомъ приходѣ, то къ чему же тутъ система союзовъ приходовъ? Если же напротивъ принимаютъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ лучше бываетъ нѣсколькимъ приходамъ соединяться между собою для того, чтобы какой нибудь изъ нихъ не палъ подъ обременяющей его тяжестью, — то почему же то, что считается справедливымъ для опредѣленнаго числа приходовъ, не считается справедливымъ для приходовъ всего королевства? Почему какое нибудь графство подавленное бѣдствіемъ, происходящимъ отъ общихъ причинъ, не можетъ въ критическихъ обстоятельствахъ обратиться за помощью къ націи, какъ приходы, изъ которыхъ состоитъ графство, могутъ обращаться за помощью къ этому самому графству? На чемъ основывается это указаніе, обращенное къ принципу солидарности въ предѣлахъ одной и той же страны: «ты можешь идти до этого мѣста и не долженъ идти дальше?»

Скажутъ, можетъ быть, что тѣ приходы, изъ которыхъ составлены Союзы, предполагаются имѣющими одни или почти одни и тѣ же интересы, и что это удаляетъ опасность несправедливости въ распредѣленіи тягостей одного прихода между сосѣдними приходами.

Но во первыхъ, несправедливо, что это бываетъ всегда такъ, и притомъ это именно несправедливо въ томъ случаѣ, о которомъ идетъ рѣчь; потому что билль, представленный Вилльерсомъ и принятый палатою общинъ въ прошломъ году, призываетъ земледѣльческіе округи Ланкашира и Чешира принять на себя часть бремени, стѣсняющаго округи мануфактурныя, не смотря на то, что источникъ, изъ котораго послѣдніе почерпали свое богатство до американской войны, никогда не былъ доступенъ для первыхъ, и они только издали грѣлись на солнцѣ, когда это солнце блистало надъ царствомъ клопка.

Что же сказать еще? Бываетъ ли когда нибудь, чтобы интересъ одного многочисленнаго класса гражданъ одной страны, могли нарушаться безъ того, чтобы рано или поздно, тѣмъ или другимъ образомъ не пострадали отъ этого интересы и другихъ классовъ?

Что несправедливаго въ томъ, что меня обяжутъ сегодня сдѣлать для васъ то, что вы должны будете сдѣлать для меня завтра. Давно ли система взаимнаго застрахованія стала считаться изобрѣтеніемъ духа беззаконія?

Невозможно, стало быть, отрицать противорѣчія, на которое я указываю. Оно слишкомъ явно.

Но что же вы хотите? Это именно страна всякихъ противорѣчій такого рода. Не Англія ли воздвигла тронъ индивидуализма, и не она ли отдаетъ на пощечинѣ общества человѣка, принужденнаго искать себѣ хлѣба безъ всякой возможности найти его? Не Англія ли, изгнавши у себя принципъ вѣнательства государства подъ всѣми возможными его формами, прибѣгаетъ къ этому принципу въ его самомъ преувеличенномъ, самомъ разорительномъ, самомъ нецѣльномъ примѣненіи: законѣ о бѣдныхъ—законѣ, странная логика котораго заключается въ томъ, что каждый членъ общества можетъ требовать у этого общества не средства жить работая, но средства жить ничего не дѣлая?

Можно бы написать цѣлую раздражающую книгу о печальныхъ и странныхъ результатахъ, къ которымъ Англія была

приведена закономъ о бѣдныхъ. Это непослѣдовательное законодательство представляетъ такія опасности, что для избѣжанія ихъ нужно было сдѣлать положеніе бѣднаго, получающаго содержаніе отъ прихода, ужаснымъ на сколько только возможно. Да, для того чтобы рабочій не подпалъ искушенію позавидовать обѣду и постели бѣднаго; чтобы возможность жить не работая никому не мѣшала искать средствъ жить своими трудами; чтобы однимъ словомъ «рабочій домъ» не предпочитался мастерской, — нужно было ввести въ этомъ рабочемъ домѣ строжайшую дисциплину, нужно было разорвать семейныя привязанности, потому что въ этихъ привязанностяхъ заключается слишкомъ много отрады; нужно было разлучить тамъ мужа отъ жены, дѣтей отъ матерей; нужно было сдѣлать изъ благодѣянія наказаніе и обращаться съ нищетою какъ съ преступленіемъ!

Напрасныя предосторожности! Напрасныя больше, чѣмъ необходимыя! Они могли бы оттолкнуть работника, имѣющаго занятіе, но могли ли бы они оттолкнуть того, кто не смотря на его сильнѣйшее желаніе работать, не можетъ отыскать себѣ работы? Отсюда происходитъ невозможность остановить возрастающій приливъ пауперизма. Во время преній, возбужденныхъ первымъ чтеніемъ билля Вилльерса, было произнесено одно ужасное слово. Чтобы высказать сущность своихъ убѣжденій объ окончательномъ результатѣ закона о бѣдныхъ, одинъ изъ членовъ палаты общинъ, Буверн, воскликнулъ взволнованнымъ голосомъ: «если вы не примете предосторожностей, бѣдность поглотитъ собственность».

Вотъ въ какомъ видѣ представляется нѣкоторымъ людямъ дѣйствительно поглощающее дѣйствіе закона о бѣдныхъ.

Выведемъ ли мы изъ этого заключеніе, что въ виду этой блѣдной толпы голодныхъ людей, обязанность государства состоятъ въ томъ, чтобы сложить руки ради «невмѣшательства» и сказать: «не мѣшайте дѣйствовать закону бѣдности». Сохрани насъ Боже отъ этого! Джонъ Стюартъ Милль, благороднѣйшій изъ современныхъ мыслителей Англіи, сказалъ:

«есть вещи, въ которыя государство не должно вмѣшиваться, но есть и другія вещи, въ которыя ему существенно необходимо вмѣшиваться». Вопросъ въ томъ, гдѣ лежитъ тутъ граница.

КОНЕЦЪ.

УКАЗАТЕЛЬ

къ

«ПИСЬМАМЪ ОБЪ АНГЛІИ» ЛУИ БЛАНА.

(Римскія цифры означаютъ томы, а арабскія—страницы).

Австралія.—На международной выставкѣ II. 74.

Австрія.—На международной выставкѣ II. 74.

Агаръ и Пирсъ.—Сдѣлано ими воровство золотыхъ слитковъ на юго-западной желѣзной дорогѣ I. 106.

Александра (принцесса датская).—Предполагаемый бракъ ея съ принцомъ Уэльскимъ II. 193.

Альбертъ (принцъ-супругъ). — Смерть его I. 267; Оцѣнка его роли, какъ супруга королевы 268; оцѣнка его характера 270; его мнѣніе о томъ, какъ должна поступать королевская власть при смѣнѣ министерства 348.

Альмонте (генералъ).—Его роль въ Мексикѣ II. 235.

Альфредъ (принцъ). — Его кандидатура на греческій тронъ II. 229; популярность его кандидатуры въ Греціи 247; его положеніе если онъ приметъ Греческую корону 295; онъ отказывается принять греческій тронъ 335.

Амедей (принцъ). — Кандидатъ на греческій тронъ II. 231.

Англичане.—Оцѣнка ихъ характера I. 144; ихъ любовь къ королевѣ Викторіи 153; ихъ благоговѣніе передъ ихъ великими людьми 223; негодованіе, возбужденное въ нихъ дѣломъ о Trent 251; ихъ важное и торжественное положеніе при этомъ обстоятельстве 252; разборъ ихъ симпатій къ Южнымъ штатамъ Америки II. 241

Англія.—Ея любопытство относительно иностранных дѣлъ, особенно относительно того, что дѣлается во Франціи I. 14; она съ страстнымъ интересомъ слѣдитъ за движеніями въ Италіи 14; ея споры съ Китаемъ въ 1857 году 35; ея симпатіи къ Южнымъ штатамъ Америки 173; что она думаетъ о Франціи 204; ея желаніе, чтобы Франція снова возвратилась къ принципамъ конституціоннаго правленія 247; впечатлѣніе произведенное въ ней мемуаромъ Фульда о французскихъ финансахъ 244; ея печаль о смерти принца Альберта 268; ея желаніе найти въ дѣлѣ о Trent поводъ къ войнѣ съ Соединенными штатами 274; ея благоразумная политика до раздѣленія Сѣвероамериканскаго союза 274; ея снисходительность къ обидѣ, нанесенной капитану Вофану въ южныхъ штатахъ 275; ученіе о правахъ нейтральныхъ державъ, котораго она держалась до дѣла о Trent 284; практика ея согласная съ этимъ ученіемъ 285; еще ея симпатіи къ Южнымъ штатамъ Америки 298; ея аристократія желаетъ войны съ Соединенными штатами 305; досада возбужденная въ ней мирнымъ исходомъ дѣла о Trent 311; ея расположеніе признать Югъ 315; поворотъ общественнаго мнѣнія въ пользу мира съ Соединенными штатами 339; причины этого поворота 342; ея симпатіи къ Риказоли 361; ея нерасположеніе къ Ратацци 363; ея аристократія искусно пользуется прогрессомъ для своихъ цѣлей II. 84; почти всеобщее удивленіе къ Гарибальди 196; подлиски въ пользу Гарибальди и искусная тактика его противниковъ 197; почему она постоянно боится французскаго нападенія 228; ея нерасположеніе къ кандидатурѣ принца Альфреда на греческій тронъ 229; она измѣняетъ свои расположенія въ этомъ вопросѣ 248; разборъ того, что требуетъ ея интересъ 249; она восхищена предпочтеніемъ, оказаннымъ принцу Альфреду, хотя и увѣрена, что онъ откажется отъ греческой короны 296; она старается отдѣлять дѣло Южныхъ штатовъ отъ вопроса о невольничествѣ 342; отвѣтъ дублинскаго архіепископа Бичеръ-Стоу 343; Митинги въ пользу Сѣверныхъ штатовъ 353; Митингъ въ Лондонѣ 354—357; ея усилія для уничтоженія торговли невольниками 359; ея единодушіе въ вопросѣ объ уничтоженіи невольничества 360; энтузіазмъ вызванный романомъ «Хижина Дяди Тома» 360;

дѣйствіе произведенное войною между Сѣверными и Южными штатами 361; всеобщее увлеченіе дѣломъ Юга 361; софизмы придуманные для того, чтобы отдѣлить дѣло Юга отъ вопроса о невольничествѣ 363; дѣйствіе произведенное освободительною прокламаціею Линкольна 364; реакція въ пользу Сѣверныхъ штатовъ Америки 372.

Англо-французскій союзъ. — Условія необходимыя для его искренности и прочности I. 146.

Анна Болейнъ. — Процессія лорда мэра въ ея время I. 241.

Армстронгъ (сэръ Вильямъ). — Его пушка II. 18; опыты надъ нею 18.

Аспромонте. — Дѣйствіе произведенное въ Англіи новостью о пораженіи Гарибальди II. 162; статья Times и положеніе другихъ англійскихъ газетъ 163; статья Morning Star 164; измѣненіе мнѣній Daily Telegraph 165; общее мнѣніе о происшествіи при Аспромонте 165; побѣдитель при Аспромонте 166; подробности о пораженіи Гарибальди 172.

Ассоціація для содѣйствія прогрессу соціальной науки. — Ея основаніе, цѣль и способъ дѣйствія II. 83; ея раздѣленіе на пять отдѣловъ 83.

Athenaeum. — Опроверженіе лорда Норменби I. 235.

Ауклендъ (лордъ). — Генералъ-губернаторъ Индіи; онъ рѣшается низвергнуть Достъ Магомета, князя Афгановъ II. 52.

Ауренгъ-Зебъ. — Его побѣды надъ англичанами; его снисходительность и милость къ нимъ II. 58.

Ачоретъ. — Другъ Мадзини II. 197.

Балъ Кохранъ. — Нападеніе его на лорда Кларендона по поводу отказа отъ права осмотра I. 372.

Батесъ. — См. Джонъ Поль.

Бедфордскій герцогъ. — Его смерть I. 56; древность его рода 56; историческія воспоминанія связанныя съ его родомъ 56; его политическая роль 57.

Белланже. — На международной выставкѣ II. 74.

Бельгія. — На международной выставкѣ II. 74.

Беннетъ. — Авторъ музыки на поэму Теннисона II. 35.

Бенсъ (Эдуардъ). — Оппозиція его противъ вмѣшательства государства въ дѣло образованія I. 356.

Бентинкъ. — Разсказъ о сраженіи между Мониторомъ и Мерримакомъ въ палатѣ общинъ II. 12; его предложеніе 15.

Бернерсъ. — Онъ требуетъ мѣръ противъ браконьерства II. 134; предложенный имъ билль 135.

Библия. — Ея распространенность въ Англіи; «британское и иностранное библейское общество» и «общество религіозныхъ сочиненій» I. 18, 19.

Билль объ Индіи. — Главныя его постановленія II. 32.

Блекстонъ. — Его мнѣніе объ англійскомъ законодательствѣ относительно охоты II. 132; его мнѣніе о побочныхъ дѣтяхъ 161.

Блонденъ. — Успѣхъ его въ Англіи I. 80.

Боксеры или кулачные бойцы. — Любовь англичанъ къ мучительнымъ зрѣлищамъ I. 82; Генанъ и Сайерсъ 83; Масъ и Горстъ 83; борьба Сайерса и Генана II. 289; борьба Джемса Маса и Томаса Кинга 293.

Бонёръ (Роза). — На международной выставкѣ II. 77.

Борнсъ (сэръ Александръ). — Агентъ Англіи въ Афганистанѣ; онъ напрасно защищаетъ Достъ Магомета противъ подозрѣній лорда Аукленда II. 52; онъ протестуетъ противъ подлога въ его депешахъ 53.

Бослей. — Мнѣніе его противъ оставленія права блокады I. 375.

Ботлеръ (генералъ). — Въ Новомъ Орлеанѣ II. 81; его прокламація рѣзко порицаемая лордомъ Пальмерстономъ и осуждаемая лордомъ Росселемъ 82; обвиненіе противъ него напечатанное въ Times 202.

Брайтонъ. — Пріятный видъ города I. 164; митингъ въ пользу посредничества въ дѣлѣ о Trent 303.

Брайтъ. — Его уваженіе къ конституціи Соединенныхъ штатовъ I. 259; оцѣнка его ораторскаго таланта II. 45 онъ извиняется, что не можетъ присутствовать на митингѣ въ Индсѣ въ пользу избирательной реформы 253; ему принадлежитъ инициатива движенія въ пользу избирательной реформы 256; въ Бирмингамѣ 308; онъ обвиняетъ остъ-индскую компанію и ан-

глійское правительство въ томъ, что они не поощряли воздѣлываніе хлопка въ Индіи 309; онъ нападаетъ на невольничество и превозноситъ Сѣверные штаты за то, что они провозгласили его уничтоженіе у себя 312; неукротимый характеръ его гражданского мужества 339; его выговоры Англіи на банкетѣ въ Бирмингамѣ 341; его популярность 342.

Брекенъе. — Ихъ ковры на международной выставкѣ II. 73.

Брумъ (лордъ). — Основатель ассоціаціи для содѣйствія прогрессу социальной науки II. 83; его мнѣніе объ избирательномъ правѣ, даваемомъ недвижимой собственности 264.

Булгарисъ (Димитрій). — Президентъ временнаго правительства Греціи II. 246.

Бульверъ (сэръ Е. Литтонъ). — Сравненіе положенія преступника и бѣднаго содержимаго приходомъ съ положеніемъ свободнаго работника въ его книгѣ «England and the English» II. 282.

Бумага. — Уменьшеніе пошлины на нее; удовольствіе вызванное этой мѣрой I. 32.

Бѣдность. — Въ Лондонѣ II. 139; призракъ голода 140; Австралиецъ и маленькая дѣвочка 141; отчетъ доктора Лизби 143.

Бѣдные (законы о бѣдныхъ). — Нѣсколько словъ о «рабочихъ домахъ» I. 328; болѣзненный крикъ, вырвавшійся у Томаса Карлейли II. 377; пренія въ палатѣ общинъ 378; предложеніе Вильерса 379.

Вайтъ. — Партизанъ посредничества въ дѣлѣ о Trent I. 304.

Вальполъ. — Мнѣніе его объ отказѣ отъ права осмотра I, 373.

Вальтеръ. — Странное мнѣніе его по поводу Вилли о браконьерствѣ II 137,

Ватерфордъ (лордъ). — Его отвѣтъ избирателямъ Лондондерри просившимъ у него позволенія свободно подавать свои голоса II. 266.

Ваттель. — Его мнѣніе по вопросу о нейтральныхъ державахъ I. 282.

Вебъ (сэръ Джошуа). — Директоръ тюремъ; его защита освобождаемыхъ преступниковъ (ticket of leave men) II. 275 и 283.

Weekly Despatch. — Органъ партіи войны съ Соединенными штатами; ея статья о мирномъ исходѣ дѣла о Trent I. 318.

Wells (Джонъ). — Мэръ Лондона въ 1415 году I. 239.

Верди. — Его кантата не принятая комиссіею международной выставки II. 35.

Верне (Горасъ). — На международной выставкѣ II. 77.

«Вестминстерское обозрѣніе». — Оно нападаетъ на Essays and Reviews I. 22.

Видиль (баронъ). — Онъ обвиняется въ убійствѣ своего сына I. 98.

Вильерсъ. — Его предложеніе въ дополненіе къ закону о бѣдныхъ II. 379.

Викторія (королева). — Ея путешествіе въ Ирландію I. 152; энтузіазмъ къ ней англичанъ 152; оцѣнка ея характера 153.

Виндгамъ (Вильямъ Фридерикъ). — Чудовищный процессъ I. 330; исторія его 332; его любовь 334; его бракъ 335; его супружескія несчастія 335; его родственники хотятъ объявить его сумасшедшимъ 336; приговоръ въ его пользу 338.

Волонтеры. — Страсть англійскаго народа играть въ солдаты I. 42; серьезная сторона въ волонтерскомъ движеніи 46.

Воры. — Знаменитыя шайки ихъ въ Парижѣ II. 285.

Вофанъ (капитанъ). — Онъ оскорбленъ и избитъ въ Южныхъ штатахъ I. 275.

Всеобщая подача голосовъ. — Ея преимущества I. 300; условія необходимыя для нея 300; ея недостаточная организація въ Соединенныхъ штатахъ 300.

Вуль (генералъ). — Въ Норфолькѣ II. 81.

Выборы. — Какъ они производились въ Англіи до 1832 года II. 259; славное злоупотребленіе при выборахъ 261; улучшенія, произведенныя биллемъ о реформѣ 1832 года 262; необходимость новыхъ улучшеній 263; ограниченія избирательнаго права и ихъ результаты 263; лордъ Брумъ осуждаетъ ихъ 264; избиратели Лондондери просятъ у Маркиза Ватерфорда свободно подавать свои голоса 266; отвѣтъ его 266; зрѣлище, какое представляютъ выборы 266; избирательныя злоупотребленія сохраняющіяся при всей строгости закона 268; какимъ образомъ обходятъ положеніе закона 1834 года противъ избирательныхъ злоупотребленій 268; критика избирательнаго способа въ Англіи 269.

Выставка (международная 1862 года). — Приготовленія къ ней II. 21; королевская комиссія и ея члены 22; дворець для нея въ южномъ Кенсингтонѣ 24; приготовленія къ приему иностранцевъ въ Лондонѣ 26; комитетъ для приема иностранныхъ работниковъ 27; денежные расчеты королевской комиссії 28; распоряженіе о костюмѣ приглашенныхъ на открытіе выставки 30; цѣна за входъ 32; церемонія открытія 33; дурныя предзнаменованія 35; входъ официальныхъ посѣтителей 38; рѣчь лорда Гренвиля 38; музыкальная часть праздника 39; планъ зданія выставки 67; общій видъ внутренности зданія 70; трофеи 71; женевскіе музыкальные инструменты 72; ковры братьевъ Брекенъ 73; мебель и каминъ Фурдинэ 73; бронзовыя издѣлія Маршана 73; статуи Сивиллы и Клеопатры 75; Венера Джибсона 75; группа Петтера Молина; Венера Фрейкина 73; французская школа на выставкѣ 76; «источникъ» Ингра 76; Роза Бонеръ, Горасъ Верне, Ивонъ Белланже на выставкѣ 77; англійская школа 77; бельгійская школа 77; Бельгія, Австрія, Таможенный Союзъ, Австрія и Италія на выставкѣ 74; раздача наградъ 111; отчетъ лорда Таунтона 114.

Гайдъ-паркъ. — Митингъ въ честь Гарибальди; нападеніе ирландцевъ II. 188; кровавая драка 189.

Галл. — На международной выставкѣ II. 77.

Гальвини. — Шутливое различеніе между человѣкомъ и другими животными I. 14.

Гамильтонъ (Анна). — По бѣдности убиваетъ своего ребенка I. 327; приговоръ оправдавшій ее 328.

Гарибальди. — Статуя его на международной выставкѣ I. 72; при Аспромонте 162; чего онъ желалъ и къмъ былъ пораженъ 163; общая симпатія къ нему въ Англіи 165; онъ заключенъ въ Спецію; можетъ ли быть онъ преданъ суду и осужденъ 167; логическія послѣдствія его осужденія; сужденіе автора о его экспедиціи 168; мнѣніе англичанъ 169; его поведеніе при Аспромонте 172; его рана 173; его роль въ исторіи 174; оцѣнка его предпріятія 175; его письмо къ англійскому народу, осуждаемое Times 198.

Гароттеры. — См. ночныя нападенія.

Гартлей (каменноугольныя копи въ немъ). — Страшная катастрофа I. 324.

Генанъ. — Его битва съ Сайерсомъ I, 83; II. 289.

Генли (лордъ). — Онъ опровергаетъ билль противъ браконьерства II. 138.

Генрихъ V. — Приѣмъ, какой ему сдѣлали граждане Лондона въ 1415 году I. 239.

Гербертъ (лордъ). — Его смерть I. 131; оцѣнка его характера 131.

Гербертъ (полковникъ). — На митингѣ въ Трали II. 305.

Гилль (Ричардъ Гинесъ). — Его арестъ I. 182; его ребенокъ отданный нищей 183; поиски мадамъ Гилль 185; ребенокъ найденъ 185.

Гладстонъ. — Онъ предлагаетъ уменьшеніе пошлины на бумагу I. 31; уловка къ которой онъ прибѣгъ, чтобы устранить оппозицію палаты лордовъ 32 и 52; похвала его американцѣмъ 310; оцѣнка его политической карьеры II. 43; оцѣнка его ораторскаго таланта 45; его рѣчь на митингѣ въ Манчестерѣ 46; его похвала Джеферсону Дэвису 205; оцѣнка его характера 208.

Гласность. — Ея польза въ дѣлѣ благотворительности II. 346.

Говиттъ. — Его нападенія на рабство II. 376.

Гогартъ. — На международной выставкѣ II. 77.

Гогъ и Магогъ. — Гиганты въ Гилдъ Голлѣ I. 240.

Голль. — Его обвиняютъ въ умопомѣшательствѣ II, 344; его запираютъ въ домъ умалишенныхъ 345; его освобожденіе 346.

Гоппе (Бересфордъ). — Апологія Южныхъ штатовъ Америки II. 375.

Горстъ. — Его борьба съ Масомъ I. 83.

Госкингъ (управляющій пентонвильскою тюрьмою). — Его отчетъ о содержаніи преступниковъ II. 282.

Горсфалль. — Его предложеніе о правѣ осмотра I. 367 и 375.

Готфель. — Его сочиненіе о «Правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ державъ» I. 277 и 280.

Гренвиль (лордъ). — Его рѣчь при открытіи выставки 1862 года II. 38.

Греція. — Революція и кандидатура принца Альфреда на греческій тронъ II. 229; нерасположеніе англичанъ къ этой кандидатурѣ 229; другіе кандидаты на вакантный тронъ 231; кандидатъ больше всѣхъ не нравящійся Англіи 232; временное правительство 246; популярность кандидатуры принца Альфреда 247; причины этой популярности 247; мнѣніе *Revue des deux Mondes* о кандидатурѣ принца Альфреда 295; положеніе принца Альфреда, если онъ приметъ корону 295; карикатура *Punch* 296; отказъ принца Альфреда принять корону 335; положеніе Греціи опредѣленное трактатами 336; мирный и терпимый характеръ турецкаго владычества 338.

Гроцъ. — Его мнѣніе по вопросу о нейтральныхъ государствахъ I. 282.

Губиеръ. — Его мнѣніе по вопросу о нейтральныхъ государствахъ I. 282.

Гузманъ (Сеноръ). — Министръ финансовъ въ Мексикѣ II. 104; его переписка съ сэромъ Леноксомъ Уайкомъ 106.

Гукъ. — Предложеніе въ пользу народнаго образованія I. 355; оппозиція встрѣченная имъ 356.

Гэнсборо. — На международной выставкѣ II. 77.

Гардикъ. — Его симпатіи къ Южнымъ штатамъ Америки II. 205; его усилія заставить лорда Пальмерстона высказаться по американскому вопросу 209.

Гюдець. — На международной выставкѣ II. 76.

Гюго (Викторъ). — Юмористическій отзывъ объ архитектурѣ церкви Св. Павла II. 68.

Гюгсъ (Томасъ). — Его возраженіе на защиту кулачныхъ боевъ въ *Saturday Review* II. 292; его присутствіе на митингѣ въ Лондонѣ въ пользу Сѣверныхъ штатовъ 355; его колкость Масону 356.

Гюй (докторъ). — Его поведеніе въ дѣлѣ Голля II. 315.

Давидсонъ. — Онъ отрицаетъ необходимость вдохновенія для проповѣди религіозныхъ истинъ II. 150.

Daily-Telegraph. — Заслуги и успѣхъ этой газеты I. 33; его мнѣніе о войнѣ съ Соединенными штатами изъ-за дѣла

о Trent 301; его полемика противъ Temps 346; перемѣна въ его мнѣніяхъ о Гарибальди II. 165).

Де ла Круа (Ежень). — На международной выставкѣ II. 76 — 77.

Дерби (лордъ). — Его мнѣніе о занятіи Рима; его защита папства I. 15; его мнѣніе объ отказѣ отъ права осмотра 345; представленъ имъ очеркъ положенія рабочихъ Ланкашира 297; его рѣчь при открытіи сессіи 1863 года 366; онъ нападаетъ на уступку Греции Ионическихъ острововъ 368; онъ осуждаетъ признаніе Южныхъ штатовъ Америки до конца войны 372.

Децентрализація. — Ея излишекъ въ Англіи I. 171 и 226.

Дешевые газеты. — Ихъ заслуги, успѣхъ и вліяніе I. 32.

Джибсонъ (англійскій скульпторъ). — Его Венера на международной выставкѣ II. 75.

Джонсъ (Оуэнъ). — Его храмикъ для Венеры Джибсона II. 75.

Джонъ Поль, Страгамъ и Батесъ. — Банкротство и подлоги ихъ торговаго дома I. 104.

Дидро. — Его смѣлое опредѣленіе злаго человѣка II. 333.

Дизраели. — Его рѣчь въ пользу нейтралитета относительно Соединенныхъ штатовъ I. 146; онъ нападаетъ на лорда Пальмерстона II. 128; онъ защищаетъ церковные сборы 146; его рѣчь о церковныхъ сборахъ на митингѣ въ Эйлисбюри 147; его совѣты духовенству 149; его рѣчь при открытіи сессіи 1863 года 366; онъ нападаетъ на уступку Ионическихъ острововъ 370; онъ осуждаетъ признаніе Южныхъ штатовъ до конца войны 372.

Дольфи. — Его отвѣтъ лорду Норменби I. 232.

Доръ-Магометъ, эмиръ Синда. — Его смерть по разсказу маіора Утрама; судьба его сына II. 55.

Достъ-Магометъ, князь афгановъ. — Вѣрность его Англіи II. 52; какъ онъ былъ вознагражденъ за нее 53.

Drawing-Room. — Испытанія которыя нужно вынести, чтобы удостоиться чести его I. 158; каррикатура ихъ въ Punch 160.

Дублинскій архіепископъ. — Его отвѣтъ Бичеръ Стоу II. 343.

Дункомбъ (Томасъ). — Его смерть II. 251; его роль въ палатѣ общинъ 251.

Дунлопъ (капитанъ). — Конвенція, заключенная въ Вера Крузъ, съ Хуресомъ II. 102.

Дюбуа де Салинья. — Его роль въ Мексикѣ II. 237; его объясненіе съ генераломъ Примомъ по поводу прокламаціи, составленной послѣднимъ 240.

Дюплейкль. — Въ Индіи II. 60.

Дюпоръ. — Его мнѣніе о смертной казни I. 213.

Encyklopedie Metropolitaine. — Ея мнѣніе по вопросу о нейтральныхъ государствахъ въ статьѣ «Нейтралитетъ» I. 284.

Essays and Reviews. — Ажитация, возбужденная ихъ появленіемъ I. 18; характеръ ихъ и анализъ 19 и 20; ихъ авторы 21; ихъ историческое значеніе 22; одинъ изъ авторовъ обвиненъ епископомъ салисбурійскимъ 133; ихъ читалъ командиръ Trent, когда его захватилъ капитанъ Уильксъ II. 150.

Желѣзные дороги (несчастія на нихъ). — Несчастіе на желѣзной дорогѣ изъ Брайтона въ Лондонъ I. 166; на дорогѣ изъ Лондона въ Кэй 168; частое повтореніе подобныхъ случаевъ въ Англіи 169, причина ихъ—излишекъ централизаціи 171.

Журьэнъ де ла Гравьеръ (адмиралъ). — Упреки адресованные имъ мексиканскому правительству II. 110; его роль въ Мексикѣ 238.

Замакоа (Мануэль). — Глава мексиканскаго правительства II. 107; его отвѣтъ на протестацію Уайка противъ остановки платежа иностранныхъ долговъ 109.

Ивонъ. — На международной выставкѣ II, 77,

Ингръ. — Его «Источникъ» на международной выставкѣ II. 76.

Инсиланти. — Кандидатъ на греческій тронъ II. 231.

Ипсомъ; ипсомскіе скачки. — Самый главный праздникъ Англіи I. 59; отправленіе на скачки 60; картина скачекъ 62; возвращеніе со скачекъ 65.

Ирландія. — Вліяніе католицизма I. 364; выборы въ графствѣ Лонгфордъ 364; кандидатъ протестантскій и кандидатъ католическій 365; сцены насилій и драки 366; ея постоянная бѣдъ

ность П. 303; отказъ на просьбу о помощи въ палатѣ общинъ; случай съ О'Донахомъ 304; митингъ въ Трали 305.

Испанія. — Ея мнѣніе о мексиканской экспедиціи П. 89.

Иствикъ (капитанъ). — Его книга объ англійскомъ владычествѣ въ Индіи П. 54.

Италія. — Англія желаетъ единства Италіи I. 15. На международной выставкѣ П. 74.

См. кромѣ того Аспромонте и Гарибальди.

Ионическіе острова. — I. 28; Дерби противъ уступки ихъ П. 368; отвѣтъ Росселя 369; нападки на уступку ихъ Дизраели и возраженіе Пальмерстона 370.

Кавуръ (графъ). — Впечатлѣніе произведенное въ Англіи его смертію I. 67; оцѣнка его характера въ Times 67.

Канарисъ (Константинъ). — Первый вице-президентъ временнаго правительства въ Греціи П. 247.

Карлейль (Томасъ). — Болѣзненный крикъ, вырвавшійся у него по поводу положенія рабочихъ оставшихся безъ работы П. 377.

Кассъ (генералъ). — Предлагаетъ уничтоженіе блокадъ П. 211.

Кентъ (канцлеръ). — Его мнѣніе по вопросу о нейтральныхъ государствахъ I. 264.

Кингъ (Томасъ). — Его борьба съ Джемсомъ Масомъ I. 293.

Китай. — Его споръ съ Англіей въ 1857 году I. 35; споры въ англійскомъ парламентѣ по этому поводу 38.

Клайвъ (лордъ). — Въ Индіи; его ненавистная политика, вызвавшая негодованіе въ Англіи; палата общинъ объявила его невиннымъ; его смерть П. 61.

Кларендонъ (лордъ). — Его согласіе на прекращеніе права осмотра, данное на парижемъ трактатѣ I. 373.

Кобденъ. — Его мнѣніе по дѣлу о Trent I. 272; онъ нападаетъ на Пальмерстона П. 124; онъ предлагаетъ ажитацію въ пользу свободы морей 213; онъ нападаетъ на право блокады 216; оцѣнка его характера и таланта 220; его рѣчь въ Пючдэлѣ противъ признанія Южныхъ штатовъ Англіей 222; измѣненіе его понятій о французской имперіи 224; онъ осуждаетъ парламентъ за издержки, сдѣланныя въ виду французскаго нашествія 225; онъ

снова говорить въ Рочдэлѣ на ту же тему 226; опроверженіе его аргументовъ 227; его мнѣніе о великихъ государствахъ 233; онъ извиняется что не можетъ присутствовать на митингѣ въ Лидсѣ въ пользу избирательной реформы 253.

Юганъ (Вильямъ). — Казнь его I. 215; его преступленіе 216.

Конгрессъ (пароходъ). — Разбить Мерримакомъ П. 11.

Кониингамъ. — Партизанъ посредничества въ дѣлѣ о Trent I. 304.

Константъ (Бенжаменъ). — Разсказъ о пассажирѣ, брошенномъ въ море за то, что давалъ предостереженія капитану I. 245.

Конституція англійская. — Ея характеръ республиканскій но не демократическій I, 350.

Коста — Директоръ оркестра; онъ отказывается исполнять музыку Беннета и замѣняется Сентономъ П. 35.

Коули (графъ). — Депеши относящіяся къ мексиканской экспедиціи П. 87.

Кросби (майоръ). — На митингѣ въ Трали П. 305.

Кузнецы. — Праздникъ ихъ въ 1629 году I. 240.

Кумберлендъ (пароходъ). — Разбить Мерримакомъ П. 11.

Кюбиттъ. — Его кандидатура въ лордъ мэры I. 197; его противники 198; его мнѣнія 200; выборъ его 203; его посвященіе въ должность 240; его банкетъ 242.

Лабурдонне. — Въ Индіи П. 59.

Лалли Толендалъ. — Въ Индіи; его ошибки и его смерть П. 60.

Лампреди. — Его мнѣніе по вопросу о нейтральныхъ государствахъ I. 283.

Ланкастеръ. — Оппозиція англиканской церкви противъ его школъ взаимнаго обученія I. 354.

Ланкаширъ (работники въ немъ). — Бѣдствіе ихъ П. 210; причина его 211; отчетъ Фарналя 212; удивительное положеніе работниковъ 213; всякая система національной помощи имъ отвергается Монктономъ Милльзомъ 214; причина ихъ бѣдствій 215; изображеніе ихъ положенія лордомъ Дерби 297; деньги собранныя въ пользу по подпискѣ 298; митингъ въ Трали 305.

Лейсъ. — На международной выставкѣ П. 77.

Лейхтенбергскій герцогъ. — Бандидатъ на греческій тронъ II. 231.

Лейярдъ. — Его мнѣнія о сирійскомъ вопросѣ I. 24

Линдсей. — Его рѣчь и его предложеніе въ пользу посредничества между Сѣверными и Южными штатами II. 116.

Линкольнъ. — Отличное дѣйствіе произведенное его освободительной прокламаціей II. 353; благоразумное положеніе его при вступленіи въ президенство 373.

Лисби (докторъ). — Отчетъ о состояніи нравственности въ Лондонѣ II. 143.

Литтлтонъ (лордъ). — Директоръ отдѣла соціальной экономіи въ Ассоціаціи для содѣйствія прогрессу соціальной науки II. 84.

Lloyd's Weekly Newspaper. — Его мнѣніе о посредничествѣ, предлагаемомъ лордомъ Эбюри въ дѣлѣ о Trent I. 302.

Лондонское Сити. — Какъ оно раздѣлено I. 196; его альдермены и совѣтники 196; его внутреннія учрежденія 201.

Лондонъ. — Митингъ въ немъ въ пользу федералистовъ; характеръ произнесенныхъ на немъ рѣчей II. 358; резолюція принятая на немъ 359.

Лорансъ. — Арестъ его на бортѣ голландскаго судна I. 265.

Лорды (палата лордовъ). — Она противится уменьшенію пошлины на бумагу I. 31; ея претензіи на разсмотрѣніе бюджета 32 и 52; парламентскія нренія объ этомъ вопросѣ 53.

Лордъ-мэръ. — Его выборы I. 196; его официальные обязанности 197; его настоящая обязанность 198; его посвященіе 238; процессія при Аніѣ Болейнъ 241; банкетъ въ 1861 году 242.

Лоу. — Проектъ реформы народнаго образованія II. 4.

Луи Филиппъ. — Разсказъ лорда Норменби о его бѣгствѣ I. 235.

Льюисъ. — Его мнѣніе объ отказѣ отъ права осмотра I. 373; отвѣты его на требованіе обратить всѣ деревянные суда въ желѣзные II. 13; его предложеніе относительно церковныхъ сборовъ 147; онъ отвергаетъ всякое вмѣшательство въ пользу Южныхъ штатовъ 208; оцѣнка его характера 209.

Маврокордато. — Кандидатъ на греческій тронъ П. 231.

Магиръ. — Его мнѣніе по вопросу объ Ионическихъ островахъ I. 29.

Магогъ. — См. Гогъ.

Мадзини. — Его друзья въ Англіи П. 197; статья объ немъ въ Times 197.

Маду. — На международной выставкѣ П. 77.

Маколей. — Разсказъ объ опасностяхъ въ Пикадилли при Вильгельмѣ Ш. П. 271.

Макъ Адамъ. — Другъ Мадзини П. 197.

Макъ Кормикъ. — Она нападаетъ на домъ миссъ Анжелики Ридъ П. 350; ея осужденіе 351.

Макъ Лакланъ. — Обвиняется въ убійствѣ Джесси Макъ Ферсонъ П. 182; она обвиняетъ Флеминга 183; ея осужденіе; сомнѣнія въ ея виновности 185; требованіе новаго переслѣдованія 186.

Макъ Ферсонъ. — Убіеніе ея П. 181.

Маркезъ, — Его партизаны осуждаемые въ Times П. 95; презираемые Матью 99; ихъ преступленія 102.

Марси. — Онъ предлагаетъ свободу морей П. 211.

Мартенсъ. *Essai sur armateurs* I. 289.

Маршанъ. — Его бронзовыя издѣлія на международной выставкѣ П. 73.

Масонъ и Слидель (комиссары Юга). — Арестованіе ихъ на борту Trent I. 252; освобожденіе ихъ 309; колкость Гюгса Масону на митингѣ въ Лондонѣ П. 356.

Масъ. — Битва его съ Горстомъ I. 83; битва его съ Кингомъ П. 293.

Матью. — Обзоръ положенія Мексики П. 99; похвала Хуарезу 100; оцѣнка генерала Санта Анна 100; отъѣздъ его изъ Мексики 101.

Международное право (вопросъ о нейтральныхъ государствахъ). — Мнѣніе канцлера Кента I. 264; мнѣніе англійскихъ законовѣдовъ 264; мнѣніе американскихъ законовѣдовъ 264; мнѣніе лорда Росселя 272; мнѣніе Готфеля 277; мнѣнія Гроція, Ваттеля, Губнера и Лампреди 282; положенія трактатовъ 283;

миѣніе, какого держалась Англія до дѣла о Trent 284; миѣніе эдинбургскаго обозрѣнія 284; практика Англіи, согласная съ ея теоріей 285; миѣніе Encyclopedie Matropolitaine 284: предложеніе Горсфалля о правѣ осмотра 367 и 375; пренія объ немъ 368; заявленіе Уркгарта 369; лордъ Кларендонъ на парижскомъ трактатѣ соглашается отказаться отъ права осмотра 372; миѣніе Балли Кохрана 372; миѣніе Вальполя 373; миѣніе Льюиса 373; миѣніе Беслея 375; сужденія о вопросѣ 377; два противорѣчащія миѣнія Пальмерстона въ 1856 и 1862 году 379; Марси предлагаетъ свободу морей II. 211; генераль Кассъ предлагаетъ уничтоженіе блокадъ; Англія отказывается; слѣдствія ея отказа 212; рѣчь Кобдена въ пользу свободы морей 213; противъ права блокадъ 216; заявленіе Пальмерстона и Вильяма Пигта въ пользу удержанія права осмотра 219.

Мейерберъ. — Увертюра сочиненная имъ для выставки 1862 года II. 40.

Мейсонъе. — На международной выставкѣ II. 76.

Мексика (экспедиція въ нее). — Почему англичане отказались отъ совокупнаго дѣйствованія въ Оризабѣ II. 85; епеша Росселя къ графу Коули 86; депеши графа Коули 87; объясненія Тувенеля 87; Тувенель отвергаетъ всякую мысль навязывать Мексикѣ правительство 88; перѣшительное миѣніе Испаніи относительно вмѣшательства во внутреннія дѣла Мексики 89; англичане желаютъ чтобы Франція одна продолжала экспедицію 91; неудовольствіе возбужденное въ Соединенныхъ штатахъ вмѣшательствомъ Франціи во внутреннія дѣла Мексики 91; затрудненія и вѣроятные результаты иностраннаго вмѣшательства 92; правительство Хуареца 93; партизаны Маркеза, осуждаемые въ Times 95; исторія вмѣшательства трехъ державъ 96; инструкціи Уайку, представителю Англіи въ Мексикѣ 97; положеніе Мексики, избрженное Матью 99; правленіе Мирамона въ сравненіи съ правленіемъ Хуареца 99; генераль Санта Анна 100; владычество церковной партіи въ Мексикѣ: убійства и грабежи 101; конвенція заключенная въ Вера Крузѣ Хуарезомъ съ капитаномъ Дунапомъ 102; побѣда правительства Хуареца 102; законныя требованія Англіи и отвѣтъ на нихъ правительства Хуареца 102; прибытіе

сэра Леннокса Уайка въ качествѣ англійскаго уполномоченнаго 104; его переписка съ мексиканскимъ министромъ финансовъ 105 — 106; прекращеніе платежей по иностраннымъ долгамъ и протестъ Уайка 107; отвѣтъ мексиканскаго правительства 109; прекращеніе официальныхъ сношеній между англійскимъ уполномоченнымъ и мексиканскимъ правительствомъ 110; роль генерала Альмонте 235; роль Дюбуа де Салинья и Уайка 237; роль адмирала Жюренъ де ла Гравьера; расположенія генерала Прима 238; взгляды Росселя; проектъ прокламаціи сочиненный генераломъ Примомъ 239; анекдотъ по поводу публикаціи этой прокламаціи 239.

Мерримакъ (пароходъ). — Битва его съ Мониторомъ П. 10; дѣйствіе произведенное этою новостью въ Англіи 10; онъ разбиваетъ въ дребезги Конгрессъ и Кумберландъ 11.

Милль (Джонъ Стюартъ). — Его мнѣніе о политической жизни въ Соединенныхъ штатахъ I. 300; его книга объ истинныхъ принципахъ представительнаго правленія П. 257.

Мирабо. — Его мнѣніе о правѣ охоты П. 132.

Молинь (Шведскій скульпторъ). — Его «группа дерущихся» на международной выставкѣ П. 76.

Мониторъ (пароходъ). — Битва его съ Мерримакомъ П. 10; его строитель 10; объясненіе его названія 10.

Монктонъ Милнзъ. — Онъ отвергаетъ всякую систему національной помощи работникамъ Ланкашира П. 214.

Монроэ. — Изложеніе его доктрины П. 92.

Монтень. — Его мнѣніе о неуваженіи къ Библии и объ ея профанаціи I. 19; качества, которыхъ онъ требуетъ отъ замужней женщины 153.

Моріарти (епископъ). — На митингъ въ Трали П. 305.

Morning Post. — Органъ лорда Пальмерстона: его ложь въ дѣлѣ о Trent I. 313.

Morning Star. — Заслуги и успѣхи этого журнала I. 33; его мнѣніе о войнѣ съ Соединенными штатами по поводу дѣла о Trent 301; его статьи о пораженіи Гарибальди при Аспромонтѣ П. 164 — 165.

Морскія силы Англіи. — Состояніе ихъ въ 1862 г. П. 14.

Мюррей и Робертсъ. — Тайнственное дѣло I. 102; любопытныя подробности 116; приговоръ присяжныхъ 119.

Мэнъ (сэръ Ричардъ), начальникъ полиціи. — Анекдотъ по поводу входа его на международную выставку II. 69.

Народное образованіе. — Опозиція религіозныхъ сектъ I. 353; предложеніе доктора Гука 355; оппозиція, какую оно встрѣтило 356; вмѣшательство государства, допущенное подъ формою компромисса 356; смѣшанная система принятая въ Англіи 357; ея печальные результаты 359; предлагаемыя реформы 360; школы въ Англіи II. 1; финансовое вмѣшательство государства 5; предложеніе Лоу 6; оппозиція религіозныхъ сектъ 8

Невольничество въ Соединенныхъ штатахъ. — Мнѣніе Сандерса I. 175; принципъ войны между Сѣверомъ и Югомъ 179; освободительная прокламація Линкольна II. 353 и 364

Нейтральныя государства. — См. международное право.

Нетерпимость протестантская. — Произвольный арестъ Брадлофа I. 134.

Норманъ. — Какъ она отразила нападенія воровъ II. 23.

Норменби. — Портретъ его I. 228; его книга: годъ революціи въ Парижѣ 230; эта книга вызвала смѣхъ въ Англіи 231; его клеветы на итальянскую революцію и опроверженіе ихъ Дольфи 231; его защита герцога Моденскаго 233; разсказъ его о бѣгствѣ Луи Филиппа 253; его опроверженіе въ *Athenaeum* 253.

Ночныя нападенія. — Небезопасность Пикадилли при Вильгельмѣ III — II. 271; увеличеніе числа нападеній въ 1862 году 272; бездѣйствіе полиціи 273; причина ихъ 274; освобожденные преступники (*ticket of leave men*), защищаемые сэромъ Джошуа Веббомъ 275; рекомендуемыя средства 277; гароттеры 278; ужасъ наведенный ими на Лондонъ 280; опасность увеличивается 284; печальные результаты подобнаго положенія 286; разсказы о новыхъ нападеніяхъ 287—288; кулачное искусство рекомендуемое въ *Saturday Review*, какъ средство противъ гароттеровъ 290; возраженіе въ *Spectator* 291; страшное увеличеніе числа ночныхъ нападеній 300; жители Лондона вооружаются 300.

Оберъ — Большой маршъ сочиненный имъ для выставки 1862 года II. 40.

О'Донохъ. — Ирландскій членъ въ палатѣ общинъ П. 304; обиженный сэромъ Робертомъ Пилемъ онъ посылаетъ ему вызовъ; обиды ему въ англійскихъ газетахъ 304; его поведение на митингъ въ Трали 306.

О'Коннелъ (Джемсъ). — Его положеніе на митингъ въ Трали П. 306; нападки на него О'Сюлливана 306.

Освобожденные преступники. — Ticket of leave men въ Англіи П. 274; ихъ защита сэромъ Джошуа Веббомъ 275.

Остѣндская компанія. — Учрежденіе ея П. 57; ея успѣхи и несчастія 58; данныя ей привилегіи 59; ея первоначальная организація и измѣненія введенныя въ нее парламентомъ 62; актъ объ Индіи 1853 года 63.

Остѣндскія владѣнія Англіи. — Война въ Афганистанѣ П. 51; подлогъ въ денешахъ сэра Борнса 53; результатъ этой войны 53; осужденіе англійской политики въ Индіи капитаномъ Иствикомъ 55; трагическая исторія эмировъ Синда 55; начало англійскаго владычества въ Индіи 57; посольство ко двору въ Дели; излеченіе Могола англійскимъ медикомъ; привилегіи данныя англичанамъ 59; успѣхи и потери французовъ въ Индіи 59 — 60; ненавистная политика англичанъ завладѣвшихъ Индіей 61; управленіе Индіей по акту 1853 года 63.

Осборнъ. — Его предложеніе по поводу битвы Мерримакъ съ Мониторомъ П. 15.

О'Сюлливанъ. — На митингъ въ Трали 305; онъ нападаетъ на Джемса О'Коннеля 307.

Охота (право охоты). — Одна изъ причинъ крестьянской войны П. 130; его уничтоженіе во Франціи въ 1789 году 132; первое ограниченіе сдѣланное этому праву въ Англіи 132; результаты новаго законодательства 133; лордъ Бернерсъ требуетъ мѣръ противъ браконьерства 134; предложенный имъ билль поддерживается лордомъ Дерби 134; парламентскія пренія; оппозиція либеральной партіи 135; статья въ Spectator 136; странное мнѣніе Вальтера; вотированіе билля; оппозиція лорда Генли и Стэнли 137—138.

Пакингтонъ (сэръ Джонъ). — Директоръ отдѣла воспитанія въ Ассоціаціи для содѣйствія прогрессу соціальной науки П. 84;

защитникъ церковныхъ сборовъ 146; требуетъ посредничества въ сѣвероамериканскихъ дѣлахъ, или признанія Юга 205.

Паллавичино. — Его поведеніе при Аспромонте II. 172—173.

Пальмерстонъ. — Его положеніе въ китайскомъ вопросѣ I, 38; его пораженіе въ палатѣ общинъ 38; его триумфъ на выборахъ 45; оцѣнка его характера 114; губернаторъ пяти портовъ 147; оцѣнка его политики 150; его двусмысленное поведеніе въ дѣлѣ о Trent 113; подлогъ въ депешахъ 314; его мнѣніе въ пользу невмѣстательства въ сѣвероамериканскія дѣла 340; странная защита подлоговъ сдѣланныхъ имъ въ депешахъ 343; его противорѣчащія мнѣнія въ 1856 и 1862 году относительно права осмотра 379; онъ обѣщаетъ пріостановить работы по сооруженію фортовъ II. 15; его неодобреніе прокламаціи Боттера 82; его политическая карьера 123; на него нападаетъ Кобленъ 124; секретъ его ораторскаго могущества 126; на него нападаетъ Дизраели 128; его благоразумная скрытность по сѣвероамериканскому вопросу 209; его мнѣніе объ удержаніи права осмотра 219; онъ противится дуэли между сэромъ Робертомъ Пилемъ и О'Донехомъ 304; онъ защищаетъ уступку Ионическихъ острововъ 370.

Пальмеръ. — Медигъ отравитель I. 105.

Паризъ. — *Histoire diplomatique de la Monarchie en Grèce* II. 338.

Парламентъ. — Открытіе сессіи 1863 года II. 365; рѣчи лорда Дерби и Дизраели 366,

Паскаль. — Его мнѣніе о человѣчествѣ I. 19.

Пентонвильская тюрьма. — Содержаніе преступниковъ II. 282.

Пибоди. — Пожертвовано имъ 110.000 ф. ст. бѣднымъ Лондона II. 10 и 141.

Пиль (сэръ Робертъ). — Онъ отвергаетъ существованіе бѣдности въ Ирландіи II. 303; онъ оскорбляетъ О'Донеха и отказывается отъ дуэли съ нимъ 304.

Пирсъ. — См. Агаръ.

Питтъ. (Вильямъ). — Онъ заставляетъ принять India bill II. 62; заявленіе его объ удержаніи права осмотра 219.

Побочныя дѣти. — Положеніе ихъ по французскому гражданскому кодексу II. 155; положеніе ихъ по англійскому законодательству 156 — 157; какъ поступали съ ними афиняне, римляне, готы, франки 160; мнѣніе Блэкстона; странный ком-промиссъ англійскаго закона 161.

Прикащики, въ магазинахъ. — Угрожавшая имъ опасность сдѣлаться солдатами I. 48; протесты англійскихъ дамъ въ ихъ пользу 50.

Примъ (генералъ). — Его роль въ Мексикѣ II. 238; его проэктъ прокламаціи 239; объясненіе съ Дюбуа де Салины по поводу этой прокламаціи 240.

Проповѣдники (англійскіе). — Условія требуемыя епископомъ рочестерскимъ I. 190; общій характеръ ихъ краснорѣчія 192; проповѣдники на открытомъ воздухѣ 195.

Рисунѣ. — Рисунокъ, изображающій пріемъ во дворцѣ I. 160; каррикатура по поводу дѣла о Trent 273; каррикатура по поводу кандидатуры принца Альфреда на греческій престолъ II 296.

Пять портовъ (управленіе ими). — Исторія этого учрежденія I. 47.

Ратаици. — Причины нерасположенія къ нему въ Англіи I. 363.

Редпатъ. — Воровство и подлоги въ компаніи оѣверной желѣзной дороги I. 108.

Рейнгольдъ. — На международной выставкѣ II. 77.

Реформа избирательная. — Смерть одного изъ самыхъ ревностныхъ ея бойцовъ II. 251; пробужденіе движенія въ пользу реформы и митингъ въ Лидсѣ 252; Брайтъ, Кобденъ и Россель извиняются что не могутъ присутствовать на немъ 253; несправедливость и опасность исключенія изъ участія въ выборахъ рабочихъ классовъ 253; почему реформа не требуется настоятельно 254; страхъ аристократіи предъ всеобщей подачей голосовъ и ненависть ея къ Брайту 256.

См. кромѣ того Выборы.

Ридъ (миссъ Корделія Анджелика). — Нападеніе на ея домъ II. 350.

Риказоли. — Симпатія къ нему Англіи I. 362.

Робертсъ. — См. Мюррей.

Робизонъ. — Нападеніе и осада дома П. 351.

Робукъ. — Онъ защищаетъ Австрію на счетъ Венеціи I. 16; онъ обвиняетъ короля итальянскаго въ желаніи уступить Франціи островъ Сардинію 139; его похвалы Австріи 140; его характеръ 141.

Россель (лордъ Джонсъ). — Онъ произведенъ въ пэры I. 110; его высокое положеніе въ Англіи 111; услуги оказанныя имъ дѣлу парламентской реформы 111; оцѣнка его характера 114; мнѣніе его по вопросу о нейтральныхъ государствахъ 272; онъ объявляетъ себя въ пользу нейтралитета относительно сѣвероамериканскихъ дѣлъ 341; онъ осуждаетъ мысль о французскомъ посредничествѣ въ Соединенныхъ штатахъ П. 81; мнѣніе его о прокламаціи генерала Ботлера 82; директоръ отдѣла Юриспруденціи въ Ассоціаціи для содѣйствія прогрессу соціальной науки 34; его депеша къ графу Коули относительно мексиканской экспедиціи 86; важность, которую онъ придаетъ обязательству не вѣшиваться во внутреннія дѣла Мексики 88; его инструкціи относительно Мексики 97; онъ извиняется что не можетъ присутствовать на митингѣ въ Лидсѣ 253; онъ защищаетъ уступку Ионическихъ острововъ Греціи 369.

Роупелль (Вильямъ). — Его исторія П. 151; его положеніе предъ судомъ присяжныхъ 155; его процессъ 155; его признанія 157.

Роупелль (Ричардъ). — Процессъ его о возвращеніи имѣнья обманомъ проданнаго его братомъ П. 159.

Роупелль (Ричардъ Пальмеръ). — Его исторія П. 156 и слѣд.

Рочдэлъ. — Банкетъ въ немъ I. 259.

Рочестерскій епископъ. — Условія, какихъ онъ требуетъ отъ проповѣдника I. 190.

Руссо (Жанъ Жакъ). — Сцена съ Давидомъ Юомъ П. 315.

Руфосъ (Бенизелло). — Второй вицепрезидентъ временнаго правительства въ Греціи П. 247,

Рыбный обѣдъ. — Происхожденіе этого обѣда I. 136

Садлеръ (Джонъ). — Членъ парламента; его самоубійство и его воровство I. 105.

Сайерсъ. — Его битва съ Генаномъ I. 83. П. 289.

Санта Анна (генералъ). — Сужденіе объ немъ Матью П. 100.

Saturday Review. — Совѣты объ умѣренности въ дѣлѣ о Trent I 253; защита кулачныхъ боевъ П. 290; защита невольничества 365 и 374.

Святки въ Англіи. — 323; пантомимы 324; обѣды и танцы 326.

Сельденъ. — Его Mare clausum I. 266; его мнѣніе по вопросу о нейтральныхъ государствахъ 878.

Семплъ (докторъ). — Его поведение въ дѣлѣ Голя 315; его осужденіе 316.

Сирія (сирійскій вопросъ). — Безпокойство Англіи относительно ея I. 23; дебаты въ англійскомъ парламентѣ по поводу ея 23; различныя мнѣнія о вопросѣ 24.

Слиддель. — См. Масонъ.

Смертная казнь. — Казни въ Англіи I. 211; мнѣніе объ ней автора 212—215; мнѣніе Дюпора 213.

Собственность (право собственности). — Исторія миссъ Корделіи Анжелики Ридъ П. 350; нападеніе на домъ миссъ Робинзонъ 351; англійскій законъ 352.

Соединенные штаты (война между Сѣверными и Южными штатами). — Демократы и республиканцы I. 174; слѣдствія по оженіи федеральнаго правительства относительно невольничества 176; истинный принципъ войны 179; раздраженіе вызванное симпатією Англіи къ Югу 299; недостаточная организація всеобщей подачи голосовъ 300; благоразуміе федеральнаго правительства въ дѣлѣ о Trent 309; идея французскаго посредничества нашла сочувствіе въ Англіи, но и отвергается многими П. 78; мнѣніе Times 80; генералъ Ботлеръ въ Новомъ Орлеанѣ 81; генералъ Вуль въ Норфолькѣ; генералъ Фремонтъ въ Миссури 81; мысль о французскомъ посредничествѣ осуждается Росселемъ 81; недовольство возбужденное мексиканскою экспедиціей 92; необходимость посредничества защищаемая въ палатѣ общинъ,—рѣчь Линдсея 115—116; предложеніе Линдсея отвергнуто палатою общинъ 119; пристрастіе приверженцевъ Юга въ Англіи 201; об-

виненія противъ генерала Ботлера, напечатанныя въ Times 202; разборъ этихъ обвиненій 202; Пакингтонъ требуетъ посредничества или признанія Юга; благоразумное положеніе англійскаго министерства 205; рѣчь Льюиса въ Герсфордѣ 207; осторожность лорда Пальмерстона 209; Кобденъ противъ признанія Юга 220; разборъ симпатій Англіи къ Югу 241; отличное дѣйствіе произведенное въ Англіи освободительной прокламаціей Линкольна 253; лордъ Дерби и Дизраели противъ признанія Юга 372.

Spectator. — Статья о биллѣ противъ браконьерства П. 136; шуточный отвѣтъ на странную мысль Вальтера 137; возраженіе на защиту кулачныхъ боевъ въ Saturday Review 292.

Спенсѣ. — Защищаетъ Южныя штаты П. 375.

Стансфильдъ. — Другъ Мадзини П. 197.

Стачки. — Стачка въ Престонѣ въ 1854 году I. 74 и 84; стачка каменщиковъ въ Лондонѣ въ 1861 году 75 и 90; характеръ стачекъ въ Англіи 84; ихъ результаты 87; средство противъ нихъ 96; разговоръ автора съ однимъ рабочимъ 121.

Стоу (Гарриетъ Бичеръ). — Жалобы ея на равнодушіе англичанъ къ дѣлу Сѣверныхъ штатовъ I. 172; ея письмо къ Дублинскому архіепископу П. 342; энтузіазмъ вызванный въ Англіи романомъ «Хижина Дяди Тома» 360.

Страгамъ. — См. Джонъ Поль.

Стратфордъ (Радкливъ). — Его мнѣніе о сирійскомъ вопросѣ I. 25.

Стэнли (лордъ). — Директоръ отдѣла общественнаго здравія въ Ассоціаціи для содѣйствія прогрессу соціальной науки П. 84; его оппозиція противъ билля о браконьерствѣ 137.

Сьюардъ. — Отвѣтъ его на жалобы Англіи по поводу дѣла о Trent I. 310.

Таможенный Союзъ. — На международной вставкѣ П. 114.

Таунтонъ (лордъ). — Его отчетъ о наградахъ на международной выставкѣ П. 114.

Тейлоръ. — Другъ Мадзини П. 197.

Temps. — Возраженіе Daily Telegraph I. 346; отвѣтъ на это возраженіе 348.

Теннисонъ. — Его поэма на открытіе выставки 1862 года П. 35; мнѣніе объ этой поэмѣ 40.

Times. — Статья о сирійскомъ вопросѣ I. 26; характеръ и вліяніе этой газеты 27; статья о смерти графа Кавура 67; органъ досады, возбужденной мирнымъ рѣшеніемъ дѣла о Trent 311; крикъ страха вырвавшійся у ней по поводу битвы Мерри-мака съ Монигоромъ П. 14; ея аргументы въ пользу французскаго посредничества въ Соединенныхъ штатахъ 80; она побуждаетъ Францію одну продолжать мексиканскую экспедицію 91 и 94; сужденіе ея о партизанахъ Маркеза 95; она поддерживаетъ билль противъ браконьерства 134; перемѣна въ ея мнѣніяхъ 172; статья о Мадзини 197; она осуждаетъ письмо Гарибальди къ англійскому народу 198; жалобы на генерала Ботлера 202.

Трали. — Митингъ въ Трали 305.

Трелавни. — Предложеніе его уничтожить церковные сборы П. 144.

Trent (дѣло о немъ). — Арестъ Масона и Слиделя, комиссаровъ Юга I 252; негодованіе англичанъ 252; чѣмъ вызвано это негодованіе 262; разсмотрѣніе вопроса 263; начнетъ ли Англія войну? мнѣніе Daily Telegraph 301; мнѣніе Morning Star 301; совѣтъ о посредничествѣ лорда Эбюри 301; совѣтъ одобряется въ Lloyd's Weekly Newspaper 302; онъ же поддерживается на митингъ въ Брайтонѣ 303; Кониингамомъ и Вайтомъ 304; англійская аристократія желаетъ войны 305; вѣроятный миръ вслѣдствіе благоразумія федеральнаго правительства 309; освобожденіе Масона и Слиделя 309; досада возбужденная въ Англіи мирнымъ рѣшеніемъ этого вопроса 311; двусмысленное поведеніе въ этомъ дѣлѣ лорда Пальмерстона 314.

Трубочисты (праздникъ ихъ). — Начало его П. 31.

Тувенель. — Объясненія данныя имъ англійскому посланнику по поводу мексиканской экспедиціи П. 87; его заявленіе, что Франція не имѣетъ ни малѣйшаго желанія навязывать Мексикѣ какую нибудь форму правленія 88.

Турнеръ. — На международной выставкѣ П. 77.

Уайкъ (сэръ Ленноксъ). Заявленіе его въ пользу Хуареза П. 97; инструкціи ему 97; приѣздъ его въ Мексику въ каче-

ствѣ уполномоченнаго и враждебное отношеніе его къ правительству Хуареца 104; его переписка съ мексиканскимъ министромъ финансовъ 106; его протестъ противъ прекращенія платежей по иностраннымъ долгамъ 107; его роль въ Мексикѣ 237.

Уголовный кодексъ. — Увеличеніе количества преступленій П. 328; англійская уголовная система 329; матеріальное положеніе преступника 331; нужно наказывать или лечить? 331.

Уилькзъ (капитанъ). — Мнимое оскорбленіе англійскому флагу I. 251; разборъ его поведения 262.

Умопомѣшанные. — Процессъ Голля П. 313; англійское законодательство 316.

Уркгартъ. — Его мнѣніе объ отказѣ отъ правъ осмотра 345 и 369; его догадки о бракѣ принца уэльскаго П. 194; оцѣнка его характера 195.

Утрамъ (майоръ). — Его разсказъ о смерти Дора Магомета, эмира синдскаго П. 55.

Уэльскій принцъ. — Планы о его бракѣ: статья Times П. 191; выборъ принцессы датской и комментаріи Уркгарта 194; объясненіе Times 194.

Фарналь. — Его отчетъ о положеніи бумагопрядильныхъ рабочихъ въ Англіи П. 212.

Фландренъ. — На международной выставкѣ П. 76.

Флемминъ. — Его роль въ убійствѣ Джесси Макъ-Ферсонъ П. 180; онъ арестованъ 182, оправданъ, но обвиняется Макъ Лахланъ 183.

Фоукъ. — Авторъ плана выставки 1862 года П. 25; шутка на его счетъ жителей Южнаго Кенсингтона 69.

Форстеръ. — Его краснорѣчивыя слова на митингъ въ Брадфордѣ П. 353.

Франція. — Она распространяетъ блескъ на другіе народы I. 13; мало интересуется иностранными дѣлами 14.

Фрейкинъ. — «Бельгійскій скульпторъ: его «Венера выходящая изъ моря» на международной выставкѣ П. 76.

Фремонъ (генералъ). — Въ Миссури П. 81.

Фульдъ. — Впечатлѣніе произведенное его мемуаромъ о французскихъ финансахъ I. 244.

Фурдинэ. — Его мебель и каминъ на международной выставкѣ П. 73.

Хуарезъ. — Его правленіе П. 97; похвала ему отъ Матью 100; конвенція заключенная съ капиталомъ Дунлопомъ 102; его отвѣтъ на требованіе Англіи 102.

Церковныя сборы. Предложеніе уничтожить П. 144; оппозиція консерваторовъ 146; различныя предложенія и митингъ въ Эйлисбюри 147—148.

Чай. — Любовь къ нему англичанъ I. 30; увеличеніе его потребленія въ Англіи 30; онъ долженъ былъ уступить бумагѣ 31.

Чорчи. — Защита вмѣшательства государства въ дѣло народного образованія I. 356.

Шекспиръ. — Различныя мнѣнія о профессіи его отца I. 220; домъ гдѣ онъ родился 220; продажа сада 222; его завѣщаніе 225.

Шефферъ. — На международной выставкѣ П. 77.

Шолефильдъ. — На банкетѣ въ Бирмингамѣ П. 308; онъ требуетъ, чтобы Англія признала Южные штаты.

Эбюри (лордъ). — Онъ предлагаетъ отдать на посредничество рѣшеніе дѣла о Trent I. 301.

Эдинбургское обозрѣніе. — Статья о Essays and Reviews I. 21; мнѣніе по вопросу о нейтральныхъ государствахъ 284.

Эльджинъ. — Его рѣчь на праздникѣ открытія художественной выставки I. 34; оправданіе поступка Англіи съ Китаемъ 35.

Эрикссонъ (капитанъ). — Строитель Монитора П. 10.

Юмъ (Давидъ). — Сцена съ Ж. Ж. Руссо П. 315.
